

ISSN 2075-7794 | 2017 | Vol. 34 | Is. 6

ВЕСТНИК

КАЛМЫЦКОГО ИНСТИТУТА ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ РАН

BULLETIN OF THE KALMYK INSTITUTE FOR HUMANITIES OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

«*Вестник*» Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН

BULLETIN OF THE KALMYK INSTITUTE FOR HUMANITIES OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

Published since 1963
ISSN 2410-7670 (online version)
ISSN 2075-7794 (print version)

The Journal was registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom,
Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor) on July 1, 2009.
Registration number PI No. FS77-49346

2017. Vol. 34. Iss. 6
Published six times a year

Editor-in-Chief:

Ph. D. of Philology *V. Kukanova*

Deputy Editor-in-Chief:

Ph. D. of History *U. Ochirov*

Editorial Council:

Acad. of the RAS *G. Matishov* (Chairman — Rostov-on-Don, Russia),
Corr. Member of the RAS *S. Arutyunov* (Moscow, Russia), Ph. D. of History *M. Balzer* (USA),
Acad. L. Bold (Mongolia), Ph. D. of History *N. Bugai* (Moscow, Russia),
Ph. D. of Jurisprudence *D. Demichev* (Belarus), Ph. D. of Economics *O. Inshakov* (Volgograd, Russia),
Ph. D. of Philology *M. Magomedov* (Makhachkala, Russia), Ph. D. of History *K. Maksimov* (Elista, Russia),
Ph. D. of History *I. Popova* (Saint-Petersburg, Russia), Ph. D. of History *Na. Sukhebaatar* (Mongolia),
Ph. D. of Philology *Chao Gejin* (China), Ph. D. of History *D. Schorkowitz* (Germany),
Acad. of RAE, Ph. D. of Pedagogy *P. Erdniev* (Elista, Russia)

Editorial Board:

Corr. Member of the RAS *Kh. Amir Khanov* (Makhachkala), Corr. Member of the RAS *B. Bazarov* (Ulan-Ude),
Ph. D. of Jurisprudence *L. Batiev* (Rostov-on-Don), Ph. D. of History *N. Zhukovskaya* (Moscow),
Ph. D. of Philology *G. Piurbayev* (Moscow), Ph. D. of History *V. Trepavlov* (Moscow)
Ph. D. of Sociology *G. Denisova* (Rostov-on-Don), Ph. D. of Sociology *N. Dulina* (Volgograd)

Ph. D. of History *E. Badmaeva*, Ph. D. of History *E. Bakaeva*,
Ph. D. of Philology *T. Basangova*, Ph. D. of Philology *E. Bembeev*,
Ph. D. of Philosophy *B. Bicheev*, Ph. D. of Economics *E. Mantaeva*,
Ph. D. of Philology *D. Muzraeva*, Ph. D. of Sociology *A. Ovshinov*,
Ph. D. of Philology *E. Omakaeva*, Ph. D. of Pedagogy *B. Salaev* (Elista, Russia)
S. Mirzaeva (executive secretary)

The Editorial Board and Publisher's address:
8, Ilshkin Street, Elista, 358000, Republic of Kalmykia.
Phone No. (84722) 3-55-06, (84722) 3-55-39; Fax No. (84722) 2-37-84.
E-mail: vestnik.kigiran@gmail.com
Home page: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

CONTENTS

HISTORY	
World History	<i>Ariunbaigal B.</i> A Translation and Study of the Mongolian Khan's Edicts in the Goryeosa (1270–1280) 2
	<i>Zheleznyakov A.</i> The Mongolian Civilization: on the Scales of History 37
National History	<i>Zayarny S., Ochirov U.</i> The 110 th Separate Kalmyk Cavalry Division in the Defensive Battles for Don River Crossings and Its Role in the Rescue of Some Southern Front Units in the Summer of 1942 43
Ethnology	<i>Tyukhteneva S.</i> Livestock Breeding Magic of Present-Day Altaians 62
	<i>Batoeva D.</i> Migrations of Mongolian-Speaking Tribes from Transbaikalia to Manchuria 71
LINGUISTICS, LITERARY & FOLKLORE STUDIES	
Linguistics	<i>Krylov S.</i> Mongolian Analytical Word Forms: an Effort of Quantitative Research 79
	<i>Mazarchuk A.</i> Common Lexis for Headgears and Adornments in Khalkha, Buryat, and Kalmyk 94
	<i>Mushaev V., Abdullayev S.</i> Aspects of Polysemy in Turkic and Mongolic Languages (Evidence from Kalmyk and Uighur Languages) 103
	<i>Badagarov J.</i> Word-Stress Patterns in Mongolic Languages 111
Folklore Studies	<i>Chao Gejin.</i> UNESCO's Ethical Principles for Safeguarding Intangible Cultural Heritage: Interpretative Reading and Commentary Review 117
	<i>Taya Dava.</i> The Epic of Jangar: a Reason for Studying the Decline of the Oral Tradition 131
	<i>Damrinjab Ba.</i> Collection and Publication of Oirat Folk Tales of Xinjiang: a Brief Historical Review 138
	<i>Mandzhieva B.</i> 'Khar Yalzn Mörtä Khadr Khar Ayyin Khan Sönäk' (<i>Khadyr Khara Avgi Khan Senaki Who Rides a Black Horse with a Star</i>): Studies of the Kalmyk Heroic Tale Recorded from Sandzhi Butaev Revisited 150
Literary Studies	<i>Tsengel Q. G.</i> Interpretation of the Newly Discovered Uighur-Mongolian Inscription on the Arshan Cliff 160
	<i>Mirzaeva S.</i> Some Aspects of Grapho-Phonetic Interference in Mongolian Translated Texts (Evidence from the Mongolian translation of <i>Ārya Bhadracarya Prañidhāna Rāja</i>) 167
	<i>Muzraeva D.</i> <i>The Sutra of the Wise and the Fool</i> : Another Look at the Plots (Evidence from the Oirat Manuscript Translation of <i>The Sea of Parables</i> by Thog-med bka'-bcu) 178
SOCIOLOGY	
	<i>Graivoronsky V.</i> Populations of Mongolia and the Republic of Kalmykia (Russia): Changes in the Living Standards between 2000 and 2015 186
REVIEW	
	<i>Savelli D.</i> Book review: <i>Doržieva G. Š. Buddizm Kalmykii v veroispovednoi politike gosudarstva (seredina XVII – načalo XX vv.) [Kalmyk Buddhism in the confessional politics of the government (mid-17th century to early 20th century)]</i> . Elista, Kalmyk State University Press, 2012, 203 p. ISBN 978-5-94587-506-7. 194
	<i>Trofimova S.</i> Book review: <i>Tsoneva L. Names and persons. Key names in media discourse. Veliko Tarnovo, 2017, 196 p.</i> 196

Copyright © 2017 by the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

Published in the Russian Federation
 Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
 of the Russian Academy of Sciences
 Has been issued since 2008
 ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
 Vol. 34, Is. 6, pp. 2–36, 2017
 DOI 10.22162/2075-7794-2017-34-6-2-36
 Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 94

A Translation and Study of the Mongolian Khan's Edicts in the *Goryeosa* (1270-1280)

Boldbaatar Ariunbaigali ¹

¹ Postgraduate Student, National University of Mongolia (Ulaanbaatar, Mongolia). E-mail: ariunbaigali@num.edu.mn

Abstract. The *Goryeosa* is the principal source of official Korean history (정사. 正史) critical to studying that period of history and including data on politics, economy, society, culture, and biographies of public figures of the Goryeo Dynasty. Therefore, wide ranges of studies have been done on *Goryeosa* in South Korea such as history study, manuscript analysis, literature study and culture studies.

Our scholars have studied the *Goryeosa* in great detail, e. g. in such works as *Correspondent Letters of Mongolia and Korea between the 13th and 14th Centuries* by B. Sumiyabaatar, *Tradition of Communication between Mongolia and Korea* by B. Lkhagvaa, etc.

There is a lot of information and facts related to Mongolia in the *Goryeosa*, and when it comes to certain figures, one can mention 136 letters sent from Mongolia to Goryeo and 171 letters sent from Goryeo to Mongolia from 1218 to 1294 included into the *Goryeosa*'s 'Sega' Section identified by Sc. D. B. Sumiyabaatar in his research. The present articles examines 620 communication letters and other related information and facts of the two countries recorded between the years 1270 to 1280, and shows additional detailed studies of the *Goryeosa* to be conducted by Mongolian scholars are significantly required.

The paper aims to insure letters and edicts sent by the Great Khan of the Mongol Empire to the Goryeo Kingdom by stressing information and facts related to Mongolian language, culture, historical monuments, politics and foreign relations as described in the *Goryeosa*'s 'Sega' Section (1270–1280) which contains important information about the history and culture of the Middle Ages of not only Korea but also those of Mongolia.

The mentioned 'Sega' Section (1270–1280) contains a total of 620 documents related to Mongolia of which 34 ones are edicts and records about the edicts sent by the Mongolian Great Khan to Goryeo, of which 16 papers in Chinese and 18 ones contain their related information.

The titles indicate edicts sent to Goryeo's King by the Mongolian Great Khan during the period under consideration can be divided into two main sections, namely: firstly, letter documents, and, secondly, edicts or instruction edicts.

The five edicts of the total 34 edicts are referred to as 'edicts' or '*shengzhi* (聖旨)' in an ancient Korean copy of the *Goryeosa*. The others are referred to as 'letters' in the original. This is based on an ancient Korean hardcopy since we have no Mongolian copy of the edicts. Therefore, this research leads us to reclaim what edicts and letters in the dynastic period actually are, including their forms and distinctiveness.

Several dozens of communication and official letters related to different periods of Mongolian history have survived as real hardcopies and indirect copies. The documents transcribed by the Mongolian Great Khan and his royal princes can be deliberated by categorizing as of edicts, words, letters and authorized passages. This explains what the king's edicts are, i. e. letters and written transcripts in relation to our subject.

The edict is “a decree and resolution issued by the Great Khan in Mongolian is 'zarlig', while a direction and decree by other king's royalty, queens, heads of regions, ministers and officials is called 'word', and this can be viewed as the uniqueness of chancellery recording of the Dai Yuan Dynasty which expands around 100 years from the declaration of the Dai Yuan Empire by Kublai Khan in 1260 to Toghon Temur Khan's leaving Daidu in 1368”.

Edicts of Mongolian Kings begin with “*Under the Eternal Universe's Power*” and the translation of the word in Chinese is 上天眷命; the phrase is commonly used in all edicts and letters once passed in the written form under administration of the Great Yuan Empire.

The Dai Yuan Empire's Khan's edicts were called differently — 'shengzhi' (聖旨) and 'zhao' (詔), and this was strictly observed. 'Shengzhi' is a Chinese translation of the word 'edict' from Mongolian, while 'zhao' means 'edict' as originally written in Chinese.

The above mentioned edicts had been originally written in Mongolian or square script, and were later translated into Chinese. However, there is no Chinese translation of the phrase “*Under the Eternal Universe's Power*” which is written in beginning of the Mongolian Khan's edicts. Except for this, considering whether the original Mongolian edict was translated to Chinese raises the question where the original Mongolian hardcopy is. Also, these are not full length edicts and their indirect data drawing our major interest. This might be explained in connection with the Square Script. The letter of January - 'black dog day' — 1273 notes that “... the King has received the Huangdi's letter brought by Yuan Empire's ambassador, but it was written in newly created Mongolian script and there was no person to translate, thus, the Mongolian ambassador provided contents description”. The newly created Mongolian script is certainly the Square Script. The Square Script had been created in 1269, and from that period onward the edicts and orders were written in Square Script, not in the traditional Mongolian script. This can be found in late Korean information source: “*There are two types form in Mongolian script. One is called Uigurjin (Mongolian script) while another one is Durvuljin (Square Script). In the early time, the Square Script (Durvuljin) was used in letter and official documents and Mongolian script was used in running every day matters*”. The edicts of Kublai Khan on spreading of the Square script provided a very clear paragraph about it: “*Any jade stamp and issued edicts should be written in new Mongolian script (square script) and attach other national script with it*”. Thus, from here we may draw an assumption that the edicts studied here had been sent to Goryeo not only written in Square Script, written in Chinese, and the edicts noted in the *Goryeosa* may have direct reflection of that.

Examining the edicts sent to Goryeo by the Mongolian Great Khan from 1270 to 1280 included in the *Goryeosa* and among them the edicts submitted in 1273, one can clearly see all of them were indirect implications. From this perspective, the edicts subject to our study here can be separated into three categories by their contents, namely the edicts with their contents fully noted, the edicts with contents not fully noted in Chinese and only briefly noted contents, and the edicts with contents not noted at all.

a) The edicts with contents fully noted or as full Chinese source. Edicts of this type number 16. On those could not see content's general form and phrase words of Mongolian official document uniqueness of that time period. It can be explained as followed.

1. From the Kublai Khan's period, the Great Khan's edicts begin with “*Under the Eternal Universe's Power, with Great Ingenious Benevolence Khan's Edicts this is*”, i. e. the three rows of firm phrases, and on the above edicts these phrases are absent.

2. These edicts were written as 'zhao' (or 'letter') in Chinese that raises the probability of them having been written in Chinese from the start.

Based on these, the edicts discussed here were noted in the *Goryeosa* not as Mongolian original script but rather written keeping content and compositing Korean sources form by breaking the Chinese script's distinctiveness.

b) The edicts with contents not fully noted, and only brief content noted in Chinese original. These types of edicts number 13 within the scope of our study. This can be explained by that as firstly the edict's content and importance were not so high therefore it was probably just briefly noted.

Nonetheless, one cannot deny the connection between the introduction of Square Script or new script and the fact that the Great Khan's letters had not been fully recorded. At least two of the Mongolian Great Khan's letters were received a year, and as was mentioned previously the letters sent from January of 1273 to August of 1274 and received during this a year and seven month period,

i. e. the six Grand Khan's letters, were not fully noted in the source and only its content was written and this draws great interest.

c) The ambassador came to Goryeo from Mongolia, and we found four records about the contents of the letters which were not noted but only described the arriving date of the ambassador in Goryeo and how the Grand Khan's letter was brought and received. These letters may be connected to the reputation and sore truth of history of the Goryeo dynasty. If the above mentioned information existed, the King's transcript minister should have at least briefly noted the content of the letter, not mentioning writing in full. Whereas, it was not noted at all and this attracts significant interest.

This may be explained, in some way, in connection with Yan Seongji (양성지, 梁誠之)'s proposition of: "The "Goryeosa" have many notes about protest and unrest and describes bare truth in many instances ... protests and unrests were not only in the previous dynasty, it is present in any country at any generation, he underlined that the Goryeo dynasty cannot be compared with land owned by under Chinese medieval royals, and this should not be reason of the point of the matter, even "The History of Yuan" is spread by the Ming dynasty, the Goryeosa should not be held and not spreading, if there is something not to be exposed there is a way to distribute leaving sensitive sections" ... in 1451, the Goryeosa was ready but for long time it had not been announced, and the government was demanded to announce it many times in the year 1469.

Keywords. *Goryeosa* (*History of the Goryeo Dynasty*), Mong. *Guulin ulsyn sudar*, Mongolian Khanate, Kublai Khan, decree (Mong. *zarlig*), charter (Mong. *zuu bichig*)

Оршил

«Guulin улсын судар» бол Солонгосын албан түүх (정사, 正史)-ийн нэг бөгөөд Корйё (Guulin)¹ улсын улс төр, эдийн засаг, нийгэм, соёл, төр нийгмийн зүтгэлтнүүдийн намтар зэргийг багтаасан, тухайн үеийн түүхийг судлахад хамгийн чухал тулгуур сурвалж юм. Тиймээс ч БНСУ-д «Guulin улсын судар»-ыг түүх судлал, эх бичиг судлал, утга зохиол судлал, соёл судлал зэрэг тал талын асар их судалгаа хийсэн байдаг.

«Guulin улсын судар»-ыг манай эрдэмтэн судлаачид чамгүй судлажээ. Тухайлбал, Б. Сумьяабаатарын «XIII–XIV зууны Монгол Солонгосын харилцааны бичгүүд», Б. Лхагваагийн «Монгол Солонгосын харилцааны уламжлал», Ц. Цэрэндоржийн «XIV зууны сүүлч үеийн Зүүн Азийн олон улсын байдал ба Умард Юань-Корёгийн харилцаа», Г. Эрдэнэчимэгийн «Монгол Солонгосын харилцаанд төрийн ураг барилдлагын гүйцэтгэсэн үүрэг (XIII–XIV зуун)»,

¹ 918–1392 оны хооронд Солонгосын хойгт оршиж байсан төрт улс. Бид энэхүү өгүүлэлд X зууны үеэс дэлхий нийтэд танигдах болсон “고려 (高麗)” улсыг «Корйё», эл улсын түүх болох “고려사 (高麗史)”-г «Guulin улсын судар» хэмээн тэмдэглэв. Ер, монголчууд эрт үеэс Солонгосыг «Гаули улс, Гуулин улс», «Кори», «Солонго», «Солонгос», «Солхо» гэж хэд хэдэн янзаар нэрлэж ирсэн тухай доктор Б. Сумьяабаатар «XIII–XIV зууны Монгол Солонгос харилцааны бичгүүд»-дээ онцолсон байдаг.

түүнчлэн 2016 онд бидний нийтэлсэн «Guulin улсын судар» өгүүлэл зэрэг болно.

«Guulin улсын судар»-г Монголтой холбоотой мэдээ баримт их бий бөгөөд түүнээс зарим нэг тоо баримтыг онцлох авас «Guulin улсын судар»-ын «Сурвалжит гэр»-ийн 1218–1294 оны хэсэгт холбогдох мэдээнд Монголоос Корйёд илгээсэн 136 захидал бичиг, Корйёгөөс Монголд илгээсэн 171 захидал харилцааны бичиг буйг доктор Б. Сумьяабаатар судлан гаргасан байдаг [Б. Сумьяабаатар 1978; 2015] бол бидний судалгаагаар 1270–1280 онд холбогдох мэдээнд 2 улсын харилцааны бичиг болон бусад холбогдох мэдээ баримтууд 620 орчим буйгаас үзэхэд манай эрдэмтэн судлаачид «Guulin улсын судар»-ыг нарийвчлан судлах нэн шаардлагатай нь харагдаж байна.

Тус өгүүлэлд Солонгос төдийгүй, дундад зууны Монголын түүх, соёлын талаарх чухам мэдээ зангийг агуулдаг «Guulin улсын судар»-ын «Сурвалжит гэр»-ийн 1270–1280 оны хэсэгт буй манай улсын хэл, соёл, түүх дурсгал, улс төр, гадаад харилцаатай холбоотой мэдээ баримтыг шүүн, тэдгээрээс Корйёд илгээсэн Монголын их хааны жуу бичиг, зарлиг заавруудыг нягталж үзэхийг зорилоо.

Монголын их хаан Корйё улсын ванд илгээсэн зарлигийн бичгүүд (1270–1280)

«Guulin улсын судар»-ын «Сурвалжит гэр»-ийн 1270–1280 оны хэсгийг шүүн үзэхэд Монголтой холбоо бүхий нийт 620 орчим мэдээ тэмдэглэгдэн үлдсэн байна.

Эдгээрийн дотор 1270–1280 онд Корйө улсад илгээсэн Монголын их хааны нийт 34 зарлигийн бичиг (Үүнд зарлиг, сургах зарлиг, жуу зэргийг хамтатган зааж буй агаад тэдгээрийг цаашид нийтэд нь зарлигийн бичиг гэх болно.) болоод зарлигийн бич-

гийн тухайт мэдээ тэмдэглэгдэж хоцорчээ. Тэдгээрийн 16 нь Монголын их хааны зарлигийн бичгийн нанхиад эх бол 18 нь тэдгээрийн тухайт мэдээ байна. Тус зарлигийн бичгүүдийг оны дэсээр доор хүснэгтлэн харуулав.

Монголын тухайт мэдээний ангилал		1270	1271	1272	1273	1274	1275	1276	1277	1278	1279	1280	Нийт
1	Монголын их хааны зарлиг, жуу бичиг	4	5	2		1	1	1			1	1	16
2	Монголын их хааны зарлигийн бичгийн тухайт мэдээ		1		5	1	2	4		3		2	18

Хүснэгт 1. 1270–1280 оны Корйө улсад илгээсэн Монголын их хааны зарлигийн бичгийн он дарааллын задаргаа

Хүснэгт 1-ээс үзэхэд 1270–1280 оны хооронд Монголын их хаан Корйө улс руу илгээсэн зарлигийн бичгүүдийн зарим нь л бүрэн эхээрээ эртний солонгос ханзаар үлдсэнийг мэдэж болохоор байна. Харин зарим хэсэг нь бүрэн эхээрээ бус, зөвхөн тэдгээрийн тухайт мэдээ төдийгөөр үлдсэн нь судлан буй зарлигийн бичгийн агуулга,

ач холбогдол, нууцлал зэрэгтэй холбоотой болохыг «Гуулин улсын судар»-ын оршил хэсгээс нягталж болмой [дэлгэрүүлэн үзнэ үү: Гадаад хэл соёл судлал 2016; Гуулин улсын судар 2016: 15–26; Хань Жөнхый 2008 (한정희, “국역고려사 1, 세가1”, 서울, 경인문화사, 2008)].

№	Он	Билгийн тооллын жил	Сар	Өдөр	Баримтын хэлбэр	Товч агуулга	Солонгос эх буй эсэх		
							тйим	дам	үгүй
1	1270	Цагаан морин жил, 11-р он	Өвлийн адаг сар	Хөхөгчин туулай	Жуу	Хуанди ванд өрнөдийн торго, цаг тооны бичиг буулгасан тухай.	√		
2					Жуу	Корйө улсын ванг «Чиний улс хэдүй жижиг авч бүтэн улсын ван гэдэг нь тодорхой тул бүхий л шагнал шийтгэл болон зөв бурууг чил шүүн, шийдэх нь зүй болно. Хэрэв хуанди-д муу зүтгэх аваас гавьяа байгуулсугай хэмээн өрсөлдөх хүн маш олон...» хэмээн анхааруулсан тухай.	√		
3					Жуу	Бослого үймээнээс болгоомжилж, ард иргэдээ хамгаалахыг сануулсан тухай	√		
4					Жуу	Корйө улсын засгийн газрыг эх газар руу шилжүүлэхийг ухуулсан тухай.	√		

№	Он	Билгийн тооллын жил	Сар	Өдөр	Баримтын хэлбэр	Товч агуулга	Солонгос буй эсэх			
							тийм	дам	үгүй	
5	1271	Цагаагчин хонин жил, 12-р он	Хаврын тэргүүн сар	Шарагчин туулай	Жуу	Элчийг газарчлан Японд хүргэх, түүнийг буцаж иртэл далайн эрэгт цэрэг суулгах тул тус хугацаанд шаардлагатай цэргийн хэрэгслийг бэлдэн нийлүүлэх тухай.	√			
6	Хаврын адаг сар		Улаан бар	Жуу	Корйё улсад албан тариалангийн цэрэг илгээж, хожим Япон руу довтлохоор төлөвлөсөн тухай.	√				
7	Хаврын могой		Харагчин могой	Жуу	Вангийн гүрнээ айлчлахыг түдгэлзүүлсэн тухай.	√				
8	Зуны эхэн сар		Улаагчин могой	Жуу	Ванг 6000 цэрэг татаж, Чиньдо-г эзэл хэмээсэн тухай.	√				
9	Зуны адаг сар		Улаан бич	Жуу	Хуанди ванг хэлсэн үгэндээ эзэн бол хэмээн сургасан тухай.	√				
10	Намрын эхэн сар		Улаан бар	Жуу				√		
11	1272		Хар бичин жил, 13-р он	Зуны эхэн сар	Цагаан бар	Зарлиг	Япон руу элчээр очиж гавьяа байгуулсан хүмүүсийг өндөр албанд дэвшүүл хэмээсэн тухай.		√	
12	Өвлийн адаг сар			Хөхөгчин хонь	Жуу	Юань улс Чэжү-г дайлахаар ванд 6000 цэрэг, 3000 усчин шалгаруул хэмээн зааварласан тухай.	√			

№	Он	Билгийн тооллын жил	Сар	Өдөр	Баримтын хэлбэр	Товч агуулга	Солонгос буй эсэх		
							тийм	дам	үгүй
13	1273	Х а р а г ч и н тахиа жил, 14-р он	Хаврын тэргүүн сар	Хар нохой	Жуу	Юань улсын элчийн авч ирсэн жууг шинэ зохиосон монгол үсгээр бичсэн тул тайлах хүн байсангүйд элч Им Йүгань-д «хүрэн баавгайн арьс ол» гэсэн утгатай гэж шивнэсэн тухай.		√	
14			Хаврын дунд сар	Хөхөгчин тахиа	Жуу	«Юань улсын цэргүүд сүм хийдэд үймээн шуугиан дэгдээхийг хориглон, лам хуврагуудыг сэтгэл амар байж, бурхны номоо айлдахтун» гэсэн тухай.		√	
15				Улаан бич	Жуу	«Хиньдү нарыг Т _х амра-руу захирагчаар томилсон.»		√	
16				Жуу	«Юань улсын цэргүүд бүсгүйчүүлийг шивэгчин болгож буйг хориглосон, Корйө улсыг зэвсэг хийхийг зөвшөөрсөн» тухай.		√		
17			Зуны дунд сар	Хар бич	Жуу	Юань улс их хатан болон тайжийг өргөмжилснөө элч илгээн мэдүүлсэн тухай.		√	
18	1274	Хөх нохой жил, 15-р он	Зуны дунд сар	Цагаан хулгана	Жуу	Газар тариаланг дэмжиж цэргийн хүнс нөөцөл хэмээсэн тухай.		√	
19			Намрын дунд сар	Шарагчин могой өдөр	Жуу	Хуанди Корйө улсын угсаа залгамжлагчийг ван суурь залган, албаа гүйцэтгэ хэмээн зарлиг буулгасан тухай.	√		
20	1275	Хөхөгчин гахай жил, 16-р он	Зуны дунд сар	Хөх нохой	Жуу				√
21			Зуны адаг сар	Улаан луу	Жуу	Урьд Т _х амра-д бослого самуун гаргаад, жү хйөнъ руу зайлан нуугдагсдыг ялаас чөлөөлсүгэй гэсэн тухай.		√	
22			Өвлийн эхэн сар	Цагаан нохой	Жуу	Корйө улсын Ван овогтынхон овог дотроо худ ураг холбодог явдал зүйд үл нийцэх, бидэнтэй ураг холбо, албан тушаалын нэршлийг зас хэмээсэн тухай.	√		

№	Он	Билгийн тооллын жил	Сар	Өдөр	Баримтын хэлбэр	Товч агуулга	Солонгос буй эсэх		
							тийм	дам	үгүй
23	1276	Улаан хулгана жил, 17-р он	Хаврын тэргүүн сар	Улаагчин үхэр	Жуу	Цаг тооны бичиг буулгасан тухай.	√		
24			Зуны дунд сар	Хөхөгчин могой	Сургах зарлиг	Ванг гүрнээ айлчлахыг түр түдгэлзүүлсэн тухай.		√	
25			Намрын адаг сар	Цагаан бич	Жуу	Өршөөх зарлиг буулгасан тухай.		√	
26			Өвлийн эхэн сар	Хөх хулгана	Зарлиг	Ван, гүнж нарын гүрнээ айлчлах товыг 5 сард болгосон, цэргийн хангамжийн талаар зарлиг буулгасан тухай.		√	
27				Шар луу	Жуу				√
28	1278	Шар барс жил, 19-р он	Хаврын тэргүүн сар	Хар хулгана	Жуу	Цаг тооны бичиг зарлан тунхагласан тухай.		√	
29			Хаврын дунд сар	Шарагчин туулай	Жуу				√
30			Хаврын адаг сар	Хөх морь	Зарлиг	Ванг гүрнээ айлчлах зарлиг буулгасан тухай.		√	
31	1279	Шарагчин туулай жил, 20-р он	Хаврын тэргүүн сар	Хөхөгчин туулай	Жуу	Цаг тооны бичиг зарлан тунхагласан тухай.	√		

№	Он	Билгийн тооллын жил	Сар	Өдөр	Баримтын хэлбэр	Товч агуулга	Солонгос буй эсэх		
							тийм	дам	үгүй
32	1280	Цагаан луу жил, 21-р он	Хаврын адаг сар	Шар морь өдөр	Жуу	Хятад газрын гүнъ болон харьяа улсаас дутаасан цэрэг, уйгурчууд дураар мал нядлахыг хориглосон тухай.		√	
33			Намрын дунд сар	Цагаагчин гахай	Сургах зарлиг	Ванг гүрнээ айлчлах зарлиг буулгасан тухай.		√	
34			Өвлийн адаг сар	Цагаагчин туулай өдөр	Жуу	Корйё улсын ван, сайд түшмэдийг шагнасан тухай мэдээ.	√		

Хүснэгт 2. 1270–1280 онд Корйё улсад илгээсэн Монголын их хааны зарлигийн бичгийн товч агуулга, хэлбэр, он дараалсан задаргаа, «Гуулин улсын судар»-т эх үлдсэн эсэх ангилал.

Дээрх баримтууд одоогоор манай түүхийн судалгааны эргэлтэд харахан орсон зүйл үгүй. Бид энэ удаа 1270–1280 оны хооронд Монголын их хаан Корйё улсын ванд илгээсэн зарлигийн бичгүүдийг судлахдаа Тон-а их сургуулиас эрхлэн гаргасан «Гуулин улсын судар»-ыг эх хэрэглэгдэхүүн болгон ашигласан бөгөөд судлан буй зарлигийн бичгүүдийн монгол эх үгүй тул эртний солонгос эхийг голчлон баримталсан болно. Өгүүлэн бүхүй зарлигийн бичгүүдээс хэсэгчлэн БНСУ-ын эрдэмтэд сурвалж судлал, хэл шинжлэлийн үүднээс судалсан судалгааны бүтээлүүд цөөнгүй [Паг Йёнрог 2014; Паг Йёнрог 2013; Ко Мёнсү 2006; И Гайсөг 2014]² ба монгол хэлээр орчуулан гаргасан зүйл одоогоор байхгүй болохыг дурьдах нь зүйтэй болов уу.

² 朴英錄, “高麗史”에 수록된 蒙元 公文의 用語와 翻譯에 대한 검토, 大東文化研究 제 85 집, 2014. 元代八思巴文獻研究導論, 충주대학교, 2009. “高麗史” 蒙古直譯體白話牒文二篇의 解釋의 研究, 中國言語研究 제 44 輯 2013. 고명수, “高麗史” ‘世家’ 중 몽골 관계 기사 역주 1, 한국중세사연구 제21호, 2006. 이개석, “高麗史” 元宗 忠烈王 忠宣王세가 중 元朝關係記事의 研究, 동양사학연구, 제88집, 2004.

Зарлигийн бичгүүдийн эртний солонгос эх ба монгол орчуулга

1. 1270 оны өвлийн адаг сарын хөхөгчин туулай өдрийн жуу бичиг 1

“頃承世嫡來展壽儀雖歲事之有常見敬心之無替宜申寵錫用 勤誠今賜卿西錦一段及曆日.”

«Хэдэн жилийн өмнө Корйё-гөөс ван хөвүүн³ ирээд надад бараалхсан билээ. Тэр бол хэдүй жил бүр уламжлал болсон хэрэг боловч намайг хүндэтгэх сэтгэл нь хувиршгүй гэдгийг ойлгомуй. Зүй ёсоор буян хишиг соёрхож тэрхүү үнэнч сэтгэлийг нь хариулахын тул баруун газрын торго 1 толгой хийгээд цаг тооны бичгээршагнав.»

2. 1270 оны өвлийн адагсарын хөхөгчин туулай өдрийн жуу бичиг 2

“陪臣元傅等奏陳頭輦哥國王行省官等擾害數事今使對辨皆是不實。復言非卿親所聞見得之他人此殆非出卿意若輩小人所爲。曩者卿嘗謂朕：‘毋聽小人之言。’朕諭之曰：‘朕於小人之言或曾誤聽第朕不自知卿慎勿聽也。’自今觀之卿亦聽小人之言寧非顯然若輩小人又陳說前代故事暨祖宗法度雖有前代故事或卿祖宗法度豈無善與不善當擇其善者從之其不善者改之可也朕於卿

³ Угсаа залгамжлах хөвүүн Ван Шим (왕심.王諶. Чхүрйөл ван).

豈肯用不善之心?若欲用不善之心當在去年矣。如前年有人言高麗與南宋日本交通嘗以問卿卿惑於小人之言:‘以無有。’爲對今年却有南宋商船來卿私地發遣迨行省致詰始言不令行省知會是爲過錯。又見有將到日本國歸附高麗人說:‘往者日本歲貢高麗。’又前年卿承當括兵造船至今未見成效托於林衍擅權事非由己。朕若此後再用小人卿寧復指以爲辭?卿國雖小卿亦是一國之王黜陟威福或是或非當自己出。如專任不善之人則不善之事止及卿身。天道悠遠事之未來者人孰預知就人事論之若輩小人於卿猶擅廢立於卿子孫豈肯盡心輔佐?朕與卿既爲一家籍我國家之力以威遠人自茲以往或南宋或日本若有事則兵馬戰艦資糧宜早措置儻依前託辭以營辦爲難則爭效成功之人甚衆。卿其思之。”

«Чиний түшмэл Вөнбү (원부. 元傅) нарыг Тоуньянгэ Го ван (두려국가왕. 頭輦哥國王) болон Явах яамны түшмэл (행성관. 行省官) Корйөд хэд хэдэн төвөгтэй хэрэг үүсгэсэн гэж илтгэсэнд, эдүгээ нүүрэлдүүлж байцаасны дүнд бүгд үнэний оргүй болох нь илрэв. Тэд бас, тэр хэргийг чамайг өөрөө сонсож, харсан хэрэг бус өөр хүнээс сонссон гэж өчсөн тул, үнэндээ бол чиний санаа биш тэр багачуудын худал үг ажгуу. Урьд чи надад “Өчүүхэн хүмүүсийн үгийг бүү сонс.” гэж зөвлөсөнд би ч гэсэн “Миний бие урьд өчүүхэн хүний үгийг сонсож алдаа гаргаснаа үл санамуй. Хойшид чи үргэлж болгоомжилж, өчүүхэн хүний үгийг бүү сонсогтун.” хэмээн ухуулсан билээ. Гэтэл одоо бодоход чи өөрөө ч гэсэн өчүүхэн хүний үгийг сонссон хэрэг нь илэрхий бус уу?

Тэр багачууд ч гэсэн бас л эртний хууль дүрэм, эцэг өвгөдийн хууль ёсыг удтал ярих нь эртний хууль дүрэм, танай эцэг өвгөдийн хууль ёс буй хэдий ч түүнд ч гэсэн сайн муу зүйл яахин үгүй билээ? Түүн дотроос сайныг нь авч, саарыг нь засах нь зүй буйзаа. Мөн би бээр хэрхэн чамд муу санаа өвөрлөсөн байх билээ. Хэрэв тийм байсан аваас аль хэдийн тохирох арга хэмжээ авах байсан бизээ. Өнгөрсөн жилийн хувьд, хэн нэгэн нь “Корйө улс Өмнөд Сүн болон Японтой харилцаж баймуй.” гэхийг сонсоод үнэн эсэхийг чамаас асуусан билээ. Гэтэл чи багачуудын үгэнд мунхран, тийм зүйл огт байхгүй гэж хариулсан бөлгөө.

Энэ жил Өмнөд Сүнгийн худалдааны хөлөг Корйө-д очиход нь чи биднээс далдуур буцаачихаад Явах яамнаас хэл ам гаргахад л сая нэг Явах яаманд үл мэдүүлсэн буруугаа хүлээв. Мөн биднээ дагаар орсон

корйө иргэн Япон руу явна гэхээр нь уулзсанд, дээр үед япончууд Корйө-д жил бүр алба барьдаг байсан хэмээн үнэнийг өчив. Бас ноднин чи цэргийн хүч татан байлдааны хөлөг хийх үүрэг авсан хэрнээ одоо хүртэл гүйцээж чадаагүйн дээр Им Йөнъ (임연. 林衍) эрх мэдлээ дураар ашигласны улмаас миний санаснаар болсонгүй хэмээн шалтаг тоочиж баймуй. Хэрэв би хожим өчүүхэн хүн дахин томиллоо гэхэд чи яахин дахиж тэр хэргийг зааж хэлж чадахсан билээ?

Чиний улс хэдүй жижиг авч бүтэн улсын ван гэдэг нь тодорхой тул бүхий л шагнах яллах хийгээд зөв бурууг чи л шүүн, шийдэх нь зүй болно. Хэрэв муу хүмүүст гагц эрх мэдэл өгсөн бол бурууг нь зөвхөн чи л үүрэх болой. Тэнгэрийн зүй тогтол алс бөглүү тул арайхан нүүр тулаагүй зүйлийг хэн ч урьдаар мэдэх аргагүй бөгөөтөл хүний талаар хэлэлцэн үзвээс тэдгээр багачууд өөрсдийн дураар чамайг хүртэл сууринаас огцруулаад зогсолгүй тэр тусмаа чиний үр хойчид яахин сайн санаагаар зүтгэх билээ?

Би бээр чамтай хэдийнээ нэгэн гэр бүл болсон тул, манай улсын сүр хүчээр холхи улсын иргэдийг хүртэл дагаар оруулбаас зохимуй. Үүнээс хойш Өмнөд Сүн ч бай Япон ч бай ямарваа хэрэг гарах аваас даруй цэрэг, агт морь, байлдааны хөлөг, цэргийн хүнс хангамж хүргэх бүх талын бэлтгэлийг хангагтун. Хэрэв өмнөх шиг ийм тийм шалтаг тоочин хүнд хэцүү хэмээвээс, гавьяа байгуулсугай хэмээн өрсөлдөх хүн маш олон буйг санагтун.»

3. 1270 оны өвлийн адагсарын хөхөгчин туулай өдрийн жуу бичиг 3

“頃以林衍叛逆乃命將出師撫定爾國今罪人殲滅卿宜奠居舊京東方無事矣。然念罹茲變故東土之人不無驚擾自茲以往卿其保全生聚諭以朕意毋或妄生猜釁各安其業。”

«Саяхан Им Йөнъ-ий бослогыг дарахын тул жанжин зарж цэрэг ангийг хөдөлгөж чиний улсыг хамгаалан тогтоосонбилээ. Эдүгээ ялт хүмүүс бүгд үгүй болсон атал чи хуучин нийслэлдээ амар төвшин сууж гэмэнэ даяар олон амар жимэр болох учиртай. Гэвч бодож үзвээс өнөө хэр энэ мэт зовлон амсах гэж хөвчин улс ард аюун сочсон нь маргаангүй тул хойшид ард иргэдээ сайтар хамгаалан миний санааг сайн ухуулж, өчүүхэн төдий ч эргэлзээгүйгээр хүн бүр сэтгэл амар аж амьжиргаагаа эрхлэгтүн.»

4. 1270 оны өвлийн адагсарын хөхөгчин туулай өдрийн жуу бичиг 4

“近以高麗權臣構亂乃遣兵東下唯林衍

是問不意脅從誑誤之人妄自疑懼往往逋竄未出或逃往他境因爲叛逆朕之素心務在輯寧爾邦詔諭之後有能自新復歸本國其已往之愆咸當矜釋其中雖有早曾背主逃匿爾國中者亦令安業爲民不許各主認識如或不爾雖悔可追。”

«Сүүлийн үес Корйө улсын эрхэт түшмэл бослого самуун гаргасанд дорно зүг цэрэг илгээсэн нь гагц Им Йөнъ-өөс ял асуух зорилготой бөлгөө. Гэтэл санамсаргүй Им Йөнъ-ий сүрдүүлэгт автаж хүчээр оролцсон хүмүүс мунхагаар эргэлзэх сэтгэл өвөрлөн, ийш тийш дутаан нуугдаад олдохгүй, бусдын хязгаарт дутаан орж үймээн самууны шалтгаан болж баймуй. Миний уг сэтгэл хэзээд чиний улсыг төвшин амгалан байлгахыг хичээх тул энэхүү жуу бичгийг хүлээж аваад өөрийгөө цэнэн ухамсарлаж, эх газар руу буцваас урьдын бурууг нэг мөр хэлтрүүлмүй. Тэр болтол урьд эзнээсээ урваж Корйө улсад нуугдан буй хэнийг ч болов мөн л ардын хувиар санаа амар аж төрөх бөгөөд тэдгээрийн эзэд хөөн мөшгөхийг үл зөвшөөрмүй. Хэрэв энэхүү тушаалыг эс дагаваас хожмоо гэмшивч оройтох болой.»

5. 1271 оны хаврын тэргүүн сарын шарагчин туулай өдрийн жуу бичиг

“朕惟日本自昔通好中國又與卿國地相密邇故嘗詔卿道達去使講信修睦爲渠疆吏所梗不獲明諭朕意後以林衍之故不暇及今既輯爾家復遣趙良弼充國信使期于必達仍以忽林赤王國昌洪茶丘將兵送抵海上比國信使還姑令金州等處屯住所需糧餉卿專委官赴彼逐近供給鳩集船艦待於金州無致稽緩匱乏。”

«Миний бодоход Япон улс эртнээс Дундад улс лугаа харилцаж ирсэн бөгөөд, чиний улстай хил хязгаар харилцан ойр тул, урьд чамд заавар өгч элчийг газарчлан, найрамдал тогтооё хэмээсэн бөлгөө. Гэтэл тэр улсын хил сахигч түшмэд саад хийсний уршгаар миний санааг ёсчлон уламжилж чадаагүй ба түүний дараа Им Йөнъ-ий хэрэг явдлын улмаас завдсангүй. Харин эдүгээ чиний тайван амгалан болсон учир дахин Чо Янп ил (조양필. 趙良弼)-ийг элчээр илгээх тул заавал түүнийг Японд хүргэтүгэй. Түүнээс гадна Күрүмчи (쿠름치. 홀임적. 忽林赤), Ван Гүгч ан (왕국창. 王國昌), Хон Дагү (홍다구. 洪茶丘) нарыг цэргээ удирдан далайн эрэг хүртэл дагалдуулан элчийг буцаж ирэх хүртэл Кымжү зэрэг газраа суулгахаар тогтов. Цэрэг суух хугацаанд шардлагатай цэргийн хэрэгслийг ч хариуцсан түшмэлийг илгээн, ойр орчмын нутгаас

бэлдэн нийлүүлж, хөлөг ба завийг цуглуулан Кымжү (금주. 金州)-д бэлэн байлгаж, явдал удаашрах, гачигдах зүйлгүй болгогтун» [дэлгэрүүлэн үзнэ үү: Солонгос судлал 2016: 63–73].

6. 1271 оны хаврын адаг сарын улаан бар өдрийн жуу бичиг

“朕嘗遣信使通諭日本不謂執迷固閉難以善言開諭此卿所知今將經略於彼有司發卒屯田用爲進取之計庶免爾國他日轉輸之弊仍復遣使持書先示招懷卿其悉心盡慮裨贊方略期於有成以稱朕意。”

«Би урьд элчийг илгээн Японтой харилцах хэмээгэл санамсаргүй мунхаглан зөрүүдэлж, хаалгаа чанд хаасны улмаас эдүгээ уран үгээр ятган сэнхрүүлэхэд бэрх болсныг чи ч сайн мэдэх буй за. Эдүгээ тэднийг захирахын тулд холбогдох тамгын газарт нь зааварчлан албаны тариа тарих цэрэг илгээж хожим тийш довтлохоор төлөвлөсөн болно. Энэ нь цаашид чиний улсыг цэргийн хэрэглэл хангамж нийлүүлэх зовлонгоос ангижруулах гэсэн санаа болой. Тиймээс дахин жуу бичиг бүхий элчийг зарж юуны өмнө хаан миний бодлыг ухуулахуул чи гагц нэгэн үзүүрт сэтгэлээр миний арга төлөвлөгөөнд туслан тус ажлыг бүтээхийг хичээн миний санаанднийцүүлэгтүн.»

7. 1271 оны хаврын адаг сарын харагчин могой өдрийн жуу бичиг

“王所奏陳朕悉知之嚮王在國中猶有姦人生事今叛人未靖王不可來朝。”

«Чиний айлтгасан саналыг би сайтар ойлголоо. Урьд чамайг гүрнээ бараалхан ахуйд зальхай этгээдүүд гай түйтгэр авч ирсэн нь одоо урван тэрслэгчид дарагдаагүйн дээр ван чи бараалхаар ирэх нь тохиромжгүй баймуй.»

8. 1271 оны зуны эхэн сарын улаагчин могой өдрийн жуу бичиг

“據忻都白羊奏請添遣軍馬比及暑雨前討平逆賊朕以爲暑雨之前軍馬未能到彼卿宜於旁近簽軍六千人分附攻取珍島若事早畢於卿百姓便益。”

«Хиньдү (힌두. 혼도. 忻都), Баян (바얀. 백양. 白羊) нар цэрэг морины хүчийг зузатган халуун нар, борооны улирал эхлэхээс урьтаж хулгайг дайлан төвшитгөсүгэй хэмээн гуйн айлтгажухуй. Би санаваас, зун борооны улиралболохоос өмнө их цэргийг тэнд хүрч эс чадмуй. Ван чи ойр орчмын нутгаас 6000 цэрэг татаж, харьяа цэрэгт нь хуваан бүрдүүлээд Чиньдо (진도. 珍島) руу давшин эзлэн автугай. Хэрэг явдал хурдан дуусах аваас танай ард иргэдэд ч тустай буюу»

9. 1271 оны зуны адаг сарын улаан бич өдрийн жуу бичиг

“卿嚮遣印公秀奏曰：‘小邦蓄積就陸之日悉爲逆賊攘奪又因供億王師罄盡無餘歛及中外臣民甚爲艱窘而又耕牛不畜難於徵索。’乃有司前往體問卿方上表謂軍馬接秋糧餉限以力盡不令受飢屯田農牛農器等漸次當依元數則前奏豈非虛妄且匹夫一言不誠尙恐不爲人所信卿一國臣民之主敷奏不實可乎爾後慎勿如此卿又云：‘吾之民亦是皇帝之民也使其失業不堪勞苦則恐有貳於盜賊若不揆力陳實早達于宸所以至困窮誰任其責。’盖由爾國不逞之人肆爲叛逆以致軍民之勞既爲一家初無內外之閒如撫定之後豈坐視人民困苦而不加恤哉尙體至仁益殫誠赤。”

«Ван чи саяхан Инь Гонсу (인공수. 印公秀)-г илгээн, “Манай улсаас хураасан хөрөнгийг эх газарт хүргэх үес бүгдийг дайсанд булаалгасны дээр, басхүү их улсын цэргийн хангамж хэрэглэлийг базаахын тул юу ч үлдсэнгүй. Улсын бүхий л түшмэл ардуудаас эд зүйл хурааж авахад туйлын бэрх бөгөөд тариаланд хэрэглэх үхэр байхгүй учир түүнийг ч мөн хураахад хүч хүрэхгүй байна.” хэмээн айлтгасанд харьяа яамнаа тушаан биеэр очиж магадал хэмээсэн болно.

Гэтэл сая ирүүлсэн айлтгалдаа чи өөрөө “Их улсын цэргийг намар болтол хэрэгцээт хүнсээр чадлын хэрээр хангаж, өлсгөж цангаалгүй, албан тариаланд шаардлагатай үхэр болон тариалангийн багаж хэрэгсэл зэргийг мөнхүү тоогоор нь нийлүүлэх төлөвтэй байна.” хэмээсэн нь урьд айлтгасан үг чинь худал байсныг харуулж буй хэрэг биш үү? Хэрэв дорд хүмүүн бөгөөс гагц үг үнэн өчиж эс чадах ахул бусдууд үл итгэх вий хэмээн эмээдэг атал, тэр тусмаа ван чи нэгэн улсын эзэн атлаа худал үг хэлж болно гэж үү? Үүнээс хойш энэ мэт хэрэг гаргахаас болгоомжлогтун. Мөн чи “Манай ард иргэд ч мөн хуанди таны ард иргэд байтал тэдний амь зуулгыг булаан тэр зовлонгоос гэтлэх аргагүйд хүргэвээс хулгай дайсны зүг сэтгэл хандуулахгүй гэх газаргүй. Та “Яахин байдлыг сайтар нягталж аль хэдийн надад үнэнийг илтгэлгүй ард иргэдийг минь ийм гаслант байдалд оруулж чадав?” хэмээх учир хэн түүний хариуцлагыг хүлээх хэрэг билээ? гэж өчсөн нь бий.”

Би санаваас, чиний улсын дуулгаваргүй этгээдүүд аюумшиггүйгээр бослого самуун дэгдээсний улмаас цэрэг иргэд энэ мэт зовлон зүдгүүр амсаж буй хэрэг биш үү?

Хоёр улс хэдийн нэгэн гэр бүл болчихоод угаас гадна дотно ялгалгүй хамгаалан тогтоосны дараа хэрхэн ард иргэдийн зовлон зүдгүүрийг тоон харгалзахгүй байх билээ? Хаан миний туйлын өршөөх сэтгэлийг чанд ухаж улам их хичээн зүтгэгтүн.»

10. 1271 оны намрын эхэн сарын улаан бар өдрийн жуу бичиг

Жуу бичгийн утга агуулгын тухайд тэмдэглэсэн зүйл үгүй.

11. 1272 оны зуны эхэн сарын цагаан бар өдрийн жуу бичиг

“譯語別將徐 校尉金貯使日本有功宜加大職。”

«Орчуулгын тусгай жанжин (역어별장. 譯語別將) Сө Чин (서칭. 徐 仁), кйо-вүй (교위. 校尉) Ким Жө (김저. 金貯) нар Япон руу элчээр одож гавьяа байгуулсан тул өндөр албанд дэвшүүлэгтүн.»

12. 1272 оны өвлийн адаг сарын хөхөгчин хонь өдрийн зарлиг

元以攻討濟州詔王簽軍六千水手三千.

«Юань улс Чэжү (제주. 濟州)-г дайлахаар ванд “6 000 цэрэг, 3 000 усчин шалгаруул” хэмээн зарлиг буулгав.»

13. 1273 оны хаврын тэргүүн сарын хар нохой өдрийн жуу бичиг

元使來王迎詔于宣義門其文用新制蒙古字人無識者使者云：“因林惟幹所奏求火熊皮也。”

«Юань улсын элчийн авч ирсэн хуандигийн жууг ван Сөнх-ый хаалга (선의문. 宣義門)-нд угтан авсан боловч шинэ зохиосон монгол үсгээр бичсэн тул тайлах хүн байсангүй. Иймд элч Им Йүгань (임유간. 林惟幹)-д “Хүрэн баавгайн арьс ол” гэсэн утгатай хэмээн шивнэв.»

14. 1273 оны хаврын дунд сарын хөхөгчин тахиаөдрийн жуу бичиг

黃鳳州經略使差人齋元詔來令僧徒出迎其詔云：“禁軍士搔擾僧舍損毀經像使之安心作法。”

«Юань улсын цэргүүд сүм хийдэд үймээн шуугиан дэгдээж судар ном, бурхан шүтээнийг сүйтгэхийг хориглосон тул лам хуврагуудыг сэтгэл амар байж, бурхны номоо айлдагтун» гэсэн агуулгатай байлаа.

15. 1273 оны хаврын дундсарын улаан бич өдрийн жуу бичиг 1, 2

忻都劉統領萬戶鄭溫朴古大等來自塩州屯所傳詔二通一以忻都等領軍討耽羅一禁官軍擅奪良家女爲婢又聽自制兵仗從王請也.

16. 1273 оны хаврын дундсарын улаан бич өдрийн жуу бичиг 1, 2

1- «Хиньдү нараар удирдуулан Т_xамра (탐라.耽羅)-г дайлах.»

2- «Юань улсын түшмэл цэргүүд сайн хүмүүний (= сайн айлын) бүсгүйчүүлийг булаан шивэгчин болгож буйг хориглосон, Корйё улсын вангийн хүсэлтээр тус улсбие даан зэр зэвсэг хийхийг зөвшөөрсөн» тухай агуулгатай.

17. 1273 оны зуны дунд сарын хар бич өдрийн жуу бичиг

元册封皇后太子遣使頒詔.

«Юань улс их хатан болон тайжид өргөмжлөл хүртээсэн тухай элч илгээн мэдүүлсэн.»

18. 1274 оны зуны дунд сарын цагаан хулгана өдрийн жуу бичиг

元遣使詔勸課農桑儲峙軍糧仍命洪茶丘提點農事.

«Юань улс газар тариаланг дэмжиж цэргийн хүнс нөөцөл» хэмээсэн жуу илгэ-эв.»

19. 1274 оны намрын дунд сарын ша-рагчин могой өдрийн жуу бичиг

“國王在日屢言世子可以承替今命世子承襲國王勾當凡在所屬並聽節制。”王受詔畢謁景靈殿還御康安殿服黃袍即位受群臣朝賀仍宴詔使詔使以王駙馬推王南面詔使東向達魯花赤西嚮坐王行酒詔使拜受飲訖又拜達魯花赤立飲不拜詔使曰：“王天子之駙馬也老子何敢如是吾等還奏汝得無罪耶?” 曰：“公主不在且此先王時禮耳。”

«Улсын ван амьд ахуйдаа ширээ залгамжлах хөвгүүн (чамайг. орч) ван ширээ залгамжилж чадмуй хэмээн удаа дараа хэлж билээ. Тиймээс одоо ширээ залгамжлах хөвгүүн (чи. орч) улсын ван суурийг залган, албаа гүйцэтгэгтүн хэмээн зарлиг буулгаж буй тул түүнд харьяалагдсан бүхий л ард иргэд түүний захиргааг чандлан дагагтун.»

20. 1275 оны зуны дунд сарын хөх но-хой өдрийн жуу бичиг

Жуу бичгийн утга агуулгын тухайд тэм-дэглэсэн зүйл үгүй.

21. 1275 оны зуны адаг сарын улаан луу өдрийн жуу бичиг

元遣使詔赦耽羅賊黨逃匿州縣者.

«Юань улс элч илгээн “Урьд Т_xамра–д [бослого гаргасан-орч.]хулгайн намын до-троос жү хйёнъ (주현.州縣,чжоу,сянь-орч.) рүү зайлан нуугдагсдыг ялаас чөлөөлсүгэй.” гэсэн жуу ирүүлэв.»

22. 1275 оны өвлийн эхэн сарын цагаан нохой өдрийн жуу бичиг

“爾國諸王氏娶同姓此何理也?既與我爲一家自宜與之通婚不然豈爲一家之義哉!且

我太祖皇帝征十三國其王爭獻美女良馬珍寶爾所聞也王之未爲王也不稱太子而稱世子國王之命舊稱聖旨今稱宣旨官號之同於朝廷者亦其比也又聞王與公主日食米二升此則宰相多而自專故耳凡此皆欲令爾知之非苟使爾貢子女革官名宰相也. 黑的來言爾國事非一並不聽許爾其知之.”

«Танай улсын Ван овогтынхон овог до-троо худ ураг болдог нь зүйд үл нийцмүй. Хэдийн бидэнтэй нэгэн гэр бүл болсон тул бидэнтэй ураг холбох нь зүйтэй бөгөөд эс тэгвээс юунд нэгэн гэр бүлийн хувиар ёс журмыг дагах тухай ярьж болохсон билээ? Мөн манай Т_xайзу хуанди (Чингис хаан. орч) 13 улсыг эзэлмэгц тэр улсын вангууд бие биеэсээ өрсөн үзэсгэлэн гоо бүсгүй, ар-гамаг хүлэг, ховор эрдэнэс өргөн барьсныг чи ч бас сонссон буй за.

Ван чамайг хараахан сууринд суухаас өмнө тайж хэмээлгүй, ширээ залгамжлагч гэсэн бөгөөд улсын вангийн зарлигийг урьд“сөнжи” гэдэг байсныг “сөнъжи” гэх болсон тул түшмэлийн нэр цолын дотроос манай засаг газартай адил зүйлсийг ч мөн халж хэрэглэх нь зүйтэй.

Сонсвоос ван гүнж хоёр хоногт 2 аяга тугарга л иддэг хэмээмүй. Үүний учир болбоос тэргүүн сайд олон тул тэд төрийн эрхийг атгаж буйтай холбоотой амуй. Энэ мэт жишээ хэлж буй нь цөм гагцхүү чамд сануулах гэсэн санаа атал үүнийг ойлголгүй чи хөвгүүд охидоо өргөн барьж, түшмэлийн нэр цолыг өөрчилж, сайд нарыг багас-га гэсэн үг биш билээ. Хэйдэ (흑적. 黑的) ирээд хэлэхдээ чиний улсад засан залруул-баас зохих хэрэг ганц хоёроор тогтохгүй хэмээсэн боловч хаан би бүгдийг сонсож зөвшөөрөөгүй гэдгийг чи мэдэх буй за.»

23. 1276 оны хаврын тэргүүн сарын улаагчин үхэр өдрийн жуу бичиг

“四時不忒推鳳曆以紀年萬國攸同矧雞林之受朔若稽舊典用布大和今賜至元十三年曆日一本卿其敬授農時益遵田正籍爾蕃宣之力贊于平秩之功率勤南畝之民罔知遊惰爰俾東陲之俗丕變雍熙庶績其凝朕言無替.”

«Эргэх дөрвөн улирлын эргэлт нь ям-хын зөрүү үгүй бөгөөд цаг тооны бичгийн дагуу жил сар өдрийг тэмдэглэхүй нь түмэн улсад адил бөлгөө. Тэр тусмаа Корйё улс нь чонсаг (정삭. 定朔)⁴-ийг хүртэхүй ньэртнэ-эс инагши уламжлан ирсэн ёс журмын дагуу амар амгалан цаг үеийг нээхүйн хэрэг ахул Жи-юань-ы 13-р оны цаг тооны бичиг шаг-

⁴ Цаг тооны бичиг үйлдэх ёс.

насугай. Иймд ван чи тариалангийн ажил эхлүүлэх цаг өдрийг сургаж, эрт цагт тариаланч түшмэл байгуулсныг чандлан дагаж, эзний хувиар алба үүргээ гүйцэтгэн хаан надад тусалж гавъяа байгуултугай. Тарианы газар үр суулгах тариачдыг хойш суулгүй шургуу ажиллуулж алс зүүн нутгийн зан заншлыг сайхан өөрчилбөөс бүхий гавъяа бүтэх тул миний үгийг бүү зөрчигтүн.»

24. 1276 оны зуны дунд сарын хөхөгчин могой өдрийн сургах зарлиг
將軍高天伯自元還帝_Г停親朝.

«Ко Ч_хөнъбайг (고천백. 高天伯) жанжин Юань улсаас эргэн ирж, ванг гүрнээ айлчлахыг азна хэмээсэн хуандигийн зааврыг уламжлав.»

25. 1276 оны намрын адаг сарын цагаан бич өдрийн жуу бичиг
元以平定江淮遣不花來詔赦天下.

«Юань улс Цзянхуай (강희. 江淮) нутгийг төвшитгөн тогтоогоод, Буха (부카. 부화. 不花)-г илгээн тэнгэрийн доор (дэлхий дахинд-орч.) өршөөх зарлиг буулгав.»

26. 1276 оны өвлийн эхэн сарын хөххулгана өдрийн зарлиг

元遣忽刺_Г命王及公主以明年五月入朝又移放羅州馬於珍島又罷合浦鎮邊所梢工水手又令西海道歸附軍自耕而食.

«Юань улс Хуладай (쿠라다이. 홀자대. 忽刺_Г. 1250–1311)⁵-г илгээн ван, гүнж нарт ирэх оны зуны дунд сард гүрнээ айлчлахыг заахын сацуу Нажү (나주. 羅州)-гийн морьдыг Чиньдо (진도. 珍島) руу шилжүүлж адгуулуулав. Мөн Хаб_хожиньбийньсо (합포진변소. 合浦鎮邊所)-гийн урчууд, далайчдыг албанаас чөлөөлж, Сохай до (서해도. 西海道)-гийн дагаар орсон цэргийг өөрсдөө тариа тарьж, хүнс болгогтун хэмээн зарлиг буулгав.»

27. 1276 оны өвлийн эхэн сарын шар луу өдрийн жуу бичиг

金方慶受虎頭金牌仍齋詔書還王出城以迎.

«Ким Бангйөн барсын толгойт алтан пайз (호두금패. 虎頭金牌), жуу өвөртлөн буцаж ирсэндван хотоос гарч угтав (жуу бичгийн эх нь сурвалжид байхгүй).»

28. 1278 оны хаврын тэргүүн сарын хар хулгана өдрийн жуу бичиг

郎將李仁齋頒曆詔還自元. 王出迎于城外.

«Нанжан (낭장. 郎將) И Инь (이인. 李仁) цаг тооны бичгийг зарлан тунхагласан жуу

⁵ Дэлгэрүүлэн үзнэ үү: [Хань Жөнхый 2008: 47; Г. Эрдэнэчимэг 2016: 67–76].

бичиг өвөртлөн Юань улсаас буцаж ирсэнд ван хотын гадна гарч угтав (жуу бичгийн эх нь сурвалжид байхгүй).»

29. 1278 оны хаврын дунд сарын шарагчин туулай өдрийн жуу бичиг

元遣闊闊_Г等來頒詔.

«Юань улсаас Хөхдэй (코코다이. 활활대. 闊闊_Г) нарыг илгээн жуу бичиг тархав.»

30. 1278 оны хаврын адаг сарын хөх морь өдрийн зарлиг

印侯還自元帝召還洪茶丘又命王入朝.

«Инь Хү (인후. 印侯) Юань улсаас буцаж ирсэнд түүгээр хуанди Хон Дагү-г дудсан агаадбас ванг гүрнээ айлчлах зарлиг буулгав.»

31. 1279 оны хаврын тэргүүн сарын хөхөгчин туулай өдрийн жуу бичиг

“朕若稽天象敬授人時所以大一統重民事也. 卿世守藩方歲修貢職宜頒新朔用示同文尙驅東作之民勉率西成之_Г.”

«Би тэнгэр эрхэсийн зорчлыг илтгэх эргэх улирлыг тэмдэглэсэн цаг тооны бичгийг тунхаглаж буй нь дэлхий ертөнцийг нэгтгэх үүргээ улам өргөжүүлж ард олныхоо аж ахуйг эрхэмлэдэгт оршмуу. Түшмэл/ван/ чи үе улиран (миний — орч.) хайгуул халхавч (хараат улс — орч.)-ийг сахин жил бүр алба өргөж ирсэн тул зүй нь шинэ цаг тооны бичиг соёрхсон тул бидэнтэй “бичиг нэгэн (동문. 同文)”⁶ хүндлэл үзүүлсүгэй. Хавар тариачин ардуудыг тариалангийн ажилд хүчээ дайчлан, намар арвин их ургац хураалгахын тулд хичээгтүн.»

32. 1280 оны хаврын адаг сарын шар морь өдрийн жуу бичиг

元遣蠻子海牙來帝_Г禁郡國舍匿亡軍回恣行屠宰.

«Юань улсаас хятадын өмнөд нутгийн хүн Хайяа (카야. 海牙)-г илгээн хуандийн зарлигийг уламжилсан агаад хятад газрын күнъ болон харьяа улсаас дутаасан цэрэг, уйгарчуудыг дураар мал нядлахыг хориглогтун хэмээжүхүй.»

33. 1280 оны намрын дунд сарын цагагчин гахай өдрийн сургах зарлиг

將軍朴義還自元帝_Г王親朝.

«Жанжин Паг Ый (박의. 朴義) Юань улсаас буцаж ирэхэд түүгээр хуанди ванг гүрнээ айлчлах зарлиг буулгажээ.»

34. 1280 оны өвлийн адаг сарын цагаагчин туулай өдрийн жуу бичиг

帝冊王爲開府儀同三司中書左丞相行中

⁶ Адил бичиг үсэг хэрэглэж, нэг соёлын хүрээнд багтах гэсэн утга.

書省事賜印信。又以金方慶爲中奉大夫管領高麗軍都元帥；知密直司事朴球金周鼎爲召勇大將軍左右副都統並賜虎頭金牌印信；趙仁規爲宣武將軍王京斷事官兼脫脫禾孫賜金牌印信；朴之亮等十人爲武德將軍管軍千戶賜金牌及印；趙朴等十人爲召信校尉管軍摠把賜銀牌及印；金仲成等二十人爲忠顯校尉管軍摠把。

«Хуанди ванг кайфу итунсаньсы (개부의동삼사. 開府儀同三司), төв бичгийн мужийн зүүн этгээдийн чэнсян (중서좌승상. 中書左丞相), хайнжүнсөсөнса (행중서성사. 行中書省事)-аар соёрхон, тамга шагнажээ. Мөн Ким Бангён-ийг чүнбондайбү (중봉대부. 中奉大夫), Корйё-гийн цэргийг захирах дуоаньшуай (관령고려군도원수. 管領高麗軍都元帥)-гаар, чимилжигсаса (지밀직사사. 知密直司事) Паг Гү (박구. 朴球), Ким Жүжөн (김주정. 金周鼎) нарыг со-йөн их жанжин (소용대장군. 召勇大將軍), зүүн баруун этгээдийн пүдотхон (좌우부도통. 左右副都統)-гоор томилон бүгдэд нь барсын толгойт алтан пайз (호두금패. 虎頭金牌) болон тамга шагнажээ. Чо Иньгүй (조인규. 趙仁規)-г Цогийг гаргасан жанжин (선무장군. 宣武將軍), Нийслэлийн заргач (왕경단사관. 王京斷事官) бөгөөдтогтоосон (도토카순. 脫脫禾孫)-оор томилж алтан пайз (금패. 金牌) болон тамга шагнаж, Паг Жирян нарын 10 хүнийг Цог эрдэмт жанжин (무덕장군. 武德將軍), қваньгүнч өнхө (цэрэг захирах мянгат-орч. 관군천호. 管軍千戶)-гоор томилон алтан пайз, тамга шагнаж, Чо Бйөнъ (조변. 趙抃) нарын 10 хүнийг сошиньгйовүй (소신교위. 召信校尉), қваньгүнч онпха (관군총파. 管軍摠把)-гаар томилон мөнгөн пайз, тамга шагнаж, Ким Жүнсөн (김중성. 金仲成) нарын 20 хүнийг чүнхйөнгйовүй (충현교위. 忠顯校尉), қваньгүнч онпха (관군총파. 管軍摠把)-гаар томилжээ.»

Зарлигийн бичгүүдийн онцлог

«Гуулин улсын судар»-т буй 1270–1280 оны хооронд Монголын их хаан Корйё улсын ванд илгээсэн зарлигийн бичгүүдийг ажиглан үзвээс сурвалжид тэмдэглэсэн нэршлийнх нь хувьд хоёрүндсэн хэсэгт ангилж болохоор байна. Энэ нь нэгдүгээрт, жуу бичиг, хоёрдугаарт зарлиг, сургах зарлиг болно.

Нийт 34 зарлигийн бичгээс доор дурьдсан зарлигийн бичгүүдийг «Гуулин улсын судар»-т тэмдэглэсэн эртний солонгос эхэд «шэнчжи (聖旨)» буюу зарлиг гэж тэмдэглэсэн байна.

a) 1272 оны 12-р сарын хөхөгчин хонь өдрийн зарлиг,

b) 1276 оны 5-р сарын хөхөгчин могой өдрийн сургах зарлиг,

c) 1276 оны 10-р сарын хөх хулгана өдрийн зарлиг,

d) 1278 оны 3-р сарын хөх морь өдрийн зарлиг,

e) 1280 оны 7-р сарын цагаагчин гахай өдрийн сургах зарлиг.

Эдгээрээс бусад нь бүгд жуу хэмээн сурвалжид тэмдэглэгджээ. Бидэнд нэгэнт дээрх зарлигийн бичгүүдийн монгол эх үгүй тул эртний солонгос эх дээр үндэслэн ангилсан нь энэ билээ. Тиймээс судалгаа маань биднийг эзэнт гүрний үеийн зарлигийн бичиг болоод жуу бичиг гэж чухам юу болох, тэдгээр нь ямар хэлбэр, онцлогтой болохыг нэхэн судлах зам руу хөтөлж байна.

Манай түүхийн үе үед холбогдох олон арван захидал харилцааны бичиг ба албан бичиг нь жинхэнэ эхээрээ болоод дам байдлаар уламжлагдан ирсэн байдаг. Монголын их хаад, хааны угсааны ноёд эздийн буулгасан бичиг баримтын зүйлсийг зарлиг, үг, захидал, гэрэгэ гэх мэтээр ангилан хэлэлцэж болно [Ц. Цэрэндорж 2015: 121]. Тэдгээрээс бидний судлагдахуунтай холбогдуулан хааны зарлиг, захидал, жуу бичиг гэдэг нь чухам юу болохыг тодруулья.

Зарлиг. «Их хааны буулгадаг зарлиг тушаалыг л монгол хэлээр „зарлиг“, харин түүнээс бусад хааны угсааныхан, хатад, аймгийн ахлагч, сайд, түшмэдийн тушаал зааврыг „үг“ хэмээн нэрлэдэг байсан агаад энэ нь Хубилай Дай Юань улсыг зарлан тунхагласан 1260 оноос Тогоонтөмөр хаан Дайдуг орхин умар тийш зайлсан 1368 он хүртэлх 100 орчим жилийн хугацаанд мөрдөгдсөн Дай Юань улс дахь бичиг хэрэг хөтлөлтийн онцлог гэж хэлж болно» [Ц. Цэрэндорж 2015: 121–122].

Монголын хааны зарлигийн эхэнд бичигддэг «Мөнх тэнгэрийн хүчинд» хэмээх үгийн нанхиад орчуулга болох 上天眷命 гэсэн үг нь Их Юань улсын захиргаан доорх бичгийн хэлбэрээр, нанхиадаар тэмдэглэсэн бүхий л жуу, зарлигт түгээмэл хэрэглэгддэг байв [Сүгияма Масааки 2015: 270–271].

Дай Юань улсын эзэн хааны зарлигийг «шэнчжи (聖旨)», «жуу [бичиг] (詔)» хэмээн 2 янзаар ялгаварлан нэрлэдэг, түүнийгээ ч хатуу чанд мөрддөг байсан билээ. «Шэнчжи» гэдэг нь монгол хэлээрх зарлигийг нанхиадаар орчуулсныг, харин «жуу» гэдэг нь

анхнаасаа нанхиад хэлээр үйлдсэн зарлигийг хэлдэг байжээ [Ц. Цэрэндорж 2015: 130].

Дээрхээс үзвэл өмнө дурьдсан зарлигууд нь анхнаасаа монголоор буюу дөрвөлжин бичгээр үйлдсэнийг нанхиадаар орчуулсан болох нь харагдаж байна. Гэсэн хэдий ч монголын хааны зарлигийн эхэнд бичигддэг «Мөнх тэнгэрийн хүчинд» хэмээх үгийн нанхиад орчуулга огт байхгүй аж. Түүнийг эс тооцон, монголоор үйлдсэн зарлигийн бичгийг нанхиадаар орчуулжээ гэж үзвэл тэдгээрийн монгол эх хаа буй болох тухай асуулт бидний өмнө гарч ирж байна. Мөн түүнчлэн тэдгээр нь зарлигийн бүрэн эх бус дам мэдээнүүд байгаа нь бидний сонирхлыг ихэд татаж байна. Үүнийг дөрвөлжин бичигтэй холбож тайлбарлаж болох талтай. 1273 оны 1-р сарын хар нохой өдрийн зурваст «Юань улсын элчийн авч ирсэн хуандигийн жууг ван хүлээн авсан ч шинэ зохиосон монгол үсгээр бичсэн тул тайлах хүн байсангүй тухай, тиймээс монголын элч утгыг тайлж өгсөн тухай» тэмдэглэжээ. Шинэ зохиосон монгол үсэг гэдэг нь мэдээж дөрвөлжин бичиг болох нь гарцаагүй. Дөрвөлжин бичгийг 1269 онд зохиосон тул чухам үеэс хойш хаад эздийн зарлиг тушаалыг монгол бичгээр бус, дөрвөлжин бичгээр бичиж эхэлсэн бололтой. Үүнийг «Монгол үсэгт хоёр зүйлийн хэлбэр буй. Нэгийг нь уйгуржин, харин нөгөөг нь дөрвөлжин хэмээмүй. Урьд цагт жуу бичиг, тамганы бичээст дөрвөлжинийг нь хэрэглэж, өдөр тутмын ажил хэрэг явуулахад уйгуржиныг хэрэглэдэг байсан...» хэмээх хожмын солонгос сурвалжийн мэдээнээс харж болно. Дөрвөлжин бичгийг тархаах тухай Хубилай хааны зарлигт ч «Аливаа хаш тамга, тархаах зарлигийг монголын шинэ үсэг (дөрвөлжин үсэг)-ээр бичээд, бус улсын үсгийг дагалдуулан хавсаргагтун» гэж энэ талаар машид тодорхой заасан байдаг [Ц. Цэрэндорж 2015: 128]. Тэгвэл эндээс бид судлан буй зарлигийн бичгүүдийг дөрвөлжин бичгээс гадна нанхиадаар үйлдэн Корйө рүү илгээсэн, «Гуулин улсын сударт»-т зарлигийн бичгүүдийг тэмдэглэхдээ шууд түүнээс үлгэрлэн бичсэн байх магадлалтай гэсэн гаргалгааг хийж болохоор байна.

«Гуулин улсын судар»-т тэмдэглэсэн Монголын их хаан 1270–1280 оны хооронд Корйө рүү илгээсэн дээрх зарлигийн бичгүүдийг ерөнхийд нь ажиглавал тэдгээрээс 1273 оны тэмдэглэлд буй зарлигийн

бичгүүд цөм дам утгаар тэмдэглэсэн болох нь тодорхой харагдаж байна. Энэ өнцгөөс нь харвал судлан буй зарлигийн бичгүүдийг сурвалжид тэмдэглэсэн агуулгын хувьд зарлигийн бичгийн утга агуулга бүрэн тэмдэглэгдсэн буюу бүрэн нанхиад эх, зарлигийн бичгийн утга агуулга бүрэн бус тэмдэглэгдсэн буюу зөвхөн утга санааг товчлон буулгасан нанхиад эх, зарлигийн бичгийн утга агуулга огт тэмдэглэгдээгүй хэмээн гурван хэсэг болгож ангилах боломжтой байна.

а) Зарлигийн бичгийн утга агуулга бүрэн тэмдэглэгдсэн буюу бүрэн нанхиад эх. Ийм хэлбэрийн зарлигийн бичиг 16 байна. Тэдгээрт өгүүлэн буй үеийн монгол албан бичгийн онцлог болох үг хэллэг, агуулгын ерөнхий хэлбэр зэрэг нь огт ажиглагдсангүй. Үүнийг дараахь байдлаар тайлбарлаж болно.

1. Хубилай хааны үеэс эхлэн их хаадын зарлигийг «Мөнх тэнгэрийн хүчинд, их суу залийн ивээнд, хаан зарлиг ману» гэсэн 3 мөр тогтсон хэллэгээр эхлүүлэн бичдэг байсан бол дээрх бичгүүдэд тэдгээр үг хэллэг үгүй байна.

2. Уг зарлигийн бичгүүдийг нанхиадаар «жуу бичиг» хэмээсэн учир дээрх бичиг анхнаасаа нанхиадаар бичигдсэн байх магадлал өндөр байна.

Эдгээрээс үндэслээд өгүүлэн буй зарлигийн бичгүүдийг «Гуулин улсын судар»-т тэмдэглэхдээ уг эхийн монгол, эс бөгөөс нанхиад эхийн хэлбэр онцлогийг эвдэн, агуулгыг алдагдуулалгүй, солонгос сурвалжийн хэлбэр найруулгаар тэмдэглэсэн хэмээн үзэж байна.

б) Зарлигийн бичгийн утга агуулга бүрэн бус тэмдэглэгдсэн буюу зөвхөн утга санааг товчлон буулгасан нанхиад эх. Эдгээр нь бидний судалгааны хамрах хүрээнд нийт 13 тохиолдсон болно. Үүнийг юун түрүүнд сударч түшмэлийн хувьд зарлигийн бичгийн утга санаа, ач холбогдол төдий л өндөр бус тул тийн товчлон тэмдэглэсэн байх магадлалтай хэмээн тайлбарлаж болох талтай.

Ийнхүү «Гуулин улсын судар»-т их хааны жуу бичгийг үг үсэгчлэн буулгаагүй шалтгаан чухам шинэ үсэг буюу дөрвөлжин бичигтэй холбоотой байхыг үгүйсгэх аргагүй мэт. Жилд 2-оос доошгүйг хүлээн авдаг Монголын их хааны жуу бичгийг 1273 оны 1-р сард өмнө өгүүлсэн утга агуулгаар сурвалжид тэмдэглэсэнээс хойш 1274 оны 8-р сард хүлээн авсан жуу тэмдэглэн

үлдээх хугацааны туршид буюу бүтэн жил 7 сарын туршид ирсэн их хааны 6 жуу бичгийг дараалан бүрэн эхээр нь сурвалжид тэмдэглэлгүй, зөвхөн түүний агуулгын тухай бичиж орхисон нь үнэхээр сонирхол татаж байна.

с) Корйё улсад Монголоос элч очсон тухай, тэрхүү элчийн Корйёд очсон өдөр сар болоод их хааны жууг өвөртлөн очсон, жуу бичгийг хэн хэрхэн хүлээж авсан тухай тэмдэглэл байх ч тэрхүү жуу бичгийн утга агуулга огт тэмдэглэгдээгүй 4 мэдээг бид илрүүлэв. Тэдгээр нь Корйё улсын нэр сүр, зарим түүхийн гашуун үнэнтэй холбоотой байх боломжтой юм. Хэрэв дээр дурьдсан мэдээллүүд байгаа юм бол тухайн үед вангийн сударч түшмэл жуу бичгийн эхийг биш юм гэхэд ядаж агуулгын тухай ч болтугай заавал тэмдэглэх учиртай. Гэсэн атал ор тас дурьдаагүй нь маш их сонирхол татаж байна.

Үүнийг 1451 онд бэлэн болсон авч удтал олноо зарлан тунхаглагдаагүй «Гуулин улсын судар»-ыг 1469 онд зарлан тунхаглахыг засгаас удаа дараа шаардаж байсан Ян Сөнжи (양성지. 梁誠之)-гийн хэлснээр: *«Гуулин улсын судар» бол бослого самууны тухайт тэмдэглэл ихтэй, үнэнийг шууд өгүүлсэн хэсэг олон, ...бослого самуун гэдэг бол гагц өмнөх төр улсад л байсан хэрэг бус үе үеийн аль ч улсад байсаар ирсэн тухай, үнэнийг шууд өгүүлсэн хэдий ч Корйё улсыг Хятадын доторхи феодал ноёдын эзэмшил нутагтай харьцуулж эс болох, тэдгээр нь асуудлын гол болох учиргүй хэмээн онцолж, Мин улс хүртэл «Юань улсын судар»-ыг тархаасан байхад дээрхийн улмаас «Гуулин улсын судар» -ыг олонд түгээхгүй байж болохгүй, хэрэв заавал ил болгож болохгүй зүйл байгаа бол зөвхөн тэр хэсгийг орхин тархааж болох арга зам ч буй гэсэн санал дэвшүүлж байсантай ямар нэгэн байдлаар холбон тайлбарлаж болох буй за.*

Дүгнэлт

Энэхүү өгүүлэлд бид «Гуулин улсын судар»-ын «Сурвалжит гэр»-ийн 1270–1280 оны хэсэгт тэмдэглэгдэн үлдсэн, Монголын их хаанаас Корйё улсын ванд илгээсэн зарлигийн бичгүүдийг монголоор орчуулж, судалгаа хийлээ. Нийт 34 бичгийг судалснаас сурвалжид тэмдэглэгдэн үлдсэн нэршлээр нь үндсэн 2 зүйлд хуваан авч үзэж тэдгээрийн ялгаа, онцлог нь юу болохыг тайлбарлав.

Тэдгээр нь: Нэгдүгээрт, зарлиг, сургах зарлиг. Хоёрдугаарт, жуу болно. Нийт 34

зарлигийн бичгээс 5 зарлигийн бичгийг «Гуулин улсын судар»-т «шэнчжи (聖旨)» буюу зарлиг гэж тэмдэглэсэн байна. Харин бусдыг нь жуу хэмээн тэмдэглэжээ. «Шэнчжи» гэдэг нь монгол хэлээрх зарлигийг нанхиадаар орчуулсныг, харин «жуу» гэдэг нь анхнаасаа нанхиад хэлээр үйлдсэн зарлигийг заадаг тухай бид өмнө өгүүлсэн. Гэсэн хэдий ч бидний судласан зарлигийн бичгүүдэд монголын хааны зарлигийн эхэнд бичигддэг «Мөнх тэнгэрийн хүчинд» хэмээх үгийн нанхиад орчуулга огт байхгүй аж. Түүнийг эс тооцон, монголоор үйлдсэн зарлигийн бичгийг нанхиадаар орчуулжээ гэж үзвэл тэдгээрийн монгол эх хаа буй болох тухай асуулт бидний өмнө гарч ирж байна. Мөн түүнчлэн тэдгээр нь зарлигийн бүрэн эх бус дам мэдээнүүд байгаа нь бидний сонирхлыг ихэд татлаа.

Түүнчлэн судлан буй зарлигийн бичгүүдийг сурвалжид тэмдэглэсэн агуулгын хувьд 3 үндсэн ангилж авч үзэв.

Тэдгээр нь: Нэгдүгээрт, зарлигийн бичгийн утга агуулга бүрэн тэмдэглэгдсэн буюу бүрэн нанхиад эх. Хоёрдугаарт, зарлигийн бичгийн утга агуулга бүрэн бус тэмдэглэгдсэн буюу зөвхөн утга санааг товчлон буулгасан нанхиад эх. Гуравдугаарт, зарлигийн бичгийн утга агуулга огт тэмдэглэгдээгүй бичиг болно. Үүний гуравдахь ангиллын хувьд Корйё улсад Монголоос элч очсон тухай, тэрхүү элчийн Корйёд очсон өдөр сар болоод их хааны жууг авч очсон, жуу бичгийг хэн хэрхэн хүлээж авсан тухай тэмдэглэл байх ч тэрхүү жуу бичгийн утга агуулга огт тэмдэглэгдээгүй 4 мэдээг бид илрүүлэв. Тэдгээр нь Корйё улсын нэр сүр, зарим түүхийн гашуун үнэнтэй холбоотой байх боломжтой юм. Хэрэв дээр дурьдсан мэдээллүүд байгаа юм бол тухайн үед вангийн сударч түшмэл жуу бичгийн эхийг биш юм гэхэд ядаж агуулгын тухай ч болтугай заавал тэмдэглэх учиртай. Гэсэн атал ор тас дурьдаагүй нь маш их сонирхол татаж байна.

Эцэст нь тэмдэглэхэд өгүүлэн буй зарлигийн бичгүүдийг «Гуулин улсын судар»-т тэмдэглэхдээ уг эхийн монгол, эс бөгөөс нанхиад эхийн хэлбэр онцлогийг эвдэн, агуулгыг алдагдуулалгүй, солонгос сурвалжийн хэлбэр найруулгаар тэмдэглэсэн хэмээн үзэж байна. «Гуулин улсын судар»-т их хааны жуу бичгийг үг үсэгчлэн буулгаагүй шалтгаан бол Дай Юань улсын шинэ үсэг буюу дөрвөлжин бичигтэй холбоотой байх магадлал өндөр гэж бид дүгнэв.

Указы и грамоты монгольского хана в «Истории династии Корё»: перевод и исследование

Перевод статьи на русский язык выполнен автором — прим. ред.

Введение

«История династии Корё» — одна из официальных историй Кореи (정사. 正史). Рукопись является фундаментальным источником, в котором, помимо сведений о политической, экономической истории и культуре династии Корё (или Гуулин)¹, имеются данные о биографиях видных деятелей. На сегодняшний день имеется ряд исследований, посвященных «Истории династии Корё», в том числе работы источниковедческого, литературоведческого, культурологического характера.

Изучению «Истории династии Корё» посвящено немало научных работ и монгольских учёных. К ним можно отнести статьи Б. Сумьябаатара «Документы по монгольско-корейским отношениям в XIII–XIV вв.» [Сумьябаатар 2015], Б. Лхагвы «Традиции монгольско-корейских отношений» [Лхагваа 2010], Ц. Цэрэндоржа «Международное положение в Северо-Восточной Азии в конце XIII–XIV вв. и отношения между Южной Юань и Корё» [Цэрэндорж 2014], Г. Эрдэнэчимэг «Роль брачных связей в монгольско-корейских отношениях (XIII–XIV вв.)» [Эрдэнэчимэг 2016].

В «Истории династии Корё» имеется немало сведений, касающихся истории Мон-

голии; для наглядности приведем некоторые статистические данные. Б. Сумьябаатар в ходе изучения данного источника выявил, что в «Истории династии Корё» зафиксировано 136 писем и документов, отправленных из Монгольской империи в Корё, и 171 письмо и документ, отправленные из Корё обратно, в Монгольскую империю [Сумьябаатар 2015]. Нами также при изучении источника «Истории династии Корё» выявлено 2 документа, касающихся отношений двух государств, и около 620 документов, в разной степени касающихся истории этих государств. Указанные факты наглядно свидетельствуют, что изучение данного источника остается актуальным и требуется дальнейшее тщательное исследование.

Целью данной статьи является обзор результатов исследования по выявлению документов и сведений не только по истории Кореи, но и по средневековой истории Монголии и ее культуре, по историческим памятникам, документам, касающимся внешнеполитических связей, в главе «Династийный дом» «Истории династии Корё», а также обзор грамот и указов, учредительных писем великого хана Монгольской империи, отправленных в Корё.

Письма и документы великого хана Монгольской империи, отправленные вану королевства Корё (1270–1280)

В ходе изучения главы «Династийный дом» «Истории династии Корё» периода 1270–1280 гг., как отмечалось выше, всего было выявлено около 620 документов, касающихся истории Монголии. Среди них к периоду с 1270 по 1280 гг. относятся всего 34 указа (здесь учтены указы, постановления и грамоты приказного и просветительского характера, которые далее будем называть указами) от великого хана Монгольской империи. Среди 16 указов, помимо их переводов с монгольского на китайский язык, также имеются 18 документов, разъясняющих содержание упомянутых указов. Ниже мы приводим таблицу документов, изложенную по хронологическому принципу.

¹ Государство, существовавшее на Корейском полуострове в период между 918–1392 гг. В этой статье, согласно сведениям источника, мы используем название «고려 (高麗)» — на монгольском языке оно звучит Гуулин, а в зарубежной литературе именуется «Корё». В источнике это государство датируется периодом с X в. Соответственно название рукописи, содержащей историю этого государства, «Корё-са» (고려사, 高麗史) мы перевели на монгольский язык как «Гуулин улсын судар», а на русский язык — «История династии Корё». Издревле монголы называли эту страну «государство Гаули, страна Гуулин», известны также сведения о том, что эту страну называли «Кори», «Солонго», «Солонгос», «Солхо», что Б. Сумьябаатар подчеркивает в своей работе «Документы по монголо-корейским отношениям в XIII–XIV вв.».

Таблица № 1. Указы Великого хана Монгольской империи, отправленные вану королевства Корё в 1270–1280 гг.

Виды документов, содержащих сведения о Монголии		1270	1271	1272	1273	1274	1275	1276	1277	1278	1279	1280	Всего
1	Грамоты и указы великого хана Монгольской империи	4	5	2		1	1	1			1	1	16
2	Документы, разъясняющие указы великого хана		1		5	1	2	4		3		2	18

Из документов 1270–1280 гг., сведения о которых приведены в таблице № 1, лишь некоторые указы великого хана Монгольской империи, записанные древнекорейскими иероглифами и отправленные в Корё, сохранились в целости. От отдельных указов сохранились только разъясняющие документы (документы комментирующего характера), либо сохранились фрагменты

документов, касающихся данных указов, которые свидетельствуют о том, что они относились к разряду особо важных или, если быть точнее, секретных, о чём говорится во введении «Истории династии Корё» [см. подробнее: Гадаад хэл соёл судлал 2016; Гуулин улсын судар 2016: 15–26; Хань Жөнхый 2008 (한정희, “국역고려사 1, 세가 1”, 서울, 경인문화사, 2008)].

Таблица № 2. Указы и грамоты великого хана Монгольской империи в королевство Корё в 1270–1280 гг., их краткое содержание, вид, хронология указов и документов, классификация сведений, которые могли быть пропущены в «Истории династии Корё»

№	Год	По лунному календарю	Месяц	День	Вид документов	Краткое содержание	Есть ли подлинник на корейском языке		
							да	дам	үгүй
1	1270	Год белой лошади, 11-й год			грамота	Соизволение вану от хуанди о западном шелке, о календаре	√		
2					грамота	Предупреждение вану королевства Корё «хоть владение твоё и маленькое, но целое, и ясно, что ты его владетель и только тебе ведомо и ясно помиловать или казнить, пожаловать или наказать. Ежели службу не справлять, живота не жалея, то знай, желающих занять сие место да рвение своё по службе во славу хуанди желающих показать имеется...»	√		
3					грамота	Предостережение о мятеже и о заботе подданных	√		
4					грамота	Извещение о перемещении дома Корё вглубь материка	√		

№	Год	По лунному календарю	Месяц	День	Вид документов	Краткое содержание	Есть ли подлинник на корейском языке		
							да	дам	угүй
5	1271	Год беловой овцы, 12-й год	первый месяц весны	желтоватый заяц	грамота	О сопровождении посланника в Японию, а также о том, чтобы до его возвращения расположить на морском побережье войско, и об оснащении и поставке сего войска всем необходимым	√		
6				последний месяц весны	красный тигр	грамота	О выступлении служивых в Корё для пахоты и далее планирование похода на Японию	√	
7			черноватая змея		грамота	Об отклонении визита вана в пределы империи	√		
8			первый мес. лета	красноватая змея	грамота	Вану корейскому о снаряжении 6000 солдат и взятии Чиндо	√		
9			последн. мес. лета	красная обезьяна	грамота	Вразумление от хуанди вану о том, чтобы своему слову был хозяином (слово не конь, упустишь — не поймашь)	√		
10			перв. мес. осени	красный тигр	грамота				√
11	1272	Год чёрной обезьяны, 13-й год	перв. мес. весны	белый тигр	указ	О вознаграждении и повышении по службе послов, прибывших из Японии	√		
12				посл. мес. зимы	синеватая овца	грамота	Империя Юань издала указ о выборе 6 000 солдат и 3 000 пловцов для похода на Чжэчжу	√	

№	Год	По лунному календарю	Месяц	День	Вид документов	Краткое содержание	Есть ли подлинник на корейском языке			
							да	дам	угуй	
13	1273	Год черноватого петуха, 14-й год	первый месяц весны	черная собака	грамота	Поскольку письмо посла империи Юань на новой монгольской письменности никто не мог прочитать, прошептал послу Им Юган на ухо «достать шкуру бурого медведя»		√		
14				синеватая курица	грамота	«Служивые империи Юань запретили шуметь в храме, дабы служители храмов в спокойствии и тишине могли совершать молебен».		√		
15			второй мес. весны		красная обезьяна	грамота	О назначении Хинду приставом в Тхамра		√	
16					грамота	О введении запрета служивым империи Юань о порабощении девиц в служанки и о соизволении королевства Корё в открытии оружейной мастерской		√		
17					второй мес. лета	черная обезьяна	грамота	Об оглашении империей Юань о хатун и тайджи через гонца		√
18	1274	Год синей собаки, 15-й год	второй мес. лета	белая мышь	грамота	О запасе продовольствия и поддержке пахотных работ		√		
19							второй мес. осени	желтоватая змея	грамота	Указ императора о назначении преемника вана на престол королевства Корё и об управлении делами государственными

№	Год	По лунному календарю	Месяц	День	Вид документов	Краткое содержание	Есть ли подлинник на корейском языке		
							да	да	угүй
20	1275	Год синеватой свиньи, 16-й год	второй мес. лета	синяя собака	грамота				√
21			посл. мес. лета	красный дракон	грамота	О снятии наказания за поднятие смуты в Т _х амре и схоронившихся в чжу хён		√	
22			первый мес. зимы	белая собака	грамота	О введении запрета на сватовство и заключение браков между собой в роду Вана Корё	√		
23	1276	Год красной мыши, 17-й год	перв. мес. осени	красноватая корова	грамота	Об утверждении календаря	√		
24			втор. мес. зимы	синеватая змея	поучающий указ	О временном отклонении срока визита вана во владения империи		√	
25			посл. мес. осени	белая обезьяна	грамота	О помиловании		√	
26			перв. мес. зимы	синяя мышь	указ	Утверждение срока визита вана и принцессы в пятом месяце, утверждение воинских расходов		√	
27			желтый дракон	грамота					√

№	Год	По лунному календарю	Месяц	День	Вид документов	Краткое содержание	Есть ли подлинник на корейском языке		
							да	дам	угүй
28	1278	Год желтого тигра, 19-й год	перв. мес. весны	черная мышь	грамота	Об утверждении нового календаря		√	
29			втор. мес. весны	желтоватый заяц	грамота				√
30			посл. мес. весны	синяя лошадь	указ	Указ о соизволении вана прибыть с визитом во владения империи		√	
31	1279	Год желтоватого зайца, 20-й год	перв. мес. весны	синеватый заяц	грамота	Оглашение грамоты об утверждении нового календаря	√		
32	1280	Год белого дракона, 21-й год	посл. мес. весны	желтая лошадь	грамота	Возложение запрета на забой домашнего скота беглыми служивыми, уйгурами и гунами китайской земли		√	
33			втор. мес. осени	беловатая свинья	поучающий указ	Оглашение указа о визите вана во владения империи		√	
34			посл. мес. зимы	беловатый заяц	грамота	Сведения о награждении вана и гунов королевства Корё	√		

Все вышеприведенные документы до сегодняшнего дня пока еще не введены в научный оборот. Для изучения указов и грамот, посланных от великого хана Монгольской империи вану королевства Корё, нами был использован источник «История династии Корё», изданный университетом Тон-а. Ввиду того, что источниковые данные на монгольском языке отсутствуют, мы преимущественно пользовались источниками на корейском языке. Отдельные из вышеуказанных указов и грамот были изучены корейскими учёными как источники по языку, имеются также работы источниковедческого характера [Паг Йёнрог 2014; Паг Йёнрог 2013; Ко Мёнсю 2006; И Гайсэг 2014]¹. Следует особо подчеркнуть, что до сегодняшнего дня эти исследования не переведены на монгольский язык и не изданы на нем.

Указы на корейском языке и их перевод на монгольский язык

1. 1270 год, последний месяц зимы, день синеватого зайца, грамота

“頃承世嫡來展壽儀雖歲事之有常見敬心之無替宜申寵錫用勤誠今賜卿西錦一段及曆日。”

«Несколько лет тому назад из Корё молодой ван² явился ко мне с визитом. Хотя и вошло это в традицию как подобающее, но знаю, что его уважение к моей особе непоколебимо. Почему следует соизволить наградить его за его верность и, особо отмечая преданность, выдать один рулон шёлка из западных краев и выдать летосчислительную грамоту».

2. 1270 год, последний месяц зимы, день синеватого зайца, грамота

“陪臣元傅等奏陳頭輦哥國王行省官等擾害數事今使對辨皆是不實。復言非卿親所聞見得之他人此殆非出卿意若輩小人所

¹ 朴英錄, 《高麗史》에 수록된 蒙元公文의 用語와 翻譯에 대한 검토, 大東文化研究 제 85집, 2014. 元代八思巴文獻研究導論, 충주대학교, 2009. 《高麗史》 蒙古直譯體白話牒文二篇의 解釋의 研究, 中國言語研究 제 44 輯 2013. 고명수, 《高麗史》 ‘世家’ 중 몽골 관계 기사 역주 1, 한국중세사연구 제 21호, 2006. 이개석, 《高麗史》 元宗 忠烈王 忠宣王 세가 중 원 朝 關係 記事 의 研究, 동양사학연구, 제 88집, 2004.

² Наследник престола Ван Шим (왕심. 王謹. ван Чунрел).

爲。曩者卿嘗謂朕：‘毋聽小人之言。’朕諭之曰：‘朕於小人之言或曾誤聽第朕不自知卿慎勿聽也。’自今觀之卿亦聽小人之言寧非顯然若輩小人又陳說前代故事暨祖宗法度雖有前代故事或卿祖宗法度豈無善與不善當擇其善者從之其不善者改之可也朕於卿豈肯用不善之心？若欲用不善之心當在去年矣。如前年有人言高麗與南宋日本交通嘗以問卿卿惑於小人之言：‘以無有。’爲對今年却有南宋商船來卿私地發遣迨行省致詰始言不令行省知會是爲過錯。又見有將到日本國歸附高麗人說：‘往者日本歲貢高麗。’又前年卿承當括兵造船至今未見成效托於林衍擅權事非由己。朕若此後再用小人卿寧復指以爲辭？卿國雖小卿亦是一國之王黜陟威福或是或非當自己出。如專任不善之人則不善之事止及卿身。天道悠遠事之未來者人孰預知就人事論之若輩小人於卿猶擅廢立於卿子孫豈肯盡心輔佐？朕與卿既爲一家籍我國家之力以威遠人自茲以往或南宋或日本若有事則兵馬戰艦資糧宜早措置儻依前託辭以營辦爲難則爭效成功之人甚衆。卿其思之。”

«Ввиду того, что поступил доклад по ряду тягчайших дел, учиненных твоим поданным чиновником Вёнбу (원부. 元傅) и прочими, т. е. Тоуньянгэ Го ван (두려가 국왕. 頭輦哥國王) и чиновником дорожного министерства (행성관. 行省官) в Корё, ныне после опознания и допроса выявлено, что это дело не имеет основания. Далее оные дали показания, что сие дело с твоей стороны не было самолично рассмотрено, а услышано о нем из чужих уст. И что эта идея не является твоим умыслом, а всего лишь ложным наговором оных малых детей. Ранее тобою единожды совет был дан „Не прислушивайся к речам мелких людишек“, на что с моей стороны ответ был таков: „Не припомню, что у меня ранее был случай, когда слушал бы речи мелких людей и был повод совершить ошибки. И поучение даю, впредь тебе следует быть осторожным и не совершать ошибок досадных“. Таким образом, ныне думается, что и тебе довелось слушать речи мелких людей?»

Эти молодые, видимо, тоже долго держали речи о древних законах, законах дедов и прадедов, что означает хоть сей древний закон, закон дедов и прадедов, яко ж в нем не может быть и изъянов? Посему подобает извлекать из оных законов хорошее да исправлять изъяны. Далее яко ж я могу мысли плохие иметь по отношению к тебе. Ежели же и было бы так, давно бы получил стоя-

щее наказание. В прошедшем же году некто, услышав, что «королевство Корё имеет сношения с Южной Сун и Японией», спросил у тебя, правда ли это. Тако ж ты, поверив и будучи одурачен оными малыми детьми, ответ дал мне, что таковых дел и сношений не имеется.

Ныне же, то есть в этом году, когда торговое судно прибыло в Корё, ты втихую от нас отправил обратно, и только тогда, когда в дорожном министерстве подняли шум, ты прибыл с повинной в это министерство и просил прощения. Так же был случай встретиться с подданным Корё, принявшим наше покровительство и собиравшимся в Японию, оный же подданный правдиво сказал, что в древности японцы ежегодно платили дань Корё. Так ты в истекшем году хоть и получил поручение созвать военных служивых и соорудить флот, но не только до сей поры не исполнил, а указал на Им Ён (원부. 元傅) (두려국가왕. 頭輦哥國王) (행성관. 行省官) (임연. 林衍), якобы оный злоупотребил полномочиями, посему ты и не смог осуществить задуманное. Впредь, ежели я вновь назначу мелкий люд, можешь ли ты обучить и выполнить оное дело?

Хоть и мало твоё владение, но ясно, что ты являешься ваном — владельцем целого королевства, и лишь тебе ведомо, казнить или помиловать. Только ты можешь вершить суд над правдой и ложью. И, стало быть, ежели ты неверным и плохим людям доверил власть, то всю ответственность будешь нести лично. Небесное равенство далеко и зыбко, и никто вперед не знает решения, пока не встретится лицом к лицу. Так же можно и о людях размышлять, оные малые дети своевольно ежели снесут тебя с трона, как же они будут и детям твоим служить верою и правдой?

Я же издавна породнился с тобой, стали мы единой семьей, и мощью государства нашего подданных дальних стран поддается под опеку свою брать. Ныне и далее приказываю тебе, буде Южная Сун или Япония или кто другой зачинит смуту, надлежит снарядить войско, боевые корабли, коней боевых, да питание войсковое приготовить, то бишь все приготовления походные провести, чтобы безупречно было приготовлено. А ежели отнекиваться да всякие причины перечислять да кручиниться, как ранее случалось — помни, желающих совершить подвиг да услужить службу, восседая на высоком том сидении, имеется много».

3. Последний месяц зимы 1270 года, день синеватого зайца, грамота

“頃以林衍叛逆乃命將出師撫定爾國今罪人殲滅卿宜奠居舊京東方無事矣.然念罹茲變故東土之人不無驚擾自茲以往卿其保全生聚諭以朕意毋或妄生猜釁各安其業.”

«Столь недавно, дабы подавить восстание Им Ёна, назначил полководцем да снарядил войско в поход, и умиротворено было королевство твоё. И ныне все повинные до единого исчезли с лица земли, а ты, когда в старой столице восседаешь в спокойствии, народ твой от мала до велика, должны жить в спокойствии тихо и мирно. Но стоит лишь поразмыслить, неоспоримо то, что доселе при думе о том, что могут испить чашу горечи и лишения, весь народ трепещет в страхе. Стало быть, далее охраняй да заботься о подданных, и думы мои среди народа оглашай, и чтобы оные без малейших сомнений в чём-либо каждый со спокойствием занимались житейскими заботами».

4. Последний месяц зимы 1270 года, день синеватого зайца, грамота

“近以高麗權臣構亂乃遣兵東下唯林衍是問不意脅從誑誤之人妄自疑懼往往逋竄未出或逃往他境因爲叛逆朕之素心務在輯寧爾邦詔諭之後有能自新復歸本國其已往之愆咸當矜釋其中雖有早曾背主逃匿爾國中者亦令安業爲民不許各主認識如或不爾雖悔可追.”

«В последнее время знать королевства Корё подняла смуту и, дабы обуздать сего буйного, выступило войско на восток, цель имея усмирить да суд учинить над Им Ёном. Тут простой люд, и силой да устрашением втянутый, и по незнанию сути усомнившись, высшими был вовлечен, а после разбежались кто куда и затаились, а во владения чужие сунувшиеся стали причиной смуты да шума. Моё же исконное желание всегда печься о благополучии твоего королевства, посему, получив сию грамоту, оцени по здравомыслию, ежели возвратишься на материк, то отпущу грехи твои да ошибки, совершенные ранее. А до того изменившие хозяину да схоронившиеся в Корё, так и простой народ, пусть живут себе тихо и мирно, и не позволю хозяевам учинять погоню за ними. А ежели не уразумеешь сей приказ да не послушаешься, потом каяться поздно будет».

5. Первый месяц весны 1271 года, день желтоватого зайца, грамота

“朕惟日本自昔通好中國又與卿國地相密邇故嘗詔卿道達去使講信修睦爲渠疆吏所梗不獲明諭朕意後以林衍之故不暇及今既輯爾家復遣趙良弼充國信使期于必達仍以忽林赤王國昌洪茶丘將兵送抵海上比國信使還姑令金州等處屯住所需糧餉卿專委官赴彼逐近供給鳩集船艦待於金州無致稽緩匱乏。”

«Думаю, Япония издревле имеет отношения со Срединным государством и, поскольку граничит с твоим королевством, и ранее, давая указы да направляя посла, выразил пожелание о дружбе. Но, поскольку чиновник, несший службу на той границе, помешал сему делу, моя мысль не была донесена, как хотелось бы, а после из-за дела Им Йёна и случай не подвернулся на то. Ныне же, поскольку в твоих владениях воцарилось спокойствие, вновь назначаю Чо Янпхия (조양필. 趙良弼) послом, посему повелеваю доставить обязательно его в Японию. Окромя сего, велено Кхумчи (쿠름치. 홀임적. 忽林赤), Ван Гугчан (왕국창. 王國昌), Хон Дагу (홍다구. 洪茶丘), возглавив своё войско, сопровождать посла до берега морского и до возвращения его расположиться в местности Кымчжу (금주. 金州). По расположению войск в нужный на то срок ты, назначив, отправишь чиновника, да повелеваю собрать с окрестных поселений и приготовить нужный провиант, подготовить корабли да лодки в Кымчжу (금주. 金州) и содержать их в готовности. Разрешить без промедления» [см. подробнее об этой грамоте: Солонгос судлал 2016: 63–73].

6. Последний месяц весны 1271 года, день красного тигра, грамота

“朕嘗遣信使通諭日本不謂執迷固閉難以善言開諭此卿所知今將經略於彼有司發卒屯田用爲進取之計庶免爾國他日轉輸之弊仍復遣使持書先示招懷卿其悉心盡慮裨贊方略期於有成以稱朕意。”

«Ранее, когда я учредил посла в Японию, дабы установить с ним связь, неожиданно по глупому упорству двери захлопнулись накрепко, и ныне словами красными уговорить стало трудно, о чём тебе ведомо. Ныне же, чтобы прибрать их под руку высочайшую, дав поручения да надлежащее управление и снарядить войско для пахотных работ да сеяний зерна, планируем после

двинуть к ним войной. В этом есть и забота да мысль освободить в дальнейшем твоё королевство от посильной службы поставки продовольствия войску. Посему прояви рвение да окажи замыслу моему содействие и вышли посла с верительной грамотой, да мысли мои ханские передав им и вразумив их, моему желанию подсоби».

7. Первый месяц лета 1271 года, день красной змеи, грамота

“王所奏陳朕悉知之嚮王在國中猶有姦人生事今叛人未靖王不可來朝。”

«Доклад твой я полностью понял. Ранее, когда ты гостевал в пределах империи, лживый народ поднял смуту за спиной твоей, и смута, поднятая оними, до сей поры не утихомирена. Посему приезд твой в пределы империи ныне вижу неподходящим»

8. Первый месяц лета 1271 года, день красной змеи, грамота

“據忻都白羊奏請添遣軍馬比及暑雨前討平逆賊朕以爲暑雨之前軍馬未能到彼卿宜於旁近簽軍六千人分附攻取珍島若事早畢於卿百姓便益。”

«Хинду (хинду. 혼도. 忻都), Баян (баян. 백양. 白羊) вам с докладом: прошу, укрепив мощь войска да коней до жары и дождей проливных загодя поставив, укротить разбойников да умиротворить людскую жизнь. Думается, загодя, до летних дождей, главное войско не дойдет до тех мест. Тебе же, ван, повелеваю, собрав на местности 6 000-ое войско да распределив, выступить на Чиндо (хинду. 혼도. 忻都), (баян. 백양. 白羊) (чиндо. 珍島) и захватить его. Чем раньше разрешится это дело, тем более народу твоему оное полезно будет».

9. Последний месяц лета 1271 года, день красной обезьяны, грамота

“卿嚮遣印公秀奏曰:‘小邦蓄積就陸之日悉爲逆賊攘奪又因供億王師罄盡無餘歛及中外臣民甚爲艱窘而又耕牛不畜難於徵索.’乃有司前往體問卿方上表謂軍馬接秋糧餉限以力盡不令受飢屯田農牛農器等漸次當依元數則前奏豈非虛妄且匹夫一言不誠尙恐不爲人所信卿一國臣民之主敷奏不實可乎爾後慎勿如此卿又云:‘吾之民亦是皇帝之民也使其失業不堪勞苦則恐有貳於盜賊若不揆力陳實早達于宸所以至困窮誰任其責?’盖由爾國不逞之人肆爲叛逆以致軍民之勞旣爲一家初無內外之間如撫定之後豈坐視人民困苦而不加恤哉尙體至仁益殫誠赤。”

«Ты, ван, на днях отправив Ин Гонсу (인공수. 印公秀), как дань собранное имущество при отправке на материк полностью дал врагу разграбить, тако ж для нужд войска собранный провиант, и далее, чтобы вновь собрать, палец об палец не ударил. И челобитную присылал, мол, лихо стало собрать от всех подданных дань, дело ныне непростое и ныне не найти для пахоты упряжного быка, что оно тоже является делом непростым. Посему ответ был дан лично явиться в министерство соответствующее да уведомить, что к чему.

Так ответ-то твой, присланный на днях, мол, „Войско имперское до осени снабдить под силу, дабы они не голодали да нужд лихих не видали, и на то нужное количество упряжного скота и инструментов надобных в нужном количестве имеется“ не подтверждает ли, что слово ранее молвленное не что иное, как вранье? Ежели простой смертный боится доверие людское потерять из-за одного неверно сказанного слова, отчего и желание имеет правдою всё излагать, ты же, ван, владетель одного королевства целого, яко ж можешь лгать? Отсель будь же внимателен да осторожен, дабы не повторилось сие дело. Так же ты говорил: „Народ же мой является подданным империи твоей и яко ж можно отнять их хлеб насущный — народ от бедствий лихих, не видя выхода, не станет ли на путь разбоя?“. И не ты ли вопрошал меня „Вы, не вникнув в положение и заранее не доложив правды, народ мой повергли в беду лихую, и за слово сие кто ответ будет держать?“.

Помнится, непослушные твои подданные, подняв голову непокорную, смуту затеяли, за что войско да народ простой всю горечь нужд лихих претерпели? И ведь два дома под единую крышу давно стали, не оставив одного за порогом, а после того как опекал всех единой заботой, как можешь не считать да не вникать в людскую нужду да горечь? И впредь ханское помилование моё великое всею душою и мыслью вразумев да поняв, будь прилежен и рвение прояви».

10. Первый месяц осени 1271 года, день красного льва, грамота

Отсутствует описание содержания грамоты.

11. Первый месяц лета 1271 года, день белого тигра, грамота

“譯語別將徐 校尉金貯使日本有功宜加大職.”

«Ведающего переводами специального полководца (역어별장. 譯語別將) Се Чхин (서칭. 徐 校尉) Ким Же (김저. 金貯) — оных, по особому доверию обязанности послов в Японию исполнивших и совершивших подвиг, в награду повысить по службе».

12. Третий месяц зимы 1272 года, день синеватой овцы, указ императора

元以攻討濟州詔王簽軍六千水手三千.

«Издан приказ, потому как империя Юань идет войной на Чэчжу (제주. 濟州), собрать войско в 6 000 человек, умелых пловцов 3 000 выбрать».

13. Первый месяц весны 1273 года, день чёрной собаки, грамота

元使來王迎詔于宣義門其文用新制蒙古字人無識者使者云：“因林惟幹所奏求火熊皮也.”

«Поскольку прибыл посол империи Юань с императорской грамотой, ван лично встретил его у ворот Сен-ый (선의문. 宣義門), но не было грамотного прочесть новую письменность монгольскую, послу Им Югану (임유간. 林惟幹) прошептал на ухо смысл письма „доставить шкуру бурого медведя“».

14. Второй месяц весны 1273 года, день синеватого петуха, грамота

黃鳳州經略使差人齎元詔來令僧徒出迎其詔云：“禁軍士搔擾僧舍損毀經像使之安心作法.”

«Войско империи Юань возложило запрет: не шуметь и не издавать звуки в храмах, не уничтожать священные книги и святыни, а священникам сказано, пусть в спокойствии и душевном благоденствии проводят службу духовную».

15. Второй месяц весны 1273 года, день красной обезьяны, грамота

忻都劉統領萬戶鄭溫朴古大等來自塩州屯所傳詔二通一以忻都等領軍討耽羅一禁官軍擅奪良家女爲婢又聽自制兵仗從王請也.

16. Второй месяц весны 1273 года, день красной обезьяны, грамоты 1, 2

1) «Под предводительством Хиньду идти войной на Т_x амра (탐라. 耽羅)».

2) Содержание грамоты таково: «Возложен запрет, потому как чиновники да воины империи Юань девиц из благородных (благородных домов) отбирают в служанки. По челобитию вана Корё соизволено сему королевству самим ковать оружие».

17. Второй месяц лета 1273 года, день чёрной обезьяны, грамота
元册封皇后太子遣使頒詔.

«Послан гонец с оповещением и оглашено об императрице и о повышении в тайджи».

18. Второй месяц лета 1274 года, день белой мыши, грамота
元遣使詔勸課農桑儲峙軍糧仍命洪茶丘提點農事.

«Выслана грамота, гласящая „Империя Юань поощряет земледелие, которое позволяет запастись войсковым провиантом“».

19. Второй месяц 1274 года, день желтой змеи, грамота

“國王在日屢言世子可以承替今命世子承襲國王勾當凡在所屬並聽節制。”王受詔畢謁景靈殿還御康安殿服黃袍即位受群臣朝賀仍宴詔使詔使以王駙馬推王南面詔使東向達魯花赤西嚮坐王行酒詔使拜受飲訖又拜達魯花赤立飲不拜詔使曰：“王天子之駙馬也老子何敢如是吾等還奏汝得無罪耶？”¹曰：“公主不在且此先王時禮耳。”

«Ван королевства, покуда был во здравии и светлом уме, не единожды молвил, что наследник престола (о тебе. — перев.³) оправдает надежды да достойно продолжит государеву службу. Посему повелеваю ныне, наследник престола (ты. — перев.) должен взойти на трон вана и продолжать службу, а подданные же его да пусть беспрекословно повинуются ему».

20. Второй месяц лета 1275 года, день синей собаки, грамота

Содержание грамоты как таковой не имеется.

21. Третий месяц лета 1275 года, день красного дракона, грамота

元遣使詔赦耽羅賊黨逃匿州縣者.

«Прибыл посол Империи Юань с грамотой „помиловать да освободить от суда ранее в Т^амра [поднявшего восстание. — перев.] сбежавшего в чжу хён (주현. 州縣, чжоу, сянь. — перев.)“».

³ Разъяснение переводчика дано в источнике.

22. Первый месяц зимы 1275 года, день белой собаки, грамота

“爾國諸王氏娶同姓此何理也?既與我爲一家自宜與之通婚不然豈爲一家之義哉!且我太祖皇帝征十三國其王爭獻美女良馬珍寶爾所聞也王之未爲王也不稱太子而稱世子國王之命舊稱聖旨今稱宣旨官號之同於朝廷者亦其比也又聞王與公主日食米二升此則宰相多而自專故耳凡此皆欲令爾知之非苟使爾貢子女革官名¹宰相也. 黑的來言爾國事非一並不聽許爾其知之.”

«Род ван вашего королевства, промеж собой заключаете браки и состоите в отношениях свойства, что недопустимо. Став с нами единым домом, по сути должны бы с нами родниться и сватовство заводить, не будь так, как же можно говорить, мол, мы одна семья, да о законе единой семьи слова молвить? И до твоих ушей, думается, дошло, как только наш Т^хайзу хуанди (Чингис хаан. — перев.) объединил 13 государств, все ваны королевств оных, опережая друг друга, красивых женщин да скакунов резвых, редкие драгоценности разные спешили преподнести.

Тебя, ван, еще когда не взошел на трон, не нарекали тайджи, а именно наследником назвали, и в указе вана ранее если писали “сөнжи”, то исправили на «сөнъжи», и среди титулов чиновников схожие с нашими имперскими званиями сменять подобается.

Дошло до нашего слуха, что ван и принцесса в день принимают две чаши риса. Причина этого в том, что министров высших стало много, и они де бразды правления в руках своих держат. Изрекая все эти примеры, тебе напомнить да направить тебя желание имею. Да ты, не вникнув во всё это, красивых женщин в подарок не давай и названия титулов вельмож высоких не спеши менять. Ты знаешь, что когда Хэйдэ (흑적. 黑的), придя, слово молвил про твоё королевство, мол, надобно поправить да исправить, дел у вас не одно и не два, но я, император, всё до конца услышав, отклонил всё».

23. Первый месяц весны 1276 года, день красноватого быка, грамота

“四時不忒推鳳曆以紀年萬國攸同矧雞林之受朔若稽舊典用布大和今賜至元十三年曆日一本卿其敬授農時益遵田正籍爾蕃宣之力贊于平秩之功率勤南畝之民罔知遊惰爰俾東陲之俗丕變雍熙庶績其凝朕言無替.”

«Все четыре времени года меняются без малейших ошибок. Следовательно, считать дни и месяцы календаря все должны одинаково. Тем более, что для королевства Корё традиция ченсак (정삭. 定朔)⁴ повелась издревле, о чем говорит календарь 13 года Чжи-юан-я. Посему ты, ван, должен обучить тому, когда наступает день и час начала пахоты, тщательно блюсти счет, созданный в древние времена чиновником по земледелию, и мне, императору, в государственном деле помогая, вершить дела. А крестьянам повелеваю не отсиживаться да не отлынивать от работы, с рвением и прилежностью работая, изменить обычаи дальнего края северного в лучшую сторону, что и будет вашим подвигом, посему не нарушать слово моё».

24. Второй месяц лета 1276 года, день синеватой змеи, просветительский указ
將軍高天伯自元還帝 停親朝.

«Полководец Ко Чхенпек (고천백. 高天伯) вернулся из империи Юань и передал указ императора, чтобы ван повременил с визитом во владения империи».

25. Третий месяц осени 1276 года, день белой обезьяны, грамота
元以平定江淮遣不花來詔赦天下.

«Империя Юань умиротворила Цзянхуай (강회. 江淮), отправив Буха (부카. 不花), и объявила указ о великом помиловании во всей Поднебесной».

26. Первый месяц зимы 1276 года, день синей мыши, грамота

元遣忽刺 命王及公主以明年五月入朝 又移放羅州馬於珍島又罷合浦鎮邊所稍工水手又令西海道歸附軍自耕而食.

«Империя Юань отправила Хуладая (쿠라다이. 홀자대. 忽刺 1250–1311)⁵ и указала вану и принцессе летом будущего года прибыть с визитом во владения империи, а также переправить в Чиндо (진도. 珍島) пастись коней Начжу (나주. 羅州). Далее приказано всех морских и рукодельных дел мастеров Хабп-ожиньбёнсо (합포진변소. 合浦鎮邊所) освободить от всех албанов,

⁴ См.: [Хань Жөнхый 2008: 47]. Здесь отмечено, что он сын принцессы дома Чэгугдэжангуг. Об этом сыне принцессы дома Чэгугдэжангуг см.: [Эрдэнэчимэг 2016: 67–76].

⁵ См.: [Хань Жөнхый 2008: 47; Эрдэнэчимэг 2016: 67–76].

принявшим подданство Сохэдо (서해도. 西海道) войскам самим заниматься земледелием».

27. Первый месяц зимы 1276 года, день жёлтого дракона, грамота

金方慶受虎頭金牌仍齋詔書還王出城以迎.

«По случаю того, что Ким Бангён (호두금패. 虎頭金牌) воротился с золотой пайцзой с головой льва и указом, ван вышел встречать за городские ворота» (подлинник данной грамоты в источнике не имеется).

29. Второй месяц весны 1278 года, день желтоватого зайца, грамота

郎將李仁齋頒曆詔還自元. 王出迎于城外.

元遣闊闊 等來頒詔.

«Из империи Юань отправлены Хухдэй (코코다이. 활활대. 闊闊) и другие, и распространён указ».

30. Третий месяц 1278 года, день синей лошади, грамота

印侯還自元帝召還洪茶丘又命王入朝.

«Ин Ху (인후. 印侯) вернулся из империи Юань, и хуанди через него вызывает Хон Дагу, указом императорским вана приглашает к себе во владение империи».

31. Первый месяц весны 1279 года, день синеватого зайца, грамота

“朕若稽天象敬授人時所以大一統重民事也. 卿世守藩方歲修貢職宜頒新朔用示同文尙驅東作之民勉率西成之.”

«Я, объявляя календарь, указывающий передвижения небесных светил и смену времен года, расширяю дело государственное объединить мир под одной крышей и так уважаю житье народа и хозяйство простолудинов. Ты, чиновник [ван], будучи из поколения в поколение защитой (моей. — перев.) и заслоном (из подданных. — перев.), каждый год дань преподносил, потому будем пользоваться единой письменностью и будем в одной общей культуре. Повелеваю весной крестьянам, жизни не жалея, быть прилежными в деле земельном и осенью урожаем обильный собрать».

32. Второй месяц осени 1280 года, день жёлтой лошади, грамота

元遣蠻子海牙來帝 禁郡國舍匿亡軍回恣行屠宰.

«Империя Юань послала посла родом из южного края Хайяа (카야. 海牙) с императорским указом наложить запрет своевольно заниматься бойней беглым воинам с земель Срединной империи и уйгурам».

33. Второй месяц 1280 года, день беловатой свиньи, просветительский указ
將軍朴義還自元帝王親朝.

«Полководец Пак Ый (박의. 朴義) вернулся из империи Юань и огласил императорский указ о приглашении вана во владение империи».

34. Третий месяц зимы 1280 года, день беловатого зайца, грамота

帝冊王爲開府儀同三司中書左丞相行中書省事賜印信. 又以金方慶爲中奉大夫管領高麗軍都元帥; 知密直司事朴球金周鼎爲召勇大將軍左右副都統並賜虎頭金牌印信; 趙仁規爲宣武將軍王京斷事官兼脫脫禾孫賜金牌印信; 朴之亮等十人爲武德將軍管軍千戶賜金牌及印; 趙朴等十人爲召信校尉管軍摠把賜銀牌及印; 金仲成等二十人爲忠顯校尉管軍摠把.

«Хуанди соизволил вану кайфу итунсаньсы (개부의동삼사. 開府儀同三司), (중서좌승상. 中書左丞相) чэнсяну левого крыла центральной письменной провинции, хэнчжунсенсенсану (행중서정사. 行中書省事) вручить печать. Далее Ким Бангёну чунбондэбу (중봉대부. 中奉大夫), дуоаньшуаю (관령고려군도원수. 管領高麗軍都元帥) Корёского войска, также чимилчжигсасу (지밀직사사. 知密直司事) Пак Гу (박구. 朴球), Ким Чжучжэну (김주정. 金周鼎), великому полководцу соёну (소용대장군. 召勇大將軍), пудотону (좌우부도통. 左右副都統) левого и правого крыла — всем им соизволил даровать золотую пайцзу с головой барса (호두금패. 虎頭金牌). Также Чо Ингю (조인규. 趙仁規) — Лихого полководца (선무장군. 宣武將軍) назначил столичным судебным приставом «дзаргачи» (왕경단사관. 王京斷事官) и учредил для него должность (토토카순. 脫脫禾孫). Посему всем соизволил даровать золотую пайцзу (금패. 金牌) и печать, Пак Жиряну и другим десяти вельможам соизволил даровать звание «Мудрый полководец» (무덕장군. 武德將軍), квангунчэнхо (관군천호. 管軍千戶) (тысячнику. — перев.) золотую пайцзу и печать, Чо Бёну (조변. 趙抃) и другим десяти вельможам назначил сошингёвуй (소신교위. 召信校尉), квангунчонпха (관군총파. 管軍摠把)

管軍摠把) да серебряную пайцзу и печать, Ким Жунсен (김중성. 金仲成) и двадцать вельмож назначил на должности чунхёнгёвуй (충현교위. 忠顯校尉), квангунчонпха (관군총파. 管軍摠把)».

Особенности указов

При изучении указов монгольского великого хана к вану королевства Корё с 1270–1280 гг., которые отмечены в «Истории династии Корё», можно разделить на две основные группы. Во-первых, это грамоты, во-вторых, указы и просветительские указы.

Из всех 34-х указов нижеприведенные указы в «Истории династии Корё» на древнекорейском языке отмечены как «шэнчжи (聖旨)» или указ.

а) 1272 года 12 месяца дня синеватой овцы указ

б) 1276 года 5 месяца дня синеватой змеи просветительский указ

с) 1276 года 10 месяца дня синей мыши указ

д) 1278 года 3 месяца дня синей лошади указ

е) 1280 года 7 месяца дня беловатой свиньи просветительский указ

Кроме этих указов, все остальные отмечены в данном источнике как «джуу» или грамота. Поскольку у нас не имеется подлинник на монгольском языке, мы, опираясь на вариант, написанный на древнекорейском языке, провели классификацию. Поэтому необходимо рассмотреть вопрос: что такое приказная грамота и указ, каким они были и их особенности.

До сегодняшнего дня достаточно большой ряд переписных записок и служебных записей, касающихся монгольской истории, сохранился как в подлинном виде, так и копиях или во второстепенных материалах. Письменные послания или же указы и приказы ханов (хаанов, императоров), наследных вельмож и владетелей можно разделить на указы, письма, гэрэгэ (верительный документ. — перев.) [Цэрэндорж 2015: 121–122]. Постараемся на материале исследуемого источника уточнить, что такое указ хана, письмо, грамота.

Указ: только повеление хана называется указ или же приказ (дзарлиг), а повеления и инструкции родственных с ханом вельмож, императриц, племенных владетелей, министров, чиновников обозначаются не иначе как «слово» (уг). Это, на наш

взгляд, является особенностью письменной традиции Дай Юань или же Великой империи Юань. Этот порядок более ста лет соблюдался в монгольской империи со времени провозглашения Хубилай-ханом династии Дай Юань в 1260 г. и до 1368 г., когда хан Тогон-Тэмур, оставив Дайду, удалился на север [Цэрэндорж 2015: 121–122].

Словосочетание «волею вечного неба» или же «Мунх тэнгэрийн хучинд» и его перевод на китайский язык «上天眷命» всегда писали в первой строке указов монгольского хана в империи Юань и подвластных регионах [Сугияма Масааки 2015: 270–271].

Все указы великого хана именовали «шэнчжи (聖旨)», а грамоту (документ) «джуу» (詔), причем их строго различали и соблюдали терминологию. Слово «шэнчжи» означает указ хана на монгольском языке, а смысл слова «грамота» означает документ, изначально написанный на китайском языке [Цэрэндорж 2015: 130].

Все указы изначально были написаны на монгольском языке или, если быть более точным, записаны квадратной письменностью монгольского языка и после переведены на китайский язык. Но всё же есть случаи, когда в переводах на китайский язык ханского указа (в первых строках) вообще отсутствует обязательное по требованию того времени словосочетание «Волею вечного синего неба» или же «Мунх тэнгэрийн хучинд». И если всё-таки допустить возможность отсутствия этих слов в указе, то встаёт вопрос: а где же подлинник указа на монгольском языке? Привлекает внимание и то, что эти документы представляют собой второстепенные и неполные документы, а не полноценный оригинал. Последний факт можно связать с особенностями использования квадратной письменности. В заметке дня чёрной собаки первого месяца 1273 г. записано, что «грамоту хуанди империи Юань, присланную послом, ван принял, но она была написана на новой письменности, и монгольский посол объяснил смысл написанного». Новая письменность — это не иначе как квадратное письмо. Квадратное письмо было составлено в 1269 г., и с того периода ханские указы и приказы писали не более ранней монгольской письменностью, а квадратным письмом. Это подтверждается данными источников более позднего времени на корейском языке. Например: «Монгольские буквы двух

типов. Первое письмо называется уйгурджин, а второе именуется квадратным. Раньше грамоты и надписи на печатях писали квадратной письменностью, а в повседневных делах использовали уйгурджин ...». И в указе Хубилая о введении квадратной письменности чётко и ясно написано: «...указы для распространения писать новой (квадратной) письменностью и на языке подданных писаны лист сопровождать» [Цэрэндорж 2015: 128]. Исходя из этого, мы можем выдвинуть гипотезу, что изучаемые нами указы были записаны не только квадратной письменностью, но и на китайском языке, и направлялись в Корё.

Если проследить содержание всех указов монгольского великого хана с 1270–1280 гг. в Корё, содержание которых отмечено в «Истории династии Корё», то ясно, что все они заносились в данный источник не с подлинника, написанного на письменности уйгурджин, а с указа, записанного на китайском языке, то есть с копии. Анализ данных указов показал, что их можно разделить на следующие группы: содержание указа передано полностью, документ написан на китайском языке; передан только общий смысл указа; отсутствуют сведения даже об общем смысле указа.

1. Содержание указа передано полностью и/или имеется полный перевод указа на китайский язык. На данный момент выявлено всего 16 таких документов. В них мы не видим официальные термины, в обязательном порядке присутствовавшие в монгольских документах того времени.

С периода правления Хубилай-хана указы великих ханов в обязательном порядке начинались с трёх слов «Мунх тэнгэрийн хучинд» («Волею вечного неба»), а в нами изучаемых документах эти строки отсутствуют.

Данные указы на китайском языке именованы не иначе как «джуу» или же «грамота», это наводит на мысль о вероятности того, что такие указы изначально были написаны на китайском языке

Таким образом, сведения об указах великого хана отмечали в «Истории династии Корё», нарушая особенности этики писания официальных документов — как подлинников на монгольском языке, так и переводов на китайский язык. Но при этом не искажали содержание. Прослеживается влияние стиля написания корейских источников.

2. Содержание документов передано в общем смысле, не полностью, или же содер­жится общий смысл указа, переведенного на китайский язык. К этой подгруппе нами отнесено всего 13 документов. По итогам просмотра этих документов можно сделать предположение, что писарь при внесении указа в данный источник счёл содержание не особенно важным и потому только передал его общий смысл.

Анализ приведённых выше документов позволяет также сделать вывод о том, что в случаях, когда указ великого хана при занесении его в данный источник передан не дословно, а в общих чертах, это может быть связано и с введением новой (квадратной) письменности. Вызывает интерес то, что хотя королевство Корё минимум два раза в год принимало от великого хана указы, в исследуемом источнике отсутствуют полное описание или полное содержание указов и грамот, полученных в период с первого месяца 1273 года до восьмого месяца 1274 года (за один год семь месяцев): передан только общий смысл данных указов.

3. В источнике есть сведения о том, кто именно и когда привез указ от великого хана и кто, когда и как принимал данный указ, а вот смысл самого указа и тем более его содержание не отмечены. Таких указов нами было выявлено всего 4. Можно только предположить, что эти указы так или иначе связаны с историей королевства Корё. Вполне может быть, что эти документы отражали или были доказательством не самых приятных или же самых горьких периодов истории королевства Корё. Если такой документ на самом деле был, то, согласно дворцовому порядку, чиновник-писарь вана обязан был описать подлинник или хотя бы передать общий смысл данного указа. К сожалению, ни одного сведения об этих указах нигде не отмечено, что невольно вызывает большой интерес.

Выдвигаемую нами гипотезу можно связать с одним сведением из источника. «История династии Корё» была уже готова к изданию в 1451 г., но долго ее содержание не оглашали народу, и чиновник по имени Ян Сенчжи (양성지. 梁誠之) неоднократно и жёстко требовал у правительства издать этот источник и предать таким образом его содержание огласке. В требовании по изданию этого источника он писал: *«История династии Корё» как таковая несёт множе-*

ство сведений о смутах и восстаниях, напрямую написана правда о причинах и событиях... смуты и восстания были не только при прежних правителях наших, во все времена и во всех государствах они были, о чём и справедливо описано в этой рукописи и, конечно, нельзя сопоставлять королевство Корё с владениями знати Срединного государства». При этом Ян Сенчжи подчёркивал, что «они [смуты. — А. Б.] и не должны быть главной сутью вопроса», и далее отмечал, что «даже династия Мин распространила „Историю династии Юань“. В связи с чем рукопись „Истории династии Корё“ нельзя не распространять, и если в ней всё же есть факты, которые нельзя довести до народа, то эту часть можно пропустить и огласить народу сию рукопись, иначе есть множество других способов огласить да распространить народу...».

Выводы

В этой статье мы делали попытку изучить и перевести на монгольский язык указы и письма от великого хана вану королевства Корё из источника «История династии Корё» (из главы «Династийный Дом», документы относятся к периоду с 1270 по 1280 гг.). Все 34 документа, занесённых в рукопись и изученных нами, соблюдая наименования, данные в источнике, мы классифицировали по двум группам и определили их особенности.

Разберем документы по группам.

Первая группа — это «зарлиг, сургах зарлиг» или же указы, просветительские указы. Вторая группа — это «джуу» или же грамоты. Из всех 34 документов 5 указов в «Историю династии Корё» занесены как «шэнчжи (聖旨)», что в переводе означает «указ», а остальные отмечены как «грамоты». Термином «шэнчжи» отмечены переводы с монгольского на китайский, а под «джуу» понимаются изначально написанные на китайском языке указы. Нами прослежена важная особенность: в переводе на китайский язык во всех указах монгольского хана обязательная строка «волею вечно­го неба» отсутствует. Если даже пропустить этот нюанс и предположить, что указ, изначально написанный на монгольском языке, перевели на китайский язык, то встаёт вопрос, где же сам подлинник на монгольском языке. Вызывает интерес то, что отсутствуют хотя бы неполные, пусть даже общие сведения об оригиналах этих указов, а есть

только сведения из вторых рук.

Согласно записанному в источнике содержанию, все указы мы разделили на три основные группы.

Во-первых, документы, смысл и содержание которых полностью зафиксированы, или документы, полностью переведённые на китайский язык.

Во-вторых, документы, содержание которых не полностью зафиксировано, или передано краткое содержание в переводе на китайский язык.

В-третьих, документы, содержание которых вообще не зафиксировано. Нами выявлено 4 документа, в которых отмечены сведения о времени их направления из Монгольской империи, о том, кто выполнял обязанности посла, о дате прибытия посла с данной грамотой в Корё, времени и месте, личности принявшего грамоту великого хана. Вместе с тем, смысл и содержание этих грамот вообще не отмечены. Вполне может быть, что содержание данных грамот в какой-то мере было связано с горькой правдой в истории королевства Корё исследуемого периода. Даже если эти грамоты и содержали такой смысл, то чиновник-писарь обязан был или занести в рукопись содержание подлинника, или хотя бы внести в список общий смысл документа. Но таких записей не имеется, что вызывает большой интерес.

Подводя итог, хочу отметить, что грамоты и указы при занесении для учета в «Историю династии Корё» записывали, не нарушая смысла и содержания записей в подлиннике на монгольском и на китайском языках, при этом придерживались порядка записи и выражения содержания согласно особенностям корейских рукописей того времени. Основную причину неполноценных передачи и перевода указов и грамот великого хана мы видим в недостаточном знании квадратной письменности, введенной в империи Дай Юань.

Ашигласан бүтээл

И Гайсэг. «Гуулин улсын судрын» Вөнъжон, Чхунрйёл ван, Чхунсөнъ вангийн сурвалжит гэр дэх Юань улсын харилцаатай холбоо бүхий баримтуудын судалгаа // Дорно дахины түүхийн судалгаа. № 88. Сөүл: Тонян түүхийн хүрээлэн, 2004. Х. 77–129 [=И Гэсэг. Научное исследование отношения дома вана Вонжон, Чхунрёл и вана Чхунсен с им-

перией Юань в источнике «История династии Корё» // Исследования по истории Востока. № 88. Сеул: Ин-т истории Тонян. 2004. С. 77–129]. 이개석, “高麗史” 元宗 忠烈王 忠宣王세가 중 元朝關係記事의 研究, 동양사학연구, 제88집, 2004 (на кор. яз.)

И Хйөнъжай. Солонгос үндэстний соёлын нэвтэрхий толь 7. Сөүл, Самхва хэвлэл, 1994. 928 х. [=И Хёнжэ. Энциклопедия культуры корейского народа-7. Сеул: Изд-во Самхва, 1994. 928 с.] (이현재, “한국민족문화대백과사전7”, 서울, 한국정신문화연구원, 1994). (на кор. яз.)

Ким Ходон. Монголын эзэнт гүрэн хийгээд Корйё / солонгос хэлнээс орчуулсан Ц. Цэрэндорж. Улаанбаатар: Адмон принт ХХК, 2016. 129 х. [=Ким Ходон. Монгольская империя и Корё / пер. с кор. яз. Ц. Цэрэндорж. Улан-Батор: Адмон ХХК, 2016. 129 с.] (на монг. яз.)

Ким Рагжунь. Нью-эйс солонгос хэлний тайлбартоль. Сөүл: Кымсөн сурах бичиг хэвлэл, 1987. 2584 х. [=Ким Рагжун. Толковый словарь корейского языка Нью-эйс толь. Сеул: Изд-во уч. пособий Кымсен, 1987. 2584 с.] (金洛駿, “뉴에이스國語辭典”, 서울,金星敎科書, 1987) (на кор. яз.)

Ко Мёнсү. Гуулин улсын судрын сурвалжит гэр дэх Юань улсын харилцаатай холбоо бүхий баримтуудын тайлбар // Корёса-Сэга жун Монгол кваньгэ гиса ёгжу. Сөүл: Солонгосын дундад зууны түүхийн хүрээлэн, 2006. № 21. С. 385–417 [=Ко Мёнсу. Толкование исторических документов, связанных с международными отношениями правящего дома с империей Юань // Исследования средневековой истории Кореи. Сеул: Ин-т средневековой истории Кореи, 2006. № 21. С. 385–417]. 고명수, “高麗史” ‘世家’ 중 몽골 관계 기사 역주1, 한국중세사연구 제21호, 2006. (на кор. яз.)

Лхагваа Б. Монгол солонгосын харилцааны уламжлал. Улаанбаатар: Мөнхийн үсэг ХХК, 2010. 168 х. [=Лхагваа Б. Традиции монголо-корейских отношений. Улаанбаатар: Мөнхийн үсэг ХХК, 2010. 168 с.] (на монг. яз.)

Пак Ёнрок. Гуулин улсын сударт гарч буй Монголын Юань улсын албан бичгийн үг хэллэг ба шууд орчуулгын талаарх судалгаа // Тайдон соёлын судалгаа. № 85. 2014. Х. 421–460 [=Пак Ёнрок. Научное исследование перевода слов и выражений в официальных документах империи Юань в источнике «История династий Корё» // Исследования культуры Тэдон. № 85. 2014. С. 421–460]. 朴英

- 錄, “高麗史”에 수록된 蒙元公文의 用語와 翻譯에 대한 검토, 大東文化研究 제 85집, 2014. (на кор. яз.)
- Паг Йёнрог.* Юань улсын үеийн дөрвөлжин бичгийн сурвалжийн судалгаа // Тайдон соёлын судалгаа. № 66. 2009. X. 335–367 [=Паг Ёнрок. Исследование квадратной письменности периода империи Юань // Исследования культуры Тэдон. № 66. 2009. С. 335–367]. 元代 八思巴文獻研究導論, 충주대학교, 2009. (на кор. яз.)
- Паг Йёнрог.* Гуулин улсын судар дахь монгол хэлнээс шууд орчуулсан зарлигуудын судалгаа // Хятад хэл судлал. 2013. № 44. X. 187–213 [=Паг Ёнрок. Научное изучение переводов указа с монгольского языка в источнике «История династии Корё № 2» // Китайское языкознание. 2013. № 44. С. 187–213]. 高麗史” 蒙古直譯體白話牒文二篇의解釋의研究, 中國言語研究 제 44 輯2013. (на кор. яз.)
- Сумьябаатар Б.* XIII–XIV зууны Монгол Солонгосын харилцааны бичгүүд [=Сумьябаатар Б. Документы, связанные с историей отношений Монголии и Кореи в XIII–XIV вв.]. Улан-Батор: ШУАХ, 1978. 252 с. (на монг. яз.)
- Сумьябаатар Б.* Хубилай Их Хааны үеийн Монгол Солонгосын харилцаа [=Сумьябаатар Б. Монголо-корейские отношения в период правления великого Хана Хубилая]. Улан-Батор: Изд-во Улан-Баторского ун-та, 2015. 439 с. (на монг. яз.)
- Сүгияма Масааки.* Монголын эзэнт гүрний мандал буурал / япон хэлнээс орчуулсан Ц. Цэрэндорж [=Сүгияма Масааки. Возрождение и распад Монгольской империи / пер. с япон. яз. Ц. Цэрэндорж]. Улаанбаатар: Адмон, 2015. 415 с. (на монг. яз.)
- Цэрэндорж Ц.* Манжийн эрхшээлийн үеийн Монголын түүхэнд холбогдох солонгос сурвалжийн зарим мэдээ // Чин улс ба монголчууд. Сэндай: Meirin-sha Co, 2014. X. 247–266 [=Цэрэндорж Ц. Некоторые исторические сведения корейских источников, связанные с историей Монголии при династии Цин // Империя Цин и монголы. Сб. науч. ст. Сэндай: Meirin-sha Co, 2014. С. 247–266]. (на монг. яз.)
- Цэрэндорж Ц.* XIV зууны сүүлч үеийн Зүүн Азийн олон улсын байдал ба Умард Юань-Корйогийн харилцаа. Сөүл: Солонгос судлалын академи, 2010. 203 х. [=Цэрэндорж Ц. Отношения северной Юань и Корё и международные отношения в конце XIV в. Сеул: Изд-во Академии корееведения, 2010. 203 с.] (на кор. яз.)
- Хань Жөнхый.* Гуулин улсын судар –Сурвалжит гэр 1. Сөүл: Кйөн-инь соёл хэвлэл, 2008. 458 х. [=Хан Женхый. История династии Корё–Династийный дом 1. Сеул: Изд-во Кён-ин, 2008. 458 с.]. 한정희 옮김, “국역고려사 1, 세가1”, 서울, 경인문화사, 2008. (на кор. яз.)
- Хань Жөнхый.* Гуулин улсын судар –Сурвалжит гэр 7. Сөүл: Кйөн-инь соёл хэвлэл, 2008. 312 х. [=Хан Женхый. История династии Корё–Династийный дом 7. Сеул: Изд-во Кён-ин, 2008. 312 с.] 한정희 옮김, “국역고려사”“세가7”, 서울, 경인문화사, 2008. (на кор. яз.)
- Хань Жөнхый.* Гуулин улсын судар–Сурвалжит гэр 8. Сөүл: Кйөн-инь соёл хэвлэл, 2008. 564 х. [=Хан Женхый. История династии Корё–Династийный дом 8. Сеул: Изд-во Кён-ин, 2008. 564 с.] 한정희 옮김, “국역고려사”“세가8”, 서울, 경인문화사, 2008. (на кор. яз.)
- Солонгос судлал. 2016-01. Улаанбаатар: ШУА-ийн ОУХХ, 2016. 194 х. [=Корееведение. 2016-01, Улаанбаатар: Ин-т межд. отношений АНМ, 2016. 194 с.]. (на монг. яз.)
- Эрдэнэчимэг Г.* Монгол Солонгосын харилцаанд төрийн ураг барилдлагын гүйцэтгэсэн үүрэг (XIII–XIV зуун) [=Эрдэнэчимэг Г. Роль брачных союзов в монголо-корейских отношениях (XIII–XIV вв.)]. Улаанбаатар: Монг. гос. ун-т, 2016. 131 с. (на монг. яз.)

References

- I Gaysoeg. 이개석, “高麗史” 元宗 忠烈王 忠宣王세가 중 元朝關係記事의 [A case study of relations of Wonjong, Chungnyeol, and Chungseon of Goryeo with the Yuan Dynasty as documented in the Goryeosa (History of Goryeo)]. 研究, 동양사학연구, 제88집 [Studies in Oriental History], 2004, No. 88, pp. 77–129 (In Kor.).
- I Khenzhe. 이현재, “한국민족문화대백과사전 7”, 서울, 한국정신문화연구원 [Encyclopedia of Korean culture-7]. Seoul, Samkhva Publ., 1994, 928 p. (In Kor.).
- Kim Khodon. *Mongolyn ezent güren khiygeed Koryö / Solongos khelnees orchuulsan Ts.Tserendorzh* [The Mongolian Empire and the Kingdom of Goryeo. Transl. from Korean by Ts. Tserendorzh]. Ulaanbaatar, Admon Print Ltd., 2016, 129 p. (In Mong.).
- Kim Ragzhun. 金洛駿, “뉴에이스國語辭典”, 서울,金星教科書 [A definition dictionary of Korean]. Seoul, Kymesen Study Books Publ., 1987, 2584 p. (In Kor.).
- Ko Mensu. 고명수, “高麗史” ‘世家’ 중 몽골 관계 기사 역주1, 한국중세사연구 제21호,

- 2006 [Interpretations of historical documents dealing with foreign relations of the ruling dynasty with the Yuan Empire. Studies in the history of medieval Korea]. Seoul, Institute of History of Medieval Korea, 2006, No. 21, pp. 385–417] (In Kor.)
- Lkhagvaa B. *Mongol solongosyn khariltsaany ulamzhlal* [Traditions of Mongolian-Korean relations]. Ulaanbaatar, Mönkhiyn Üseg Publ. Ltd., 2010, 168 p. (In Mong.)
- Pak Enrok. 朴英錄, “高麗史”에 수록된 蒙元公文의 用語와 翻譯에 대한 검토, 大東文化研究 제 [A case study of translated words and phrases in the official documents of the Yuan Empire included in the Goryeosa (History of Goryeo). ... Studies of Tedon culture]. No. 85, 2014, pp. 421–460 (In Kor.)
- Pak Enrok. 元代 八思巴文獻研究導論, 충주대학교 [A case study of Square Script of the Yuan Empire. ... Studies of Tedon culture]. No. 66, 2009, pp. 335–367 (In Kor.)
- Pak Enrok. “高麗史” 蒙古直譯體白話牒文二篇의 解釋의 研究, 中國言語研究 제 [A scholarly survey of Mongolian (to Korean) translations of one edict included in the Goryeosa (History of Korea) — 2]. Chinese Linguistics, 2013, No. 44, pp. 187–213 (In Kor.)
- Sumyaabaatar B. *XIII–XIV zuuny Mongol Solongosyn khariltsaany bichgüüd* [Mongolian-Korean relations in the 13th-14th cc.: documents]. Ulaanbaatar, Mong. Acad. of Sc. Press, 1978, 252 p. (In Mong.)
- Sumyaabaatar B. *Khubilay Ikh Khaany üeiyn Mongol Solongosyn khariltsaa* [Mongolian-Korean relations under Kublai Khan]. Ulaanbaatar, 2015, 439 p. (In Mong.)
- Sügiyama Masaaki. *Mongolyn ezent güriy mandal buural. Yapon khelnees orchuulsan Ts.Tserendorzh* [The decline of the Mongolian Empire's mandate. Transl. from Japanese by Ts. Tserendorzh]. Ulaanbaatar, 2015, 415 p. (In Mong.)
- Tserendorzh Ts. *Manzhiyn erkhsheeliyn üeiyn Mongolyn tüükhend kholbogdokh solongos survalzhiyn zarim medee* [Mongolia under the Qing rule: some historical evidence from Korean sources]. *Chin uls ba mongolchuud* [The Qing and the Mongols. Collected papers]. Sendai, Meirin-sha Co., 2014, pp. 247–266 (In Mong.)
- Tserendorzh Ts. *XIV zuuny süülch üeiyn Züün Aziyn olon ulsyn baydal ba Umard Yuan'-Koryögiyn khariltsaa* [The general situation in East Asia and Yuan-Goryeo relations in the late 14th c.]. Seoul, Academy for Korean Studies Press, 2010, 203 p. (In Kor.)
- Han Zhenkhy. 한정희 옮김, “국역고려사 1, 세가1”, 서울, 경인문화사 [History of Goryeo - Dynasty 1]. Seoul, Ken-in Publ., 2008, 458 p. (In Kor.)
- Han Zhenkhy. 한정희 옮김, “국역고려사” ‘세가 7’, 서울, 경인문화사 [History of Goryeo - Dynasty 7]. Seoul, Ken-in Publ., 2008, 312 p. (In Kor.)
- Han Zhenkhy. 한정희 옮김, “국역고려사” ‘세가 8’, 서울, 경인문화사 [History of Goryeo — Dynasty 8]. Seoul, Ken-in Publ., 2008, 564 p. (In Kor.)
- Solongos sudlal* (Korean Studies journal), Ulaanbaatar, Institute of International Relations (Mong. Acad. of Sc.) Press, No. 1, 2016, 194 p. (In Mong.)
- Erdenechimeg G. *Mongol Solongosyn khariltsaand töriyn urag barildlagyn güytsetgesen üüreg (XIII–XIV zuun)* [The role of royal marriage alliances in Mongolian-Korean relations: the 13–14th cc.]. Ulaanbaatar, National University of Mongolia Press, 2016, 131 p. (In Mong.)

УДК 94

**Указы и грамоты монгольского хана в «Истории династии Корё»:
перевод и исследование
= «Гуулин улсын судар» дахь монголын хааны зарлигийн бичгүүдийн орчуулга, су-
далгаа (1270–1280 он)**

Б. Ариунбайгал¹

¹ аспирант, Монгольский государственный университет (Улан-Батор, Монголия). E-mail: ariunbaigali@num.edu.mn

Аннотация. В статье осуществлена попытка исследования и перевода на монгольский язык указов и писем великого хана Хубилая главе королевства Корё, относящихся к периоду с 1270 по 1280 гг., из источника «История династии Корё». Все 34 документа автор разделил на две группы и выделил их характерные особенности. Первая группа — «зарлиг, сургах зарлиг», или указы, просветительские указы. Вторая группа — «джуу», или грамоты. Из всех рассматриваемых 34-х документов пять в «Истории династии Корё» занесены как «шэнчжи (聖旨)», что в переводе означает «указ», а остальные отмечены как «джуу» — «грамота». Переводы с монгольского на китайский отмечены как «шэнчжи», а под «джуу» имеются в виду изначально написанные на китайском языке указы. Исследование показало, что в переводах на китайский язык указов монгольского хана нет обязательно присутствовавшей во всех указах строки «волею вечного неба». В этой связи важным является следующий вопрос: если указ изначально был написан на монгольском языке и затем переведен на китайский язык, то где же сам подлинник на монгольском языке? Примечательно и то, что сведения об указах, содержащиеся в анализируемом источнике, известны только «из вторых рук» и отсутствуют даже неполные, самые общие сведения об этих указах на монгольском языке.

Согласно зафиксированному в источнике содержанию, все указы автор разделил на три основные группы: 1) документы, в которых смысл и содержание указа полностью зафиксированны или полностью переведены на китайский язык; 2) документы, в которых содержание указов не полностью зафиксировано или имеется краткое содержание в переводе на китайский язык; 3) документы, в которых содержание указов вообще не зафиксировано. Всего выявлено 4 документа, содержание которых отсутствует, имеются только сведения о времени доставки грамоты или указа и о личности посла, привезшего его из Монгольской империи, а также о времени, месте и личности принявшего указанные документы. Этот факт вызывает большой интерес, так как чиновник, фиксировавший поступление документа, должен был внести в рукопись его полностью либо сведения о его содержании; автор предполагает, что содержание данных грамот в какой-то мере было связано с горькой правдой истории или периода королевства Корё. Подводя итоги, автор отмечает, что при занесении в «Историю династии Корё» содержимое грамот и указов записывали, не нарушая смысла подлинника на монгольском или на китайском языке, при этом придерживаясь порядка записи и выражения содержания, характерного для корейской традиции того времени. Причину неполноценной передачи и перевода указа и грамоты великого хана можно усматривать в неполном знании квадратной письменности, введенной в империи Дай Юань.

Ключевые слова: История династии Корё, Монгольское ханство, хан Хубилай, указ, грамота

Copyright © 2017 by the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 34, Is. 6, pp. 37–42, 2017
DOI 10.22162/2075-7794-2017-34-6-37-42
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 94

The Mongolian Civilization: on the Scales of History

Aleksandr S. Zheleznyakov ¹

¹ Ph.D. in Political Science (Doct. of Political Sc.), Chief Research Associate, Institute of Sociology of the RAS, Institute of Oriental Studies of the RAS (Moscow, Russian Federation). E-mail: zhelezniakovas@yahoo.com

Abstract. The article is a summary of the report made at the Days of Institute of Oriental Studies (RAS) at Kalmyk State University on 26 April 2017. It deals with the issues and trends related to the topic of civilizational world order poorly understood in modern science.

The paper analyzes the place assigned to nomadic peoples within the conceptions developed by N. Danilevsky, P. Sorokin, A. J. Toynbee and O. Spengler. According to N. Danilevsky, nomads of Innermost Asia are a long-extinct community that had once acted as a 'negative history maker'. P. Sorokin refutes the priority of microcategories for dividing humanity into monotypic social communities and stresses that the number of 'minor cultural systems is virtually unlimited'; enclosing the term 'civilization' in quotation marks he thus applies it to any communities, including disorganized populations, i.e. unlike Danilevsky with his theory of 'historical-cultural types', — attaches the term not only to 'positive history makers', but also to those referred to as 'negative' and 'passive'. As for A. J. Toynbee, he divides all civilizations into three types, the civilization of Innermost Asia being designated as a long-extinct civilization of Type Three (nomads) and further as that of Type Two (Far Eastern Christian civilization). So, he suggests that present-day inhabitants of Innermost Asia are just remnants of the past. And just like Danilevsky and Toynbee, Spengler considered the Mongolian vector to be long-obsolete.

Thus, world order schemes established by classic researchers of civiliography do not mention the contemporary Mongolian civilization. The paper suggests that the classics of civiliography should be thoroughly revisited with due regard of the reshaped historical conditions, new experiences and knowledge accumulated by humanity. Nowadays when it necessary to evaluate a generalized image, activities, and mutual relations of diverse peoples, any attempts to maintain the idea of differences between nations by the criteria of 'cultural development' shall result in ethnic collisions

The discovery of Mongolian civilization in the classical civilizational picture of the modern world liberated from nomadophobia by Pitirim Sorokin has actual value. It seems this can help the theorists of civiliography and geopolitics cope with the trend of combining the two incompatible notions — on the one hand, the concept of 'chosen' and 'exceptional' nations and, on the other hand, that of a diverse and multipolar world.

Keywords: civiliography, world order schemes, local civilizations, Mongolian civilization

Броское название доклада может кого-то натолкнуть на мысль о том, что речь пойдет об исторических событиях, явлениях и личностях, раскрывающих вес и содержание того вклада, что привнес в мировую историю монгольский фактор и вектор развития.

Сразу же оговорюсь, что доклад не о событийной стороне вопроса, которая является отдельной самостоятельной и очень интересной темой, к тому же имеющей солидную историографию. Но позвольте, опустив в докладе событийную часть, свести ее к историческому контексту. Кратко мое понимание этого контекста можно выразить следующим образом.

Монгольский вектор исторического развития глубоко связан, прежде всего, с Внутренней Азией. Монголия является географическим и единственным в настоящее время политическим ядром этой огромной центральной части Евразии, где на протяжении более чем двух тысячелетий шел и идет сейчас непрерывный исторический процесс. Здесь, при значительном разбросе природно-климатических, исторических и культурных зон: от Трансгималаев, Каракорума и Гоби до Хангая, Хэнтэя и Забайкалья и от Хингана до Саян и Алтая, отметились на всю Ойкумену не только монголы, но и хунну, жужани, тюрки, кидани, чжурчжени, татары, тангуты, тибетцы, джунгары, маньчжуры. Эти народы, подобно вошедшим в историю народам Европы, создавали государства, разраставшиеся до масштабов региональных держав и метрополий гигантских империй, выходящих за пределы региона. Письменная история здесь никогда не прерывалась и известна с момента прихода к власти в 209 г. до н. э. хуннского шаньюя Модэ, убившего своего отца шаньюя Туманя. Основанная в XIII в. Чингис-ханом Великая монгольская империя на многие столетия вперед определила вектор развития тенгрианско-буддийской общности Внутренней Азии. Общность эта ярко проявила себя и в XX в. — созданием независимого монгольского государства в результате вспышки панмонгольского движения, поддержанного Азиатской дивизией барона Унгерна, и феноменом монгольского коммунизма, отразившим процесс формирования беспрецедентного советско-монгольско-китайского коммунистического альянса. А сейчас, в XXI в., формируется повторяющий Чайный путь новый трехсторонний альянс «Экономический коридор Россия – Монголия – Китай».

Все, что стоит за этими событиями, это контекст, подразумевающийся в докладе, а сам доклад связан с плохо понимаемыми в современной науке проблемами и тенденциями, относящимися к теме цивилизационного мироустройства. В частности, до сих пор нет общепринятого определения такого понятия, как цивилизация, особенно во множественном числе — цивилизации (т. е. локальные, они же — мировые цивилизации). Однако это никому и нигде в мире не мешает повсеместно и широко использовать указанное понятие, причем не только в специальной научной литературе, но и уже в школьных учебниках, в которых дается перечень когда-то существовавших и ныне существующих мировых (локальных) цивилизаций. Иными словами, научный консенсус насчет того, что существуют цивилизации — самые крупные общности, на которые только и может делиться мир, давно сложился и, более того, этот консенсус превратился в хрестоматийную данность. Разумеется, есть немало авторитетных ученых, которые отрицают деление человечества на цивилизации, но последнее слово — хотя бы в составлении программ школьных учебников — оказалось не за ними.

Итак, представление о том, что мироустройство являет собой сообщество локальных цивилизаций, сложилось в чуть ли не бесспорную аксиому. Это произошло на базе классического наследия, оставленного независимо друг от друга тремя крупными учеными и обобщенного еще одним выдающимся ученым. Впервые систематизация наличествующих в мире резко отличающихся друг от друга общностей максимально крупного масштаба (культурно-исторических типов) была дана в 60-е гг. XIX в. знаменитым русским ученым, лидером поздних славянофилов Н. Я. Данилевским [2003]. В начале XX в. второй прорыв совершил известный немецкий мыслитель О. Шпенглер, который выявил и систематизировал крупные общности — мировые культуры, связанные с разными картинами духовного мира [Шпенглер 1993; 1999]. И, наконец, в 30–50-е гг. XX в. было написано 12-томное «Постижение истории» выдающегося английского теоретика истории А. Дж. Тойнби, базирующееся на изучении локальных цивилизаций через призму феномена Вызова-и-Ответа [Тойнби 1991]. Самое ценное: у каждого из этих трех классиков были свой взгляд на членение мира

по крупнейшим человеческим сообществам, свои критерии, методы, инструменты и подходы. Нарисованные ими схемы мироустройства базировались на разных основаниях, на почти «воздушных» очертаниях, на, как правило, не измеряемых средствами объективного контроля показателях.

Связал эти три, казалось бы, совершенно несоединимые схемы воедино крупнейший социолог XX в. Питирим Сорокин. Ему, видимо, бросилось в глаза пусть не буквальное, но все же удивительное совпадение у всех трех авторов очертаний субъектов мироустройства как в современную эпоху, так и в исторической ретроспективе [Сорокин 1999а; 1999б].

В своих теоретических построениях структуры мироустройства классики цивилиграфии не могли обойтись без анализа монгольского вектора всемирной истории. Вот конкретно, как выглядит у них трактовка монгольского вектора при анализе узловых моментов их схем мироустройства.

Как уже было отмечено, каждая схема имеет собственную логику, свои «методологические» основы и базируется на оригинальном и комплексном видении мировой истории. Их объединяет столетняя интеллектуальная эпоха (с середины XIX до середины XX в.), окрашенная взглядом на мироустройство со стороны так называемых «позитивных творцов истории» или «творческих народов». В отличие от известного клише так называемого «бремени белого человека» здесь нет расовой подоплеки, и различия между народами, да и что там скрывать, их дискриминация, просматриваются по критерию «культурной развитости».

Взгляд со стороны «позитивных творцов истории» на окружение проявляется через присутствующее во всех трех схемах положение, согласно которому мир, взятый в исторических срезах, неоднороден и делится на цивилизованные народы (или «великие культуры», «культурно-исторические типы», «расцветшие цивилизации») и нецивилизованные или недостаточно культурные народы, которые, в свою очередь, расположены по определенному ранжиру, в соответствии со степенью «развитости» («эмбриональные», «застывшие», «засохшие» и т. д. народы, общества и цивилизации).

Трактовка цивилизаций, по Н. Я. Данилевскому — основоположнику цивилизационной теории, автору вышедшей полтора века назад известной книги «Россия и

Европа», — в концентрированном и осовремененном виде принадлежит Питириму Сорокину. Вот, что он пишет: у Н. Я. Данилевского народы разделяются на «позитивных творцов истории», создавших великие культурно-исторические типы (цивилизации), «негативных творцов истории» («подобных гуннам, монголам или туркам, которые сами не создавали цивилизаций, но как „божий кнут“ способствовали гибели дряхлых цивилизаций, разметав их остатки, чтобы затем вернуться в исходное ничтожество и исчезнуть с арены истории») и «народы и племена, творческий дух которых по какой-то причине задержался на ранней стадии, и они остались на положении этнографического материала, используемого творческими народами для обогащения своих цивилизаций» [Сорокин 1999а: 40].

Итак, общность кочевников Внутренней Азии у Н. Я. Данилевского представлена давно сгинувшей в качестве «негативного творца истории».

Сам П. Сорокин выступает лишь систематизатором и комментатором чужих схем и отвергает приоритет макрокатегорий для подробного членения человечества на однотипные социальные общности. Он подчеркивает, что число «малых культурных систем практически не ограничено» [Сорокин 1999а: 47–48]. Для выделенных другими исследователями крупных общностей он иногда использует понятие «предполагаемые «цивилизации»». За этим термином, взятым по данному поводу в кавычки, по его мнению, кроются либо разные типы социальных систем, либо, «по существу, социокультурные смеси различных языковых, государственных, религиозных, экономических и территориальных общностей или вообще неорганизованное население». Заключая термин «цивилизация» в кавычки, он использует его применительно к любым общностям, включая «неорганизованное население», т. е., в отличие от Н. Я. Данилевского, автора концепции «культурно-исторических типов», не только к «позитивным», но и «негативным» и пассивным «творцам истории».

Другими словами, для П. Сорокина, теоретически, общность кочевников Внутренней Азии не исчезла, она несколько не негативная, а такая же нормальная «предполагаемая» цивилизация, как и все остальные (которых у него, к тому же — бесчисленное множество).

Такая, несколько ироничная, но абсолютно толерантная позиция П. Сорокина причудливо перекликается с не толерантной позицией его ровесника и коллеги по Международному обществу сравнительного изучения цивилизаций А. Дж. Тойнби.

Цивилизации в концепции А. Дж. Тойнби — это социальные общности, в которых экономический, политический и культурный элементы объединены внутренней гармонией, а масштабы этих общностей определены как умопостижимые поля исторического исследования в пределах (пространственных и временных) конкретных случаев действия феномена Вызова-и-Ответа [Тойнби 1991: 29, 77, 113, 223]. Все цивилизации он делит на три класса. В первый класс входят как ныне существующие, так и когда-либо существовавшие «развитые» или «расцветшие» цивилизации. Некоторым «негативным» и пассивным «творцам истории» (по Н. Я. Данилевскому) отведено определенное место — «негативные» вошли во второй класс — «неродившихся» или «эмбриональных» цивилизаций (дальнезападная христианская, дальневосточная христианская, скандинавская, неродившаяся сирийская цивилизации и космос средневекового города-государства), а «пассивные» — в третий класс — «задержанных» (ср. с «задержанным творческим духом» в схеме Н. Я. Данилевского) или «застывших» цивилизаций, «которые родились, но были остановлены в своем развитии после рождения» (полинезийцы, эскимосы, кочевники, некоторые специфические общины османов в православно-христианском мире и спартанцы в эллинском мире) [Тойнби 1991: 181, 725].

Три класса цивилизаций А. Дж. Тойнби практически полностью совпадают с разделением народов на три варианта Н. Я. Данилевским. При этом то, что у П. Сорокина было закавычено (членение социокультурных смесей на локальные «цивилизации»), А. Дж. Тойнби принял без кавычек и иронии. По сути, английский историк лишь «смягчил» и «цивилизировал» схему Н. Я. Данилевского. Там, где у одного цивилизации отсутствуют вовсе, т. е. во втором и третьем вариантах, у другого, во втором и третьем классах, появляются своеобразные эрзацы цивилизаций — эмбриональные и дегенеративные цивилизации. Эти две схемы роднит также то обстоятельство, что и первый вариант, и первый класс включают в себя только полноценные цивилизации

«позитивных творцов истории». Второй и третий классы цивилизаций в концепции А. Дж. Тойнби целиком относятся к давно вымершим цивилизациям, как и большинство «расцветших» цивилизаций первого класса (ныне существующих цивилизаций автор насчитывает только семь). Осколки погибших цивилизаций составляют материал для обогащения существующих — опять-таки совпадение, уже буквальное — третий вариант по схеме Н. Я. Данилевского.

Цивилизация Внутренней Азии в концепции А. Дж. Тойнби — это давно вышедшая цивилизация третьего класса (кочевники), а затем и второго класса (дальневосточная христианская) [Тойнби 1991: 725]. По его логике, нынешние обитатели Внутренней Азии представляют собой осколки прошлого.

С работой Н. Я. Данилевского «Россия и Европа» перекликается вышедшая полвека спустя и независимо от нее книга немецкого мыслителя О. Шпенглера «Закат Европы». Предшественник А. Дж. Тойнби и П. Сорокина О. Шпенглер дает «вывернутую», по сравнению со схемой Н. Я. Данилевского, картину морфологии человеческой истории. У него также можно обнаружить разделение «творцов истории» на «позитивных», «негативных» и пассивных. Но в «позитивную» группу у него входят как раз те общности, которые не достигли уровня цивилизации — культуры. В «негативную» вошли цивилизации — «самые крайние и самые искусственные состояния» [Шпенглер 1993: 163]. Пассивная группа — это осколки цивилизаций, на которых одни культуры окончательно завершают свой путь и рождаются новые. Если отбросить терминологические неувязки, выстраивается схема, совпадающая в своих общих чертах с приведенными выше классификациями социокультурных общностей. В первой группе находятся «великие культуры», которые по числу и своим локализациям, выраженным в их названиях, совпадают с небольшими отклонениями с числом и местонахождением очагов расцветших цивилизаций в схеме А. Дж. Тойнби. На этом сходство не кончается. Во вторую группу («негативных творцов истории») О. Шпенглер включает разбросанные во времени и по всему миру очаги цивилизации. И хотя он называет очаг цивилизации прежде всего «мировым городом», это скорее — «некая точка, в которой сосредотачивается вся жизнь далеких стран, между тем как оставшаяся часть отсыхает»

[Шпенглер 1993: 165]. В мировом городе он обнаруживает признаки, свойственные кочевникам в эпохи их империй, «умственной старости». «Отсохшая» часть составляет «этнографический материал» третьей группы. У А. Дж. Тойнби с цивилизациями О. Шпенглера совпадают «эмбриональные» цивилизации второго класса, а для обозначения «отсохших» частей есть даже схожая формулировка — «застывшие» цивилизации третьего класса. Таким образом, противопоставляя высокие культуры цивилизациям и их осколкам, О. Шпенглер еще задолго до А. Дж. Тойнби выстроил народы по тому же трехвариантному ранжиру, что и Н. Я. Данилевский.

Монгольский вектор для О. Шпенглера так же, как и для его коллег — Н. Я. Данилевского и А. Дж. Тойнби — явление давно минувших эпох.

Итак, в схемах мироустройства классиков цивилиографии современная монгольская цивилизация не обозначена. Это, по идее, должно было бы полностью снять с повестки дня научной дискуссии вопрос о существовании в наши дни монгольской цивилизации, поскольку, по простой логике, если чего-то нет ни в одной отдельной схеме, то как же это может присутствовать в их обобщенной картине?

Проведенный нами анализ показал, что простая логика тут не годится, поскольку речь идет о соединении трех разных схем, авторы которых — и Н. Я. Данилевский, и О. Шпенглер и А. Дж. Тойнби — в каждом случае по-своему, но очень красноречиво описывали монгольский вектор исторического развития, отмеченный на протяжении веков крупными и яркими событиями мирового масштаба. Хотя в современной для них истории роль монгольского вектора ими недооценивалась. В то время, когда они писали свои труды, Монголия еще не была признана независимым государством, как-то стала уже после того, как схемы были тремя авторами, в основном, составлены и обобщены П. Сорокиным. Противоречия в схемах сталкиваются не только между собой, но теперь — и с последними открытиями археологов, номадологов, монголологов, буддологов, и дают богатый материал для внесения корректив в обобщенную П. Сорокиным схему цивилизационного мироустройства. Другими словами, новые знания позволяют за противоречиями, несопадающими узлами и лакунами каждой из схем увидеть в их обобщенной картине ци-

визацию народов Внутренней Азии, называемую нами монгольской по названию страны-ядра этого региона.

В наши дни наследие классиков цивилиографии нуждается в кардинальном переосмыслении в соответствии с изменившимися историческими условиями, накопленным человечеством опытом, и новыми знаниями. Мы являемся свидетелями попыток законсервировать положение о различиях между народами по критерию «культурной развитости». Такой подход в наши дни ведет к этическим коллизиям в оценке собирательного образа, действий и взаимоотношений разных народов. Так, речь уже заходит об «исключительности» одной цивилизации (атлантического сообщества) или даже нации (США), причем в сопряжении с положением об ущербности остальных. Делаются попытки выстроить на политической карте мира «великую шахматную доску» с «демократическим плацдармом» и «черными дырами» [Бжезинский 1999: 74, 108, 149].

Обнаружение монгольской цивилизации в освобожденной Питиримом Сорокиным от номадобии классической цивилизационной картине современного мира имеет актуальное значение. Думается, это поможет теоретикам цивилиографии и геополитики справиться с тенденцией совмещения двух несовместимых представлений — с одной стороны, об «избранных» и «исключительных» народах и, с другой — о разнообразном и многополюсном мире.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ и МинОКН Монголии в рамках научного проекта №16-23-03001а(м) «Пути и механизмы трансцивилизационного взаимодействия России и Монголии».

Литература

- Бжезинский З.* Великая шахматная доска. Господство Америки и ее геостратегические императивы. М.: Международные отношения, 1999. 256 с.
- Данилевский Н. Я.* Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германско-Романскому. М.: ЭКСМО, 2003. 640 с.
- Сорокин П.* О концепциях основоположников цивилизационных теорий // Ерасов Б. С. Сравнительное изучение цивилизаций: Уч. пособие для студентов вузов. М.: Аспект пресс, 1999а. С. 37–46.
- Сорокин П.* Общие принципы цивилизационной теории и ее критика // Ерасов Б. С. Сравни-

- тельное изучение цивилизаций: Уч. пособие для студентов вузов. М.: Аспект пресс, 1999б. С. 46–53.
- Тойнби А. Дж. Постижение истории / пер. с англ., сост. А. П. Огурцов; вступ. ст. В. И. Уколовой; закл. ст. Е. Б. Рашковского. М.: Прогресс, 1991. 736 с.
- Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. Гештальт и действительность / пер. с нем.; сост. А. П. Огурцов; вступ. ст. и примеч. К. А. Свасьяна. М.: Мысль, 1993. 663 с.
- Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 2. Всемирно-исторические перспективы / пер. с нем. С. Э. Борич; научн. ред. О. Н. Шпарага. Минск: Попурри, 1999. 720 с.
- References**
- Brzezinsky Z. *Velikaya shakhmatnaya doska. Gospodstvo Ameriki i ee geostrategicheskie imperativy* [The Grand Chessboard: American primacy and its geostrategic imperatives]. Moscow, Mezhdunarodnye Otnosheniya Publ., 1999, 256 p. (In Russ.).
- Danilevsky N. Ya. *Rossiia i Evropa. Vzglyad na kul'turnye i politicheskie otnosheniya Slavyanskogo mira k Germano-Romanskomu* [Russia and Europe: a look at the cultural and political relations of the Slavic world to the Romano-German world]. Moscow, Eksmo Publ., 2003, 640 p. (In Russ.).
- Sorokin P. *O kontseptsyakh osnovopolozhnikov tsivilizatsionnykh teoriiy* [Founders of civilizational theories and their conceptions]. Erasov B. S. *Sravnitel'noe izuchenie tsivilizatsiy: Khrestomatiya: Uch. posobie dlya studentov vuzov* [Comparative studies of civilizations: a reader for university students]. Moscow, Aspekt Press, 1999a, pp. 37–46 (In Russ.).
- Sorokin P. *Obshchie printsipy tsivilizatsionnoy teorii i ee kritika* [Civilizational theory: a general outline]. Erasov B. S. [Comparative studies of civilizations: a reader for university students]. Moscow, Aspekt Press, 1999b, pp. 46–53 (In Russ.).
- Toynbee A. J. *Postizhenie istorii / per. s angl., sost. A. P. Ogurtsov; vstup. st. V. I. Ukolovoy; zakl. st. E. B. Rashkovskogo* [A study of history. Transl., comp. by A. Ogurtsov et al.]. Moscow, Progress Publ., 1991, 736 p. (In Russ.).
- Spengler O. *Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoy istorii. 1. Geshtal't i deystvitel'nost' / per. s nem.; sost. A. P. Ogurtsov; vstup. st. i primech. K. A. Svas'yana* [The decline of the West: outlines of a morphology of world history. 1. Gestalt and process. Transl. from German and comp. by A. Ogurtsov; foreword and comments by K. Svasyan]. Moscow, Mysl Publ., 1993, 663 p. (In Russ.).
- Spengler O. *Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoy istorii. T. 2. Vsemirno-istoricheskie perspektivy. / per. s nem. S. E. Borich; nauchn. red. O. N. Shparaga* [The decline of the West: outlines of a morphology of world history. 2. Perspectives of world history. Transl. by S. Borich, edit. by O. Shparang]. Minsk, Popurri Press Ltd., 1999, 720 p. (In Russ.).

УДК 94

Монгольская цивилизация на весах истории

Александр Сергеевич Железняков¹

¹ доктор политических наук, главный научный сотрудник, Институт социологии РАН, Институт востоковедения РАН (Москва, Российская Федерация). E-mail: zhelezniakovas@yahoo.com

Аннотация. Статья представляет собой изложение доклада, прочитанного 26 апреля 2017 г. на Днях Института востоковедения РАН в Калмыцком государственном университете, и посвящена плохо понимаемым в современной науке проблемам и тенденциям, относящимся к теме цивилизационного мироустройства. Автор анализирует, какое место отводится кочевым народам в концепциях Н. Я. Данилевского, П. Сорокина, А. Дж. Тойнби и О. Шпенглера. По мнению автора, в наши дни наследие классиков цивилиографии нуждается в кардинальном переосмыслении в соответствии с изменившимися историческими условиями, накопленным человечеством опытом и новыми знаниями. Попытки законсервировать положение о различиях между народами по критерию «культурной развитости» в наши дни ведут к этическим коллизиям в оценке собирательного образа, действий и взаимоотношений разных народов.

Обнаружение монгольской цивилизации в освобожденной Питиримом Сорокиным от номадобии классической цивилизационной картине современного мира имеет актуальное значение. Автор считает: это поможет теоретикам цивилиографии и геополитики справиться с тенденцией совмещения двух несовместимых представлений — с одной стороны, об «избранных» и «исключительных» народах, с другой стороны — о разнообразном и многополюсном мире.

Ключевые слова: цивилиография, схемы мироустройства, локальные цивилизации, монгольская цивилизация

Copyright © 2017 by the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 34, Is. 6, pp. 43–61, 2017
DOI 10.22162/2075-7794-2017-34-6-43-61
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 94(47).084.8

The 110th Separate Kalmyk Cavalry Division in the Defensive Battles for Don River Crossings and Its Role in the Rescue of Some Southern Front Units in the Summer of 1942

Sergey A. Zajarny ¹, Utash B. Ochirov ²

¹ Independent Researcher (Moscow, Russian Federation). E-mail: zajarnyj@mail.ru

² Ph.D. in History (Doct. of Historical Sc.), Chief Research Associate, Department of History, Archaeology and Ethnology, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russian Federation). E-mail: ochirovub@kigiran.com

Abstract. The article deals with the history of combat operations for the defense of Don River crossings in the Manych and Sala River valleys conducted by the 110th Separate Kalmyk Cavalry Division (in the stanitsas of Bagaevskaya, Melikhovskaya and Razdorskaya) in July of 1942.

After the heavy defeats of the late 1941 – early 1942 the German military command realized the impossibility of conducting strategic operations on all fronts, and chose the South direction as the main one within the new campaign aiming to secure the Caucasian oil fields and, thus, win the war not by direct attacks but as a result of economic oppression. The Wehrmacht planned to encircle and eliminate troops of the Southwestern and Southern Fronts within a chain of operations on the right bank of the Don — so as to clear the way towards their goal. So, Army Group South accumulated large forces equipped with latest military machinery and weapons.

During the Donbass defensive operation of 1942 the Soviet troops attempted to counter the attacks of fascist forces but were defeated. And those were Don River crossings — including the mentioned ones — that proved critical to the rescue of Southern Front units. The rivers crossings next to the stanitsas of Bagaevskaya, Melikhovskaya and Razdorskaya were defended by the 110th Separate Kalmyk Cavalry Division. The national military unit had been formed shortly before in Kalmykia, had no combat experience, and became fully armed (except for air defense guns) only on the eve of the battles. Nonetheless, the 110th Cavalry Division was perfectly manned (including with those from the discontinued 111th Kalmyk Cavalry Division), its soldiers had passed full training courses, were acquainted with and trusted their commanding officers. The Soviet top military were well aware that a cavalry division was not designed for such defense activities, especially on the 58 km long front, but no infantry units that could replace the Kalmyk cavalry were found.

Recognizing the importance of those river crossings, the Germans had constantly bombed the area, and then forwarded there the most elite division of the Wehrmacht — the Panzer Grenadier Division Grossdeutschland. Still, due to efficient actions, valour and tremendous efforts of soldiers and officers who worked and defended the crossings, they managed to rescue and transport to the southern bank over 425 thousand people, 215 tanks, approximately 1 300 artillery pieces, over 8 thousand tractors and trucks (including multiple rocket launchers), 10 thousand carts, 22 thousand horses, etc. It was through those river crossings that the bulk of the 37th, 24th and 9th Armies as well as diverse remnants

of some other armies of the former Southwestern Front — that had played a significant role in the Battle of the Caucasus at the initial stage — were evacuated. As a result, the German top military's plans of encircling the troops of the Southern and Southwestern Fronts were disrupted, which proved crucial to the general failure in achieving the main goal of the 1942 campaign. And the 110th Separate Kalmyk Cavalry Division largely contributed to this failure of the Wehrmacht.

Keywords: Great Patriotic War of 1941 – 1945, Red Army, Donbass defensive operation of 1942, Don River defensive campaign, 110th Separate Kalmyk Cavalry Division

Начало июля 1942 г. для Красной армии оказалось очень «жарким». Вермахт, оправившись от зимних поражений и пополнив свои силы, провел серию армейских операций по ликвидации наиболее опасных вклинений советских войск в линию своего фронта и начал стратегическую операцию, которая в конечном итоге должна была решить главную задачу кампании 1942 г. На северном фланге Восточного фронта 16-я армия Э. Буша добивала в «котле» под Мясным Бором остатки 2-й ударной армии А. А. Власова. На центральном направлении 9-я армия Х. фон Фитингхофа¹ начала операцию «Зейдлиц», завершившуюся окружением и разгромом 39-й армии И. И. Масленникова и 11-го кавалерийского корпуса С. В. Соколова, а южнее две танковые армии (2-я немецкая и 3-я советская) вели ожесточенную танковую битву на берегах Жиздры. В Крыму 11-я армия Э. фон Манштейна после долгой восьмимесячной осады взяла штурмом доблестный Севастополь, пленив защищавшие его остатки Приморской армии. Однако самые важные бои разгорелись на северном фланге группы армий «Юг»: в ходе операции «Блау», начавшейся 28 июня, 4-я танковая, 2 и 6-я полевые армии вермахта при поддержке 2-й венгерской армии разбили войска 21-й (Юго-Западного фронта) и 40-й (Брянского фронта) советских армий и вышли к берегу Дона в районе Воронежа и Острогожска. Операция «Блау» являлась лишь началом в цепи операций, посредством которых должна была быть достигнута стратегическая цель летне-осенней кампании 1942 г. — захват кавказской нефти. Немцы к тому времени хорошо понимали, что вести стратегические операции на всех направлениях, как это было во времена «Барбароссы», им не по силам, поэтому для победы в новой кампании избрали южное направление, чтобы разгромить Красную армию и выиграть войну не пря-

¹ Генерал танковых войск Хайнрих фон Фитингхоф временно исполнял обязанности командующего 9-й армией после ранения 23 мая 1942 г. генерал-полковника В. Моделя.

мым ударом, а экономическим удушением.

Действительно, Кавказ в годы Великой Отечественной войны играл важнейшую роль в военной экономике СССР. До войны Закавказье и Северный Кавказ давали стране 86 % нефти, 65 % газа, 56 % марганца. Помимо этого здесь добывался уголь, выплавлялись ферросплавы, производились различные боеприпасы, типы вооружения и военной техники. Через Каспийское море и Кавказ шли стратегические грузы из-за рубежа, поставляемые по программе ленд-лиза через Персидский залив. В результате разгрома конвоя PQ-17 в Арктике и активизации боевых действий в северной части Тихого океана (после захвата японцами алеутских островов Атту и Кыска в июне 1942 г.) «иранская» ветка приобрела ключевое значение для этой программы [Очиров 2005: 146–147].

При этом немцы, хотя и ставили конечной целью захват бакинского нефтяного района, но могли решить эту проблему и путем перехвата транспортных коммуникаций. Основные маршруты доставки этих грузов осуществлялись через Каспий до Астрахани и частично далее по Волге (на судах и танкерах) и по железным дорогам Астрахань–Саратов и Тихорецк–Сталинград. 4 августа 1942 г. благодаря невероятным усилиям гражданского населения Калмыкии, Астраханского и Кизлярского округов была завершена железнодорожная ветка Астрахань–Кизляр (правда, ее возможности были ограничены: поезда могли ходить по ней со скоростью до 25 км/ч, отсутствовала необходимая инфраструктура — станции, водокачки, склады топлива) [Калмыкия ... 2005: 200–201]. В случае перехвата всех этих коммуникаций в Сталинграде и Астрахани военная экономика СССР из-за отсутствия нефти могла оказаться на грани коллапса. Единственной альтернативой для стратегической коммуникации была железная дорога Красноводск–Ташкент (и далее через Оренбургско–Ташкентскую магистраль или Турксиб), но ее возможности были ограничены. К тому же этот путь

требовал гораздо большего времени для доставки грузов. Спешно достраивалась железная дорога Гурьев–Орск, но в случае падения Астрахани ее также было нетрудно перерезать.

Глубина задуманной немцами цепи операций была невероятно огромной, доселе вермахт никогда не решал задачи на такие расстояния в рамках одной кампании. Ведь от Курска до Баку по прямой (без учета рек и горных хребтов) было более 1 600 км (даже в кампании 1941 г. расстояние по прямой от Бреста до Москвы или от Тильзита до Тихвина было около 1 000 км, от Перемышля до Ростова-на-Дону — около 1 300 км). С учетом обходов и маневров расчетная глубина операций всех трех этапов летне-осенней кампании 1942 г. могла достигать 2 100 км [Сталинградская битва 2002: 14–15]. Поэтому ключевым условием успеха кампании было уничтожение фронтов южного крыла советских войск на первых ее этапах, чтобы в последующем движение по широким открытым пространствам Юга России проходило беспрепятственно. Неудивительно, что в программной директиве ОКВ² № 41 от 5 апреля 1942 г., в которой ставились цели на будущую летне-осеннюю кампанию, подчеркивалось, что *«независимо от главной оперативной цели, всегда следует ставить перед собой задачу уничтожения атакованного противника, причем эта цель должна найти свое отражение в самой организации и наступления и использования войска»*. При наступлении на начальном этапе (по разгрому Юго-Западного фронта и левого крыла Брянского фронта, будущие операции «Блау» и «Клаузевиц») указывалось, что *«главная задача состоит не в том, чтобы заставить русских отодвинуть свой фронт, а в том, чтобы <...> ударом вниз по течению р. Дон моторизованными соединениями уничтожить силы русских»*. На следующем этапе (по разгрому Южного фронта) подчеркивалось, что *«если в ходе этой операции, в особенности в результате захвата неразрушенных мостов, представится возможность создать плацдармы восточнее или южнее р. Дон, — ее необходимо использовать <...> В особенности желательно либо захватить неразрушенные мосты в самом Ростове, либо прочно овладеть плацдармами южнее р. Дон для продолжения операций, намеченных на по-*

² ОКВ (Oberkommando der Wehrmacht) — Главное командование Вооруженных сил Германии.

следующий период», при этом указывалось на важность задачи *«не дать возможности большей части находившихся севернее р. Дон русских сил уйти за реку на юг...»* [Дашичев 2005: 426–427].

Для этой серии операции немцы сконцентрировали в составе группы армий «Юг» (9 июля была разделена на группы армий «А» и «Б») значительные силы, которые составляли чуть ли не половину сил вермахта на востоке (без учета союзников, которые действовали в основном на южном направлении) [Заярный: параграф 2.2]. Войска южного крыла Восточного фронта в первую очередь получали новейшую технику, в том числе танки Pz. III Ausf. J с длинноствольными (60-калиберными) 50-мм пушками и Pz. IV Ausf. F2 с длинноствольными (43-калиберными) 75-мм пушками, штурмовые орудия (САУ) StuG III Ausf. F с длинноствольными (43-калиберными) 75-мм пушками, противотанковые 76,2-мм пушки (трофейные советские Ф-22) на самоходных лафетах (САУ) Pak 36(r), полугусеничные грузовики «Maultier» и т. д. В мотострелковых бригадах увеличилось количество рот на БТР и зенитных САУ. Танковые дивизии группы армий «Юг» (ранее имевшие по два танковых батальона) получили третьи танковые батальоны, а моторизованные дивизии (ранее танков вообще не имевшие) получили по одному танковому батальону [Заярный: параграф 2.2]. Причем такое укомплектование «панцерваффе» южного крыла происходило за счет «потрошения» танковых дивизий группы армий «Север», которые из трехбатальонных стали двухбатальонными, и группы армий «Центр», которые из трех- и двухбатальонных превратились в однобатальонные (за исключением 5-й танковой дивизии, сохранившей два танковых батальона). Аналогичное «потрошение» пережила и пехотная дивизия: из 77 пехотных дивизий групп армий «Север» и «Центр» 69 стали шестибатальонными, в то время как аналогичные соединения группы армий «Юг» имели положенные по штату 9 пехотных батальонов, причем большинство из них было укомплектовано до полной численности [Заярный: параграф 2.2]. В результате этого группа армий «Юг» превосходила противостоящие им силы Южного, Юго-Западного и части Брянского фронтов в полтора раза [Сталинградская битва 2002: 17], а на участках прорыва — многократно.

Неудивительно, что уже на 10-й день наступления германский генштаб пришел к

выводу, что первая цель операции «Блау» (с 30 июня переименована в операцию «Брауншвейг») достигнута, и начал операцию «Клаузевиц» по окружению и разгрому 28, 38 и 9-й армий Юго-Западного фронта и 37-й армии Южного фронта силами 6-й полевой, 4 и 1-й танковых армий вермахта. Однако 6 июля Ставка ВГК, понимая угрозу окружения, отдала приказ об отступлении Юго-Западного фронта и правого крыла Южного фронта [Коломиец, Смирнов 2002: 52, 54, 56–58]. Личный состав этих войск, позиции которых пока не подвергались сильным атакам, намеревался сражаться на хорошо оборудованных и подготовленных к обороне рубежах, и приказ на отход оказался для них полной неожиданностью, моральным ударом. Командование Юго-Западного и Южного фронтов, хотя и понимало масштаб угрозы и последствия прорыва 4-й танковой армии вдоль Дона, войска к отступлению совершенно не готовило — ни морально, ни физически. Планы отхода и прикрытия войск на марше отсутствовали, маршруты отступления не разрабатывались, работа с войсками не велась, войсковые тылы не разгружались, транспорт не готовился. В результате этого, например, 275-я стрелковая дивизия значительную часть своего транспорта выделила для эвакуации гражданского населения и в первый день отхода (7 июля) не смогла вывезти все боеприпасы [Заярный: параграф 3.1]. Тыловые и промежуточные рубежи обороны не оборудовались, хотя в составе Юго-Западного и Южного фронтов, по данным на 1 июля, числились управления двух саперных армий, 16 саперных и инженерных бригад, инженерный полк, 83 отдельных батальона (25 инженерных, 35 саперных, 4 минно-саперных, 19 понтонно-мостовых) фронтового и армейского подчинения [Боевой состав 1966: 125–127]. Эта мощная группа инженерных войск строила ряд УРов, однако их начертания не совпали с рубежом отхода и не препятствовали прорыву 4-й танковой армии вдоль Дона, а командование отходящих дивизий не было проинформировано об их наличии.

Тем не менее, этот приказ явно запоздал, так как к этому времени 40-й танковый корпус (3 и 23-я танковые дивизии), сбивая слабые заслоны, уже форсировал Тихую Сосну, а 7 июля при поддержке 8-го армейского корпуса занял Россошь и Ольховатку, создав плацдармы на южном берегу Черной Калитвы. Таким образом, глубина прорыва

немецких войск достигла 300 км. До этого времени ширина прорыва 4-й танковой армии в какой-то мере регулировалась географическим фактором — течением реки Дон, но после впадения Черной Калитвы Дон резко поворачивает на восток, и теперь «панцерваффе» вырвались на широкий оперативный простор. Плохо скоординированные и осуществленные без тщательной разведки контрудары наших сил успеха не имели. В результате этого на правом фланге Юго-Западного фронта образовалась огромная брешь, закрыть которую было нечем. 8 июля в наступление перешла правая «клевня» «Клаузевица» — 1-я танковая армия, правда, сначала ее удар пришелся в пустоту, но вскоре она повернула на юго-восток [Коломиец, Смирнов 2002: 60–61].

Тяжелее всего пришлось войскам 38 и 28-й армий, которым пришлось отступать дальше всех. Ввод 57-й армии из резерва Юго-Западного фронта ситуацию не улучшил, так как это объединение фактически не имело войск (если не считать пяти инженерных и саперных батальонов) и приняло под свое командование отступающие дивизии из состава 38 и 9-й армий. Перекрещивание маршрутов, огромные толпы эвакуируемого гражданского населения, промышленного оборудования, грузов, скота, смешивание колонн под бомбардировками люфтваффе привели к значительной дезорганизации отходящих войск. Бойцы в суете и суматохе теряли своих командиров, отставали от своих частей. Имели место случаи оставления тяжелого оружия и паники. Картина отступления и тяжелое моральное состояние войск в этот момент хорошо описаны в знаменитой повести Виктора Некрасова «В окопах Сталинграда» [Некрасов 1995]. Тяжесть ситуации усугубил выезд 6–9 июля командующего Юго-Западным фронтом маршала С. К. Тимошенко на вспомогательный пункт управления, плохо обеспеченный средствами связи, в результате чего последний фактически потерял на три дня управление армиями своего фронта [Штеменко 2005: 83–86].

11 июля соединения 40-го танкового корпуса вермахта заняли Дёгтево (23-я танковая дивизия) и Боковскую (29-я моторизованная дивизия), охватывая и обгоняя отступающие армии Юго-Западного фронта, фактически нависая уже над тылами 37 и 12-й армий Южного фронта. Соединения 3-го танкового корпуса (14 и 22-я танковые дивизии) форсировали Айдар и нанесли удар в стык

Юго-Западного и Южного фронтов, которые были вынуждены продолжить отход на юг. К тому времени штаб Юго-Западного фронта, находившийся в районе Калача (Воронежского), окончательно потерял управление своими войсками. На восточный берег Дона вышли управления 21, 28 и 57-й армий. В ночь на 13 июля через Дон переправилось управление 38-й армии с несколькими отрядами. Но если управление 21-й армии генерал-майора В. Н. Гордова вышло с почти всеми уцелевшими остатками своих войск, то управления 28, 57 и 38-й армий вышли с небольшими отрядами, оставив большую часть своих дивизий к западу от прорыва «панцерваффе». В ночь с 11 на 12 июля Юго-Западный фронт был расформирован, его управление с остатками 21-й армии и 8-й воздушной армии обращено на формирование Сталинградского фронта, а 9-я армия и остатки 28, 57 и 38-й армий, оставшиеся к западу от Дона, переданы Южному фронту [Штеменко 2005: 87–88].

От Боковской до Сталинграда оставалось 200 км, но 13 июля Гитлер приказал повернуть 1 и 4-ю танковые армии на юг, чтобы вдоль обоих берегов Северского Донца выйти к Дону, а затем ударом на запад на соединение с 17-й армией замкнуть два фронта советских войск в гигантском «котле». При этом в приказе фюрера особо подчеркивалось: *«Важно заблаговременно захватить переправы через Дон в районе Константиновской и Цимлянской, создать плацдарм на левом берегу Дона»* [цит. по: Заярный 2016: 26]. Командующий группой армий «Б» фельдмаршал Ф. фон Бок, возражавший против такого использования 4-й танковой армии, был снят с должности и заменен фельдмаршалом бароном М. фон Вейхсом. В зарубежной историографии решение фюрера от 13 июля о повороте двух танковых армий на юг принято относить к ошибочным. Вот что пишет об этом Х. Дёрр, работа которого в 1950–1980-е гг. в западноевропейской историографии считалась одной из основополагающих по истории Сталинградской битвы: *«Никогда до этого и после этого обстановка не была такой благоприятной для наступления на Сталинград. Этот шанс был потерян ради проведения «битвы в котле», хотя окружать тогда, собственно говоря, было некого»* [Дёрр 1957: 26].

Однако, на наш взгляд, это утверждение весьма спорно. Следует помнить, что согласно программной директиве ОКВ № 41

Сталинград не являлся конечной целью операции и его захват был не обязателен, достаточно было *«подвергнуть воздействию нашего тяжелого оружия с тем, чтобы он потерял свое значение как центр военной промышленности и узел коммуникации»* [Дашичев 2005: 427], что и осуществил 4-й воздушный флот во время печально известной бомбардировки 23 августа. Решение о взятии Сталинграда было принято лишь 20 июля фон Вейхсом, требовавшим *«использовать нынешнюю слабость противника безостановочным преследованием»* [Исаев 2017: 10]. Однако Сталинград не был таким уж слабым: вокруг него находилась 7-я резервная армия (с 10 июля — 62-я армия), севернее — 5-я резервная армия (с 10 июля — 63-я армия), из Тулы перебрасывалась 1-я резервная армия (с 10 июля — 64-я армия), а в Сталинградском автобронетанковом центре завершал формирование 28-й танковый корпус. К 17 июля в составе Сталинградского фронта числилось 34 стрелковые и 3 кавалерийские дивизии, 8 стрелковых бригад, 3 танковых корпуса, 14 танковых бригад [Штеменко 2005: 97]. Помимо этого в район Сталинграда потком шли и отдельные соединения, например, 26–27 июля прибыло шесть дивизий с Дальнего Востока (126, 204, 205, 321, 399, 422-я), а в начале августа здесь появилась 1-я гвардейская армия, сформированная из элитных десантников [Исаев 2017: 33, 58]. Нельзя забывать и о том, что для достижения действительно главной цели кампании 1942 г., обозначенной в директиве ОКВ № 41, необходимо было уничтожить войска Юго-Западного и Южного фронтов, а также захватить плацдармы на южном берегу Дона, поэтому бросок к Дону и окружение двух фронтов являлись для вермахта более приоритетными задачами, чем захват города на Волге.

Дивизии и полки 28, 38, 57-й армий, отрезанные от своих управлений, под давлением противника продолжали беспорядочно отступать, теряя тяжелое вооружение, технику, тылы. Командующий Южным фронтом генерал-лейтенант Р. Я. Малиновский смог принять под свое управление лишь 9-ю армию генерал-лейтенанта А. И. Лопатина. Из резерва Южного фронта на стыке с бывшим Юго-Западным фронтом начали ввод в бой 24-й армии, но оставалась открытой огромная брешь на правом фланге, через которую лавиной ринулись «панцерваффе» 4-й танковой армии.

13 июля, пользуясь суматохой и временной потерей связи управлением Южного фронта, менявшего свою дислокацию, 14 и 22-я танковые дивизии (3-го танкового корпуса 1-й танковой армии) прорвались на левом фланге 9-й армии и отрезали ее и остатки других соединений бывшего Юго-Западного фронта от основных сил Южного фронта. Вечером они, соединившись с 3 и 23-й танковыми дивизиями (40-го танкового корпуса 4-й танковой армии), замкнули кольцо в районе Миллерово. В окружении оказалось 16 стрелковых, 3 кавалерийских, 1 истребительная дивизия, 11 бригад, 26 артиллерийских и минометных полков, 16 отдельных батальонов 38, 28, 57, 9-й общевойсковых армий и 7-й саперной армии бывшего Юго-Западного фронта, а также две дивизии 24-й армии Южного фронта. Общая численность этой группировки, которую возглавил командующий 9-й армии А. И. Лопатин, оценивалась в более чем 150 тыс. человек. В течение двух дней группировка Лопатина вела ожесточенные бои, пытаясь вырваться из окружения и отвлекая на себя внимание значительных сил противника, но 15 июля оперативная часть штаба 9-й армии попала под удар немецких танков. Командарм Лопатин был тяжело ранен, штаб и узел связи с радиостанциями — разгромлены. Управление войсками было потеряно. Новым командармом назначили командира 5-го кав. корпуса Ф. А. Пархоменко, но восстановить управление войсками было очень трудно. К 17 июля немцы ликвидировали «миллеровский котел». По немецким данным, которые принято считать завышенными, в плен попали 73 450 чел., захвачено 422 орудия, 109 танков и 15 самолетов [Матишов, Афанасенко, Кринко и др. 2016: 114–120].

Тем не менее, некоторым отрядам из группировки Лопатина удавалось вырваться из окружения. Например, 14 июля восточнее Миллерово прорвалась мотоколонна управления и штаба 9-й армии «*в полном составе, за исключением оперативного, разведывательного и шифровального отделов*» (оставшихся с командармом Лопатиным) под руководством комиссара штаба полкового комиссара Усачева. Проскочив через тылы противника, она 15–16 июля перешла Дон в районе Цимлянкой и Константиновской и сконцентрировалась в районе хутора Павлов (южнее Константиновской). В ее составе числилось 1 100 автомашин (в том числе 500 из 38 и 28-й армий), 5 тыс. бойцов

(из них 3 тыс. — небооруженных), 24 орудия (большая часть зенитных — из 1258 и 1260-го артполков ПВО, 268-го зенитно-артиллерийского дивизиона), 26 «катюш» из 2, 73 и 76-го гв. минометных полков [ЦАМО. Ф. 228. Оп. 701. Д. 1010. Л. 233–237]. Некоторое недоумение вызывает тот факт, что более 1 100 автомашин вывезли всего 5 тыс. человек, но, тем не менее, эта мотоколонна стала хорошим подспорьем для переброски сил на южном берегу Дона. Другим отрядам удалось прорваться на южном направлении, форсировав Северский Донец в районе Каменска. Всего из состава 9-й армии к 23 июля вырвалось 18 200 чел. (из 76 180 чел., числившихся в объединении к 4 июля) [Матишов, Афанасенко, Кринко и др. 2016: 120].

Развивая свой успех, немцы устремились к Дону, пытаясь захватить плацдармы на южном берегу и отрезать Южный фронт от переправ. 15 июля Ставка приказала Малиновскому начать отвод Южного фронта за Дон и организовать там оборону вместе с 51-й армией Северо-Кавказского фронта. Если бы Южный фронт с 16 июля установил контакт с частями 51-й армии, начал готовить оборону по рубежу реки Дон, организуя базы снабжения боеприпасами, систему связи, бросив все инженерные части на организацию переправ и укрепление оборонительных сооружений, то ему удалось бы значительно задержать продвижение немецких войск. В действительности же между службами фронтов всю декаду боев на донском рубеже так и не были налажены взаимная поддержка и помощь. Северо-Кавказский фронт сворачивал свои базы снабжения и уничтожал все, что не мог вывезти, а Южный фронт, растерявший на путях отхода свои тыловые службы, не мог обеспечить доставку боеприпасов своим войскам [Заярный 2016: 27–28].

51-я армия заново комплектовалась после разгрома на Керченском полуострове, но 7 июля получила приказ о занятии позиций на гигантском участке шириной свыше 300 км от Азова до Верхне-Курмоярской [Коломиец, Смирнов 2002: 67–68]. В ее составе числились четыре стрелковые и две кавалерийские дивизии, отдельный кавалерийский полк, танковая бригада, дивизион бронепоездов, а армейская артиллерия состояла из одного полка «катюш» [Боевой состав... 1966: 128]. Понятно, что сил 51-й армии для удержания Дона было недостаточно, и не от хорошей жизни только что

назначенный командарм Н. И. Труфанов поставил на оборону участков по 50–60 км обе кавалерийские дивизии: 110-ю Калмыцкую и 115-ю Кабардино-Балкарскую. Впрочем, Труфанов надеялся, что войска Южного фронта при отступлении к Дону сумеют оторваться от механизированных соединений вермахта, и тогда он сможет вернуть свои кавдивизии в состав ударной группы 51-й армии – кавалерийского корпуса Б. А. Погребова для купирования вражеских прорывов. И если 115-ю кавдивизию удалось сменить и вывести в ударную группу, то замену для 110-й кавдивизии найти не получилось, и калмыцкие конники приняли свой первый бой на рубеже шириной 58 км.

Следует отметить, что прорыв мотоколонны Усачева к переправам в Цимлянкой и Константиновской был обусловлен географическим фактором — течением Северского Донца, который представлял собой достаточно широкую водную преграду, особенно в нижнем течении. Для армий Южного фронта, находящихся западнее Северского Донца, этот же фактор ограничивал возможность использования вышеуказанных переправ, и для отхода через Дон указанные объединения могли использовать лишь две группы переправ: 1) в районе Ростова и его окрестностях (включая стационарные мосты — железнодорожный и автомобильный в самом Ростове, а также переправы в Азове, Аксайской, Старочеркасской и Маньчской); 2) в междуречье Маньча и Сала. Большая часть армий левого крыла Южного фронта (56, 18 и 12-я) отходила через первую группу переправ, а большая часть армий правого крыла (37, 24, 9-й, а также остатки других армий бывшего Юго-Западного фронта) — через вторую группу переправ, хотя, конечно, в условиях наступившего хаоса отступающие колонны могли сбиться с пути, сменить маршрут и т. д. При этом первый участок защищался силами 56-й армии, имевшей в своем составе гвардейский стрелковый корпус, три стрелковые дивизии, стрелковую бригаду, два укрепрайона, пять армейских артполков, танковую бригаду и т. д. [Боевой состав... 1966: 127] и опиравшейся на несколько построенных линий обороны, а защиту участка от Багаевской до Семикаракорской протяженностью 58 километров и глубиной 40 километров от Дона до хуторов Павловский на реке Сал и Веселый на реке Маньч осуществляло одно соединение, к тому же кавалерийское — 110-я Отдельная Калмыц-

кая кавдивизия (ОККД) 51-й армии Северо-Кавказского фронта.

Скажем несколько слов о самом соединении. 110-я ОККД являлась национальным кавалерийским соединением, сформированным по Постановлению ГКО № 894сс от 13 ноября 1941 г. Калмыцким обкомом ВКП(б) и Совнаркомом Калмыцкой АССР. 110-я Калмыцкая кавдивизия имела отборный личный состав (в марте 1942 г. она получила 1 368 лучших бойцов из расформированной 111-й Калмыцкой кавдивизии, а взамен отправила в запасную бригаду 1 000 малообученных новобранцев), который прошел полный курс обучения, хорошо знал своих командиров (частью из местных уроженцев) и доверял им. 16 мая 1942 г. комиссией Сталинградского военного округа 110-я ОККД, еще не получившая вооружения и большую часть обозно-вещевого имущества, была принята в состав действующей армии, и на следующий день походным маршем выступила на фронт. К 20 июля дивизия была почти полностью укомплектована по штату и вооружена (за исключением зениток), имела 4 551 человек личного состава, 4 737 лошадей, 16 — 76-мм, 8 — 45-мм орудий, 8 — 120-мм, 18 — 82-мм, 48 — 50-мм минометов, 58 ПТР, 26 станковых, 67 ручных, 9 зенитных пулеметов, 3 166 винтовок, 532 автомата, 33 автомашины, 6 раций [ЦАМО. Ф. 224. Оп. 760. Д. 26. Л. 97]. Позиции на участке от Багаевской до Семикаракорской 110-я ОККД заняла еще 22 июня и при поддержке саперов начала восстанавливать окопы, вырытые еще в 1941 г., оплывшие и обрушившиеся при паводке, и отрывать новые.

Командование, конечно, понимало, что ширина участка от Багаевской до Раздорской в 58 км превышает уставные плотности обороны в несколько раз даже для стрелковых дивизий (не говоря уже о том, что действующий на тот момент Боевой устав конницы (БУК-38) вообще не предусматривал использования кавдивизии в обороне), и планировало заменить 110-ю ОККД на стрелковые дивизии. Например, 10 июля командование Северо-Кавказского фронта направило в Генштаб план действий, согласно которому 110-я кавдивизия должна была быть заменена на 138-ю стрелковую дивизию полковника И. И. Людникова (будущих героев Сталинграда, отстоявших легендарный «остров Людникова» и закончивших войну под Прагой уже как 70-я гв. Глуховская шестикратно орденоносная дивизия).

Однако уже 12 июля ее направили в район Верхне-Курмоярской [Заярный 2016: 26].

Забегая вперед, добавим, что аналогичное предложение внес временно принявший командование 51-й армией генерал-полковник Я. Т. Черевиченко командующему Северо-Кавказским фронтом Маршалу Советского Союза С. М. Буденному в сообщении от 22 июля: «*Войска Южного фронта, за исключением 56 А[рмии], дезорганизовано, никем не управляемые, отходят в разных направлениях на юг за железную дорогу Ростов–Сальск, Сальск–Сталинград. Штаб Южного фронта <...> не в состоянии не только управлять, но даже привести в порядок отходящие свои части. Для того, чтобы штаб Южного фронта мог привести себя и отходящие части в порядок, потребуется 10–15 суток <...> 110 кд необходимо вывести в район Б. Орловка, заменив ее одной боеспособной стрелковой дивизией из состава частей Южного фронта*» [ЦАМО. Ф. 224. Оп. 760. Д. 11. Л. 166–168].

Вечером 22 июля уже Южный фронт приказал 37-й армии, в состав которой была передана 110-я ОККД: «*По выходу войск 37-й армии на левый берег р. Дон, оборону Дона занять тремя стрелковыми дивизиями (имелись ввиду 74, 295, 230-я дивизии. — С. З., У. О.), вывести в армейский резерв район Павлов, Кирсановский, Старокузнецовский одну стрелковую дивизию и 110 кд*» [ЦАМО. Ф. 224. Оп. 760. Д. 6. Л. 122]. Командование 37-й армии тотчас же выпустило соответствующий приказ: с 23.15³ 22 июля 74-я дивизия должна была сменить левофланговый полк 156-й стрелковой дивизии на участке Константиновская–Семикаракорская; 295 и 230-я дивизии должны были сменить 110-ю ОККД на рубежах Семикаракорская–Мелиховская и Мелиховская–Багаевская соответственно [В годы... 2003: 99]. Этот приказ не был выполнен, так как в указанных трех дивизиях вместе взятых людей было почти вдвое меньше, чем в 110-й ОККД, и они не имели артиллерии. К тому же они еще находились на марше. Тем не менее, утверждение о нахождении стрелковой и кавалерийской дивизий в резерве Южного фронта в полосе 37-й армии в районе западнее хутора Веселый вошло даже в классическую 12-томную «Историю Второй мировой войны» [История 1975: 200].

Еще один приказ Южного фронта о смене 110-й ОККД вышел вечером 24 июля [ЦАМО. Ф. 224. Оп. 760. Д. 6. Л. 137–139], но и он оказался не выполненным.

³ Здесь и далее указывается московское время.

В полосе обороны 110-й ОККД работало три переправы: в Раздорской, Мелиховской и Багаевской. Рассмотрим их по порядку: с севера на юг.

В район станицы Раздорская первым (16 июля в 12.00) прибыл 37-й отд. моторизованный понтонно-мостовой батальон. Он 12 июля убыл из района Лисичанска, где обслуживал две переправы через Северский Донец, взорванные при отходе. 13 июля 37-й батальон прибыл в район Бессергеновской–Заплавской, но ввиду сложных условий местности в районе Багаевской 15 июля начальник инженерных войск Южного фронта полковник А. И. Прошляков (будущий маршал инженерных войск) решил перевести его в Раздорскую. Уже 16 июля 37-й батальон навел здесь переправу из двух 16-тонных паромов (мост он навести не мог, так как лишился части парка и понтонов при взрыве донецкой переправы). 17 июля здесь заработал 30-тонный паром, также были мобилизованы пароход, буксирный катер Доно-Кубанского пароходства и две баржи, доставившие личный состав и имущество 97 и 98-го отд. понтонно-мостовых батальонов.

Вечером 18 июля 97 и 98-й батальоны из двух понтонно-мостовых парков КМП-26⁴ навели понтонный мост. Следует заметить, что КМП-26 предназначался под нагрузку 16–30 тонн для использования на реках шириной не более 100 м, в то время как ширина Дона в этом месте превышала 250 м. Поэтому даже после соединения двух сцепок понтонов обнаружилась нехватка понтонно-мостового настила на 10–15 метров, который пришлось заменить бочками и другими плавсредствами, собранными в станице. Длина моста после модернизации составила 304 м, но его грузоподъемность снизилась до 12 т, что исключило возможность переправы танков и другой тяжелой боевой техники. Из-за воздействия люфтваффе днем мост разводился, и переправа осуществлялась только на судах и паромов. С 19 июля все паромы были усилены до 30 т.

В районе станицы Мелиховской еще с 26 июня находился 35-й отд. моторизованный понтонно-мостовой батальон Южного

⁴ Любопытно отметить, что одним из авторов проекта КМП-26 был уроженец станицы Раздорской военный инженер К. И. Куликов. Сами понтоны были изготовлены на ростовских заводах «Красный Дон» и «Красное Знамя» вместе с личным составом батальонов в период с марта по июль 1942 г.

фронта, занимавшийся боевой подготовкой. 15 июля он навел паромную переправу, а 19 июля к ней подключился 85-й понтонно-мостовой батальон. Мосты они навести не могли, так как оставили значительную часть парка при отступлении. Этот район из-за заболоченной местности имел плохие подъездные пути, но другого места для переправы здесь не было.

В районе станицы Багаевской еще до войны был построен наплавной мост, который мог разводиться для пропуска судов по фарватеру Дона. Район из-за заболоченности ериков и проток имел плохие подъездные пути, поэтому понтонно-мостовые батальоны не смогли усилить эту переправу.

Таким образом, в полосе обороны 110-й ОККД переправа осуществлялась следующими средствами: в Багаевской по наплавному мосту, в Мелиховской — на 6 паромах, в Раздорской — по понтонному мосту, на 3 паромах, пароходу и 2 баржах [Заярный: параграф 4.4]. Командование 110-й ОККД вечером 15 июля приказало своим частям, продолжая окопные работы, взять под контроль все переправы на участке Раздорская — Багаевская и установить связь с частями, действующими на северном берегу Дона. При этом следовало не допускать скопления тыловых частей, переправляющихся на южный берег, осуществлять проверку документов, устанавливать нумерацию частей и количество переправляющихся, задерживать не имеющих документов [ЦАМО. Ф. 406. Оп. 9837. Д. 28. Л. 79]. 273-й кавполк занял позиции напротив Раздорской и Мелиховской, 292-й кавполк — в районе Багаевской, 311-й кавполк находился в резерве, но после выхода немцев к правому берегу Дона выдвинул два эскадрона к мелиховской переправе. Для прикрытия переправ на северный берег Дона были выдвинуты передовые отряды, усиленные саперно-подъемными взводами и взводами ПТР.

15 июля, хотя работали еще не все плавсредства, в полосе обороны 110-й ОККД переправились части 318, 335 и 244-й стрелковых дивизий и свыше 1 000 автомашин [ЦАМО. Ф. 406. Оп. 9837. Д. 49. Л. 376]. С 16 июля на участке 110-й ОККД стали работать все переправы, по которым непрерывно двигались фронтовые и армейские обозы, измотанные тяжелейшими маршами и боями войска, колонны техники, массы эвакуируемого населения, табуны лошадей, гурты скота. В районе вышеуказанных станиц были организованы отстойные площадки,

где устанавливалась очередность переправы. Однако здесь образовались огромные скопления из отступающих частей, техники, тылов, неорганизованной массы отставших бойцов, эвакуирующегося гражданского населения и скота, в результате чего возникали большие заторы.

Вот как описывал эту картину очевидец — командир пулеметного эскадрона 292-го кавполка младший лейтенант Н. В. Бадьмин, мемуары которого авторам удалось найти сравнительно недавно: *«Сколько едут, идут с правого берега, переправляется через эту переправу <...> в жизни никогда не поверил бы, что эта переправа может поднять машины с техниками и людей <...> мост не прекращал переправлять транспорт, солдат, обозы, гражданское население <...> скотопоголовье шло плавом [вплавь] южнее Багаевска <...> Шли машины, техника, всевозможные транспорта и люди, мост утонул в воде, движение не прекращалась. Накопление на правом берегу было слишком большое. Создался большой затор, каждый доказывал свои права. Одни говорят, что у меня воинская часть, надо переправляться вне очереди, другой доказывал, что он подъехал раньше и должен переправляться за кем-то. Третий доказывал, что у него военно-промышленный груз, граждане на повозках плакали, просили...»* [НА КалмНЦ РАН: Воспоминания Бадьмина].

Комиссар 110-й ОККД полковой комиссар С. Ф. Заярный в донесении от 20 июля в штаб 51-й армии писал: *«...идет непрерывный поток одиночек и неорганизованными группами военнослужащих рядового, младшего и командно-начальствующего состава. Идут с оружием и без оружия. С идущих можно сформировать целые соединения, но приведением их в порядок никто не занимается. Выполнить функции управления командование дивизии не в состоянии, так как дивизия выполняет задачу по занятию обороны на широчайшем участке. Кроме того, чтобы заняться формированием, требуется соответствующий командный состав и для питания продовольствие»* [ЦАМО. Ф. 51А. Оп. 9837. Д. 49. Л. 657].

Для наведения порядка на багаевской переправе 292-й кавполк сформировал небольшой заградительный отряд. Как только заработали другие переправы, на них были выставлены конные посты, которые собирали одиночек и небольшие группы красноармейцев, оторвавшихся от своих частей, в специальные партии, направляемые за

Маныч в Веселый. Вечером 13 июля политрук минометной батареи 292-го кавполка Т. Т. Турсунов сообщил о задержании некоего Фролова, который не имел документов и путался в описании своего маршрута. В ходе допроса, проведенного старшим лейтенантом госбезопасности И. Е. Орденем, удалось выяснить, что это был вражеский диверсант, высадившийся ночью на парашюте в составе группы. Через два дня Особый отдел 51-й армии предупредил, что в ночь с 12 на 13 июля было сброшено несколько групп диверсантов, основной целью которых являлись переправы через Дон [Заярный: параграф 4.4].

21 июля в 10.40 командир 110-й ОККД полковник В. П. Панин и комиссар С. Ф. Заярный сообщили в штаб 51-й армии: «На переправах Раздорская, Мелиховская, Багаевская сконцентрирована большая масса войск соединений Южного фронта, которые готовятся к переправе на левый берег реки Дон. Эти части подвергаются непрерывной бомбардировке, так как эти пункты не имеют прикрытия ПВО. Прошу выделить для защиты переправ в пунктах Раздорская, Багаевская, Пухляков и Мелиховская зенитную артиллерию. Также прошу приказа, как осуществлять питание отступающих войск Южного фронта, как я уже просил трижды, но не получил никакого ответа на мои запросы» [NARA, T315, roll 2282, 177]. Вызывает недоумение отсутствие авиации и зенитной артиллерии на прикрытии столь важных переправ. Ведь только в составе мотоколонны 9-й армии, переправившейся 15–16 июля и собранной южнее Константиновской, было почти два десятка зениток. Не предоставляли свои зенитки и другие переправляющиеся армии. 110-я ОККД зениток не имела, а штатная зенитная батарея из-за отсутствия орудий была обращена на пополнение других подразделений. Поэтому удары люфтваффе по массам людей и техники, скопившихся на северном берегу Дона, приводили к серьезным потерям и хаосу.

Что касается авиации, то приведем фрагмент из вышеупомянутого сообщения Черевиченко от 22 июля: «Необходимо немедленно организовать совместный удар авиации нашего фронта и Южного фронта по районам Цимлянская, Николаевская, где сосредотачиваются основные крупные силы противника. Если мы не используем напряженно многочисленную нашу авиацию, противник безнаказанно будет про-

должать переправляться через р. Дон» [ЦАМО. Ф. 224. Оп. 760, Д. 11. Л. 167]. Тем не менее, поддержки нашей авиации 110-я ОККД так и не дождалась.

Поначалу зенитное прикрытие раздорской и мелиховской переправ осуществлялось силами зенитно-пулеметных взводов понтонно-мостовых батальонов. Багаевская переправа оказалась вовсе беззащитной перед ударами с воздуха. Немцы хорошо понимали важность этих переправ для срыва их стратегической цели — уничтожения войск Южного фронта к северу от Дона, и не замедлили с нанесением удара. Утром 15 июля люфтваффе атаковали мост в Багаевской — единственную в то время переправу на данном участке. Снова дадим слово очевидцу: «Они летели низко, вихри создаваемые пяти пропеллерами создавали темно-серые вихри [на воде] <...> все пять фронтом держали курс на этот жалкий мост <...> Вражеские бомбардировщики сбрасывали свои смертоносные грузы, а их было по пять бомб в каждом <...> Разбросав свой груз только на той [правой] стороне, на скопище транспорта, военных и гражданских, поднимаясь немного выше, пролетели над Доном, в направлении к востоку, где развернувшись, шли бреющим полетом, опять таки на правый берег Дона, где люди, оставшиеся в живых, бежали, суетились, плакали, ища своих, и в это время вражеские самолеты с бреющего полета расстреливали все живое, даже брошенные транспорта. Часть бомбардировщиков полетели навстречу тем транспортам и людям, идущим на переправу, их так было ясно и хорошо видно, что они спускались с горки. Эти вражеские самолеты с озверением расстреливали всех, среди них были и солдаты, они убежали в сторону <...>, но вражеские самолеты преследовали каждого, выпуская длинные очереди из своих пулеметов. За собой вражеские бомбардировщики оставили изуродованные машины с грузами <...> сотни людей убитыми, покалеченными, и военных, и гражданских, и все это творилось на наших глазах защитников. Позор охватывал нас с головы до ног. Какие же мы защитники? Свидетели с оружием в руках, «американские наблюдатели» за кошмарными событиями над советскими людьми, людьми обезоруженными <...> ни один бомбардировщик не сбросил бомбы на переправу и обстреливали не нас, а по правому берегу» [НА КалмНЦ РАН: Воспоминания Бадьминава].

Судя по описанию очевидца (одномоторные самолеты, сбрасывающие по 5 бомб), это были пикирующие бомбардировщики Ju-87⁵, также известные как «штука» (в советской фронтовой терминологии — «лаптежник»). В 1939–1941 гг. это было грозное оружие, ставшее одним из важнейших инструментов «блицкрига», но в 1943 г. после массового перевооружения ВВС скоростными истребителями «Аэрокобра», Ла-5, Як-7, Як-9 этот тихоход превратился в слишком легкую цель для советских «соколов» и в 1944 г. был снят с производства. Однако летом 1942 г., когда советские ВВС были еще слишком слабы и имели большой процент устаревших истребителей, «штуки» оставались эффективным оружием.

В летней кампании на южном направлении действовали 2-я группа 1-й эскадры, 2 и 77-я эскадры пикирующих бомбардировщиков. Если учесть, что 1-я группа 1-й эскадры пикирующих бомбардировщиков в начале 1942 г. была переведена на средиземноморский театр, то получается, что на южном направлении было сконцентрировано семь из восьми групп Ju-87 Восточного фронта, что еще раз подчеркивает важность этого направления для кампании 1942 г. 2-я эскадра в начале Воронежско-Ворошиловградской операции базировалась на аэродроме Ахтырка, но 20 июля перелетела в Тагинскую, так же, как и 1-я эскадра непосредственной поддержки войск (две группы вооружены Вf-109, третья — «хеншелями»). Отсюда немецкие самолеты оказывали поддержку 6-й полевой и 4-й танковой армиям вермахта по всей излучине Дона. Поскольку элитная моторизованная дивизия «Великая Германия» и 16-я моторизованная дивизия входили в состав 4-й танковой армии, то 2-я эскадра «штуки», по всей видимости, также принимала активное участие в бомбовых ударах по 110-й ОККД. Однако большая часть бомбардировок позиций 110-й ОККД была осуществлена 77-й эскадрой, первые две группы которой базировались с 9 июля в Хацепетовке, с 21 июля — в Лакедемоновке (в 25 км к западу от Таганрога), а 3-я группа — в Горловке. Эта эскадра прикрывала 17-ю армию вермахта и наносила удары в

⁵ Истребитель-бомбардировщик Вf-110, который мог нести пять бомб, был двухмоторным, как и новейший штурмовик Hs-129 (мог нести две или шесть бомб). Одномоторный Вf-109 в варианте истребителя-бомбардировщика мог нести не больше четырех бомб, как и биплан-штурмовик Hs-123.

том числе и по Нижнему Дону. Кроме того, бомбовые удары по переправам наносили Вf-110 1-й (с середины июля базировались на аэродромах Константиновка, Кутейниково, Дмитриевская) и 2-й (аэродром Барвенково) эскадр тяжелых истребителей [Holm].

Второй налет на Багаевскую «штуки» произвели в тот же день, причем не только по правому берегу, но и по переправе. Однако бойцы 292-го кавполка, разъяренные предыдущей бомбардировкой, подготовили все свое оружие для ведения зенитного огня, а пулеметчики Бадьминова составили схему огня: при приближении головного самолета примерно на 500 м первым заградительный огонь открывал 3-й пулеметный взвод сержанта Н. Руденко, за ним по очереди 2-й взвод сержанта Кокшаева и 4-й взвод младшего лейтенанта Н. Бугаева. 1-й взвод сержанта Н. К. Ракчеева, приданный 1-му сабельному эскадрону, оборонявшему непосредственно саму переправу, мог открывать огонь только по команде командира эскадрона. После обстрела головного самолета взводы по заранее оговоренной схеме распределяли цели между собой и вели огонь уже только по «своей» машине. Свой огонь по противнику вели и стрелки, и бронебойщики. *«С нашей стороны стреляли почти, может быть, со всех вооружений, но как? <...> каждый хотел истребить, уничтожить врага. Когда это событие творилось на глазах, стрелял каждый, кто владел оружием, каждый хотел сбить вражеский самолет, чтобы он сгорел в наших глазах, чтобы он больше не летал, не уничтожил наших людей»* [НА КалмНИЦ РАН: Воспоминания Бадьминова].

В последующие дни налеты люфтваффе повторились. По мере выявления других переправ на участке 110-й ОККД, заработавших 16–18 июля, немцы стали наносить удары и по ним. По воспоминаниям зам. командира пулеметного эскадрона 273-го кавполка младшего лейтенанта М. Г. Джунгурова, первая бомбардировка раздорской переправы произошла уже 18 июля. Однако там бойцы Калмыцкой кавдивизии по опыту 292-го полка уже подготовились к ведению огня из всех видов имеющегося оружия. Поначалу люфтваффе особенно сильно бомбила переправу у Багаевской и боевые порядки 292-го кавполка. В самой станице были разрушены местная больница, здания районного военного комиссариата и штаба 292-го кавполка, ряд других домов. Личный состав полка, еще не вступив в бой с назем-

ным врагом, понес заметные потери, особенно 1-й сабельный эскадрон, стоявший на позициях у моста. По воспоминаниям Н. В. Бадьинова, 18 июля в 1-м эскадроне было убито 7 человек и ранено — 5, а в приданном ему 1-м пулеметном взводе — 3 и 4 бойца соответственно, один «максим» разбит. 20 июля (в этот день люфтваффе шесть раз бомбило порядки 273 и 292-го кавполков) в 1-м эскадроне 292-го кавполка только убитых было около 50 человек, не считая раненых, среди которых оказался и командир эскадрона младший лейтенант М. А. Онгульдушев. 21 июля в 1-м эскадроне выбыла уже половина состава. 22 июля в пулеметном эскадроне было убито 8 человек, ранено — 10, два «максима» выведены из строя, а *«1-й сабельный эскадрон в сущности уже не существовал»* и был объединен с 3-м эскадром старшего лейтенанта И. А. Абушинова, который и занял позиции 1-го эскадрона у переправы [НА КалмНЦ РАН: Воспоминания Бадьинова].

Теоретически эффективность зенитного огня из станковых 7,62-мм пулеметов и ПТР по Ju-87, имеющим бронированную кабину, была довольно низкой. Тем не менее, огонь «максимов» вынудил «штуки» уйти со сверхмалых высот, что заметно ухудшило точность бомбометания. *«Они прилетали низко, видимо, боялись, что прилетят наши истребители, но над Доном поднимались как морская волна <...> Успех был не плохой <...> бомбардировщики один за другим поднимались выше, на более безопасную высоту и бросали бомбы, которые не поражали переправу, но <...> бомбы по инерции шли на берег и дальше <...> Наши броневойные пули имели слишком малый вес, <...> но факт есть — это нас воодушевило, что бомбардировщики уходили на высоту <...> Враг непременно по регламенту наносил [удары] по нашей обороне из двадцати пяти бомбардировщиков, первая пятерка <...> бомбила у переправы, остальные двадцать усердно старались вывести из строя переправу, но переправа тщательно охранялась. Врагу не удавалось хотя бы вывести [из строя] одно звено в переправе, чтобы <...> прекратить движение через мост»* [НА КалмНЦ РАН: Воспоминания Бадьинова].

Авторы книги «В годы суровых испытаний» пишут, что уже в середине дня 16 июля над Багаевской был сбит самолет противника, на который претендовали и пулеметчики Бадьинова, и стрелки из 1-го сабельного эскадрона, и броневойщик Санжаров [В

годы... 2003: 90–91]. Н. В. Бадьинов, который в своих воспоминаниях расписал бои на Дону по дням, утверждал, что единственный бомбардировщик над Багаевской был сбит 21 июля [НА КалмНЦ РАН: Воспоминания Бадьинова]. 22 июля отличились пулеметчики младшего лейтенанта М. Г. Джунгурова из 273-го кавполка, сбившие Ju-87 над раздорской переправой [ЦАМО. Ф. 110 кд. Оп. 13380. Д. 56. Л. 36]. Если мы обратимся к справочнику потерь Ju-87, составленному ведущими специалистами по истории воздушной войны на Восточном фронте А. Н. Заблотским и Р. И. Ларинцевым на основе сводок 6-го отдела генерал-квартирмейстера люфтваффе, то увидим в списках потерь за 22 июля Ju-87В-2 (заводской номер 522) 77-й эскадры пикирующих бомбардировщиков, сбитый огнем зенитчиков. При этом пилот — капитан Г. Баухаус — погиб, а его стрелок-радист — ранен, место повреждения или гибели машины не указано [Заблотский, Ларинцев 2006б: 37]. По мнению М. В. Зефирова (опирающегося в своих работах на европейские источники), командир 8-й эскадрильи 77-й эскадры пикирующих бомбардировщиков, кавалер Рыцарского креста, капитан Герхард Баухаус был сбит во время своего 482-го боевого вылета (для июля 1942 г. это выдающийся показатель) в районе Ростова-на-Дону, с тяжелыми ожогами был доставлен в госпиталь, но 2 сентября скончался в Грайфсвальде [Зефирова 2011: 216]. Следует заметить, что для европейских историков и для немецких тыловых офицеров станица Раздорская — слишком мелкий географический объект, поэтому у них часто происходит смещение в пользу ближайшего крупного города — Ростова-на-Дону. Например, в карточках военнопленных у некоторых бойцов 110-й ОККД местом пленения указывался город Ростов, хотя они там никогда не были. Поэтому нельзя исключить версию, что Баухаус пал жертвой пулеметчиков Джунгурова.

Всего же за период боев с 16 по 27 июля по данным авторов книги «В годы суровых испытаний» 110-я ОККД сбивала пять самолетов противника [В годы... 2003: 131]. Насколько достоверна эта заявка? Если учесть реальную эффективность зенитного огня пулеметов 110-й ОККД, то у люфтваффе от них потери могли нести только действующие на сверхмалых высотах Ju-87 и Vf-110. Если мы обратимся к справочникам Заблотского и Ларинцева, то увидим, что за период с 15 по 19 июля потери Ju-87 и Vf-110

из 4-го воздушного флота минимальны и к боям на Дону отношения не имеют: 2 Ju-87D-3 2-й эскадры разбились 15 июля около Колушинской из-за отказа двигателя и аварийной посадки, 2 Ju-87D-1 77-й эскадры 16 и 19 июля сбиты под Воронежем, 1 Vf-110E-3 31-й группы разведки сбит истребителем. В период с 20 по 28 июля количество потерь 4-го воздушного флота возрастает: сбиты 11 Ju-87 и 4 Vf-110, еще 4 Ju-87 и 9 Vf-110 — повреждены, судьбу еще одного Vf-110 определить не удалось. Как раз этот «церштёрер» («разрушитель») в контексте статьи и вызвал у авторов наибольший интерес: Vf-110F-2 (заводской номер 2688) из 1-й эскадрильи 1-й эскадры тяжелых истребителей 26 июля был поражен зенитным огнем в районе Калинина (между тем в полосе обороны 110-й ОККД находилось два села с таким названием), а его пилот — старший лейтенант Р. Шоффель ранен. Однако объем разрушений машины в сводке генерал-квартирмейстера указан не был.

Из 11 сбитых «юнкерсов» один стал добычей истребителя в районе Клетской, два — разбились в результате аварии в Тацинской (еще два повреждены в результате аварийных посадок в Тацинской). Из оставшихся восьми сбитых «юнкерсов»: место и причина уничтожения одного неизвестны, семь были сбиты огнем с земли, так же, как и два поврежденных. Места повреждения и гибели «штуки» в двух случаях не поддаются идентификации (bei Lpoligowskij и на пути к Березове), в трех случаях указана Тацинская (так же, как и двух подбитых), в одном случае указана Раменка (возможно, Тамбовской области), еще один — это самолет Баухауса.

Что касается сбитых «церштёреров», то один был сбит зенитным огнем (20 июля в районе Сулинской), один — разбился из-за ошибки пилота, причины гибели еще двух машин не ясны (22 июля не вернулся Vf-110 штаба 77-й эскадры пикирующих бомбардировщиков, вылетевший в район Ростов —

Новочеркасск, 27 июля в Тацинской разбился, неизвестно чьим огнем поврежденный, Vf-110E-3 старшего лейтенанта Й. Кохбергера из 31-й группы разведки). Из девяти поврежденных «церштёреров» три совершили аварийные посадки, три получили некие «боевые повреждения», у еще одного причина повреждения неизвестна, два Vf-110F из 1-й эскадры тяжелых истребителей были повреждены 27 июля зенитным огнем около Ростова и над Батайском [Заблотский, Ларинцев 2006а: 37–38; 2006б: 36–37].

Очевидно, что во всех случаях при указании Тацинской речь идет не о месте повреждения, а о месте гибели или аварийной посадки немецкого самолета, поскольку наши войска в этом районе после 20 июля никак не могли вести зенитный огонь.

Следует учесть еще один важный нюанс: А. Н. Заблотский и Р. И. Ларинцев на многочисленных примерах неоднократно доказывали, что в сводках генерал-квартирмейстера люфтваффе по неизвестной причине указаны не все потери. Сверки потерь самолетов по указанным сводкам с данными вермахта по месяцам показывают возрастание потерь на треть или даже наполовину. Не стал исключением и июль 1942 г. Всего в сводках генерал-квартирмейстера люфтваффе в числе потерь 4-го флота указано 60 Ju-87 (в том числе 38 уничтоженных или списанных, как не подлежащие восстановлению, и 20 поврежденных «штуки») и 44 Vf-110 (в том числе 17 уничтоженных или списанных и 24 поврежденных «мессера»). Объем разрушения двух Ju-87 и трех Vf-110 не указан [см.: Заблотский, Ларинцев 2006а: 36–38; 2006б: 35–37].

Если же мы обратимся к статистике Майкла Хольма, опиравшегося на сведения вермахта, то увидим, что 4-й флот за июль 1942 г. потерял 88 Ju-87 (из них 70 — окончательно) и 51 Vf-110 (46 — окончательно). В таблице не учтен один сбитый Do-215 из 1-й эскадры тяжелых истребителей [Holm].

Таблица № 1. Сравнительные характеристики военных частей

	боевые потери	небоевые потери	ремонт	всего
2-я группа 1-й эскадры пикирующих бомбардировщиков	6 Ju-87	1 Ju-87	–	7 Ju-87
2-я эскадра пикирующих бомбардировщиков	21 Ju-87	27 Ju-87 + 1 Vf-110	1 Ju-87	49 Ju-87+ 1 Vf-110
77-я эскадра пикирующих бомбардировщиков	9 Ju-87 + 1 Vf-110	6 Ju-87	17 Ju-87	32 Ju-87+ 1 Vf-110
1-я эскадра тяжелых истребителей	19 Vf-110	7 Vf-110	–	26 Vf-110

2-я эскадра тяжелых истребителей	14 Bf-110	2 Bf-110	4 Bf-110	20 Bf-110
3-я эскадрилья 31-й группы разведки	1 Bf-110	1 Bf-110	1 Bf-110	3 Bf-110
Всего	36 Ju-87 + 35 Bf-110	34 Ju-87 + 11 Bf-110	18 Ju-87 + 5 Bf-110	88 Ju-87 + 51 Bf-110

Уменьшение количества поврежденных самолетов объясняется тем, что М. Хольмом статистика дается по первым числам каждого месяца, и если в течение месяца поврежденную машину успевали отремонтировать, то в указанную статистику она не попадала. Также никого не должен обманывать термин «небоевые потери». В эту категорию в западноевропейских и американских ВВС, наряду с потерями из-за аварий и столкновений, включались самолеты, разбившиеся в результате боевых повреждений, причем таковых в июле 1942 г. было большинство. В советских ВВС такие потери всегда относились к числу боевых. К сожалению, эта статистика не дает раскладки по причинам и месту потерь, как сводки генерал-квартирмейстера люфтваффе, но, если провести экстраполяцию, то можно прийти к выводу, что большинство из 116 уничтоженных Ju-87 и Bf-110 были поражены зенитным огнем. Понятно, что указанные эскадры вели бои почти по всей 900-км излучине Дона от Азова до Богучара, но, учитывая важность переправ, которые защищала 110-я ОККД, и интенсивность налетов люфтваффе на этот участок, заявленные войсками Калмыцкой кавдивизии пять сбитых самолетов выглядят вполне достоверной заявкой.

Вслед за воздушным врагом к переправам устремился враг наземный. 20 июля 29-я моторизованная и 23-я танковая дивизии захватили плацдармы у Цимлянкой и Николаевской станиц соответственно. В 17.30 18 июля «Великая Германия» захватила плацдарм у хутора Бронницкий на западном берегу Северского Донца. 20 июля танковый батальон «великогерманцев» пытался переправиться у Константиновской, но успеха не имел из-за сопротивления наших войск и огня тяжелой артиллерии. 20 июля мотоциклетный батальон и 1-й мотопехотный (гренадерский) полк «Великой Германии», форсировав Донец, устремились к Шахтам и Раздорской, нарушив плановый отход войск 9, 24 и 37-й армий и превратив его в паническое бегство. Несмотря на то, что в этом районе Южный фронт имел несколько дивизий и танковых бригад, пусть даже понесших значительные потери, командование не смогло организовать контрудар и

хотя бы ненадолго задержать движение одного полка. За сутки «Великая Германия» прошла около 25 км и взяла в плен свыше 12 тыс. человек: в том числе 780 — из 73-й стрелковой дивизии (471-й стрелковый полк), 2 100 — из 74-й стрелковой дивизии, обеспечивавшей прикрытие переправы трех советских армий через Дон, 1 200 — из 295-й стрелковой дивизии, 800 — из 5-го кавкорпуса, еще 8 500 — из прочих частей, включая тыловые и саперные. Этот факт ясно характеризует неспособность этих дивизий после переправы на левый берег реки Дон встать в оборону [NARA, T315, roll 2282, 159, 160].

21 июля в 12.10 командование 110-й ОККД сообщило: «Части Южного фронта заполнили правый берег Дона. Часть обороняющихся подразделений бросает множество автотранспорта, оставшегося без топлива. Люди не обеспечены. Как получить топливо и продовольствие? По правому берегу реки Дон везде собираем брошенное имущество частей Южного фронта, как в полосе 74 стрелковой дивизии, так и других частей, которые обороняются перед обороной дивизии на правом берегу Дона. Наши оборонительные позиции просматриваются в глубину. Прошу разрешения находящиеся на рубеже Раздорская – Мелиховская эскадроны отвести на левый берег Дона» [NARA, T315, roll 2282, 177].

21 июля в 13.00 северная окраина Новочеркаска была захвачена 22-й танковой дивизией, а в 16.00 мотоциклетный батальон «Великой Германии» вошел в г. Шахты, в результате чего часть войск Южного фронта оказалась отрезана от донских переправ [NARA, T315, roll 2282, 89]. Однако кольцо окружения еще не было плотным, и наши части могли прорваться сквозь него к переправам 110-й ОККД. 1-й гренадерский батальон «Великой Германии» западнее хутора Каньгин вел тяжелый бой с советскими танками и пехотой, 3-й гренадерский батальон к вечеру оказался в 2 км севернее хутора Пухляковский, а 2-й гренадерский батальон в 22.00 атаковал хутор Керчик к северу от Мелиховской. В Керчике находился разведывательный отряд 110-й ОККД (усиленный взвод 311-го кавполка лейтенанта П. Е. Ся-

кина, направленный туда еще 14 июля). В ходе боя с превосходящими силами отряд потерял более половины состава, командир отряда погиб. Остатки 102-й дивизии (обороняющие подходы к Мелиховской), 180-й запасной стрелковый полк 24-й армии (подходы к Пухляковскому), остатки 74-й дивизии (подходы к Раздорской) были разгромлены и частично пленены. Всего за день 21 июля «Великой Германии» удалось взять в плен более 2 800 бойцов и командиров 24-й армии [NARA, T315, roll 2282, 151–152].

В течение 19–20 июля боевое охранение 273-го кавполка (по одному усиленному взводу от трех сабельных эскадронов) совместно с подразделениями, выделенными из состава переправлявшихся войск, прикрывало переправу и обеспечивало отход войск Южного фронта на левый берег Дона. Одна из групп охранения в составе усиленного сабельного взвода, отделения саперно-подрывного взвода и отделения ПТР занимала позиции в винограднике на северо-западной окраине хутора Пухляковский. Бойцы, подпустив к окопам передовой отряд мотоциклистов с двумя бронемашинами, открыли по нему внезапный огонь. Сержанты С.-Г. М. Мацаков и Ц. Ш. Ендонов первыми же выстрелами уничтожили по одному мотоциклисту. Натолкнувшись на упорное сопротивление и понеся потери, фашисты отступили на исходные позиции. Спустя некоторое время уже более сильная группа немцев пыталась сбить боевое охранение и выйти к Дону, но была отброшена [В годы... 2003: 92]. Бойцы пулеметного взвода лейтенанта Б. Э. Шурганова и саперно-подрывного взвода Б. А. Огибина отражали попытки вражеских автоматчиков в течение 21 и 22 июля переправиться на левый берег Дона и тем самым обеспечивали функционирование переправы и отход наших войск. Надежную устойчивую огневую поддержку боевым охранениям, действовавшим на правом берегу Дона, оказывали артиллеристы полковой батареи старшего лейтенанта Я. Т. Голика.

Переправы продолжали подвергаться бомбардировке. На раздорской переправе 21 июля был потоплен катер и повреждены два других, которые к вечеру удалось отремонтировать. Однако ночью люфтваффе потопило еще один катер, повредило паром; самое главное, прямым попаданием бомбы был разрушен мост, выведены из строя более 80 % понтонов. Утром 22 июля 97 и 98-й батальоны, затопив остатки моста, убыли в

тыл, а 37-й батальон продолжал переправу одним паромом. Еще один паром и катер были замаскированы в протоке.

Ранним утром 22 июля 2 и 3-й гренадерские батальоны заняли соответственно Мелиховскую и Пухляковский, а уже в 10.30 создали небольшие плацдармы на южном берегу Дона. Своим артиллерийским, минометным и ружейно-пулеметным огнем они принудили понтонеров 35 и 85-го батальонов прекратить переправу, при этом один паром из-за ошибки командира роты был затоплен. Погрузив часть уцелевшего парка на машины, оба батальона убыли в тыл. Один паром и два катера 85-го батальона были отправлены вниз по течению к переправе у станицы Манычская, но через багаевскую переправу они перейти не смогли. 15-я танковая бригада взяла паром для перевозки танков, но пристань не выдержала их веса, и паром был затоплен [Заярный: параграф 4.4].

1-й гренадерский батальон, усиленный танковой ротой (5–7 танков), которая смогла выйти в атаку после доставки топлива авиацией, начал наступление на Раздорскую. Саму станицу оборонял 3-й батальон 25-го пограничного полка войск НКВД по охране тыла Южного фронта (251 чел.), усиленный батальоном 1-го полка милиции (153 чел.), двумя 45-мм орудиями, подобранными на переправе, и двумя ПТР 273-го кавполка. Согласно отчету штаба 25-го пограничного полка в 5.15 вражеская колонна в составе двух средних танков и автомашин с 2 станковыми пулеметами и 40–50 автоматчиками подошла к Раздорской с северо-запада, где находилась 15-я застава пограничников с группой милиционеров и бронбойщики 273-го кавполка. Подпустив врага на 150 метров, оба расчета ПТР, одним из которых командовал сержант Э. Т. Деликов, открыли огонь. Меткий бронбойщик подбил сначала оба танка, затем грузовик. «Великогерманцы», залегшие под огнем пограничников, выстрелами белых ракет навели на бронбойщиков немецкие бомбардировщики, которые нацеливались на раздорскую переправу. Вражеские самолеты сбросили на позиции батареи 273-го кавполка 32 бомбы, вывели из строя оба ПТР и одну из 45-мм пушек [РГВА. Ф. 32910. Оп. 1. Д. 29. Л. 14–24]. Газета Южного фронта «Во славу Родины», опубликовавшая описание подвига Э. Т. Деликова, так писала о смерти героя: «Но отважный сержант, даже когда осколки тяжело ранили его, не оставлял

своей позиции. Истекая кровью, крикнул он своим товарищам: «Бейте фашистских гадов! Калмыки не отступают!» [Во славу Родины. 1942. 28 июля]. 31 марта 1943 г. сержант Эрдни Тельджиевич Деликов первым из калмыков был удостоен звания Героя Советского Союза.

Благодаря самоотверженным действиям удалось задержать продвижение гренадеров до завершения переправы всех отступающих частей. К 9.00 немцы выдвинули минометные батареи (две — 81-мм, одна — 150-мм), открыли огонь по парому, и в 11.00 он оказался частично затоплен. Пограничникам, милиционерам и бойцам передового охранения 273-го кавполка пришлось переправляться на лодках и иных подсобных средствах.

Таким образом, из трех действующих в полосе обороны 110-й ОККД переправ утром 22 июля прекратили работу раздорская и мелиховская. Основная масса войск теперь переправлялась по багаевской переправе, в которую люфтваффе так ни разу не попало. Ночью с 21 на 22 июля здесь переправились штаб 37-й армии, управление и тылы 3-го гв. стрелкового корпуса и его соединений, 2-я гв. и 230-я (без двух полков) стрелковые дивизии, 5 и 15-я танковые бригады, 727-й истребительно-противотанковый полк, части 43 и 49-го гв. минометных полков РСЗО. Правда, в случае с танками удалось переправить лишь легкие танки, так как КВ и Т-34 багаевский мост не выдерживал.

22 июля боевой дозор мотоциклетного батальона «Великая Германия», продвигавшийся к багаевской переправе, в 5 км севернее Бессергеновской в бою потерял подбитыми две передовые бронемашины со стрелками [NARA, T315, roll 2282, 97]. Поздним вечером командир мотоциклетного батальона получил приказ 23 июля с частями мотоциклетного батальона, двумя батареями тяжелых орудий и ротой танков атаковать Бессергеновскую.

Утром 23 июля дозор был обстрелян передовым охранением 292-го кавполка под командованием лейтенанта П. С. Еремина (командира 2-го эскадрона), которое, принудив немцев замедлить движение, отступило на южный берег. В 9 утра мотопехота на 8 бронетранспортерах при поддержке 3 средних танков и 3 броневиков вышла к переправе и дважды пыталась атаковать позиции 292-го кавполка, но огнем артиллерии и минометов, несмотря на бомбовые удары люфтваффе, была отброшена. По воспоминаниям коман-

дира 292-го кавполка майора С. И. Ориночко, немцы потеряли танк, два броневика и четыре бронетранспортера. В 15.30 после часовой бомбардировки люфтваффе и получасовой минно-артиллерийской подготовки фузилеры вновь ринулись в атаку, трижды прорывались на мост, но были отброшены. [В боях... 1969: 85–86]. Срыв атаки из-за сильного огня и потерю танка подтверждают и немецкие документы. Группа получила приказ закрепиться на достигнутых рубежах [NARA, T315, roll 2282, 99].

24 июля «великогерманцы» после ожесточенной бомбардировки и под прикрытием артиллерии вновь атаковали, но были отброшены, потеряв два танка, пять бронемашин и два орудия. В 12.00 багаевский мост был взорван. 292-й кавполк понес заметные потери: *«было убито и ранено до 150 человек, более двухсот лошадей выведено из строя. Полк лишился одной полковой и одной противотанковой пушек, одного миномета, двух станковых пулеметов и 3 пультачанонок»* [НА КалМНЦ РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 63. Л. 9].

После подрыва моста немцы утратили интерес к Багаевской и, оставив небольшой дозор, отошли на северо-восток. 292-й кавполк передал свои позиции 230-й стрелковой дивизии и усилил оборону 273-го кавполка, создав второй оборонительный рубеж по реке Сусат между хуторами Сусатский и Карповка [Заярный 2016: 33].

Подведем итоги работы донских переправ, работавших на участке 110-й ОККД.

В станции Раздорской через понтонный мост, наведенный 97 и 98-м батальонами, в период с 18 по 22 июля было переправлено: двенадцать частей 9-й армии, десять — 37-й армии, по четыре — 24 и 38-й армий, три — 8-й саперной армии, по две — 12, 28-й армий и управления оборонительного строительства; одна — 21-й армии. Перечислим наиболее крупные из них: кавалерийский корпус (5-й), восемь стрелковых дивизий, три артиллерийских полка. Всего по этому мосту переправилось 85 тыс. человек, 115 автомашин, 32 орудия, 13 тракторов с прицепами, 1 300 повозок, 1 000 голов скота. 37-й батальон на паромах, баржах и пароходе в период с 16 по 22 июля переправил 30 тыс. человек, 1 090 автомашин, 58 орудий, 15 танков, 107 тракторов, 12 прицепов, 1 913 лошадей, 191 повозку, 10 412 тонн разных грузов [Заярный: параграф 4.4].

В станции Мелиховской на паромах 85-го батальона в период 19 по 22 июля

было переправлено: 1 210 грузовиков, 625 специальных автомашин (в том числе РСЗО БМ-13 «катюша»), 9 604 человек, 116 лошадей [ЦАМО. Ф. 85миб. Оп. 88432. Д. 17. Л. 185-183]. К сожалению, данных о работе 35-го батальона найти не удалось.

В станице Багаевской по мосту в период с 17 по 25 июля было переправлено: около 300 000 человек, 1 200 орудий разного калибра, 4 000 автомашин и тракторов, 200 танков, 9 000 повозок, 20 000 лошадей, 1 500 голов рогатого скота [ЦАМО. Ф. 224. Оп. 760. Д. 59. Л. 21].

Таким образом, благодаря умелым действиям и мужеству командиров и бойцов, работавших и охранявших донские переправы на участке 110-й ОККД, было переправлено на южный берег более 425 тыс. человек, 215 танков, около 1 300 орудий, более 8 тыс. тракторов и автомашин (включая РСЗО), 10 тыс. повозок, 22 тыс. лошадей и т. д. Через эти переправы были выведены большая часть 37, 24 и 9-й армий, остатки других армий бывшего Юго-Западного фронта, которые сыграли важную роль в сдерживании противника на начальном этапе битвы за Кавказ. В результате этого, планы немецкого главного командования по окружению Южного и Юго-Западного фронтов оказались сорваны, что предопределило неудачу вермахта в достижении главной цели кампании 1942 г. И 110-я ОККД внесла достойный вклад в срыв этих планов и целей. Роль калмыцких конников в обороне донских переправ отмечил и командующий Южным фронтом генерал-лейтенант Р. Я. Малиновский во время переговоров вечером 22 июля 1942 г. с И. В. Сталиным: «Противник занял Мелеховскую (так в документе. — С. З., У. О.) и пытался форсировать р. Дон, но его атаки отбиты, штаб 37-й армии в Калининне, под прикрытием 110 кд, занимающей оборону по Дону от Семикаракорской до Богаевской...» [ЦАМО. Ф. 96а. Оп. 2011. Д. 26. Л. 154].

Благодарности

Авторы выражают глубокую благодарность Александру Николаевичу Заблотскому за консультации по статистике потерь люфтваффе на Восточном фронте.

Источники

NARA — National Archives and Records Administration.
В боях за Дон: воспоминания воинов 110-й Отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии

/ сост. и науч. ред. М. Л. Кичиков. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1969. 180 с.

Во славу Родины. Ежедневная красноармейская газета Южного фронта. 1942. 28 июля. № 208 (557).

Дашичев В. И. Стратегия Гитлера — путь к катастрофе, 1933–1945: в 4 т. Т. 3. Банкротство наступательной стратегии в войне против СССР. 1941–1943. М.: Наука, 2005. 607 с.

Калмыкия в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: Документы и материалы / сост. М. Л. Кичиков и др. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1985. 510 с.

НА КалмНЦ РАН — Научный архив Калмыцкого научного центра РАН.

РГВА — Российский государственный военный архив.

Сталинградская битва. Хроника, факты, люди: в 2 кн. Кн. 1. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. 911 с.

ЦАМО — Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации.

Литература

Holm M. The Luftwaffe, 1933–1945 [электронный ресурс] // URL: <http://www.wv2.dk/> (дата обращения: 22.09.2017).

Боевой состав Советской армии. Часть II (январь–декабрь 1942 года). М.: Воениздат, 1966. 265 с.

В годы суровых испытаний: боевой путь 110-й Отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии / авт.: А. И. Заднепрук, А. С. Заярный, М. И. Гучинов, Н. У. Илишкин, М. Т. Бимбаев. 3-е изд. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2003. 335 с.

Дёрр Г. Поход на Сталинград. М.: Воениздат, 1957. 140 с.

Заблотский А. Н., Ларинцев Р. И. В прицеле Ме-110. Потери тяжелых истребителей Ме-110 на Советско-германском фронте в 1941–1943 годах. Справочник. СПб: Галей-Принт, 2006. 72 с.

Заблотский А. Н., Ларинцев Р. И. В прицеле Юнкерс-87. Потери пикирующих бомбардировщиков Юнкерс-87 на Советско-германском фронте в 1941–1943 годах. Справочник. Северодвинск: ООО «Адвертис», 2006. 102 с.

Заярный С. А. Оборона советских войск в нижнем течении Дона летом 1942 года (От «Блау» до «Эдельвейса») [электронный ресурс] // URL: <http://don1942.ru/oborona-sovetskikh-vojsk-v-nizhnem-techenii-dona-letom-1942-goda> (дата обращения: 05.09.2017).

Заярный С. А. Новые данные о боевых действиях 110-й ОККД на Дону // Magna adsurgit: historia studiorum. 2016. № 2. С. 24–46.

Зефиоров М. В. Асы Люфтваффе: Кто есть кто: Выдержка, мощь, внимание. М.: АСТ: Астрель, 2011. 733 с.

Исаев А. В. Сталинградская битва. М.: Яуза; ЭКСМО, 2017. 272 с.

История второй мировой войны 1939–1945 гг.: в 12 т. Т. 5. М.: Воениздат, 1975. 512 с.

Коломиец М., Смирнов А. Бои в излучине Дона. 28 июня – 23 июля 1942 года // Фронтовая иллюстрация. 2002. № 6. 79 + IV с.

Матишов Г. Г., Афанасенко В. И., Кринко Е. Ф., Медведев М. В. Большая излучина Дона — место решающих сражений Великой Отечественной войны (1942–1943 гг.). Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 2016. 456 с.

Некрасов В. П. В окопах Сталинграда. М.: Русская книга, 1995. 272 с.

Оциров У. Б. 28-я армия в боях за освобождение Калмыкии // Калмыкия в годы Великой Отечественной войны. Элиста: АПП «Джангар», 2005. С. 145–183.

Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны: От Сталинграда до Берлина. М.: АСТ; Транзиткнига, 2005. 746 с.

Sources

NARA — National Archives and Records Administration.

V boyakh za Don: vospominaniya voinov 110-y Otdel'noy Kalmytskoy kavaleriyskoy divizii / sost. i nauch. red. M. L. Kichikov [In the battles for the Don: memoirs of soldiers of the 110th Separate Kalmyk Cavalry Division. Comp. and edit. by M. Kichikov]. Elista, Kalm. Book Publ., 1969, 180 p. (In Russ.).

Vo slavu Rodiny. Ezhednevnyaya krasnoarmeyskaya gazeta Yuzhnogo fronta [To the Glory of Motherland. A daily newspaper of the Red Army's Southern Front]. 1942, 28 July, No. 208 (557) (In Russ.).

Dashichev V. I. *Strategiya Gitlera — put' k katastrofe, 1933–1945: v 4 t. T. 3. Bankrotstvo nastupatel'noy strategii v voyne protiv SSSR. 1941–1943* [Hitler's strategy: a path to the disaster, 1933–1945. In 4 vol. Vol. 3. Bankruptcy of the offensive strategy in the war against the USSR. 1941–1943]. Moscow, Nauka Publ., 2005, 607 p. (In Russ.).

Kalmykiya v Velikoy Otechestvennoy voyne 1941–1945 gg.: Dokumenty i materialy / sost. M. L. Kichikov i dr. [Kalmykia in the Great Patriotic War: 1941–1945. Documents and materials. Comp. by M. Kichikov et al.]. Elista, Kalm. Book Publ., 1985, 510 p. (In Russ.).

NA KalmNTs RAN — *Nauchnyy arkhiv Kalmytskogo nauchnogo tsentra RAN* [Scientific Archive of the Kalmyk Scientific Center of the RAS].

RGVA — *Rossiyskiy gosudarstvennyy voennyi arkhiv* [Russian State Military Archive].

Stalingradskaya bitva. Khronika, fakty, lyudi: v 2 kn. Kn. 1 [The Battle of Stalingrad: chronicles, facts, people. In 2 vol. Book 1]. Moscow, OLMA-PRESS, 2002, 911 p. (In Russ.).

TsAMO — *Tsentral'nyy arkhiv Ministerstva oborony Rossiyskoy Federatsii* [Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation].

References

Holm M. The Luftwaffe, 1933–1945. Available at: <http://www.wv2.dk/> (accessed: 22 September 2017) (In Eng.).

Boevoy sostav Sovetskoy armii. Chast' II (yanvar'–dekabr' 1942 goda) [The operational strength of the Soviet Army. Part II (January to December 1942)]. Moscow, Voenizdat Publ., 1966, 265 p. (In Russ.).

V gody surovyykh ispytaniy: boevoy put' 110-y Otdel'noy Kalmytskoy kavaleriyskoy divizii / avt.: A. I. Zadnepruk, A. S. Zayarnyy, M. I. Guchinov, N. U. Ilishkin, M. T. Bimbaev. 3-e izd. [During the years of ordeal: the military history of the 100th Separate Kalmyk Cavalry Division. Collected papers by A. Zadnepruk et al.]. Elista, Kalm. Book Publ., 2003, 335 p. (In Russ.).

Derr G. *Pokhod na Stalingrad* [The march on Stalingrad]. Moscow, Voenizdat Publ., 1957, 140 p. (In Russ.).

Zablotsky A. N., Larintsev R. I. *V pritsele Me-110. Poteri tyazhelykh istrebiteley Me-110 na Sovetsko-germanskom fronte v 1941–1943 godakh. Spravochnik* [Me 110 — in the rear sight. Losses of Me 110 heavy fighters in the Soviet-German Front from 1941 to 1943. A reference book]. St. Petersburg, Galeya-Print, 2006, 72 p. (In Russ.).

Zablotsky A. N., Larintsev R. I. *V pritsele Yunkers-87. Poteri pikiruyushchikh bombardirovshchikov Yunkers-87 na Sovetsko-germanskom fronte v 1941–1943 godakh. Spravochnik* [Ju 87 — in the rear sight. Losses of Ju 87 ground-attack aircrafts in the Soviet-German Front from 1941 to 1943]. Severodvinsk, Advertis Publ. Ltd., 2006, 102 p. (In Russ.).

Zayarnyy S. A. *Oborona sovetских voysk v nizhnem techenii Dona letom 1942 goda (Ot «Blau» do «Edel'veysa»)* [Defensive operations by the Soviet troops in the Lower Don area during the summer of 1942 (from Case Blue to Operation Edelweiss)]. Available at: <http://don1942.ru/oborona-sovetских-voysk-v-nizhnem-techenii-dona-letom-1942-goda> (accessed: 05 September 2017) (In Russ.).

Zayarnyy S. A. *Novye dannye o boevykh deystviyakh 110-y OKKD na Donu* [Combat operations by the 100th SKCD in the Don River area: newly discovered data]. *Magna adsurgit: historia studiorum*, 2016, No. 2, pp. 24–46 (In Russ.).

Zefirov M. V. *Asy Lyuftvaffe: Kto est' kto: Vyderzhka, moshch', vnimanie* [Air aces of the Luftwaffe: who is who]. Moscow, AST-Astrel Publ., 2011, 733 p. (In Russ.).

Isaev A. V. *Stalingradskaya bitva* [The Battle of Stalingrad]. Moscow, Yauza; Eksmo Publ., 2017, 272 p. (In Russ.).

Istoriya vtoroy mirovoy voyny 1939–1945 gg.: v 12 t. T. 5 [A history of WWII: 1939–1945. In 12 vol. Vol. 5]. Moscow, Voenizdat Publ., 1975, 512 p. (In Russ.).

- Kolomiets M., Smirnov A. *Boi v izluchine Dona. 28 iyunya – 23 iyulya 1942 goda* [The battle in the Loop of the Don: 28 June to 23 July 1942]. *Frontovaya illyustratsiya* [Frontline Illustration magazine]. 2002, No. 6, 79 + IV p. (In Russ.).
- Matishov G. G., Afanasev V. I., Krinko E. F., Medvedev M. V. *Bol'shaya izluchina Dona — mesto reshayushchikh srazheniy Velikoy Otechestvennoy voyny (1942–1943 gg.)* [The Big Loop of the Don: where the decision battles took place (1942–1943)]. Rostov-on-Don, Southern Scientific Center (RAS) Press, 2016, 456 p. (In Russ.).
- Nekrasov V. P. *V okopakh Stalingrada* [In the trenches of Stalingrad]. Moscow, Russkaya Kniga Publ., 1995, 272 p. (In Russ.).
- Ochirov U. B. *28-ya armiya v boyakh za osvobozhdenie Kalmykii* [The 28th Army in the battles for Kalmykia]. *Kalmykiya v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Kalmykia during the Great Patriotic War]. Elista, Dzhangar Publ., 2005, pp. 145–183 (In Russ.).
- Shtemenko S. M. *General'nyy shtab v gody voyny: Ot Stalingrada do Berlina* [The General Staff during the Great Patriotic War: from Stalingrad to Berlin]. Moscow, AST; Tranzitkniga Publ., 2005, 746 p. (In Russ.).

УДК 94(47).084.8

110-я Отдельная Калмыцкая кавалерийская дивизия на защите донских переправ и ее роль в спасении части войск Южного фронта летом 1942 г.

Сергей Альбертович Заярный¹, Уташ Борисович Очиров²¹ независимый исследователь (Москва, Российская Федерация). E-mail: zajarnyj@mail.ru² доктор исторических наук, главный научный сотрудник, отдел истории, археологии и этнологии, Калмыцкий научный центр Российской академии наук (Элиста, Российская Федерация). E-mail: ochirovub@kigiran.com

Аннотация. Статья посвящена истории боевых действий по защите переправ через реку Дон в междуречье Маныча и Сала в июле 1942 г. (в станицах Багаевская, Мелиховская и Раздорская).

После тяжелых поражений в конце 1941 г. – начале 1942 г. немецкое командование осознало невозможность ведения стратегических операций на всех направлениях, поэтому в новой кампании избрало решающим южное направление, чтобы захватить кавказскую нефть и тем самым выиграть войну не прямым ударом, а экономическим удушением. Вермахт планировал в ходе цепи операций окружить и уничтожить войска Юго-Западного и Южного фронтов на правом берегу Дона, чтобы затем без препятствий достичь цели. Для этого в группе армий «Юг» были сконцентрированы крупные силы, получившие новейшую технику и вооружение.

В ходе Донбасской оборонительной операции 1942 г. советские войска пытались противостоять фашистам, но потерпели поражение. Ключевым фактором для спасения войск Южного фронта стали донские переправы, в том числе и указанные выше. Оборону переправ у станиц Багаевская, Мелиховская и Раздорская несла 110-я отдельная Калмыцкая кавалерийская дивизия. Это национальное соединение было недавно сформировано в Калмыкии, ни разу не участвовало в боях и только накануне боев получило полный комплект вооружения (за исключением зенитных орудий). Однако 110-я кавдивизия имела отборный личный состав (в том числе отобранный из расформированной 111-й Калмыцкой кавдивизии), который прошел полный курс обучения, хорошо знал и доверял своим командирам. Советское командование осознавало, что кавалерийская дивизия не подходит для ведения обороны, тем более растянутого на 58 километров, но не смогло найти стрелковые соединения, способные заменить калмыцких конников.

Немцы, понимая значение этих переправ, подвергали их постоянным бомбардировкам, бросили на этот участок самую элитную дивизию вермахта — «Великую Германию». Тем не менее, благодаря умелым действиям, мужеству и неутомимой работе командиров и бойцов, работавших и охранявших переправы на участке 110-й кавдивизии, удалось спасти и переправить на южный берег более 425 тыс. человек, 215 танков, около 1 300 орудий, более 8 тыс. тракторов и автомашин (включая РСЗО), 10 тыс. повозок, 22 тыс. лошадей и т. д. Через эти переправы были выведены большая часть 37, 24 и 9-й армий, остатки других армий бывшего Юго-Западного фронта, которые сыграли важную роль в сдерживании противника на начальном этапе Битвы за Кавказ. В результате этого планы немецкого главного командования по окружению Южного и Юго-Западного фронтов оказались сорваны, что предопределило неудачу вермахта в достижении главной цели кампании 1942 г. 110-я Калмыцкая кавдивизия внесла достойный вклад в срыв этих планов и целей.

Ключевые слова: Великая Отечественная война 1941–1945 гг., Красная армия, Донбасская оборонительная операция 1942 г., оборона Дона, 110-я отдельная Калмыцкая кавалерийская дивизия

Copyright © 2017 by the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 34, Is. 6, pp. 62–70, 2017
DOI 10.22162/2075-7794-2017-34-6-62-70
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 39

Livestock Breeding Magic of Present-Day Altaians

Svetlana P. Tyukhteneva¹

¹ Ph.D. in History (Doct. of Historical Sc.), Leading Research Associate, Department of History, Archaeology and Ethnology, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russian Federation). E-mail: kerel63@mail.ru

Abstract. Magic and religion have been studied by different researchers through the examples of multiple ethnic cultures of the world. Nowadays there lots of materials on the topic of magic, myth, ritual, cult, and religion, e. g., works by J. Frazer, E. Taylor, B. Malinovsky, L. Levy-Bruhl, A. Radcliffe-Brown, C. Levy-Strauss, A. Zolotarev, S. Tokarev, M. Mauss, E. Evans-Pritchard, M. Eliade, G. Dumézil, A. Losev, V. Propp, V. Ivanov, E. Meletinsky, Yu. Semenov, Z. Sokolova, etc. With evidence from classic ethnological writings, the author's field data, folklore, ethnomusicological and ethnographic works dealing with livestock breeding magic inherent to societies traditionally engaged in such economic activities, the article attempts to examine magic practices of present-day Altaians. The paper considers magic methods used nowadays by Altaian herders and aiming to protect the livestock and facilitate its multiplication.

Livestock breeding magic of the Altaians exists in the forms of verbal-actional unities, i.e. any magic activity includes both verbal and corresponding actional components. Thus, in Altaian livestock breeding magic a word is by all means accompanied by an action. In the aftermath of a magic ritual the farmer does expect some measurable results: growth of livestock numbers, improvement of livestock's health and fleshing conditions, and eventually — prosperity for the family. So, whether the farmer herds, waters or tends for his/her animals, he/she applies some traditional magic methods in everyday work. Such methods include the use of placenta, navel cords, and bones of consumed animals. The magic actions are supposed to facilitate the growth of the herders' wealth and preserve their delightful happiness.

Such rituals are performed by regular people, owners of the livestock, who teach them to their children. The practices aim to preserve the happiness and wealth of a certain family. Whether a human being shall be rich or poor is, according to the traditional beliefs of the Altaians, determined at birth and through the subsequent allotment of destiny. A rich man is a healthy man who can live long and have multiple children, grandchildren, and livestock. Until today within the system of Altaian ethnic values there are beliefs that a human's well being is determined by the number of livestock owned, which is illustrated by the phrasal unit *attu-tondu* 'he who rides a horse and wears a fur coat', i. e. a rich and wealthy individual.

Keywords: Altaians, livestock breeding, folklore plots, magic practices

Скотоводческая магия у алтайцев представляет собой акционально-вербальную целостность. Иными словами, то или иное магическое действие не предполагает использования одного, только вербального или только акционального, компонента. В скотоводческой магии у алтайцев слово без действия, как и действие без сопровождения слов, раздельно не бытуют. В результате магического воздействия скотовод ожидает вполне реально осязаемых итогов: чтобы количество скота росло, чтобы скот был здоров и упитан, чтобы, в конечном итоге, благоденствовала семья. И потому, наряду с выпасом, поением, уходом и бережным отношением к каждому животному в стаде, скотовод в своей повседневной работе использует традиционные магические приемы.

Часть этих приемов отечественные исследователи и, прежде всего, фольклористы, этномузыкологи и этнографы, изучают на примере жанра скотоводческих заговоров. Благодаря их трудам в нашем распоряжении сегодня имеются разного рода тексты/микротексты, сопровождающие или заключающие в себе собственно магические приемы скотоводов. Скотоводческая поэзия в их исследованиях классифицирована как заговор, заклинательная песня, благопожелание, проклятие, примета [Борджанова 2007: 410–438; Дорджиева 2002: 107–122; Кан-оол 2012: 31–35]¹ (Прим. 1). Т. Г. Борджанова (Басангова) в своей монографии приводит очень интересный материал по скотоводческой магии у калмыков, посвященный приручению молодняка овец, верблюдов, коров [Борджанова 2007: 416–420]. Как указывает автор, песни приручения «исполнялись в жалобной манере», а к овце обращаются «как к существу, понимающему человеческий язык. Песня приручения — это, прежде всего, песня упрощения, которая усиливается эмоциональными словами, обращенными к животному — *пёгя, пру, хош*, повторяемыми несколько раз» [Борджанова 2007: 418]. Помимо детального описания приручения верблюжонка [Борджанова 2007: 417–420], исследователь приводит и другие виды жанра скотоводческой поэзии у калмыков.

Один из этих жанров, а именно скотоводческие заговоры у алтайцев, были изучены в середине 1990-х гг. Н. М. Кондратьевой, этномузыкологом из Новосибирска, неоднократно бывавшей в экспедициях в местах проживания современных телен-

гитов и алтайцев Республики Алтай [Кондратьева 1996: 1–20; Кондратьева, Мазепус 1999: 19–43]. С середины 2000-х гг. тема скотоводческого фольклора у алтайцев изучается также новосибирским фольклористом Н. Р. Ойноткиной, исследующей обрядовый фольклор [Ойноткина 2015а: 50–55; 2015б: 213–222; 2016: 5–18]. У названных авторов особо отмечается, что скотоводческие заговоры сохранились только у теленгитов [Кош-Агачского и Улаганского районов]. Однако скотоводческая магия как часть обрядовой культуры алтайцев имеется во всех районах проживания южных алтайцев, специализирующихся на скотоводческой отрасли, судя по полевым материалам, опубликованным этнографом Э. Г. Торусевым [Торусев 2007а: 127–129; 2007б: 154–168; 2012: 188–189; 2013: 66–82], и по моим наблюдениям [Тюхтенева 2006: 263–266; 2007: 392–412; 413–428; 431–436; 2008: 78–84; 2009а; 2009б: 16–22; 2011: 120–123; 2011: 109–125; 2015: 72–81; 2016: 65–81].

О женской скотоводческой магии у калмыков пишет Т. Г. Борджанова: «В обряде приручения обычно принимали участие в основном женщины: одни пели, другие играли на домбре. Этот аспект объясняется общностью материнского начала. Песня-жалоба в обряде, описанном Ц. К. Джаргаевой, исполнялась хором из девяти-десяти женщин» [Борджанова 2007: 419]. И у алтайцев аналогично главенствующую роль женщина исполняет в кризисной ситуации, связанной с отказом самки принимать и кормить новорожденного детеныша, или если пала корова, кобыла, овца и нужно заставить другую матку принять ее потомство, или, наоборот, погиб молодняк и корове нужен теленок для полноценной лактации (алтайцы, как правило, доят корову с припуском теленка до и после доения, называя его «алтайским способом» и различая его, таким образом, от «русского способа» доения — без припуска теленка: см. [Потапов 1953: 45, рис. 1]). При наступлении такой критической ситуации хозяйка скота обращается к своим старшим родственницам, маме и бабушке, и к старшим родственницам мужа, свекрови и бабушке. Совместными усилиями все собравшиеся мамы принуждают матку принять приплод. К числу важных магических практик относится принуждение к принятию новорожденного детеныша в случае отказа матки кормить его. Как уже было указано, впервые внимание этому виду магии на примере культуры алтайцев уделила этномузы-

¹ Привлечены для сравнения материалы только по этнографии калмыков и тувинцев.

колог Н. М. Кондратьева [Кондратьева 1996: 7–8]. Ее диссертационная работа посвящена этномузикологическому исследованию скотоводческих заговоров у теленгитов на основе 54 заговоров, записанных в 1984–1985 гг. и у южных алтайцев в 1992 г. Принуждение к принятию детеныша является преимущественно женской магией, пишет исследовательница. Согласно представлениям теленгитов, самка отказывается кормить детеныша не просто так, «ее заставляют так поступить враждебные человеку духи» [Кондратьева 1996: 7–8]. С целью противодействия злым духам и поются заговоры, причем, отмечает далее автор, алтайцы считают, что они «обладают огромной силой воздействия — после исполнения заговора самка не только начинает кормить детеныша, но и в дальнейшем никогда не отказывается от новорожденных» [Кондратьева 1996: 7–8]. Для каждого вида скота имеются определенные звуко-символические слоги, указывает исследовательница, называя их «внеязыковые слова-символы». Теленгиты Кош-Агачского района «поют заговоры овце, козе, корове, яку, лошади, верблюдице», причем для каждого животного скотоводческая культура «строго закрепляет определенные внеязыковые слова-символы: *тпро[y]* — за овцой; *ча-чу* — за козой; *кбу[y]* — за коровой и яком; *кру* — за лошадей [кобылой. — С. Т.]; *дүүш* — за верблюдицей» [Кондратьева 1996: 8]. Эти звуки/слова-символы сопровождаются действиями: поглаживанием самки, обращением к ней с устыжением и уговариванием, просьбой принять малыша, вылизать новорожденного и накормить его. Специально собравшиеся женщины поют заговоры, разговаривают с самкой, периодически повторяя звуки-символы, строго закрепленные за каждым видом скота. Этот рефрен выступает основой «текста» заговора. Мелодия заговора схожа, как описывают исследователи [Кондратьева 1996: 17; Кан-оол 2012: 31–35] с колыбельными, и потому обстановка [непрерывное пение, звуко-символический рефрен, успокаивающая мелодия, поглаживания, речь] располагает животное к спокойствию и к тому, чтобы начать вылизывать приплод. Одновременно с пением, поглаживанием, уговариванием к самке подталкивают детеныша, который издает жалобные звуки. На хвостик и под хвостиком, по хребту новорожденного животного мажут выдоенное у самки молозиво, смешанное с солью. Запах собственного молока в сочетании с запахом соли привлекают животное, вследствие чего она начинает посте-

пенно вылизывать детеныша и допускает до вымени. Ягненку, к примеру, периодически подносят к носу состриженный клочок шерсти матери. Иногда даже, помимо молока и соли, ягненка мажут кровью матери, для чего ударом по носу овцы вызывают кровотечение. Вся процедура длится до тех пор, пока самка не примет свое чадо. Это — чисто женская магическая практика. Роль женщин является ведущей при необходимости использования магии, помимо вышеуказанного случая отказа матки от новорожденного, в случае первого отела у коровы, кобылы, ячихи, верблюдицы [верблюдицам помогают всегда, несмотря на количество отелов].

Обращает на себя внимание исследователей [Кондратьева 1996: 17; Кан-оол 2012: 31–35] факт сходства магических слов-символов не только у соседних алтайцев и тувинцев, но и у тюркоязычных туркмен, азербайджанцев, узбеков, а также у монголоязычных калмыков, бурят и монголов. Так, к примеру, А. Х. Кан-оол приводит следующие звуко-символы, бытующие у эрзинских тувинцев: «коровы — „хөөг, хөөг“ [хөөглээр]; овцы — „тпроогэт, тпроогэт“ [тоотпалаар]; козы — „чу-чуу, чу-чуу“; „чи-чи, чи-чи“ [чучуулаар]; лошади — „куруий, курий“ [курийлээр]; верблюдицы — „тоор, тоор“ [тоорлаар]» [Кан-оол 2012: 33]. У Н. М. Кондратьевой приведены следующие звуко-символы: для овцы «тувинск. *тпро/тпро-гат/тфо*, узбекск. *ту-рай*, бурятск. *той-го/тээ-гэ*, монгольск. *той-гэ*», для коровы «тувинск. *хоо-г*, узбекск. *хүүш*, туркменск. *хев-лум*, азерб. *hej*, бурятск. *оо-г*, монгольск. *ово*; козы — тувинск. *чу*, узбекск. *чи-рай*; кобылицы — тувинск. *кру*, монгольск. *кур-эй*» [Кондратьева 1996: 17]. Т. Г. Борджанова пишет о магических звуках у калмыков и монголов: «к овцам обращаются с междометными восклицаниями „хош, пөөһэ“, к верблюжонку — „божхан“, к корове — „хоов, хоов, хоов“. В заговорах к верблюдице обращаются с возгласами: „бобн“, „бөбнэ“, „боожула“. У монголов звуковые формулы приручения представлены гораздо шире: *чээг, чээг, чээг* — при уговаривании коровы; при уговаривании верблюдицы: *тоор, тоор, тоор; тууш, тууш; гурий, гурий, гурий*. Характерно, что во всех традициях звуковые формулы произносятся троекратно» [Борджанова 2007: 419].

Очень похоже на то, что эти одинаковые у тюрко-монгольских народов слова-символы являются, собственно говоря, «лексикой» языка самих этих животных, «употре-

бляемой» ими при общении с детенышами, а людьми — для подзывания животных. А потому пение женщин, перемежаемое многократным повторением указанных выше звуко-символов, как правило, увенчивается успехом. Кроме того, отмечают Кондратьева и Кан-оол, мелодия заговоров схожа с мелодией колыбельных у указанных народов, что наталкивает исследователей на мысль о том, что колыбельные песни, по сути, являются заговорами со всеми характерными для этого жанра параметрами [Чочкина 2004: 97]. Так, к примеру, колыбельные песни, записанные у алтайцев-теленгитов Н. М. Кондратьевой, которые можно прослушать на сайте «культура. РФ» [Кондратьева 2014], исполняемые женщинами как песни, а мужчинами — горловым пением, содержат звуко-символические слова-символы *обой, увай, бай* и др., призванные успокоить ребенка точно так же, как и слова-символы обращения к скоту. До этнографической современности молодняк в холодную погоду содержался в юртах, в жилище человека. Ягнята, телята, козлята, жеребята, проведя самые морозные дни и ночи в жилище человека, питаюсь молоком из соски, привыкали и к звукам человеческой речи, и к мелодиям колыбельных, и к запаху хозяев. Исполняя заговор принуждения на мотив колыбельной, группа женщин своим пением, несомненно, успокаивала самку и приплод, а звучащие рефреном звуко-символы, «понятные» животному, вероятно, способствовали пробуждению в ней материнского инстинкта. Сошлюсь вновь на мнение Кондратьевой о заговорах и колыбельных, когда она рассматривает заговоры и колыбельные как «замкнутую область культуры, не предназначенную для посторонних слушателей. Заговор вообще не предполагает никаких слушателей, кроме животного, к которому он обращен» [Кондратьева 1996: 8]. Солидаризируясь с совершенно верным утверждением этой исследовательницы о том, что связь между заговорами и колыбельными заключается в «магическом утверждении, сохранении правильного, законного, освященного традицией порядка вещей», поскольку они «призваны снять стресс, успокоить объект своего воздействия, стабилизировать ситуацию» [Кондратьева 1996: 9], хочу уточнить, что собственно само обращение к магии имело целью стабильность и обеспечение непрерывности последней. Именно с этой целью до сих пор народы мира проводят календар-

ные праздники, различные обряды и ритуалы. Форма современных праздников уже очень далека от архаики, но само содержание — восстановление в установленное время гармонии, кормление богов и духов и, посредством этого, напоминание им о себе, испрашивание счастья в виде душ детей и живых существ — сохраняется.

Стабильность и непрерывность должно обеспечить и осыпание зерном ячменя самца-производителя перед запуском его для осеменения к овцам. Посыпание ячменем загона, проводимое осенью, описанное Э. Г. Торусевым [Торусев 2007б: 159], которое основывается на принципе магии «подобное вызывает подобное», названной Дж. Фрэзером гомеопатической магией [Фрэзер 1986: 20], акционально аналогично сеянию зерна. Важно отметить, что и зерно, и семя у алтайцев называются одинаково *урен*. Слова, сопровождающие это действие, прямо указывают на существующие представления — как из одного зерна вырастает колос, так и от одного барана должно народиться целое стадо: *Алкышту-быйанду алты кырлу арбадый арбын болзын! Ак санаактый туктү болзын! Айдый кеен мүүстү болзын! Азыраган балдарын көп болзын! Азыранган мөрин көп болзын!* — ‘/Как/ благословенно-благодатный шестигранный ячмень /дает обильный урожай, такое же/ изобилие пусть будет! /Подобно/ белым усикам ячменя с шерстью пусть будут! /Подобно красиво изогнутому новому месяцу/ рога пусть будут! Вскормленных твоих детей много пусть будет! Пищу /добывать/ легких способов много у тебя пусть будет!’ [Торусев 2007б: 159].

Магическим свойством наделяют алтайцы и первое после отела молоко, молозиво. Э. Г. Торусев описывает обряд, проводимый с молозивом: молозиво *уурак* варят и затем им кропят огонь в жилище [Торусев 2012: 187]. Им же намазывают теленка ото лба до хвоста. При этом приговаривают:

<i>Јүгүрүк бол!</i>	Быстрым будь!
<i>Тойу бол!</i>	Сытым будь!
<i>Семис бол!</i>	Жирным будь!
<i>Анга-кушка јем болбо!</i>	Зверю-птице добычей не будь!
<i>Эненген бийик өс!</i>	Матери своей выше расти!
<i>Эненген семис јүр!</i>	Матери своей жирнее будь [Матери своей сытнее живи]!

В течение семи дней молозиво/молоко нельзя было давать кому бы то ни было из-за опасения убыли скота. Алтайцы считают, что дух-хозяйка огня, охранитель жилища, против этого [Торушев 2012: 187]. Точно так же алтайцы соблюдают запрет выносить молоко из жилья вечером, на закате [Тюхтенева 2009: 78]. Таким обрядом духу-хозяйке огня алтайцы «вверяли» новорожденное животное, аналогично тому, как ей «представляют» нового члена семьи — новорожденного ребенка или невесту, смазывая им лоб сажей из очага [ПМА 1986]. Судя по приведенным материалам, молозиво представляет собой квинтэссенцию молока, относимого к категории «белой пищи», и шире — счастья-благодати скотовода, и потому им нельзя делиться в течение первых семи дней, чтобы не утратить его. Запрет снимался только после наступления новолуния, в благоприятный период.

Магические представления и практики лежат в основе действий в отношении следа. Современные алтайцы сохраняют архаические представления о последе (*чöп*) как магической субстанции, от которой зависит плодородие и благополучие скота. В соответствии с ними сегодня послед обычно забрасывают на крышу стойла, которая представляет собой дощатый настил под уклоном, утепленный сверху не менее 15–20 см слоем перепревшего навоза, на котором растут разного вида травы. Важно, считают информанты, не дать съесть послед самому животному и собаке, но допустимо дать склевать птицам. Хотя, в некоторых случаях, как говорят информанты, они используют отвар следа как средство для восстановления сил отощавшей после отела коровы. Очень интересно сведение о том, что послед следует закопать под муравейником в тайге в связи с тем, что муравьи, будучи общественными насекомыми, согласно представлениям алтайцев, являют собой идеал большой семьи, многочисленности и силы. Об этом говорится в благопожелании молодоженам: *Чымалыдый көп бол, Чыдырмандый бек бол!* ‘/Как/ муравьев много /пусть/ вас будет, /Как кристалл/ чиндамани крепки будьте!’.

Малдын чöбин кажганнын үстине таштаар — кебиле оны учуп турган куштар чокыйтан, ийтке жидирерге жарабас. Ол тушта мал өзөр, чыгым болбос. ‘Скота послед на крышу стойла закидывают — от сотворения мира его должны клевать летающие птицы, собаке на съедение нельзя от-

давать. В таком случае скот размножится, потерь не будет’ [Э. Ч., сеок тодош, 55 лет, Усть-Канский район, ПМА 2017].

Кажсаа-таскактын үстине чыгарып, чеберлеп салып койор керек. ‘На /крышу/ стойла подняв, бережно уложить нужно’ [О. В., сеок майман, 53 года, Шебалинский район, ПМА 2017].

Чöбин малга жидирбей, түшкенин сакып, баспас жерге көрүп чачып жат бистин жердин улузы. Курагандарды акталап турза, саргайлары кезик улус кайнадып жат. ‘Не давая съесть животному послед, дождавшись его отпадения, выбрав место, где никто не ходит, туда бросают [послед] люди нашей земли /села/. Ягнят-самцов когда холостят, семенники некоторые люди варят и съедают’ [М. Ч., сеок ара, 52 года, Онгудайский район, ПМА 2017].

Малын көптөдөргө турган кижси болзо, уйдын, беенин, койдын чöбин чеберлеп алала, тайгадан барып эн жаан чымалынын уйазын табала, алкыш-бийан сурап, онын алдына көмүп салар керек. ‘Скот если хочет приумножить человек, /то/ коровы, кобылы, овцы послед бережно взяв, идет в тайгу и найдя самый большой муравейник, испрося благословения, под него зарыть [послед] должен’ [Т. К., сеок майман, 57 лет, Онгудайский район, ПМА 2017].

Именно так поступали с последом овец и коз чабаны в Усть-Канском районе — забрасывали на крышу кошары по требованию хозяина стада, фермера (кроме того, он требовал бережного обращения с новорожденными ягнятами и козлятами, в частности, не носить их за одну конечность, а брать ладонью посреди туловища, не бросать их на землю, а осторожно опускать, резюмировав свои требования сентенцией, что детеныши скота ничем не отличаются от детей человека) [ПМА 2007].

Э. Г. Торушев приводит также сведения о магических действиях в отношении пуповины жеребенка, аналогичных действиям с пуповиной ребенка: «Если после рождения жеребенка находили его пуповину, ее закапывали в золе очага. Приговаривали заклинание: *Эржине малда ырыс болзын, көп мал өссин, чыгым болбозын, оору тийбесин* ‘Пусть будет счастье в драгоценных лошадях/ = пусть будет счастье в лошадях/, много скота пусть растет, не будет ему убыли, болезнь не затронет’ [Алтайцы 2014: 161]. По моим полевым материалам, закапывать могут в земле под очагом, как и послед ребенка.

Магические практики применяют алтайцы и к костям скота, забитого на мясо, и к костям зверей, добытых в тайге. Запрет перерубать поперек трубчатые кости с целью извлечения считающегося детским деликатесом костного мозга [Торушев 2007: 127–129] имеет в основе представление о рождении из основных костей скелета нового животного. Аналогичные верования характерны для промыслового культа вепсов. Как пишет И. Ю. Винокурова, вепсы считают, что нельзя дробить и выбрасывать скелетные части животных, а именно «череп, позвоночник, ребра, кости ног» [Винокурова 2009: 65]. Э. Г. Торушев, кроме этого, пишет, что выбросить целую, не расколотую кость означает, по мнению его информантов, пренебречь даром богов, и потому, во избежание наказания в виде потери скота, «Кость непременно раскалывает глава семьи, чтоб жизненная сила животных осталась в хозяйстве [Торушев 2012: 188–189, Торушев 2014: 149–172]. Очищенные [обглоданные] от мяса кости полагается сжечь, дабы «накормить» божества верхнего мира. В данном случае, помимо древнего представления о возрождении/рождении нового животного из костей съеденного, речь идет также о сохранении скотоводческого счастья и благодати у самого владельца. Аналогичные действия алтайцы проделывали в отношении тушек и глаз пушных зверей, оставляя тушки соболей на специально сооруженном возвышении и закидывая ветками, а глаза бросаю в тайгу «чтобы существо Алтай дал их другому зверю. Умножение породы, кроме естественного пути они усматривают в возможности применения магических способов» [Потапов 1929: 131].

Магическими приемами владеют обычные люди, владельцы скота, обучая таким и своих детей. Целью магических практик является сохранение счастья-благодати человека и его семьи. Быть человеку богатым или бедным, согласно представлениям алтайцев, предопределяется при его рождении и наделении судьбой. Богатый человек — это здоровый человек, могущий прожить много лет, иметь много детей и внуков, иметь много скота. До сего дня у алтайцев в системе этнических ценностей сохраняются представления о том, что состоятельность человека определяется наличием у него большого количества скота, выражающееся во фразеологизме *атту-тонду* ‘/быть/ верхом на коне и в шубе’, что означает богатство и обеспеченность.

Источники

- ПМА 1986 — Полевые материалы экспедиции автора в села Каярлык Онгудайского, Курунда, Кучерла Усть-Коксинского р-нов Республики Алтай, июль 1986 [тетрадь 2].
 ПМА 2007 — Полевые материалы экспедиции автора в село Каракол Усть-Канского р-на Республики Алтай, июнь 2007 [блокнот 1].
 ПМА 2017 — Полевые материалы экспедиции автора в села Яконур Усть-Канского, Бичикту-Бом Онгудайского, Каспа Шебалинского р-нов Республики Алтай, март 2017 [тетрадь 1].

Литература

- Алтайцы: этническая история, традиционная культура, современное развитие / отв. ред. Н. В. Екеев. Горно-Алтайск: НИИ алтаистики, 2014. 464 с.
Борджанова Т. Г. Обрядовая поэзия калмыков. Система жанров, поэтика. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2007. 590 с.
Винокурова И. Ю. Культ животных в традиционной культуре вепсов // Религиоведение. 2009. № 1. С. 62–73.
Кан-оол А. Х. Скотоводческие заговоры в традиционной культуре тувинцев Эрзинского кожууна. // Вестник Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусств. 2012. № 1 (2). С. 31–35.
Кондратьева Н. М. Скотоводческие заговоры теленгитов: автореф. дис. ... канд. искусствоведения. Новосибирск, 1996. 20 с.
Кондратьева Н. М., Мазепус В. В. Модальная организация теленгитских скотоводческих заговоров // Языки коренных народов Сибири. Вып. 6. 1999. С. 19–43.
Ойноткинова Н. Р. Культурно-семиотические коды календарной обрядности южных алтайцев // Сибирский филологический журнал. 2016. № 4. С. 5–18.
Ойноткинова Н. Р. О некоторых результатах полевого исследования современного обрядового фольклора алтайцев // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2015. № 1 [28]. С. 50–55.
Ойноткинова Н. Р. Полевое исследование современного обрядового фольклора алтайцев // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2015. № 4 [81]. С. 213–222.
Потапов Л. П. Пища алтайцев [этнографический очерк] // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. XIV. М.; Л.: Наука, 1953. С. 37–71.
Потапов Л. П. Охотничьи поверья и обряды у алтайских турков // Культура и письменность Востока. Кн. 5. Баку: Издание В. Ц. К. Н. Т. А., 1929. С. 123–149.
Торушев Э. Г. Некоторые кости животных в ритуалах алтайцев // Изучение историко-культурного наследия народов южной Сибири.

- Вып. 6. Сб. науч. тр. Горно-Алтайск: АКИН, 2007а. С. 127–129.
- Торушев Э. Г. Земледелие в религиозных ритуалах, обрядах и устном народном творчестве алтайцев // Изучение историко-культурного наследия народов южной Сибири. Вып. 5. Горно-Алтайск: АКИН, 2007б. С. 154–168.
- Торушев Э. Г. Обряды плодородия в скотоводческой деятельности алтайцев // Наследие хакасского ученого, тюрколога, доктора сравнительного языкознания, востоковеда Николая Федоровича Катанова. Мат-лы Межд. науч. конф., посвящ. 150-летию со дня рождения ученого. Абакан, 2012. Т. 2. С. 188–189.
- Торушев Э. Г. Сельскохозяйственная деятельность коренного населения Горного Алтая (кон. 1990-х – нач. 2010-х гг.). // *Studia Culturae*. 2013. № 18. С. 66–82.
- Торушев Э. Г. Скотоводство // Алтайцы: этническая история, традиционная культура, современное развитие / отв. ред. Н. В. Екеев. Горно-Алтайск: НИИ алтаистики, 2014. С. 149–172.
- Тюхтенева С. П. Верхом на лошади и в шубе или пешком и без шубы (представления алтайцев о богатстве и бедности) // Восток в исторических судьбах народов России. Мат-лы V Всерос. съезда востоковедов, 26–27.09.2006 г. Уфа: Вилли Осклер, 2006. Кн. 3. С. 263–266.
- Тюхтенева С. П. Алтайцы. Среда обитания, хозяйственная деятельность и основные характеристики материальной культуры; Социальная организация и семейная обрядность; Духовная культура: Шаманизм // Тюркские народы Сибири / отв. ред. Д. А. Функ, Н. А. Томилов. М.: Наука, 2007. С. 392–412; 413–428; 431–436.
- Тюхтенева С. П. «Крутить хвосты баранам» как метафора трансформационных процессов у алтайцев // *Етнічна історія народів Європи. Збірник наукових праць. Київський національний університет імені Тараса Шевченка*. Київ: УНІСЕРВ, 2008. Вип. 26. С. 78–84.
- Тюхтенева С. П. Земля. Вода. Хан Алтай: Этническая культура алтайцев в XX веке. Элиста: КалмГУ, 2009. 169 с.
- Тюхтенева С. П. Деньги — бумага, человек — золото // *Этнографическое обозрение*. 2009. № 2. С. 16–22.
- Тюхтенева С. П. Имущество и собственность у алтайцев: представления и современные практики. // *Монголоведение*. № 5. Элиста: КИГИ РАН, 2011. С. 109–125.
- Тюхтенева С. П. Личность и общество у алтайцев: от родовой принадлежности до общеалтайской идентичности // *Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН*. 2015. № 4. С. 72–81.
- Тюхтенева С. П. Скотоводство у современных алтайцев // *Гуманитарный вектор*. 2011. Серия: Педагогика, психология. № 3. С. 120–123.
- Тюхтенева С. П. Скотоводство у алтайцев в начале XXI века // *Полевые исследования*. Вып. 3. Элиста: КалМНЦ РАН, 2016. С. 65–81.
- Фрэзер Дж. Золотая ветвь. Исследование магии и религии. М., Политиздат, 1986. 527 с.
- Чочкина М. П. Алтайский детский фольклор. Горно-Алтайск. Горно-Алтайск. гос. ун-т, 2004. 160 с.

Sources

- PMA 1986 — *Polevye materialy ekspeditsii avtora* [Author's field data]. Kayarlyk, Ongudaysky District; Kurunda, Kucherla, Ust-Koksinsky District, Altai Republic. July 1986 [writing-book 2] (In Russ.).
- PMA 2007 — *Polevye materialy ekspeditsii avtora* [Author's field data]. Karakol, Ust-Kansky District, Altai Republic, June 2007 [writing block 1] (In Russ.).
- PMA 2017 — *Polevye materialy ekspeditsii avtora* [Author's field data]. Yakonur, Ust-Kansky District; Bichiktu-Bom Ongudaysky District; Kaspа, Shebalinsky District, Altai Republic, March 2017 [writing-book 1].

References

- Altaytsy: etnicheskaya istoriya, traditsionnaya kul'tura, sovremennoe razvitie / отв. ред. N. V. Ekeev* [The Altaians: ethnic history, traditional culture, present-day development. Edit. by N. Ekeev]. Gorno-Altaysk, Institute for Altaic Studies Press, 2014, 464 p. (In Russ.).
- Bordzhanova T. G. *Obryadovaya poeziya kalmykov. Sistema zhanrov, poetika* [Ceremonial poetry of the Kalmyks]. Elista, Kalm. Book Publ., 2007, 590 p. (In Russ.).
- Vinokurova I. Yu. *Kul't zhyvotnykh v traditsionnoy kul'ture vepsov* [Cult of animals in Vepsian traditional culture]. *Religiovedenie (Religious Studies journal)*, 2009, No. 1, pp. 62–73 (In Russ.).
- Kan-ool A. Kh. *Skotovodcheskie zagovory v traditsionnoy kul'ture tuvintsev Erzinskogo kozhuuna* [Shepherds charms in the traditional culture of the Tuvianian people in Erzins region]. *Vestnik Vostochno-Sibirskoy gosudarstvennoy akademii kul'tury i iskusstv* (Bulletin of East-Siberian State Academy of Culture and Arts), 2012, No. 1 (2), pp. 31–35 (In Russ.).
- Kondratyeva N. M. *Skotovodcheskie zagovory telengitov: avtoref. dis. ... kand. iskusstvovedeniya* [Livestock magic spells of the Telengits. A Ph.D. thesis abstract]. Novosibirsk, 1996, 20 p. (In Russ.).
- Kondratyeva N. M., Mazepus V. V. *Modal'naya*

- organizatsiya telengitskikh skotovodcheskikh zagovorov* [Livestock magic spells of the Telengits: the modal structure]. *Yazyki korennykh narodov Sibiri* (Languages of Siberia's Indigenous Peoples *journal*), iss. 6, 1999, pp. 19–43 (In Russ.).
- Oynotkinova N. R. *Kul'turno-semioticheskie kody kalendarnoy obryadnosti yuzhnykh altaytsev* [Cultural and semiotic codes of calendar rituals of Southern Altaians]. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal* (Siberian Journal of Philology), 2016, No. 4, pp. 5–18 (In Russ.).
- Oynotkinova N. R. *O nekotorykh rezul'tatakh polevogo issledovaniya sovremennogo obryadovogo fol'klora altaytsev* [On the results of field study of current ritual folklore of Altai]. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri* (Languages and Folklore of Siberia's Indigenous Peoples *journal*), 2015, No. 1 [28], pp. 50–55 (In Russ.).
- Oynotkinova N. R. *Polevoe issledovanie sovremennogo obryadovogo fol'klora altaytsev* [A field study of present-day ceremonial folklore of the Altaians]. *Vestnik Rossiyskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda* (Bulletin of the Russian Foundation for Humanities), 2015, No. 4 [81], pp. 213–222 (In Russ.).
- Potapov L. P. *Pishcha altaytsev [etnograficheskiy ocherk]* [Food of the Altaians (an ethnographic essay)]. *Sbornik Muzeya antropologii i etnografii* [Museum of Anthropology and Ethnography: Collected Papers]. Moscow; Leningrad, Nauka Publ., 1953, vol. XIV, pp. 37–71 (In Russ.).
- Potapov L. P. *Okhotnich'i pover'ya i obryady u altayskikh turkov* [The Altaian Turks: hunting beliefs and rituals]. *Kul'tura i pis'mennost' Vostoka* [Culture and written monuments of the Orient]. Baku, V.Ts.K. N.T.A. Press, 1929, vol. 5, pp. 123–149 (In Russ.).
- Torushev E. G. *Nekotorye kosti zivotnykh v ritualakh altaytsev* [Some animal bones in rituals of the Altaians]. *Izuchenie istoriko-kul'turnogo naslediya narodov yuzhnoy Sibiri* [Studies of Historical and Cultural Heritage of South Siberian Peoples: Collected Papers], iss. 6, Gorno-Altaysk, AKIN Publ., 2007a, pp. 127–129 (In Russ.).
- Torushev E. G. *Zemledelie v religioznykh ritualakh, obryadakh i ustnom narodnom tvorchestve altaytsev* [Agriculture in religious rituals, rites and the oral tradition of the Altaians]. *Izuchenie istoriko-kul'turnogo naslediya narodov yuzhnoy Sibiri* [Studies of Historical and Cultural Heritage of South Siberian Peoples: Collected Papers], iss. 5, Gorno-Altaysk, AKIN Publ., 2007b, pp. 154–168 (In Russ.).
- Torushev E. G. *Obryady plodorodiya v skotovodcheskoy deyatelnosti altaytsev* [Fertility rites in livestock breeding activities of the Altaians]. *Nasledie khakasskogo uchenogo, tyurkologa, doktora sravnitel'nogo yazykoznanija, vostokoveda Nikolaya Fedorovicha Katanova. Mat-ly Mezhd. nauch. konf., posvyashch. 150-letiyu so dnya rozhdeniya uchenogo* [N. Katanov's Academic Heritage ... Proceedings of the Internat. research conf. celebrating the 150th anniversary of birth]. Abakan, 2012, vol. 2, pp. 188–189 (In Russ.).
- Torushev E. G. *Sel'skokhozyaystvennaya deyatelnost' korennykh naseleniya Gornogo Altaya (kon. 1990-kh – nach. 2010-kh gg.)* [The indigenous population of the Altai Mountains: agricultural activities (late 1990s – early 2010s)]. *Studia Culturae*, 2013, No. 18, pp. 66–82 (In Russ.).
- Torushev E. G. *Skotovodstvo* [Livestock breeding]. *Altaytsy: etnicheskaya istoriya, traditsionnaya kul'tura, sovremennoe razvitie / otv. red. N. V. Ekeev* [The Altaians: ethnic history, traditional culture, present-day development. Edit. by N. Ekeev]. Gorno-Altaysk, Institute for Altaic Studies Press, 2014, pp. 149–172 (In Russ.).
- Tyukhteneva S. P. *Verkhom na lozhadi i v shube ili peshkom i bez shuby (predstavleniya altaytsev o bogatstve i bednosti)* [Riding a horse and wearing a fur coat – or on foot and without one (beliefs of the Altaians about wealth and poverty)]. *Vostok v istoricheskikh sud'bakh narodov Rossii. Mat-ly V Vseros. s"ezda vostokovedov, 26–27.09.2006 g.* [The Orient in the Historical Destinies of Russia's Peoples. Proc. of the 5th all-Russia congress of orientologists, 26–27 Sept. 2006]. Ufa, Villi Oskler Publ., 2006, vol. 3, pp. 263–266 (In Russ.).
- Tyukhteneva S. P. *Altaytsy. Sreda obitaniya, khozyaystvennaya deyatelnost' i osnovnye kharakteristiki material'noy kul'tury; Sotsial'naya organizatsiya i semeynaya obryadnost'; Dukhovnaya kul'tura: Shamanizm* [The Altaians. Life environment, economy and basic elements of material culture. Social structure and family rites. Spiritual culture: shamanism]. *Tyurkskie narody Sibiri / otv. red. D. A. Funk, N. A. Tomilov* [Turkic peoples of Siberia. Edit. by D. Funk et al.]. Moscow, Nauka Publ., 2007, pp. 392–412; 413–428; 431–436 (In Russ.).
- Tyukhteneva S. P. *«Krutit' khvosty baranam» kak metafora transformatsionnykh protsessov u altaytsev* [(The idiom) 'to twist sheep tails' as a metaphor of transformational processes among the Altaians]. *Etnichna istoriya narodiv Evropi. Zbirnik naukovikh prats'. Kiivs'kiy natsional'niy universitet imeni Tarasa Shevchenka* [Peoples of Europe: ethnic history. Collected scholarly papers. Taras Shevchenko National University of Kyiv]. Kiev, UNISERV Publ., 2008, iss. 26, pp. 78–84 (In Russ.).
- Tyukhteneva S. P. *Zemlya. Voda. Khan Altay: Etnicheskaya kul'tura altaytsev v XX veke* [Earth. Water. Khan Altay: ethnic history of the

- Altaians in the 20th cent.]. Elista, Kalm. State Univ. Press, 2009, 169 p. (In Russ.).
- Tyukhteneva S. P. *Den'gi — bumaga, chelovek — zoloto* [Money — paper, a human being — gold]. *Etnograficheskoe obozrenie* (Ethnographic Review journal), 2009, No. 2, pp. 16–22 (In Russ.).
- Tyukhteneva S. P. *Imushchestvo i sobstvennost' u altaytsev: predstavleniya i sovremennye praktiki* [Property and ownership among the Altaians: beliefs and modern practices]. *Mongolovedenie* (Mongol Studies), iss. 5, Elista, Kalm. Institute for Humanities (RAS) Press, 2011, pp. 109–125 (In Russ.).
- Tyukhteneva S. P. *Lichnost' i obshchestvo u altaytsev: ot rodovoy prinadlezhnosti do obshchealtayskoy identichnosti* [The individual and society in Altai: from clan affiliation to all-Altai identity]. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN* (Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS), 2015, No. 4, pp. 72–81 (In Russ.).
- Tyukhteneva S. P. *Skotovodstvo u sovremennykh altaytsev* [Animal husbandry among the modern Altaians]. *Gumanitarnyy vektor* (Humanitarian Vektor journal), 2011, series 'Pedagogy, psychology', No. 3, pp. 120–123 (In Russ.).
- Tyukhteneva S. P. *Skotovodstvo u altaytsev v nachale XXI veka* [Livestock herding among the Altai people in the early 21st century]. *Polevye issledovaniya* (Field Studies), iss. 3, Elista, Kalm. Scientific Center (RAS) Press, 2016, pp. 65–81 (In Russ.).
- Frazer J. *Zolotaya vetv'. Issledovanie magii i religii* [The Golden Bough: a Study in Magic and Religion]. Moscow, Politizdat Publ., 1986, 527 s.
- Chochkina M. P. *Altayskiy detskiy fol'klor* [The Altaians: children's folklore]. Gorno-Altaysk, Gorno-Altaysk State Univ. Press, 2004, 160 p. (In Russ.).

УДК 39

О скотоводческой магии у современных алтайцев

Светлана Петровна Тюхтенева¹

¹ доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, отдел истории, археологии и этнологии, Калмыцкий научный центр РАН (Элиста, Российская Федерация). E-mail: kerel63@mail.ru

Аннотация. Магия и религия изучались и изучаются разными исследователями на примере многих этнических культур мира. К сегодняшнему дню имеется огромный пласт литературы по проблеме магии, мифа, обряда, культа и религии: это труды Дж. Фрэзера, Э. Тайлора, Б. Малиновского, Л. Леви-Брюля, А. Радклифф-Брауна, К. Леви-Стросса, А. М. Золотарева, С. А. Токарева, М. Мосса, Э. Эванс-Причарда, М. Элиаде, Ж. Дюмезиля, А. Ф. Лосева, В. Я. Проппа, В. В. Иванова, Е. М. Мелетинского, Ю. И. Семенова, З. П. Соколовой и мн. др. Опираясь на труды классиков этнологии, собственные полевые материалы, труды фольклористов, этномузыкологов и этнографов, посвященные скотоводческой магии народов, в традиционной экономике которых скотоводство являлось ведущей или одной из главных отраслей, автор в статье предпринимает попытку рассмотреть магические практики у современных алтайцев. В статье рассмотрены применяемые сегодня алтайцами-скотоводами приемы магии, призванные сберечь скот и увеличить его количество. Для магического воздействия скотоводы используют послед животного после отела, пуповину, кости съеденных животных. В результате магических действий должно увеличиться благосостояние скотовода и сохраниться его счастье-благодать.

Ключевые слова: алтайцы, скотоводство, заговоры, магические практики

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 34, Is. 6, pp. 71–78, 2017
DOI 10.22162/2075-7794-2017-34-6-71-78
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 39

Migrations of Mongolian-Speaking Tribes from Transbaikalia to Manchuria

Darima B. Batoeva¹

¹ Ph.D. in History (Cand. of Historical Sc.), Junior Research Associate, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS (Ulan-Ude, Russian Federation).
E-mail: darimab@yandex.ru

Abstract. The paper examines migrations of Mongolian-speaking groups — Khori-Tumats, Khorchins, Barguts and Daur — from Eastern Transbaikalia to Manchuria in the 13–17th centuries. In the first half of the 17th century, the Daur people were closely linked with the Manchu, and some Manchu clans could have actually been of Daur origin. The Daur had been nominally affiliated with the Khorchins from 1634 to 1692, and later were included in the banner system by the Kangxi Emperor. Buryat folklore and chronicles show the Khorchins had originated from Eastern Transbaikalia. Khorchins were a close ally of Manchus, in 1606 they presented Nurhaci his first title of ‘khan’ — *Kundulun Khan*. Manchus had had a significant influence on the Barguts’ ethnic process. The latter were separated into different groups, many of them being relocated to Mukden where some called them — a ‘Ninth Banner’. The Barguts resettled to Manchurian heartland gradually assimilated into Manchu society and were subsequently sinicized together with the Manchu people. Their descendants remember about their Mongolian origin till nowadays. Manchu chronicles noted some Mongolian origin of the Yehe clan — the leading one within the Hulun Alliance of Manchuria. Sources specified founders of this clan as ‘Tumets’. The paper refutes the opinion according to which the Yehe had been established during the period of Altan Khan’s campaigns. Yehe Bujai Prince (ruled in the 1590s) was a sixth-generation descendant of the Yehe clan’s founder Shingen Darkhan, i.e. the latter had been born approximately in the mid-15th century. South Mongolian Altan Khan was born in 1507, thus, the invasion of the Tumets to Hulun cannot be dated to this time. We consider the theory which identifies Yehe Tumets as Khori-Tumats to be more correct.

With reference to manuscript sources, published scholarly works and folklore, the article provides an overview of migrations of significant Mongolic groups from Transbaikalia to present-day Heilongjiang, Jilin, and Liaoning. It shows that from the 13th to the 17th centuries — driven by different reasons — Khori-Tumats, Khorchins, Barguts and Daur moved southwards and eastwards deep into the territory of Manchuria, appearing from time to time near the borders of Ming China. The circumstances under which some of the tribes (e.g., Muu-Mingan and Gorlos) got resettled are to be investigated in future, just like the case with the Three Uriankhai Guards that had been under the dominion of the Ming in the 15–16th centuries and bordered upon Jurchen territories. In general, the scale of migrations of Mongolic groups from Transbaikalia (or across Transbaikalia when it comes to Khori-Tumats) to Manchuria is impressive enough. Already by the early period of Nurhaci’s activities aimed at uniting the Jurchen tribes, his neighboring areas were inhabited by Mongols of the Hulun alliance. In the north, the Nen River Valley was inhabited by the Khorchin and Gorlos. The Mongolian language and script were quite widespread all over the region. The establishment and consolidation of

the Manchu Empire resulted in further migrations of other ethnic Mongolian groups — completely or partly originating from Transbaikalia — to Manchuria. The Manchu rulers put an end to the military, political and cultural pressure of Mongols, bringing the migration processes under their control, which in its turn resulted in the Manchu cultural pressure on Mongols. Some minor Mongolic groups were gradually and overwhelmingly assimilated by the Manchu, with separate populations finally cinicized.

The research scrutinizes mutual influences between Daur and Manchus, and suggests that some Daur clans could have formed part of the Manchu population. It notes that the Daur had been nominally affiliated with the Khorchins for some time, and also mentions ethnic ties of Khorchins with Transbaikalia, including the related claims of Manchus on the territory. Again, special attention is given to supposed Mongolian roots of the Yehe clan

Keywords: Manchu, Mongol, ethno-cultural relations, migration processes, Daur, Barguts

Говоря о взаимовлияниях монголоязычных племен Забайкалья и этносов, составивших маньчжурскую нацию, чаще всего упоминают тесные контакты дауров с маньчжурами. Обширную тему для исследований представляют переселения забайкальских и приамурских племен в Маньчжурию, на территории современных провинций Хэйлунцзян, Гири и Ляонин. Кроме того, в последнее время все больше публикаций появляется о переселениях в глубь Маньчжурии такого племени, как баргуты, в прошлом обитавшего на севере современной Бурятии. В российской науке редко затрагиваются вопросы этнических связей с Забайкальем таких крупных монгольских групп, как хорчины, а также — монголы завоеванных маньчжурами княжеств Хулунского объединения. В целом же общей картины миграций монголоязычных племен Забайкалья в сторону Маньчжурии пока нет, и именно этот пробел призвано заполнить данное исследование.

Монголоязычные дауры, которых долгое время в российской литературе ошибочно считали тунгусами, к началу XVII в. расселились на обширной территории от Витима на западе до бассейна Зеи в Приамурье на востоке. Около 1616 г. дауры начали сталкиваться с экспансией маньчжуров Нурхаци, походы которых в Приамурье продолжались в течение десятилетий. История завоевания этого региона маньчжурами достаточно исследована [Внешняя политика государства Цин 1977; Мелихов 1974], поэтому здесь мы заострим внимание только на отдельных моментах, уточняющих важные для нас детали. Самым существенным является то, что в маньчжурских документах (на китайском языке) все эти походы в основном интерпретируются как действия

против солонов. Между тем, свидетельства русских документов 1640–1650-х гг. показывают многочисленные селения дауров примерно в тех же местах, где ранее оперировали маньчжурские отряды. Иными словами, маньчжурские документы упоминают почти исключительно солонов, а русские — дауров, реже — дючеров.

Б. Д. Цыбенков, вероятно, не случайно считает известного по маньчжурским источникам предводителя солонов Бомбогора представителем рода дауров и главой «даурско-солонского союза» [Цыбенков 2012: 66]. Хотя ссылок на источник этой информации автор не приводит, версия выглядит не лишённой логики. В другом месте со ссылкой на изданную во Внутренней Монголии «Краткую историю даурской нации» Б. Д. Цыбенков указывает, что «в рассматриваемый период (первая половина XVII в. — Б. Д.) маньчжуры делили население Приамурья на два крупных объединения: солонны и сахарча. В состав первых входили даурские роды Верхнего Амура до впадения в него Зеи. Даурское население среднего и нижнего течения Зеи, включая роды ардан и судур, входило в состав сахарча» [Цыбенков 2012: 46].

По поводу путаницы между даурами и солонями А. П. Голиков замечает, что, с одной стороны, дауров часто включали в состав солонов, с другой — «таёжных солонов иногда именовали даурами» [Голиков 2013: 75]. Он же пишет: «В бюрократическом лексиконе Цинской империи первичным были не этнические (напр. языковые, культурные, идентификационные) отличия, а разница образа жизни. В частности, существовали две категории кочевников (юму) и лесных охотников (дашэн, бутэха, урянхай). По отношению к первым чаще применялись пле-

менные (улусные) наименования, охотники же обычно не дифференцировались» [Голиков 2013: 74]. Солоны — тунгусское племя, испытывавшее некоторое культурное влияние монголов, в период расцвета Цинской империи воспринималось маньчжурами как родственное, благодаря чему его воинов часто использовали в качестве гарнизонов в отдаленных местностях. В какой-то мере это отношение маньчжуры переносили и на дауров, один из вождей которых уже в 1640-х гг. стал императорским зятем *эфу* и в 1649 г. вместе с семьей и родственниками переехал в Пекин [Цыбенков 2012: 66]. Этим, однако, не исчерпывались связи двух народов.

В 1635 г. маньчжуры увели с собой на юг более семи тысяч дауров и солонов. В 1641 г. в погоне за восставшим даурским вождем Бомбогором маньчжуры доходили до местности в современном Забайкалье и захватили последних сопротивлявшихся 80 воинов и 725 женщин и детей. После столкновений с русскими казаками и исхода оставшихся дауров из Приамурья в Маньчжурию там их насчитывалось 5 673 чел. [Цыбенков 2012: 77], т. е. меньше, чем было уведено маньчжурами ранее, в 1635 г. Очевидно, какая-то часть дауров, уведенных в 1635 г., тогда же была включена в состав маньчжурских знамен и осталась там после переселения их соотечественников из Приамурья. В составе дауров фиксировались роды *гобол* (или *говол*) и *хэсур* [Цыбенков 2012: 45], а в составе маньчжуров — *говол* (или *ховол*) и *гэджэрэ* [Өлзий 1990: 67–68]. Возможно, названия этих родов не просто созвучны, а сами эти роды являются частями некогда единых даурских этнических групп.

В 1650 г. Е. Хабаров от плененной им даурки, сестры князя Лавкая, узнал, что та была «в плену у Богдоя», т. е. маньчжурского хана. В 1651 г. отряд Е. Хабарова перед боем с даурами князя Гуйгудара столкнулся с тем, что в лагере князя находилось 50 маньчжуров, которые, по словам дауров, постоянно проживали в их улусе «для ясаку и с товары» до прибытия новой партии [Мясников 1980: 75]. Таким образом, уже в 1630–1650-х гг. дауры были достаточно тесно связаны с маньчжурами и, несомненно, между ними шли процессы этнокультурного взаимодействия. Эти процессы также могли происходить опосредованно через другие племена, в более раннее время начавшие сближаться с маньчжурами. Напри-

мер, в 1634 г. армия восточно-монгольского племени хорчинов предприняла поход в Приамурье, преследуя мятежного хорчинского же джинонга Бадари. Разбив Бадари, хорчины также ограбили местное население и увели с собой в район р. Нонни множество пленных дауров [Цыбенков 2012: 69]. Примерно в тот же период (приблизительно в 1635 г.) в источниках отмечается хорчинский нойон с именем Дагур и титулом хатан-багатур [Daiçing ulus-un mongyul-un mayad qauli 2013: 127]. Это мог быть полководец, отличившийся в кампании 1634 г. и получивший титул (а не имя) со значением «даурский», либо это просто один из дауров на службе у хорчинов.

По мнению М. Эллиота, долгое время дауры, как и сибо, считались формально объединенными с хорчинами [Elliot 2001: 85]. Может быть, это утверждение следует считать более справедливым для той части дауров, которая была захвачена хорчинами в 1634 г., но, возможно, к хорчинам на некоторое время присоединяли и другие группы переселявшихся с севера дауров. В 1692 г. хорчины освободили дауров [Цыбенков 2012: 77], после чего при Канси дауры (и сибо) были организованы в ниру и включены в систему знамен [Elliot 2001: 85].

Сами хорчины на протяжении всего XVII в. все более сближались с маньчжурами, считаясь для них наиболее близкими союзниками среди монголов. В 1606 г. от хорчинов Нурхацци впервые получил ханский титул — Хундулун-хан [Crossley 2000: 143]. В 1612 г. хорчинский нойон Минган отдал свою дочь замуж за Нурхацци [Ермаченко 1974: 25]. По мнению некоторых исследователей, хорчинский нойон Онгудай, ранее принимавший участие в «походе девяти племен», также породнился с домом Нурхацци [Модоров, Дацышен 2009: 27]. В 1614 г. сыновья Нурхацци Дашан, Мангуртай и Дэхэлэй взяли в жены дочерей из южномонгольского княжества Джарут, а сын Нурхацци Хунтайджи (Абахай) женился на дочери Мангуса из княжества Хорчин [Ермаченко 1974: 25]. Следует отметить, что пять основных супругов Хунтайджи были хорчинками.

Углубляясь в историю хорчинов, можно увидеть, что и этот крупный этнос сформировался далеко от исторической Маньчжурии, в Забайкалье. Хорчины управлялись князьями-хасаридами, а удел Хасара располагался в юго-восточном Забайкалье. Уход

хасаридов оттуда в Восточную Монголию и в бассейн р. Нонни в Маньчжурии некоторыми исследователями связывается с периодом возвышения ойратов в первой половине XV в. [Uspensky 2012: 232]. При этом сложение хорчинской этнической группы произошло до переселения, потому что память о народе с названием *хорчин* (*аба хорчин*) или *хорчинол*, населявшем ранее Баргузинскую долину в северном Забайкалье, сохранялась в фольклоре бурят и эвенков, а также была зафиксирована в бурятских летописях [Бурятские летописи 1995: 178]. В эпоху Монгольской империи основная масса хорчинов переселилась на юго-восток Забайкалья, но отдельные их группы (бур. *хоршон*) оказались в противоположной стороне, в горной Оке, а также в районе Нижнеудинска, где проживают и сейчас. Время и обстоятельства отделения этой западной ветви хорчинов пока не ясны. Впрочем, и вопрос о времени миграции хорчинов на восток тоже, скорее всего, требует значительных уточнений.

Месторасположение бывшего удела Хасара в юго-восточном Забайкалье было в общих чертах известно маньчжурам, которые на этом основании пытались обосновывать свои притязания на эти территории. Указывая русским на то, что у тех территорий «владельцы есть живы, которые тою землею владели», маньчжуры вели свою дипломатическую игру во время переговоров о границе [Мясников 1980: 238]. Любопытно, что из всех прежних насельников края маньчжуры более всего вспоминали о «племени маоминъань». Как писал В. С. Мясников, глава маньчжурской делегации на переговорах в Нерчинске в 1689 г. Сонготу апеллировал к сочинению «Кайго фанлюэ», в котором упоминалось, что «живший некогда в Забайкалье эвенкийский род му-минган («маоминъань») откочевал на юг и продолжал там кочевать на землях бурят и урянхайцев» [Мясников 1980: 239].

Племя, о котором идет речь, действительно было монгольским и входило в число подданных хасаридов. Если же судить по его названию (монг. *муу минган* «плохая тысяча», в данном случае термин *муу*, возможно, несет смысл «милая»¹), изначально племя было скорее военно-административ-

¹ Речь идет о традиции монгольских народов применять слово *муу* («плохой») в ситуациях, когда именуются близкие, милые люди, часто дети. — Прим. ред.

ным образованием, причем наиболее приближенным к лидеру удела. Не исключено даже, что формирование этой «тысячи» производилось путем разверстки из разных племен, входивших в хасаридский удел. Потомки Хасара правили также несколькими другими племенами, в числе которых В. Успенский помимо хорчинов и муу-минганов называет уратов, горлосов, джалайтов, дорбэтов (восточную ветвь — *Б. Д.*) и племя дорбэн-хуухэд [Uspensky 2012: 232]. Иногда муу-минганы рассматриваются как часть хорчинов.

Во время упоминавшихся переговоров в Нерчинске произошло выступление значительной группы бурят и «онкотов», в результате которого против русских выступило до двух тысяч человек [Мясников 1980: 243]. Все они в итоге ушли за вновь проведенную границу вместе с маньчжурами. В 1692 г. из-под Нерчинска ушла еще одна группа бурят. Позднее вблизи границы наиболее крупное объединение бурятских родов зафиксировано на северо-востоке аймака Сэцэн-хана, причем большинство этих родов были из хоринского племени, а меньшая часть — из племен ононских хамниган (в русских документах, вероятно, названных «онкотами»). В конце концов маньчжуры, приняв в подданство халхаских ханов, объединили основную массу нерчинских беглецов с осколками отдельных халхаских и южномонгольских родов, поселили в Хулун-Буире с баргутами и включили в знаменные войска. Фактически маньчжуры создали новую общность, получившую название «новых баргутов». С течением времени, а также в силу трагических событий восстания 1730 г. (подробнее см. Нацагдорж [2012]), «новые баргуты» отказались признавать себя сородичами российским бурятам, хотя до самого недавнего времени говорили на диалекте бурятского языка и у них до сих пор в полной мере сохранилась идентичная хори-бурятской номенклатура генонимов. Список родов «новых баргутов» приводит Б. Д. Цыбенев [Цыбенев 2016: 41].

Влияние маньчжуров на этнические процессы у баргутов имело очень широкий размах и началось, возможно, ранее Нерчинского договора. В исследовании Боржигин Бурэнсайна описывается исход значительной группы (до 10 тыс. чел.) монгольского племени баргутов в Маньчжурию в 1689 г. во время вторжения ойратского Галдана Бо-

шоку в Халху. В дальнейшем часть этих баргутов была переселена на территорию Ляодуна, включена в состав восьми знамен. Из баргутов было сформировано не менее 15 ниру (рот). По всей вероятности, ляодунские баргуты испытали ассимиляцию с маньчжурами, а затем вместе с маньчжурами эта ветвь баргутского племени была сильно китаизирована. При этом память о монгольском происхождении потомки ляодунских баргутов сохраняли до последнего времени [Бурэнсайн 2014: 37–38]. О переселении баргутов в Мукден упоминает и А. П. Голиков: «В подчинении бригадного генерала (фудутун) в Хулунбуире (Барга) находились баргуты (северная ветвь монгольских языков, близки бурятам). Часть из них формировала роты, включавшиеся в состав восьмизнаменных войск. Большое их количество было направлено в Мукден. Здесь их часто называли „девятым знаменем“» [Голиков 2013: 75].

Так называемые «старые баргуты» попали в сферу влияния маньчжуров почти одновременно с халхаскими ханами и на тот период в основном населяли Хулун-Буир. Однако в период образования Монгольской империи они еще жили в северо-западных районах Забайкалья, в частности, в Баргузинской долине. Будучи вовлечены в имперские походы, они постепенно мигрировали южнее. Как видим, политика Цинской империи в их отношении привела к очередным разделениям баргутов и дальнейшим миграциям в глубь Маньчжурии.

В связи с хоринскими бурятами и баргутами нельзя не упомянуть версию о происхождении династии («рода») Ехэ, длительное время возглавлявшего одноименное сильное княжество в Маньчжурии. Ехэ лидировало в Хулунском объединении, включавшем в себя также княжества Ула, Хойфа и Хада. После завоевания маньчжурами всех четырех государств Хулуна Ехэ вошли в состав формирующейся маньчжурской нации в качестве довольно знатного рода. В маньчжурских документах говорится, что род ехэ происходил от монгольского племени тумот, которое отобрало власть у рода Нара [Мелихов 1974: 41]. Тем не менее, название Нара часто продолжало использоваться и для «узурпаторов» Ехэ в двойном наименовании *ехэ нара*. В Хада князья остались из прежней «домонгольской» династии Нара, в Хойфа — правители были выходцами с севера. Некоторые авторы считают, что и

правители Ула тоже были монгольского происхождения [Pei Huan 1990: 270]. Род князей Ула обычно называли *ула нара*.

Сегодня широко распространено мнение о том, что эти «тумоты» являются южномонгольскими тумэтами, во главе с Алтан-ханом совершавшими походы в Маньчжурию (в частности, близкое мнение высказывается в примечаниях к монгольскому переводу «Правдивых записей о монголах Цинской империи» [Dai'ing ulus-un mongyul-un mayad qauli 2013: 1192]). Между тем, существует целый ряд нюансов, в свете которых такая трактовка выглядит крайне маловероятной. Во-первых, известные факты о происхождении династии Ехэ не коррелируются с этой версией. Генеалогия князей Ехэ представляется в следующем виде: Шингэн-дархан — Ширгэ-мингату — Чиргани — Чукунгэ — Тайчу. У Тайчу было два сына — Чингияну и Янгину. Сыновья этих двух, Бучжай и Наримбулу, стали князьями-соправителями (с той поры в Ехэ утвердился эта система двух князей, один из которых был главным). Бучжай в 1593 г. возглавлял «поход девяти племен» на княжество маньчжуров Нурхаца. Отсюда по количеству поколений ясно, что основание Ехэ относится к XV в., т. е. ко времени до рождения Алтан-хана. Во-вторых, следует учитывать и факт заключения брачного союза между Ехэ и чахарским правителем. Сутай, внучка Хинтайши (младшего брата Наримбулу), вышла замуж за Лигдэн-хана. Это говорит о том, что династия Ехэ вряд ли была чингисидской по происхождению. Браки внутри чингисидов сами по себе не приветствовались, тем более маловероятен был бы брак между потомками Даян-хана, к которым принадлежали правители тумэтов и чахаров. Даже для монголов этнографического времени такой брак казался бы близкородственным.

Еще О. Латтимор предположил, что Ехэ является монгольским словом со значением «великий» [Lattimore 1934: 51]. Это мнение не лишено интереса, хотя маньчжурские источники считают, что монголы, свергшие Нара, назвали свой род по реке Ехэ, на берегу которой осели (поэтому, кстати, иногда название рода ошибочно пишут Ехэхэ, где *хэ* является китайским словом «река»).

Очень интересно, что род под названием *ехэ зон* указан в числе повстанцев упоминавшегося выше антиманьчжурского восстания «новых баргутов» в 1730 г.

В этнониме *ехэ зон* второе слово на бурятском языке означает «народ» (*зон* — специфический бурятский термин со значением «народ», практически не встречающийся в других монгольских языках). Остальные отмеченные в русских документах роды, представители которых также участвовали в восстании и попытались уйти на российскую сторону в Забайкалье, относятся в основном к хоринскому племени и в меньшей степени — к ононским хамниганам [Нацагдорж 2012: 220]. При этом в некоторых случаях в монгольских источниках одного и того же человека могут причислить к роду *ехэ зон* и к хоринскому роду *галзут* [Нацагдорж 2012: 221]. Очень может быть, что *ехэ зон* — это какая-то патронимическая группа внутри хоринцев. Здесь, возможно, и кроется разгадка происхождения «тумотов», основавших династию Ехэ. Дело в том, что в монгольских письменных памятниках XIII–XVII вв. хоринцев называли хори-тумат (*qori tumat*), или хори тумэт. Особо надо подчеркнуть, что вторая часть этого составного этнонима у монголов пользовалась большей популярностью и использовалась чаще, т. е. хоринцев именовали просто туматами. Так, например, в § 240 «Сокровенного сказания монголов» изложение начинается с упоминания хори-туматов, а далее фигурируют уже просто туматы, но без указания на какое-либо отличие вторых от первых, т. е. речь идет об одном народе.

Д. В. Цыбикдоржиев пишет, что в хоринских бурятских письменных памятниках и в фольклоре фигурируют синонимичные термины Ехэ и Ёго, которыми называют то персонажа из истории, то некую страну, где хоринцы проживали перед возвращением в Бурятию в 1594–1613 гг. Эту же страну хоринские буряты называют государством солонгутов, которым правил князь с маньчжурским титулом *бэйлэ*. Исследователь отождествляет «тумотов» маньчжурских памятников с хори-туматами, а княжество Ехэ — с солонгутами монгольских и бурятских летописей XVI–XVIII вв. По этой версии хори-туматы мигрировали из Прибайкалья и оказались на Дальнем Востоке после 1260-х гг. в ходе распри между сторонниками и противниками Хубилая [Цыбикдоржиев 2008: 34, 39]. В 1594–1613 гг. часть из них смогла возвратиться к Байкалу и после бурных событий XVII в. расселилась по территориям современных Забайкальского края и Республики Бурятия, составив там

наиболее многочисленную бурятскую этническую группу.

Таким образом, мы дали обзор миграций значительных монголоязычных групп с территории Забайкалья в Маньчжурию. Хори-туматы, хорчины, дауры и баргуты на протяжении XIII–XVII вв. в силу разных причин продвигались на юг и восток, в глубь Маньчжурии, временами оказываясь у самых границ минского Китая. Обстоятельства переселения некоторых племен, например, муу-минганов и горлосов, еще предстоит уточнить. Также ждет своего исследования история монголоязычных племен «трех округов Урянха», в XV–XVI вв. находившихся под властью Мин и граничивших с чжурчженским ареалом. В целом картина движения монголоязычных групп из Забайкалья (или через Забайкалье — если говорить о хори-туматах) на территорию исторической Маньчжурии выглядит вполне впечатляющей. Уже к началу деятельности Нурхаци по объединению чжурчженских племен вблизи от его княжества были расселены монголы сильных государственных образований Хулунского объединения. На севере, в бассейне Нонни, жили группы хорчинов и горлосов. Монгольский язык и письменность были широко распространены во всем регионе. Становление и укрепление маньчжурской империи привело к переселениям на территории Маньчжурии новых этнических групп монголов, чье историческое прошлое было полностью или частично связано с Забайкальем. Деятельность маньчжурских правителей приостановила военно-политическое и культурное давление монголов, а миграционные процессы поставила под контроль, вследствие чего началось культурное давление уже маньчжуров на монголов. Постепенно в отношении малочисленных монгольских групп в полной мере проявилась ассимиляция с маньчжурами, местами приведшая и к китаизации.

Литература

- Бурятские летописи / сост. Ш. Б. Чимитдоржиев, Ц. П. Ванчикова. Улан-Удэ: БИОН СО РАН, 1995. 198 с.
- Голиков А. П. О менее известных этнополитических группах в восьми знамёнах // Известия Восточного института. 2013. № 1 (21). С. 69–79.
- Ермаченко И. С. Политика маньчжурской династии Цин в Южной и Северной Монголии в XVII в. М.: Наука, 1974. 196 с.

- Внешняя политика государства Цин в XVII веке / ред. Л. И. Думан; АН СССР. Ин-т востоковедения. М.: Наука, Гл. ред. вост. лит-ры, 1977. 385 с.
- Мелихов Г. В. Маньчжуры на Северо-Востоке (XVII в.). М.: Наука, 1974. 246 с.
- Модоров Н. С., Дацышен В. Г. Народы Саяно-Алтая и Северо-Западной Монголии в борьбе с цинской агрессией. 1644–1758 гг. Горно-Алтайск: Горно-Алтайск. гос. ун-т, 2009. 140 с.
- Мясников В. С. Империя Цин и Русское государство в XVII веке. М.: Наука, 1980. 312 с.
- Цонгоол Б. Нацагдорж. О победе баргутов в Россию в 1730 г. // Культурное наследие народов Центральной Азии. Вып. 3. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СР РАН, 2012. С. 206–225.
- Цыбенев Б. Д. История и культура дауров Китая. Историко-этнографические очерки. Улан-Удэ: Изд-во ВСГУТУ, 2012. 251 с.
- Цыбенев Б. Д. О родовом составе баргутов Хулун-Буира // Баргуты: история и современность: сб. науч. ст. Иркутск: Оттиск, 2016. С. 40–46.
- Цыбикдоржиев Д. В. Походы эпохи Монгольской империи в летописях, родословных, фольклоре и традиционных культах бурят // Мир Центральной Азии–2. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2008. С. 33–41.
- Боржигин Бурэнсайн. Найман хошууны монголчууд хааша явсан бэ? Ляодуны газарт суусан баргачуудын жишээгээр // Чин улс ба монголчууд. Сэндай, 2014. С. 31–41.
- Өлзий Ж. Өвөр монголын өөртөө засах орны зарим үндэстэн, ясны гарал үү сэл, зан үйл. Улаанбаатар: УХГ, 1990. 142 с.
- Mark C. Elliott. The Manchu Way. The Eight Banners and Ethnic Identity in Late Imperial China. Stanford: Stanford University Press, 2001. 580 p.
- Lattimore, Owen. The Mongols of Manchuria: Their Tribal Divisions, Geographical Distribution, Historical Relations With Manchus And Chinese, And Present Political Problems; with maps. New York: John Day, 1934. 312 p.
- Kyle Crossley, Pamela. A Translucent Mirror: History and Identity in Qing Imperial Ideology. Berkeley: University of California. Press, 2000. 417 p.
- Pei Huang. New Light of the Origins of the Manchus // Harvard Journal of Asiatic Studies. Vol. 50, No. 1, 1990, pp. 239–282.
- Uspensky Vladimir. Rivalry of the Descendants of Chinggis Khan and His Brother Khasar as a Factor in Mongolian History // Oriental Studies — Past and Present. Proceedings of the International Conference of Oriental Studies. Warsaw 2010, Bareja-Starzyńska, Agata and Mejor, Marek (eds.), Rocznik Orientalistyczny 65 (1), 2012, pp. 231–235.

Источники

Daiçing ulus-un mongyul-un mayad qauli. Nigedüger emkitgel. – Köke-qota: Ebür mongyul-un suryal kümüjil-ün keblel-un qoriy-a, 2013. 1236 t.

References

- Buryatskie letopisi. / Sost. Sh.B. Chimitdorzhiev, Ts.P. Vanchikova. [Buryat chronicles. Comp. by Sh. Chimitdorzhiev, Ts.Vanchikova]. Ulan-Ude, Buryat Institute of Social Studies (RAS) Press, 1995, 198 p. (In Russ.)
- Golikov A. P. O menea izvestnykh etnopoliticheskikh gruppakh v vos'mi znamenakh [Eight Banner's less known ethnic-political entities]. *Izvestiya Vostochnogo instituta* [Oriental Institute Journal], 2013, No.1 (21), pp. 69–79 (In Russ.).
- Ermachenko I. S. *Politika man'chzhurskoy dinastii Tsin v Yuzhnoy i Severnoy Mongolii v XVII v.* [Policies of the Manchu Qing Dynasty in Southern and Northern Mongolia]. Moscow, Nauka Publ., 1974, 196 p. (In Russ.).
- Vneshnyaya politika gosudarstva Tsin v XVII veke / red. L. I. Duman; AN SSSR. *In-t vostokovedeniya* [Foreign policies of the Qing dynasty in the 17th c.]. Moscow, Vost. Lit. Publ., 1977, 385 p. (In Russ.).
- Melikhov G. V. *Man'chzhury na Severo-Vostoke (XVII v.)* [Manchus in the Northwest (17th c.)]. Moscow, Nauka Publ., 1974, 246 p. (In Russ.).
- Modorov N. S., Datsyshen V. G. *Narody Sayano-Altaya i Severo-Zapadnoy Mongolii v bor'be s tsinskoy agressiey. 1644–1758 gg.* [Peoples of the Sayan-Altay Region and Northwestern Mongolia in their struggle against the Qing invaders: 1644–1758]. Gorno-Altaysk, Gorno-Altaysk State Univ. Press, 2009, 140 p. (In Russ.).
- Myasnikov V. S. *Imperiya Tsin i Russkoe gosudarstvo v XVII veke* [The Qing Empire and the Russian state in the 17th century]. Moscow, Nauka Publ., 1980, 312 p. (In Russ.).
- Tsongool B. Natsagdorzh. *O pobege bargutov v Rossiyu v 1730 g.* [The escape of Barga Mongols to Russia in 1730]. *Kul'turnoe nasledie narodov Tsentral'noy Azii* (Cultural Heritage of Central Asian Peoples), iss. 3, Ulan-Ude, Buryat Scient. Center (Sib. Branch of the RAS) Press, 2012, pp. 206–225 (In Russ.).
- Tsybenov B. D. *Istoriya i kul'tura daurov Kitaya. Istoriko-etnograficheskie ocherki* [History and culture of Daurs in China. Historical and ethnographic sketches]. Ulan-Ude, East Siberia State Univ. of Technology and Management Press, 2012, 251 p. (In Russ.).

- Tsybenov B. D. *O rodovom sostave bargutov Khulun-Buira* [The clan structure of Hulunbuir Barghuts]. *Barguty: istoriya i sovremennost': sb. nauch. st.* [The Barghuts: history and contemporaneity. Collected scholarly papers]. Irkutsk, Ottisk Publ., 2016, pp. 40–46 (In Russ.).
- Tsybikdorzhiev D. V. *Pokhody epokhi Mongol'skoy imperii v letopisyakh, rodoslovnykh, fol'klore i traditsionnykh kul'takh buryat* [Military expeditions of the Mongol Empire in chronicles, genealogic tables, folklore and traditional cults of the Buryats]. *Mir Tsentral'noy Azii-2* [The World of Central Asia]. Ulan-Ude, Buryat Scient. Center (Sib. Branch of the RAS) Press, 2008, pp. 33–41 (In Russ.).
- Borzhigin Burensayn. *Nayman khoshuuny mongolchuud khaasha yavsан be? Lyaoduny gazart suusan bargachuudyn zhisheegee* [Where did the Mongols of the Eight Banners go? Evidence from Liaodong Barghuts]. *Chin uls ba mongolchuud* [The Chinese and Mongols]. Sendai, 2014, pp. 31–41 (In Mong.).
- Ölziy Zh. *Övör mongolyn öörtөө zasakh орны зарим үндэстэн, ястны гарал үүсэл, зан үй* [About some nationalities of Inner Mongolia, their ethnic origins and life]. Ulaanbaatar, UKhG Publ., 1990, 142 p. (In Russ.).
- Mark C. Elliott. *The Manchu Way. The Eight Banners and Ethnic Identity in Late Imperial China*. Stanford, Stanford University Press, 2001, 580 p. (In Eng.).
- Owen Lattimore. *The Mongols of Manchuria: Their Tribal Divisions, Geographical Distribution, Historical Relations With Manchus And Chinese, And Present Political Problems; with maps*. New York, John Day, 1934, 312 p. (In Eng.).
- Pamela Kyle Crossley. *A Translucent Mirror: History and Identity in Qing Imperial Ideology*. Berkeley, University of California Press, 2000, 417 p. (In Eng.).
- Pei Huang. *New Light of the Origins of the Manchus*. *Harvard Journal of Asiatic Studies*, vol. 50, No. 1, 1990, pp. 239–282 (In Eng.).
- Uspensky Vladimir. *Rivalry of the Descendants of Chinggis Khan and His Brother Khasar as a Factor in Mongolian History*. *Oriental Studies – Past and Present. Proceedings of the International Conference of Oriental Studies, Warsaw 2010*, Bareja-Starzyńska, Agata and Mejor, Marek (eds.), *Rocznik Orientalistyczny* 65 (1), 2012, pp. 231–235 (In Eng.).

Sources

- Daičing ulus-un mongyul-un mayad qauli. Nigedüger emkitgel* [The Great Qing: laws of the Mongols. 1st ed.]. Hohhot, Inner Mongolia Pedagogical Institute Press, 2013, 1236 p. (In Mong.).

УДК 39

Миграции монголоязычных племен Забайкалья на территорию Маньчжурии

Дарима Баторовна Батоева¹

¹ кандидат исторических наук, младший научный сотрудник, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. E-mail: darimab@yandex.ru

Аннотация. В статье на основе летописных источников, опубликованных научных работ, фольклора представлена общая картина передвижений значительных монголоязычных групп из Забайкалья на территории современных провинций Хэйлунцзян, Гири и Ляонин. Рассматриваются взаимовлияния дауров с маньчжурами, возможно, некоторые даурские роды вошли в состав маньчжуров. Отмечается, что некоторое время дауры номинально относились к хорчинам. Также затрагиваются вопросы этнических связей хорчинов с Забайкальем и связанными с ними притязаниями маньчжуров на эту территорию. Особое внимание уделяется монгольскому происхождению рода Ехэ, лидировавшего в Хулунском объединении и вошедшего в состав формирующейся маньчжурской нации в качестве одного из восьми знатных родов. Влияние маньчжуров на этнические процессы у баргутов привело к разделению баргутов и дальнейшим миграциям вглубь Маньчжурии. Постепенно часть из малочисленных монгольских групп ассимилировалась с маньчжурами, а затем вместе с маньчжурами и китаизировалась. При этом некоторые из них до сих пор помнят свое монгольское происхождение.

Ключевые слова: этнокультурные связи, маньчжуры, ассимиляция, монголы, миграции, дауры, баргуты

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 34, Is. 6, pp. 79–93, 2017
DOI 10.22162/2075-7794-2017-34-6-79-93
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 811.512.3

Mongolian Analytical Word Forms: an Effort of Quantitative Research*

Sergey A. Krylov¹

¹ Ph.D. in Philology (Doct. of Philological Sc.), Leading Research Associate, Institute of Oriental Studies of the RAS (Moscow, Russian Federation). E-mail: krylov-58@mail.ru

Abstract. The article attempts to measure the frequency use of analytical word forms in Mongolian. One of the difficulties is that the boundaries of the framework for such analytical constructions are unclear enough. The ranking list comprises not all structural analytical models of Mongolian syntactic molecules, but rather – the most commonly used ones. The threshold requirement for an analytical word form to be included in the list is 312 instances within the General Corpus of Mongolian (GCM-1a / Rus. *ГКМЯ-1а*), or 275 ipm. The work shows most commonly used analytical word forms with an absolute frequency of over 10 instances, a relative one of theirs being 9 ipm. The GCM-1a contains 1 818 such word forms.

Zone one of a dictionary entry contains (in bold underscore, plain font) the conditional lexeme to which this analytical word form is referred to (the dictionary contains a total of 635 conditional lexemes). A conditional lexeme is a general designation for a lexeme as such and a quasi-lexeme (a homonymic bunch of lexemes bound in terms of morphological homonymy). Zone two (in bold non-underscore, plain font) represents a grammeme (a grammatical form) to which the synthetic word form belongs and that acts as an autosemantic component of this analytical word form. Zone three (in bold non-underscore italics) shows the very synthetic word form functioning as an autosemantic component of the analytical form. Zone four (in regular non-underscore italics) contains the structural analytical model according to which this analytical form is arranged. The functional component of the model is shown in its quasi-orthographic form, and the autosemantic one is replaced by the general symbol Z. Zone five (in bold non-underscore, plain font) describes the relative frequency of this analytical word form in the GCM-1a expressed in *ipm* (a minimum of 9).

Keywords: Mongolian, corpus linguistics, quantitative methods in linguistics, analytical constructions, analytical forms

* Настоящее исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научных проектов № 15-04-00553 «Структурно-вероятностный синтаксис монгольских языков» и № 18-012-00611 «Структурно-вероятностная морфология монгольских языков», комплексной программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Евразийское наследие и его современные смыслы», направление «Создание версии «3» генерального корпуса современного монгольского языка».

В настоящей работе ставится задача измерить употребительность аналитических форм монгольского языка. Одна из главных трудностей такого исследования заключается в том, что границы самого инвентаря аналитических форм не вполне ясны. По-видимому, это множество имеет диффузную природу, то есть его границы расплывчаты. Тем не менее они поддаются исследованию достаточно точными методами, если эти методы будут иметь характер, адекватный своему реальному объекту, то есть количественный характер. Для этого необходимо на некотором первичном этапе исследования условиться, какие именно формально диагностируемые признаки есть у аналитических форм.

Представляется, что эвристически наиболее плодотворный подход к аналитическим формам — так называемый «широкий» подход, представленный в т. н. теории «грамматикализации» (А. Мейе [1912]¹) а также «грамматизации» (в отечественном языкознании), например, работами В. В. Виноградова [1947], С. Д. Кацнельсона [1948], В. М. Жирмунского [1963], В. Г. Гака [1965], Ю. С. Маслова [1975; 1978] и других авторов. Но эти авторы при выделении аналитических форм не прибегают к количественным (статистическим, квантитативным) методам, ограничиваясь характеристикой семантической и синтаксической специфики аналитических конструкций, образуемых этими аналитическими формами; таким образом встаёт вопрос о применимости вероятностно-дистрибутивного подхода к самой процедуре выделения аналитических форм.

Целью настоящей работы будет первичная квантитативная систематизация материала монгольского языка на материале специально разработанного автором Генерального корпуса современного монгольского языка (ГКМЯ-1а), представленного в ряде предшествующих публикаций автора (см. Крылов 2014 и указанную там литературу).

Изложение материала будет наиболее наглядным, если мы представим его в словарной форме.

Аналитические словоформы монгольского языка. Прямой алфавитный полексемный список.

В прямой алфавитный список включены не все аналитические словоформы монгольского языка, а лишь наиболее употребительные. Пороговое значение для включения в список составляет 10 вхождений в корпус ГКМЯ-1а, или 9 ipm. Таких словоформ оказалось 1818.

В первой зоне словарной статьи приводится (полужирным подчёркнутым прямым шрифтом) та условная лексема, к которой относится данная аналитическая словоформа (всего словарь содержит 635 условных лексем). Условная лексема — обобщённое понятие для собственно лексем и квази-лексем (омонимического пучка лексем, связанных отношением морфологической омонимии).

Во второй зоне (полужирным неподчёркнутым прямым шрифтом) приводится та грамматема (грамматическая форма), к которой принадлежит синтетическая словоформа, функционирующая как знаменательный компонент данной аналитической словоформы.

В третьей зоне (полужирным неподчёркнутым курсивным шрифтом) приводится сама эта синтетическая словоформа, функционирующая в роли знаменательного компонента данной аналитической формы.

В четвёртой зоне (светлым неподчёркнутым курсивным шрифтом) приводится аналитическая структурная модель, по которой построена данная аналитическая форма. Служебный компонент модели приведён в своей квазиорфографической форме, а знаменательный заменён на обобщённый символ Z.

В пятой зоне (полужирным неподчёркнутым прямым шрифтом) приводится относительная частотность данной аналитической словоформы в ГКМЯ-1а, измеренная в ipm (минимум 9).

При повторе имени условной лексем, грамлемы, знаменательного компонента для большей компактности употребляется символ тильды (~).

¹ См. также работы Б. Хайне, Кр. Лемана, Дж. Байби (1980-х гг.), а в XXI в. — работы Н. Р. Сумбатовой, Т. А. Майсака и др.

Табл. 1.

ёс(он) NOM ёс Z бий 11***өөд** ABL? өөдөөс Z нь 47

өөр ABL-POSS.REFL өөрөөс Z нь 25; ~ ABL өөрөөсөө гэж Z 11; ~ ACC өөрийг Z нь 26; ~ COM-NOM өөртэй Z нь 11; ~ DAT-POSS.REFL өөртөө гэж Z 24; ~ DAT өөрт Z нь 39; ~ GEN-NOM өөрийн Z нь 37; ~ ~ би Z 13; ~ GEN-SUBST-NOM өөрийнх Z нь 19; ~ GEN/ACC өөрийг Z нь 15; ~ INSTR өөрөөр Z хэлэхэд 9; ~ NOM өөр Z юм 42; ~ ~ Z ямар ч 13; ~ POSS.REFL өөрөө Z ч 35; ~ ~ би Z 31; ~ ~ Z л 19; ~ ~ чи Z 19; ~ ~ гэж Z 10; ~ ~ та Z 10

өвөө & өв NOM & POSS.REFL өвөө Z нь 12**өвөр** A.COM-NOM & DAT өвөрт Z нь 17; ~ NOM өвөр Z дээр 9; ~ ~ Z дээрээ 17**өвгөн** ~ өвгөн Z гуай 9; ~ ~ Z минь 35; ~ ~ Z ч 11; ~ ~ Z чинь 23; ~ ~ гэж Z 40; ~ ~ гэхэд Z 14; ~ ~ гээд Z 11; ~ ~ миний Z 14; ~ ~ энэ Z 9**өвдөг** ~ өвдөг Z дээрээ 18; ~ ~ Z нь 11**өвчин** ~ өвчин Z нь 11**өгөх** PC.PROSP-CAR-NOM өгөхгүй Z бол 10; ~ PC.PROSP-DAT өгөхөд Z нь 18**өгүүлэх** CVB.MOD өгүүлэн гэж Z 12; ~ PC.PROSP-NOM өгүүлэх Z нь 19**өглөө(н)** ABS-NOM өглөө Z нь 52; ~ ~ нэг Z 18; ~ ~ тэр Z 10; ~ ~ нэгэн Z 9; ~ GEN-NOM өглөөний Z нар 13**өдөр** NOM өдөр Z дунд 11; ~ ~ Z ирэх 11; ~ ~ Z нь 16; ~ ~ гэтэл нэг Z 11; ~ ~ нэг Z 125; ~ ~ нэгэн Z 42; ~ ~ тэр Z 41; ~ ~ хэдэн Z 20; ~ ~ энэ Z 26**өдий** ~ өдий Z хүртэл 12**өдрийн & өдөр** NOM & GEN-NOM өдрийн хэдэн Z дараа 19; ~ ~ тэр Z 18; ~ ~ энэ Z 13; ~ ~ хэдэн Z 12**өлзий** NOM өлзий гэж Z 9**өмнө** {LOC}ABL өмнөөс Z нь 40; ~ {LOC}NOM өмнө Z нь 16**өмсөх** PC.PRF-NOM өмссөн Z нь 11**өнөөдөр** {TEMP}NOM өнөөдөр би Z 11; ~ ~ гэтэл Z 10**өнөөдрийн & өнөөдөр** {TEMP}NOM & GEN-NOM өнөөдрийн Z хувьд 12**өнөөх** NOM өнөөх Z л 14**өнгө** ~ өнгө Z нь 15**өнгөрсөн & өнгөрөх** NOM & PC.PRF-NOM өнгөрсөн Z хойно 11; ~ GEN-NOM & PC.PRF-GEN-NOM өнгөрсний Z дараа 10**өнгийн & он(г) & өнгө** NOM & GEN-NOM & GEN-NOM өнгийн олон Z 11**өндөр** NOM өндөр гэж Z 11**өрөө(н)** ABS-NOM өрөө Z рүү 9**өрөө(н)** DAT өрөөнд Z орж 9**өчүүхэн** NOM өчүүхэн Z ч 28**үүд(эн)** REL-NOM үүдэн Z дээр 13**үүд** NOM үүд Z рүү 12**үг(эн)** ACC үгийг Z нь 16; ~ ~ гэдэг Z 31; ~ ~ гэсэн Z 10; ~ ~ миний Z 11; ~ ~ тэр Z 18; ~ ~ энэ Z 68; ~ DAT үгэнд Z орж 10; ~ ~ энэ Z 21**үг & үг(эн)** ABS-NOM үг Z нь 21; ~ ~ Z хэлж 18; ~ ~ Z хэлэх 13; ~ ~ Z ч 13; ~ ~ Z яриа 18; ~ ~ өөр Z 11; ~ ~ гэдэг Z 37; ~ ~ гэж Z 11; ~ ~ гэсэн Z 108; ~ ~ гэсэн Z вэ 28; ~ ~ ийм Z 17; ~ ~ хэдэн Z 26; ~ ~ энэ Z 33; ~ POSS.REFL үгээ гэж Z 11; ~ ~ гээд Z 18**үг** GEN/ACC үгийг Z нь 10**үгүй** {PART} үгүй Z бол 14; ~ ~ Z дээ 14; ~ ~ Z шүү 11; ~ ~ Z ээ 92; ~ ~ гэж Z 9**үдийн & үд** NOM & GEN-NOM үдийн бага Z 11**үд** ABL үдээс Z хойш 15**үе** DAT үед ийм Z 18; ~ ~ тэр Z 38; ~ ~ энэ Z 95; ~ GEN-NOM үеийн тэр Z 14; ~ INSTR үеэр энэ Z 11; ~ NOM үе нэг Z 50**үзүүр** ~ үзүүр Z нь 17**үзүүрт & үзүүр** NOM & A.COM-NOM & DAT үзүүрт Z нь 9**үзэгдэх** PC.PROSP-NOM үзэгдэх Z бөгөөд 10; ~ ~ Z нь 15**үзэх** CVB.ANT үзээд гэж Z 13; ~ CVB.MOD үзэн гэж Z 19; ~ PC.DUR-CAR-NOM үзээгүй Z тул 15; ~ PC.PROSP-NOM үзэх Z нь 12; ~ PC.US-NOM үздэг гэж Z 13**үл** {PART} үл Z болно 17; ~ ~ Z мэднэ 35; ~ ~ Z мэдэх 11**үлдсэн & үлдэх** NOM & PC.PRF-NOM үлдсэн Z юм 10**үнэн** ACC үнэнийг Z хэлэхэд 21; ~ NOM үнэн Z үү 11; ~ {ADV} & DAT-POSS.REFL үнэндээ Z бол 11; ~ ~ Z ч 18**үнэр** NOM үнэр Z нь 11**үнэхээр** ~ үнэхээр Z ч 39**үр** ~ үр Z минь 19**үргэлж** {TEMP}NOM үргэлж гэж Z 12**үс(эн)** NOM үс Z нь 32**үхэх** PC.PROSP-NOM үхэх Z нь 12**аав** NOM аав Z аа 29; ~ ~ Z минь 54; ~ ~ Z нь 46; ~ ~ Z чинь 36; ~ ~ миний Z 17**аанай** ~ аанай Z л 17**авах** PC.PROSP-CAR-NOM авахгүй Z бол 13; ~ PC.US-NOM авдаг Z юм 9**авгай** NOM авгай Z нь 12**авчрах** CVB.CNGR авчирч Z өгсөн 11**ажиглах** ~ ажиглаж Z байснаа 9**ажил** DAT-POSS.REFL ажилдаа Z явсан 9; ~ NOM ажил Z нь 13; ~ ~ Z хийж 15

- ажиллах** CVB.CNGR *ажиллаж* Z байв 9; ~~~ Z байсан 12
- ажээ** VF.IND.RENARR-EMPH *ажээ энэ* Z 11
- аз** NOM *аз* Z болж 9
- ай & айх** NOM & VF.OPT.IMP *ай* Z даа 35
- айлын & айл** NOM & GEN-NOM *айлын энэ* Z 11
- **алга(н)** REL-NOM *алган* Z дээрээ 11
- алдарших** PC.PRF-NOM *алдаршсан* гэж Z 13
- аль** NOM *аль* Z аль нь 12; ~~~ Z болохоор 40; ~~~ Z вэ 33; ~~~ Z нь 13; ~~~ Z нь ч 11; ~~~ Z ч 27
- ам(ан)** REL-NOM *аман* Z дотроо 13
- ам(ан)** ABL *амнаас* Z нь 11; ~ ABS-NOM *ам* Z нь 48; ~~~ Z руу 11; ~~~ гэж Z 23; ~ REL-DAT-POSS.REFL *амандаа* гэж Z 31; ~ REL-DAT *аманд* Z нь 11
- ам ам(ан)** ACC *амыг* Z нь 14; ~ GEN/ACC *амы* Z нь 9
- амар** NOM *амар их* Z 27
- амжаагүй & амжих** NOM & PC.DUR-CAR-NOM *амжаагүй* Z байтал 10
- амраг** NOM *амраг* Z минь 11
- амьдаар & амьд** NOM & INSTR *амьдаар* Z нь 9
- амьдрал** DAT *амьдралд* Z нь 11; ~ NOM *амьдрал* Z нь 12
- амьдралын & амьдрал** NOM & GEN-NOM *амьдралын* Z тухай 10
- амьсгаа(н)** ABS-NOM *амьсгаа* Z нь 13
- амьсгал** NOM *амьсгал* Z нь 11
- амьтан** NOM *амьтан* Z бэ 26; ~~~ Z даа 14; ~~~ Z шүү 10; ~~~ Z шүү дээ 9; ~~~ Z юм 11; ~~~ гэдэг Z 11
- ангийн & анги & ан(г)** NOM & GEN-NOM & GEN-NOM *ангийн манай* Z 16
- анд & ан** NOM & DAT *анд* Z минь 9
- аних** CVB.MOD *анин тас* Z 10
- анх(ан)** ABS-NOM *анх* Z удаа 48
- анч(ин)** REL-NOM *анчин олон* Z 9
- араас & ар** NOM & ABL *араас* Z нь 71; ~~~ түүний Z 10
- арав (арван)** REL-NOM *арван хэдэн* Z 25
- арай** NOM *арай* Z л 33; ~~~ Z ч 24; ~~~ гэж Z 10
- арга** CAR-NOM *аргагүй* Z болж 9; ~~~ Z л 35; ~~~ Z шүү дээ 9; ~~~ Z юм 9; ~~~ өөр Z 19; ~~~ өөр Z болов 11; ~ NOM *арга* Z алга 11; ~~~ Z нь 24; ~~~ өөр Z 9
- ард** ~ *ард* Z нь 79; ~~~ миний Z 10
- асуулах & асуух** PC.DUR-NOM & VF.IND.PROF-EMPH *асуулаа* гэж Z 19
- асуух** CVB.CNGR *асууж* Z байна 17; ~ CVB.COND1 *асуувал* гэж Z 15; ~ PC.PRF-DAT *асуусанд* гэж Z 12; ~ PC.PROSP-DAT *асуухад* гэж Z 34; ~ VF.IND.AOR *асуув* гэж Z 77
- ах** NOM *ах* Z аа 32; ~~~ Z минь 31; ~~~ Z нь 52; ~~~ Z чинь 20
- ахиад & ахиа & ахих** NOM & DAT & CVB.ANT *ахиад* Z л 11
- ач** NOM *ач* Z нар 10
- аяар** {TEMP}POSS.REFL *аяараа тэр* Z 14
- аяархан** {TEMP}A.ATTEN1-NOM *аяархан гэж* Z 13
- аягүй & ая** NOM & CAR-NOM *аягүй* Z бол 49
- аяга & аяга(н)** NOM & ABS-NOM *аяга нэг* Z 10
- бүүр** NOM *бүүр* Z ч 9
- бүгд** ACC *бүгдийг* Z нь 18
- бүдүүн** NOM *бүдүүн гэж* Z 14
- бүр** ABL *бүрээс* Z нь 9; ~ ACC *бүрийг* нэг Z 18; ~~~ тэр Z 9; ~ DAT *бүрд* Z нь 11; ~ NOM *бүр* Z дээр 15; ~~~ Z ч 92
- бүргэд & бүрэг** NOM & DAT *бүргэд* Z шиг 11
- бүсгүй & бүс & бүс(эн)** NOM & CAR-NOM & CAR-NOM *бүсгүй* Z минь 11
- бүх** GEN/ACC *бүхий* Z л 18; ~ NOM *бүх* Z л 11; ~~~ Z юм 48
- бүхэн** DAT *бүхэнд та* Z 10; ~~~ хэн Z 9; ~~~ энэ Z 9; ~ GEN-NOM *бүхний та* Z 9; ~~~ хэн Z 9; ~ NOM *бүхэн* Z нь 22; ~ POSS.REFL *бүхнээ энэ* Z 9
- баахан** NOM *баахан гэж* Z 11
- бага** ~ *бага* Z боловч 12; ~~~ Z дунд 11
- багш** ~ *багш* Z аа 33; ~~~ Z минь 10; ~~~ Z нар 11; ~~~ Z нарын 9; ~~~ Z нь 22; ~~~ гэж Z 11; ~~~ манай Z 15
- бадарч(ин) & бадрах** ABS-NOM & CVB.CNGR *бадарч* гэж Z 16; ~~~ гээд Z 11
- байдал** NOM *байдал* Z нь 21
- байлгүй** CAR-NOM *байлгүй* Z дээ 37; ~~~ Z яах вэ 9; ~~~ Z яахав 18
- байх** CVB.MOD *байн* Z байн 18; ~ PC.DUR-GEN-NOM *байгаагийн* Z хувьд 10; ~ PC.DUR-GEN/ACC *байгаагий* Z нь 14; ~ PC.PRF-GEN-NOM *байсны* Z нь 11; ~ PC.PROSP-ACC *байхыг* Z үзээд 10; ~~~ Z хараад 17; ~ PC.PROSP-INSTR *байхаар* Z нь 11; ~ PC.PROSP-POSS.REFL *байхаа* Z даа 10; ~ PC.PROSP-QUEST(S) *байхав* Z дээ 19; ~ PC.US-CAR-NOM *байдаггүй* Z юм 15; ~ VF.IND.PRS1 *байна* Z уу 17; ~ VF.OPT.JUSS *байг хэн* Z 18
- *Балданцэрэн(г)** NOM *балданцэрэн* Z ч 9; ~~~ гэвч Z 19; ~~~ гэж Z 23
- балчир** ~ *балчир бага* Z 9
- банди** ~ *банди* Z гуай 18
- бараа & бараа(н) & барах & бар** NOM & ABS-NOM & PC.DUR-NOM & POSS.REFL *бараа* Z нь 9
- бараа & бараа(н) & барах** GEN/ACC & GEN/ACC & PC.DUR-GEN/ACC *бараагий* Z нь 10

- бараг & барах** NOM & VF.OPT.JUSS *бараг* Z л 38; ~ ~ ~ гэж Z 9
- барах** PC.PROSP-NOM *барах* Z уу 9; ~ ~ ~ Z уу даа 11
- баруун** NOM *баруун* Z талд 16; ~ ~ ~ Z талын 20; ~ ~ ~ Z тийш 18; ~ ~ ~ Z хойноос 10; ~ ~ ~ Z хойш 10
- бас** {PART} *бас* Z бий 9; ~ ~ ~ Z л 187; ~ ~ ~ Z ч 75
- бат** NOM *бат* гэж Z 40; ~ ~ ~ гээд Z 19
- баяр** ~ *баяр* гэж Z 11; ~ ~ ~ их Z 11
- баярлалаа & баярлал & баярлах** NOM & POSS.REFL & VF.IND.PROF-EMPH *баярлалаа* их Z 11
- баярлах** CVB.MOD *баярлан* гэж Z 10
- би** DAT *над* Z руу 37; ~ ~ ~ Z шиг 42; ~ GEN-NOM *миний* Z дотор 9; ~ ~ ~ Z дэргэд 11; ~ ~ ~ Z л 14; ~ SBJ *би* Z байна 18; ~ ~ ~ Z бол 41; ~ ~ ~ Z л 30; ~ ~ ~ Z ч 180; ~ ~ ~ Z чинь 59
- **бид(эн)** CVB.MOD & REL-NOM *бидэн* чи Z 11; ~ SBJ *бид* Z нар 12; ~ ~ ~ Z ч 30; ~ ~ ~ Z чинь 18
- бие** ACC *биеийг* Z нь 12; ~ DAT *биед* Z нь 15; ~ GEN-NOM *биеийн* Z минь 9; ~ GEN/ACC *биеий* Z нь 13; ~ NOM *бие* Z минь 20; ~ ~ ~ Z нь 110; ~ ~ ~ Z чинь 19; ~ ~ ~ бүх Z 12; ~ ~ ~ бүх Z нь 21; ~ ~ ~ ганц Z 19; ~ ~ ~ гэж Z 14; ~ ~ ~ миний Z 38; ~ ~ ~ хамаг Z 19; ~ ~ ~ хамаг Z нь 23; ~ POSS.REFL *биеэ* гэж Z 10
- **биен & **бие(н)** DAT *биенд* Z нь 11
- **бил** ? *бил* Z үү 21
- бичих** PC.PRF-NOM *бичсэн* Z нь 17
- богд** GEN-NOM *богдын* Z хүрээ 11
- бодогдох** CVB.MOD *бодогдон* гэж Z 13; ~ VF.IND.AOR *бодогдов* гэж Z 9; ~ VF.IND.PRS1 *бодогдоно* гэж Z 23
- бодол & болох** POSS.REFL & VF.IND.PROF-EMPH *бодлоо* гэж Z 46
- бодол** GEN-NOM *бодлын* нэг Z 10; ~ ~ ~ нэгэн Z 12; ~ NOM *бодол* Z болон 24; ~ ~ ~ Z нь 16; ~ ~ ~ гэдэг Z 25; ~ ~ ~ гэсэн Z 36
- бодон(г) & болох** NOM & CVB.MOD *бодон* гэж Z 129
- бодох** CVB.ANT *бодоод* гэж Z 163; ~ CVB.CNCR *бодож* гэж Z 49; ~ ~ ~ гэж Z байв 9; ~ ~ ~ гэж Z байлаа 12; ~ ~ ~ гэж Z байна 34; ~ ~ ~ гэж Z байна уу 12; ~ ~ ~ гэж Z байсан 11; ~ ~ ~ гэж Z явлаа 11; ~ CVB.CONC *бодовч* гэж Z 11; ~ CVB.PERSEV *бодсоор* гэж Z 16; ~ CVB.TERM *бодтол* гэж Z 18; ~ PC.PRF-NOM *бодсон* гэж Z 53; ~ ~ ~ гэж Z юм 17; ~ PC.PRF-POSS.REFL *бодсоноо* гэж Z 27; ~ PC.PROSP-ABL *бодохоос* гэж Z 45; ~ PC.PROSP-DAT-POSS.REFL *бодохдоо* гэж Z 17; ~ PC.PROSP-DAT *бодоход* гэж Z 61; ~ ~ ~ миний Z 12; ~ ~ ~ нэг Z 9; ~ PC.PROSP-NOM *бодох* гэж Z 21; ~ PC.US-NOM *боддог* гэж Z 26; ~ VF.IND.AOR *бодов* гэж Z 99; ~ VF.IND.PRS1 *бодно* гэж Z 77; ~ VF.IND.RENARR-EMPH *боджээ* гэж Z 29
- болдог & болох** COP.IRREAL & PC.US-COP.IRREAL *болдогсон* Z бол 20; ~ NOM & PC.US-NOM *болдог* Z билээ 10; ~ ~ ~ Z юм 22; ~ ~ ~ Z юм бэ 10
- болдоггүй & болдог & болох** NOM & CAR-NOM & PC.US-CAR-NOM *болдоггүй* Z юм 23
- болол** COM-NOM *бололтой* гэсэн Z 13
- болох** CVB.TERM *болтол* Z нь 15; ~ PC.DUR-CAR-NOM *болоогүй* Z юм шиг 15; ~ PC.PRF-ABL *болсноос* Z хойш 15; ~ PC.PRF-GEN-NOM *болсны* Z дараа 11; ~ ~ ~ Z нь 11; ~ PC.PROSP-ABL *болохоос* Z бийш 26; ~ ~ ~ Z гадна 10
- болчихох** PC.PRF-NOM *болчихсон* Z юм шиг 9
- буй** NOM *буй* Z мэт 14; ~ ~ ~ Z нь 11
- буруу** ~ *буруу* Z харж 13
- бурхан** ~ *бурхан* Z минь 34
- бус** {PART} *бус* Z уу 40
- бусад** ACC *бусдыг* Z нь 13; ~ {ADV}DAT *бусад* Z нь 76
- буу & буух & буу(н)** NOM & VF.OPT.IMP & ABS-NOM *буу* их Z 13
- буудал** NOM *буудал* Z дээр 13
- бууны & буу(н)** NOM & GEN-NOM *бууны* их Z 9
- буцах** CVB.CNCR *буцаж* Z ирлээ 10; ~ ~ ~ Z ирээд 16
- буюу** {PART} *буюу* гэх Z 9
- бэлэн** NOM *бэлэн* Z байна 10
- *вээр** ? *вээр* би Z 11
- гөрөөс(өн) & гөр** ABS-NOM & ABL *гөрөөс* бор Z 11
- гүйн & гүй & гүйх** NOM & GEN-NOM & CVB.MOD *гүйн* Z ирж 17; ~ ~ ~ Z очиж 11
- гүйх** CVB.CNCR *гүйж* Z ирээд 12; ~ ~ ~ Z очоод 11
- гадагш** {LOC}LAT *гадагш* Z гарч 9
- гадна** {LOC}ESS1-ABL *гаднаас* Z нь 9
- газар** NOM *газар* Z байна 9; ~ ~ ~ Z дээр 22; ~ ~ ~ Z нь 46; ~ ~ ~ гэдэг Z 38; ~ ~ ~ зарим Z 12; ~ ~ ~ нэг Z 15; ~ ~ ~ энэ Z 20; ~ POSS.REFL *газраа* Z олж 9
- гайгүй & гай** NOM & CAR-NOM *гайгүй* Z ээ 13
- гайхах** CVB.MOD *гайхан* гэж Z 20
- гал** GEN-NOM *галын* Z дэргэд 23; ~ NOM *гал* Z дээр 11; ~ ~ ~ Z нь 12; ~ ~ ~ Z шиг 13
- *Ганзориг** ~ *ганзориг* гэж Z 11
- ганц** INSTR-POSS.REFL *ганцаараа* би Z 9; ~ NOM *ганц* Z ч 26

- гар** NOM *гар* Z дээр 16; ~~~ Z дээрээ 16; ~~~ Z нь 54
- гар** ABL *гараас* Z нь 22; ~ ACC *гарыг* Z нь 27; ~ GEN/ACC *гары* Z нь 15
- гарах** CVB.CNGR *гарч* гээд Z 11; ~ PC.PROSP-DAT *гарахад* Z нь 10
- гарт** DAT-POSS.REFL *гартаа* Z барьсан 10; ~ DAT *гарт* Z нь 25
- голд** DAT *голд* Z нь 9; ~ NOM *гол* Z нь 39; ~~~ Z шиг 9; ~~~ *хамгийн* Z нь 13
- гурав** ABS-NOM *гурав* бид Z 13; ~~~ *тэр* Z 12; ~~~ *энэ* Z 9; ~ REL-NOM *гурван* Z удаа 10; ~~~ *хэд* Z 15; ~~~ *энэ* Z 11
- гэдэс & гэдэс (гэдсэн)** NOM & ABS-NOM *гэдэс* Z нь 18
- гээг** ~ *гээг* Z нь 11
- гэм** NOM *гэм* Z нь 11; ~ POSS.REFL *гэмээ* Z нь 12
- гэнэт** {TEMP}NOM *гэнэт* гэв Z 18; ~~~ *гээж* Z 17; ~~~ *гэтэл* Z 11
- гэр** A.COM *гэрт* Z нь 29; ~~~ Z орж 19; ~ ABL *гэрээс* Z гарч 17; ~ DAT-POSS.REFL *гэртээ* Z ирж 9; ~~~ Z ирээд 12; ~~~ Z орж 10; ~ GEN-NOM *гэрийн* Z дотор 30; ~ GEN/ACC *гэрий* Z нь 10; ~ NOM *гэр* Z нь 26; ~~~ *бүх* Z 9
- гэрэл** ~ *гэрэл* гээд Z 12
- гэх & **гэл** VF.IND.PROF(Q) & NOM *гэл* Z үү 11
- гэх** CVB.ANT гээд Z л 60; ~ CVB.CNGR *гэж* Z үү 190; ~~~ Z үү дээ 11; ~~~ Z байгаа 63; ~~~ Z байгаа бол 9; ~~~ Z байгаа нь 13; ~~~ Z байгаа юм 12; ~~~ Z байгаа юм шиг 22; ~~~ Z байгааг 20; ~~~ Z байгаад 9; ~~~ Z байдаг 18; ~~~ Z байж 11; ~~~ Z байна 115; ~~~ Z байна уу 18; ~~~ Z байсан 20; ~~~ Z байтал 19; ~~~ Z байх уу 12; ~~~ Z байхад 15; ~~~ Z байхгүй 13; ~~~ Z бий 14; ~~~ Z билээ 15; ~~~ Z гэнэ 9; ~~~ Z дээ 41; ~~~ Z их л 11; ~~~ Z л 24; ~ CVB.TERM *гэтэл* Z энэ нь 9; ~ PC.ACT-NOM *гэгч* Z вэ 13; ~~~ Z нь 46; ~ PC.PRF-NOM *гэсэн* Z билээ 10; ~~~ Z боловч 41; ~~~ Z мэт 35; ~~~ Z нь 17; ~~~ Z ч 41; ~~~ Z чинь 30; ~~~ Z шиг 79; ~~~ Z юм 73; ~~~ Z юм бэ 9; ~~~ Z юм шиг 27; ~ PC.PROSP-DAT-POSS.REFL *гэхдээ* Z л 13; ~ PC.PROSP-DAT *гэхэд* Z нь 269; ~ PC.PROSP-INSTR *гэхээр* Z нь 13; ~ PC.PROSP-NOM *гэх* Z үү 11; ~~~ Z бол 11; ~~~ Z боловч 11; ~~~ Z вэ 61; ~~~ Z вэ дээ 9; ~~~ Z мэт 30; ~~~ Z нь 48; ~~~ Z шиг 45; ~~~ Z юм 16; ~~~ Z юм уу 17; ~ PC.US-NOM *гэдэг* Z бол 46; ~~~ Z дээр 9; ~~~ Z л 11; ~~~ Z нь 95; ~~~ Z ч 12; ~~~ Z чинь 122; ~~~ Z шүү 27; ~~~ Z юм 41; ~ VF.IND.AOR & {PART} *гэв* Z үү 11; ~ VF.IND.PROF-EMPH *гэлээ* Z ч 136; ~ VF.IND.PRS1 *гэнэ* Z үү 14; ~~~ Z билээ 58; ~~~ Z шүү 33; ~~~ Z ээ 16
- гэхэх** VF.IND.AOR *гэхэв* Z дээ 10
- гээ** NOM *гээ* Z вэ 11
- дөрөө(н)** REL-NOM *дөрөөн* Z дээрээ 11
- дүү** NOM *дүү* Z минь 49; ~~~ Z нар 26; ~~~ Z нь 13; ~~~ *миний* Z 26
- дүгэр** ~ *дүгэр* Z гуай 22
- даан & даах** {PART} & CVB.MOD *даан* Z ч 16
- даанч** NOM *даанч* Z алга 11
- даваа(н)** REL-NOM *даваан* Z дээр 23
- давхар** NOM *давхар* хэдэн Z 26
- давхи** CVB.CNGR *давхиж* Z ирээд 12; ~ CVB.MOD *давхин* Z ирж 12
- дандаа** {TEMP} *дандаа* Z л 16
- данзан** NOM *данзан* гэж Z 11
- дараа** {TEMP}DAT *дараад* Z нь 12; ~ {TEMP}NOM *дараа* Z нь 183
- дарга** NOM *дарга* Z аа 9; ~~~ Z минь 12; ~~~ Z нар 26; ~~~ Z нарын 9; ~~~ Z нь 11
- даруй** ~ *даруй* тэр Z 12; ~~~ *энэ* Z 47
- дасал** ~ *дасал* Z болсон 22
- дах** ~ *дах* Z тал 10
- дахиад & дахи** NOM & CVB.ANT *дахиад* Z л 50
- дахин** NOM *дахин* бас Z 14; ~~~ *гэж* Z 33; ~~~ *гээд* Z 11; ~~~ *олон* Z 14; ~~~ *хэд* Z 48
- дахь** {ART}NOM *дахь* Z нь 22
- довчин** NOM *довчин* гэж Z 10
- долгор** ~ *долгор* Z минь 11; ~~~ *гэж* Z 16
- должин** ~ *должин* гэж Z 12
- доор** {LOC}ESS2 *доор* Z нь 13
- доош** {LOC}LAT *доош* Z нь 17; ~~~ Z харан 11
- дор** POSS.REFL *дороо* тэр Z 9; ~ {LOC}ABL *дороос* Z нь 20
- дорж** NOM *дорж* гэж Z 19
- дорхноо** {LOC}A.ATTEN1-POSS.REFL *дорхноо* тэр Z 13
- дотор** ESS2-ABL *дотроос* Z нь 15; ~ {LOC}ESS2-NOM *дотор* Z нь 30; ~ {LOC}ESS2-POSS.REFL *дотроо* гэж Z 66
- дулмаа** NOM *дулмаа* гэж Z 11; ~~~ *гээд* Z 11
- дунд** {LOC}ABL *дундаас* олны Z 9; ~~~ *тэр* Z 33; ~ {LOC}POSS.REFL *дундаа* тэр Z 9; ~ {LOC}TRANSL *дундуур* Z нь 13
- дүү(н)** DAT *дүүнд* Z нь 9
- дүү & дүү(н)** ACC *дүүг* энэ Z 10; ~ CAR-NOM *дүүгүй* Z байснаа 16; ~~~ Z боловч 18; ~ NOM & ABS-NOM *дүү* Z алдан 39; ~~~ Z гарч 18; ~~~ Z нь 41; ~~~ Z ч 9; ~~~ Z шиг 11; ~~~ *гэж* Z 47; ~~~ *гэж* Z алдан 29
- дүү** INSTR *дүүгаар* Z хэлэв 40; ~~~ Z хэлээд 15
- дүүдах** CVB.MOD *дүүдан* гэж Z 10; ~ VF.IND.AOR *дүүдав* гэж Z 9
- дэвсгэр** NOM *дэвсгэр* Z дээр 9

- дэжид** ~ дэжид Z ч 9
дэлхий NOM дэлхий Z дээр 10
дэлхий DAT дэлхийд энэ Z 22
дэлхийн NOM дэлхийн энэ Z 17
дэмий NOM дэмий Z л 92; ~ ~ ~ Z юм 14
дэнж NOM дэнж Z дээр 20
дэргэд {LOC}NOM дэргэд Z нь 27; ~ {LOC} TRANSL дэргэдүүр Z нь 9
дээл NOM дээл Z дээр 24; ~ ~ ~ Z нь 9
дээр {LOC}ABL дээрээс Z нь 11; ~ {LOC}ESS2 дээр Z нь 20
дээш {LOC}LAT дээш Z нь 12
ёс(он) COM-NOM ёстой Z л 91; ~ ~ ~ Z юм 13; ~ GEN-NOM ёсны нэг Z 11; ~ INSTR ёсоор Z нь 11; ~ ~ ~ тэр Z 18
ер DAT-POSS.REFL ердөө Z л 35; ~ NOM ер Z нь 307; ~ ~ ~ Z нь л 11; ~ ~ ~ би Z нь 15; ~ ~ ~ гэж Z 12; ~ ~ ~ чи Z нь 14
ертөнц ~ ертөнц Z дээр 12
жав {PART} жав Z гуай 11
жамбал NOM жамбал гээд Z 11
жанжин ~ жанжин Z аа 10; ~ ~ ~ их Z 18
жаргал ~ жаргал гэж Z 18; ~ ~ ~ гээд Z 13
жигтэйхэн ~ жигтэйхэн гэж Z 15
жил GEN-NOM жилийн Z өмнө 91; ~ ~ ~ Z дараа 16; ~ ~ ~ Z дотор 9; ~ ~ ~ олон Z 25; ~ ~ ~ олон Z өмнө 9; ~ ~ ~ тэр Z 11; ~ ~ ~ хэдэн Z өмнө 30; ~ NOM жил олон Z 53; ~ ~ ~ тэр Z 23; ~ ~ ~ хэдэн Z 33; ~ ~ ~ энэ Z 50
жишээ NOM жишээ Z нь 19
зөвхөн NOM зөвхөн Z л 11
зүүд(эн) & зүү ABS-NOM & DAT зүүд Z шиг 11
зүүдлэх VF.IND.PROF-EMPH зүүдэллээ гэж Z 15
зүүн NOM зүүн Z өмнө 11; ~ ~ ~ Z талаар 9; ~ ~ ~ Z талд 11; ~ ~ ~ Z талын 24; ~ ~ ~ Z тийш 15
зүг ACC зүгийг Z барин 9; ~ INSTR зүгээр Z үү 11; ~ ~ ~ Z л 39; ~ ~ ~ би Z 11; ~ ~ ~ чи Z 17; ~ NOM зүг Z явлаа 14; ~ ~ ~ тэр Z 33
зүйл ACC зүйлийг нэг Z 9; ~ NOM зүйл нэгэн Z 11
зүлгэх CVB.MOD зүлгэн Z дээр 16
зүрх(эн) ACC зүрхийг Z минь 15; ~ ~ ~ Z нь 14; ~ DAT зүрхэнд Z минь 10; ~ ~ ~ Z нь 9; ~ NOM зүрх Z минь 40; ~ ~ ~ Z нь 68
зүс & зүс(эн) NOM & ABS-NOM зүс Z нь 14
за {COMM} за Z даа 18; ~ ~ ~ Z яах вэ 10; ~ ~ ~ Z яахав 47
заах CVB.CNGR зааж Z өгнө 9; ~ CVB.COND1 заавал Z ирнэ 11; ~ VF.OPT.IMP заа буй Z 33
завилах CVB.MOD завилан Z суугаад 10
завсар NOM завсар тэр Z 18; ~ ~ ~ энэ Z 10
залуу ~ залуу гэж Z 11; ~ ~ ~ нэг Z 26; ~ ~ ~ тэр Z 16
зам DAT замд Z нь 12; ~ NOM зам Z дээр 18; ~ ~ ~ Z нь 10
зан(г) ~ зан Z нь 11
зарим ACC заримыг Z нь 10; ~ NOM зарим Z нь 187; ~ ~ ~ Z нэг нь 13
зарлиг ~ зарлиг гэж Z 13; ~ ~ ~ гэж Z болов 63
зах ~ зах Z дээр 11; ~ ~ ~ Z нь 25; ~ ~ ~ Z руу 9
заяа(н) ABS-NOM заяа Z нь 13
зовхи NOM зовхи Z нь 11
зогсох CVB.CNGR зогсож Z байв 32; ~ ~ ~ Z байгаа 33; ~ ~ ~ Z байлаа 26; ~ ~ ~ Z байна 12; ~ ~ ~ Z байсан 24; ~ ~ ~ Z байснаа 11
золиг NOM солиг Z вэ 11
золтой & зол NOM & COM-NOM золтой Z л 20
зориг NOM зориг Z нь 13
зохиолч GEN-NOM зохиолчийн их Z 11
зун NOM зун тэр Z 12
зуны & зун NOM & GEN-NOM зуны Z дунд 11
зураг NOM зураг Z шиг 11
зүү(н) REL-NOM зуун олон Z 11; ~ ~ ~ хэдэн Z 40
зуур GEN-NOM зуурын Z дотор 24; ~ NOM зуур тэр Z 12; ~ ~ ~ энэ Z 52; ~ POSS.REFL зуураа тэр Z 14
зэрэг INSTR зэргээр гэх Z 25; ~ NOM зэрэг Z нь 11; ~ ~ ~ бага Z 28; ~ ~ ~ гэх Z 30; ~ ~ ~ нэг Z 20; ~ ~ ~ нэгэн Z 34
идэх CVB.CNGR идэж Z байгаа 18; ~ PC. PROSP-NOM идэх Z юм 18
ижий NOM ижий Z минь 18; ~ ~ ~ Z нь 12
ийм GEN-NOM иймийн Z тул 11; ~ NOM ийм Z л 37; ~ ~ ~ Z ч 9; ~ ~ ~ Z юм 15
ийш LAT ийш Z тийш 48
илгээх VF.IND.AOR илгээв гэж Z 11
ингэх CVB.ANT ингээд Z л 40; ~ CVB.CNGR ингэж Z л 13; ~ ~ ~ Z явсаар 11
инээд(эн) NOM инээд Z алдан 18; ~ ~ ~ Z нь 9
инээмсэглэх CVB.MOD инээмсэглэн гэж Z 10; ~ PC.PROSP-NOM инээмсэглэх Z мэт 10; ~ VF.IND.AOR инээмсэглэв гээд Z 14
ирмэг NOM ирмэг Z дээр 11
ирэх CVB.ANT ирээд гэж Z л 10; ~ CVB.CNGR ирж энд Z 9; ~ PC.PRF-ABL ирснээс Z хойш 15; ~ PC.PRF-NOM ирсэн гэж Z 13; ~ PC. PROSP-DAT ирэхэд энд намайг Z 11; ~ PC. US-NOM ирдэг Z юм 15; ~ VF.IND.PROF-EMPH ирлээ гэж Z 10
итгэл A.COM-NOM итгэлт гэж Z 48; ~ ~ ~ гэж Z хэлээд 9; ~ ~ ~ гээд Z 35
итгэх CVB.CNGR итгэж Z байна 10
их NOM их Z болж 11; ~ ~ ~ Z л 257; ~ ~ ~ Z юм 31; ~ {ADV} & DAT ихэд гэж Z 9
ихэнх PC.PROSP-NOM ихэнх Z нь 20
ихэр NOM ихэр Z юм шиг 10
лав ~ лав энэ Z 13
лам ~ лам Z нар 38; ~ ~ ~ Z нарын 30
лугаа & луг NOM & POSS.REFL лугаа Z адил 26

- *ЛЭЭ** 0 лээ гэнэ Z 18
мөн {PART} мөн Z үү 16; ~ ~ ~ Z байна 16;
 ~ ~ ~ Z л 202; ~ ~ ~ Z ч 115; ~ ~ ~ гэж Z л 9
мөр NOM мөр Z нь 20
мөрөн & мөр(өн) NOM & REL-NOM мөрөн Z
 дээрээ 17; ~ ~ ~ Z дээр 11
мөрний & мөрөн & мөр(өн) NOM & GEN-
 NOM & REL-GEN-NOM мөрний их Z 18
мөртөө & мөр NOM & DAT-POSS.REFL
 мөртөө тэр Z 25
мөс(өн) REL-NOM мөсөн Z дээр 11; ~ ~ ~ нэг
 Z 11
маань {PART} маань Z ч 14; ~ ~ ~ гэдэг Z 23;
 ~ ~ ~ тэр Z 14; ~ ~ ~ энэ Z 18
магнай DAT магнай Z нь 14
мал NOM мал Z шиг 11; ~ POSS.REFL малаа
 хэдэн Z 9
маргааш {TEMP}NOM маргааш Z нь 107;
 ~ ~ ~ Z явлаа 10
мах(ан) ABS-NOM мах Z нь 12
могой NOM могой Z шиг 10
мод(он) & мод ABS-NOM & NOM мод Z шиг 26
мод(он) REL-NOM модон Z дотор 10; ~ ~ ~ Z
 дээр 12
морь (морин) ACC морийг Z нь 19; ~ ~ COM-
 NOM морьтой хэдэн Z 11; ~ ~ GEN-NOM
 морины Z нь 11; ~ ~ NOM морь Z байна 9;
 ~ ~ ~ Z минь 14; ~ ~ ~ Z нь 50; ~ ~ ~ Z шиг
 16; ~ ~ ~ бор Z 22; ~ ~ PL3-ACC морьдыг
 Z нь 10; ~ ~ REL-NOM морин Z дээр 16;
 ~ ~ ~ Z дээрээ 12
***Москва** NOM москва Z минь 11
муу ~ муу Z байна 9; ~ ~ ~ Z ч 9; ~ ~ ~ Z юм 24;
 ~ ~ ~ манай Z 10; ~ ~ ~ миний Z 11; ~ ~ ~ нөгөө
 Z 9; ~ ~ ~ нэг Z 42; ~ ~ ~ тэр Z 18; ~ ~ ~ чи Z
 11; ~ ~ ~ энэ Z 51
муусайн ~ муусайн энэ Z 11
мэдэх CVB.CNGR мэдэж би Z байна 11; ~ PC.
 DMIN-POSS.REFL мэдэхнээ нэг Z 21; ~ PC.
 PRF-NOM мэдсэн Z бол 14; ~ ~ ~ Z юм 18;
 ~ ~ ~ Z юм шиг 9; ~ PC.PROSP-CAR-NOM
 мэдэхгүй би Z 9; ~ PC.PROSP-DAT мэдэхэд
 нэг Z 95; ~ PC.PROSP-NOM мэдэх хэн Z вэ
 11; ~ VF.IND.AOR мэдэв Z үү 22; ~ VF.IND.
 PROF-EMPH мэдлээ хэн Z 22; ~ VF.IND.
 PRS1 мэднэ би Z 15; ~ VF.OPT.IMP мэд бүү
 Z 120; ~ ~ ~ гэж Z 11; ~ VF.OPT.RECOM
 мэдээрэй гэж Z 11
мэт GEN-NOM мэтийн гэх Z 17; ~ INSTR
 мэтээр гэх Z 9; ~ ~ ~ энэ Z 11
мянга(н) REL-NOM мянган хэдэн Z 14
нөгөө NOM нөгөө Z нь 53; ~ ~ ~ Z хоёр нь 11;
 ~ ~ ~ Z л 9
нөгөөх A.COP нөгөөх Z нь 11
нөхөд GEN-NOM нөхдийн Z хамт 13; ~ NOM
 нөхөд Z минь 24; ~ ~ ~ Z нь 29
нөхөр ~ нөхөр Z минь 34; ~ ~ ~ Z нь 41; ~ ~ ~ Z
 чинь 15
****нүүр(эн)** DAT нүүрэнд Z нь 34; ~ REL-NOM
 нүүрэн Z дээр 9
нүүр ACC нүүрийг Z нь 11; ~ GEN/ACC нүүрий
 Z нь 11; ~ NOM нүүр Z өөд 11; ~ ~ ~ Z нь 33;
 ~ ~ ~ Z рүү нь 9
нүд(эн) ABL нүднээс Z нь 25; ~ ABS-NOM нүд Z
 нь 192; ~ ~ ~ Z чинь 11; ~ ~ ~ Z шиг 15; ~ ACC
 нүдийг Z нь 23; ~ GEN-NOM нүдний Z
 өмнө 13; ~ ~ ~ Z нь 34; ~ GEN-SUBST-NOM
 нүднийх Z нь 11; ~ INSTR нүдээр Z харж 12;
 ~ POSS.REFL нүдээ гэж Z 13; ~ ~ ~ гээд Z
 9; ~ REL-DAT нүдэнд Z нь 109; ~ ~ ~ миний
 Z 11; ~ ~ ~ түүний Z 9; ~ REL-NOM нүдэн
 Z дээр 11
наадах PC.PROSP-NOM наадах Z чинь 29
нааш {LOC}LAT нааш Z нь 11
наваан NOM наваан Z минь 11
найз ~ найз Z аа 10; ~ ~ ~ Z минь 21
намар ~ намар тэр Z 10
намрын & намар NOM & GEN-NOM намрын
 Z дунд 9
нар & нар(ан) ACC & ACC нарыг та Z 44
нарт & нар NOM & A.COM-NOM & DAT
 нарт та Z 41
нас(ан) NOM нас Z минь 28; ~ REL-ABL
 наснаас бага Z 12; ~ REL-DAT-POSS.REFL
 насандаа энэ Z 9; ~ REL-DAT насанд энэ Z
 17
насны & нас(ан) NOM & GEN-NOM насны Z
 минь 19
ногоо(н) REL-NOM ногоон Z дээр 13
нойр NOM нойр Z нь 15
нохой ~ нохой Z нь 17; ~ ~ ~ Z шиг 11
нулимс(ан) REL-NOM нулимс Z нь 14
нуруу(н) NOM нуруу Z нь 15; ~ REL-NOM
 нуруун Z дээр 16
нутаг A.COM-NOM & DAT нутагт энэ Z 11;
 ~ GEN-NOM нутгийн Z минь 17; ~ ~ ~ манай
 Z 11; ~ NOM нутаг Z минь 27; ~ ~ ~ миний Z
 19
нуур & **нуур(ан) NOM & ABS-NOM нуур
 бага Z 10
нэг(эн) ABS-GEN/ACC нэгий Z нь 13; ~ ABS-
 INSTR нэгээр нэг Z нь 13; ~ ABS-NOM нэг Z
 бол 29; ~ ~ ~ Z дор 11; ~ ~ ~ Z л 248; ~ ~ ~ Z
 л биш 11; ~ ~ ~ Z нь 207; ~ ~ ~ Z удаа 84;
 ~ ~ ~ Z ч 69; ~ ~ ~ Z ч үгүй 13; ~ ~ ~ Z юм 74;
 ~ REL-A.COM-NOM нэгэнт Z л 13; ~ REL-
 GEN-NOM нэгний хэн Z 11; ~ REL-NOM
 нэгэн Z адил 18; ~ ~ ~ Z дор 9; ~ ~ ~ Z удаа 25
нэр ACC нэрийг Z нь 14; ~ COM-NOM нэртэй
 гэдэг Z 9; ~ GEN/ACC нэрий Z нь 9; ~ NOM
 нэр Z нь 19; ~ ~ ~ гэдэг Z 9; ~ ~ ~ миний Z 18
нэрлэх PC.US-NOM нэрлэдэг гэж Z 11

- нээрэн** NOM нээрэн Z ч 18
нээрээ ~ нээрээ Z л 11; ~ ~ ~ Z ч 10
ням ~ ням Z гуай 11; ~ POSS.REFL нямаа гэж Z 10
няс NOM няс тас Z 40
овогтон ~ овогтон Z болов 13
огт ~ огт Z болохгүй 10; ~ ~ ~ гэж Z 18
огтхон ~ огтхон Z ч 25
од & од(он) NOM & ABS-NOM од Z шиг 16
одоо {TEMP}NOM одоо Z бол 26; ~ ~ ~ Z болохоор 9; ~ ~ ~ Z л 41; ~ ~ ~ Z хүртэл 26; ~ ~ ~ Z ч 77; ~ ~ ~ Z яах вэ 11; ~ ~ ~ би Z 26; ~ ~ ~ гэтэл Z 27; ~ ~ ~ та Z 17; ~ ~ ~ харин Z 15; ~ ~ ~ чи Z 19
одоохон {TEMP}A.ATTEN1-NOM одоохон би Z 9
ойн NOM ойн тэр Z 11
олон GEN-NOM олны Z өмнө 17; ~ ~ ~ Z дунд 21; ~ NOM олон Z удаа 21; ~ ~ ~ Z ч 10; ~ ~ ~ Z юм 19
орой {TEMP}GEN-NOM оройн Z нар 22; ~ {TEMP}NOM орой Z болж 9; ~ ~ ~ Z дээр 25; ~ ~ ~ Z дээрээ 13; ~ ~ ~ Z нар 11; ~ ~ ~ Z нь 34; ~ ~ ~ нэг Z 18; ~ ~ ~ тэр Z 34; ~ ~ ~ энэ Z 11
оролдоо & оролдох DAT & CVB.ANT оролдоод гэж Z 9
оролдох PC.PRF-NOM оролдсон Z боловч 9; ~ VF.IND.AOR оролдов гэж Z 9
орон DAT оронд Z нь 47; ~ ~ ~ түүний Z 9; ~ GEN-NOM орны Z минь 26; ~ NOM орон Z дээр 41; ~ ~ ~ Z дээрээ 33; ~ ~ ~ Z минь 33
орох PC.PROSP-DAT ороход Z нь 10
орхих PC.PRF-NOM орхисон Z юм 9; ~ VF.IND.PRS1 орхино Z шүү 12
охин NOM охин Z минь 47; ~ ~ ~ Z нь 33; ~ ~ ~ миний Z 18
***Павлов** ~ павлов гэж Z 9
***Петр** ~ петр гээд Z 11
сөхрөх CVB.MOD сөхрөн Z сууж 11
сүү & сүү(н) NOM & ABS-NOM сүү Z шиг 11
сүүдэр NOM сүүдэр Z шиг 9
сүүлд & сүүл NOM & DAT сүүлд Z нь 25; ~ ~ ~ хамгийн Z 10
сүнс(эн) NOM сүнс Z нь 15
сүртэй & сүр NOM & COM-NOM сүртэй Z бөгөөд 11
сүх & **сүх(эн) POSS.REFL сүхээ Z гуай 10
***Сүхбаатар** NOM сүхбаатар гэж Z 11; ~ ~ ~ гээд Z 10
сага & сагах NOM & VF.OPT.IMP сага бага Z 11
сайн NOM сайн Z байна 11; ~ ~ ~ Z байна уу 40; ~ ~ ~ Z мэднэ 31; ~ ~ ~ Z уу 18; ~ ~ ~ Z юм 10; ~ ~ ~ Z явж байна уу 9; ~ ~ ~ маш Z 16; ~ ~ ~ нэг Z 24; ~ ~ ~ тун Z 17
сайхан ~ сайхан Z байна 18; ~ ~ ~ Z бэ 13; ~ ~ ~ Z нь 10; ~ ~ ~ Z ч 20; ~ ~ ~ Z шүү 9; ~ ~ ~ Z юм 26; ~ ~ ~ ийм Z 32; ~ ~ ~ маш Z 10; ~ ~ ~ нэг Z 15; ~ ~ ~ нэгэн Z 15; ~ ~ ~ олон Z 11; ~ ~ ~ тийм Z 13; ~ ~ ~ тун Z 11; ~ ~ ~ тэр Z 31; ~ ~ ~ хамгийн Z 10; ~ ~ ~ энэ Z 42; ~ ~ ~ ямар Z 22
санаа(н) ABS-NOM санаа Z алдан 48; ~ ~ ~ Z нь 48; ~ ~ ~ гэж Z 18; ~ ~ ~ гээд Z 13; ~ DAT санаанд Z нь 27
санагдах CVB.CNGR санагдаж Z байв 13; ~ ~ ~ Z байлаа 15; ~ PC.PROSP-NOM санагдах Z юм 15; ~ PC.US-NOM санагддаг Z юм 11
сан(г) NOM сан Z билээ 11; ~ ~ ~ Z бол 15
санах CVB.ANT санаад гэж Z 11; ~ CVB.CNGR санаж Z байна 16; ~ ~ ~ Z байна уу 18; ~ VF.IND.PRS1 санана гэж Z 34
сандал NOM сандал Z дээр 20
сар ~ сар Z шиг 15; ~ ~ ~ хэдэн Z 12
сарны & сар(ан) NOM & GEN-NOM сарны Z дор 15
сахал NOM сахал Z нь 10
сая {TEMP}ABS-NOM сая Z л 25; ~ {TEMP}DMIN-NOM саяхан тун Z 12
согоо & сог NOM & POSS.REFL согоо Z шиг 11
сонин NOM сонин Z юм 12
сулхан ~ сулхан гэж Z 9
сүм & сүм(ан) NOM & ABS-NOM сүм Z шиг 26; ~ ~ ~ нэг Z 11
сураггүй & сураг NOM & CAR-NOM сураггүй Z алга 10
сүргүүлийн & сүргүүл NOM & GEN-NOM сүргүүлийн их Z 15
сүргүүл NOM сүргүүл их Z 18
суух PC.PROSP-DAT суухад Z нь 13; ~ PC.PROSP-NOM суух Z нь 11; ~ PC.US-NOM суудаг Z юм 9
сэтгэл & сэтгэх POSS.REFL & VF.IND.PROF-EMPH сэтгэлээ гэж Z 12
сэтгэл ABL сэтгэлээс Z нь 9; ~ ACC сэтгэлийг Z нь 40; ~ ~ ~ миний Z 10; ~ ~ ~ түүний Z 15; ~ DAT сэтгэлд Z минь 10; ~ ~ ~ Z нь 111; ~ ~ ~ миний Z 18; ~ GEN-NOM сэтгэлийн Z дотор 10; ~ ~ ~ Z минь 9; ~ GEN/ACC сэтгэлийг Z нь 19; ~ NOM сэтгэл Z минь 29; ~ ~ ~ Z нь 175; ~ ~ ~ гэж Z 52; ~ ~ ~ миний Z 10
төдий ~ төдий Z л 53
төлөө {POST.REL}NOM төлөө миний Z 10
төмөр NOM төмөр гэж Z 32; ~ ~ ~ гээд Z 27
төрийн & төр NOM & GEN-NOM төрийн Z минь 11
төрсөн & төрөх NOM & PC.PRF-NOM төрсөн миний Z 26; ~ ~ ~ Z минь 11
түүгээр NOM түүгээр Z ч 18

- *Түгжил** ~ түгжил гэж Z 9; ~ ~ ~ гээд Z 9
түмэн REL-NOM түмэн олон Z 14
түрүүдэг POSS.REFL түрүүлгээ Z харан 11
түрүүн & түрүү(н) NOM & REL-NOM түрүүн хамгийн Z 29
түрүүнд & түрүүн & түрүү(н) NOM & DAT & DAT түрүүнд хамгийн Z 22
та ACC таныг би Z 25; ~ DAT танд би Z 22; ~ SBJ та Z минь 75; ~ ~ ~ Z нар 246; ~ ~ ~ Z нар минь 14; ~ ~ ~ Z нар чинь 18; ~ ~ ~ Z нарын 45; ~ ~ ~ Z ч 10; ~ ~ ~ Z чинь 17
таарах PC.PROSP-NOM таарах Z вэ 9
тав(ан) REL-NOM таван олон Z 17
тавих PC.PRF-NOM тавьсан Z нь 12; ~ PC.PROSP-NOM тавих Z нь 11
тавцан NOM тавцан Z дээр 10
тал ABL талаас Z нь 31; ~ ~ ~ нөгөө Z 10; ~ DAT талд нөгөө Z 15; ~ GEN-NOM талын их Z 12; ~ ~ ~ нөгөө Z 10; ~ INSTR талаар нөгөө Z 49; ~ ~ ~ нэг Z 26
талбай NOM талбай Z дээр 11
таних PC.PROSP-NOM таних Z уу 11
таслах CVB.MOD таслан Z авч 11
татах CVB.CNGR татаж Z аваад 14; ~ CVB.MOD татан Z авч 23
тийм NOM тийм Z үү 48; ~ ~ ~ Z байна 19; ~ ~ ~ Z байх 9; ~ ~ ~ Z бий 9; ~ ~ ~ Z биш 24; ~ ~ ~ Z бол 19; ~ ~ ~ Z болохоор 14; ~ ~ ~ Z дээ 27; ~ ~ ~ Z л 17; ~ ~ ~ Z л дээ 11; ~ ~ ~ Z ч 53; ~ ~ ~ Z ээ 153; ~ ~ ~ Z юм 16
тийш LAT тийш өөр Z 10
тоглох CVB.CNGR тоглож Z байгаа 9
толгой ACC толгойг Z нь 21; ~ DAT толгойд Z нь 9; ~ GEN-ACC толгойгий Z нь 14; ~ NOM толгой Z дээр 30; ~ ~ ~ Z дээр нь 10; ~ ~ ~ Z дээрээ 14; ~ ~ ~ Z нь 41; ~ ~ ~ Z руу 9; ~ ~ ~ гэж Z 19
толины & толь (толин) NOM & GEN-NOM толины Z өмнө 10
том NOM том Z болоод 10; ~ ~ ~ Z хүрэн 15; ~ ~ ~ ийм Z 9; ~ ~ ~ нэг Z 43; ~ ~ ~ нэгэн Z 10; ~ ~ ~ тийм Z 17; ~ ~ ~ тэр Z 23; ~ ~ ~ хэдэн Z 14; ~ ~ ~ энэ Z 11
тосон & тос(он) & тосох NOM & REL-NOM & CVB.MOD тосон Z авч 10
тулга CVB.CNGR тулгаж Z байгаад 10
тун {PART} тун Z ч 52
тус NOM тус Z болж 14; ~ ~ ~ Z болох 10
тусмаа & тусам NOM & POSS.REFL тусмаа тэр Z 11
тухай {POST.REL}DAT тухайд Z бол 9; ~ ~ ~ энэ Z 17
тушаах VF.IND.AOR тушаав гэж Z 11
тэврэх CVB.MOD тэврэн Z авч 18
тэгэх CVB.ANT тэгээд Z л 77; ~ ~ ~ Z ч 67; ~ ~ ~ бас Z 61; ~ ~ ~ та Z 9; ~ ~ ~ чи Z 18; ~ CVB.CNGR тэгж Z байтал 20; ~ ~ ~ Z л 9; ~ CVB.CONDI тэгвэл Z ч 11; ~ CVB.TERM тэгтэл Z ч 11; ~ PC.MERIT1-CAR-NOM тэгэлгүй Z яахав 24; ~ PC.PRF-NOM тэгсэн Z бол 11; ~ ~ ~ Z чинь 24; ~ PC.PROSP-CAR-NOM тэгэхгүй Z бол 11; ~ PC.PROSP-DAT тэгэхэд Z нь 11; ~ ~ ~ би Z 9; ~ PC.PROSP-INSTR тэгэхээр Z нь 18; ~ PC.PROSP-NOM тэгэх Z үү 12
тэд PL3-NOM тэд Z нар 11; ~ ~ ~ Z чинь 10; ~ PL3-REL-GEN-NOM тэдний Z дунд 14
тэнгэр GEN-NOM тэнгэрийн Z дор 11; ~ NOM тэнгэр Z өөд 14; ~ ~ ~ Z минь 18; ~ ~ ~ Z шиг 11
тэнд DAT-ABL тэндээс энд Z 11; ~ DAT-CAR-NOM тэндгүй энд Z 28; ~ DAT тэнд энд Z 70; ~ ~ ~ энд Z нь 9
тэр ABL түүнээс Z биш 15; ~ ACC түүнийг Z нь 12; ~ DAT түүнд Z нь 11; ~ GEN-NOM түүний Z өмнө 9; ~ ~ ~ Z дотор 13; ~ ~ ~ Z нь 33; ~ GEN-SUBST-POSS.REFL түүнийхээ Z дээр 10; ~ NOM тэр Z үү 43; ~ ~ ~ Z байлаа 13; ~ ~ ~ Z байна 13; ~ ~ ~ Z байтугай 26; ~ ~ ~ Z билээ 21; ~ ~ ~ Z бол 52; ~ ~ ~ Z вэ 37; ~ ~ ~ Z гэх вэ 14; ~ ~ ~ Z дунд 21; ~ ~ ~ Z дээ 11; ~ ~ ~ Z л 44; ~ ~ ~ Z минь 32; ~ ~ ~ Z нь 130; ~ ~ ~ Z тухай 14; ~ ~ ~ Z ч 48; ~ ~ ~ Z ч байтугай 35; ~ ~ ~ Z ч яахав 11; ~ ~ ~ Z чинь 66; ~ ~ ~ Z ээ 11; ~ REL-NOM түүн Z дээр 18; ~ ~ ~ Z рүү 10; ~ ~ ~ Z шиг 12
тэр ACC тэрийг энэ Z 49
тэргээ NOM тэртээ Z дор 9
тэрэг (тэргэн) ~ тэрэг Z нь 10; ~ REL-NOM тэргэн Z дээр 11
уг NOM уг Z нь 164
угтах CVB.MOD угтан Z авч 18
удаа DAT удаад энэ Z 21
удах PC.PRF-NOM удсан Z ч үгүй 27
уйл NOM уйл битгий Z 9
улам ~ улам Z л 18; ~ ~ ~ Z ч 70
улс GEN-NOM улсын олон Z 17; ~ NOM улс Z вэ 20; ~ ~ ~ Z юм 11
унах CVB.CNGR унаж Z яваа 10
унд & ун NOM & DAT унд Z хийж 9
унтах CVB.CNGR унтаж Z байгаа 18; ~ ~ ~ Z байлаа 10
урам NOM урам Z нь 11
ургах PC.US-NOM ургадаг Z юм 9
урд {LOC}DAT-ABL урдаас Z нь 11; ~ {LOC}DAT-TRANSL урдуур Z нь 10; ~ {LOC}DAT урд Z нь 14; ~ ~ ~ Z талын 12
урсах CVB.CNGR урсаж Z байгаа 10
уруул NOM уруул Z нь 21
урьд {TEMP}GEN-NOM урьдын Z адил 9; ~ {TEMP}NOM урьд Z өмнө 34; ~ ~ ~ Z нь 19
ус(ан) ABS-NOM ус Z нь 24; ~ ~ ~ Z руу 19;

- ~ ~ ~ Z шиг 18; ~ DAT усанд Z орж 14;
 ~ GEN-NOM усны их Z 9; ~ REL-NOM усан
 Z дотор 10; ~ ~ ~ Z дээр 10
утга NOM утга Z нь 11
утгатай & утга NOM & COM-NOM утгатай
 гэсэн Z 9
уул(ан) ABS-NOM & NOM уул Z өөд 12; ~ ~ ~ Z
 нь 32; ~ ~ ~ Z шиг 16; ~ ~ ~ энэ Z 11
уул GEN-NOM уулын тэр Z 11; ~ ~ ~ энэ Z 14
уулга NOM уулга Z алдан 9
уур NOM уур Z нь 14
ухаан ~ ухаан Z алдан 11; ~ ~ ~ Z нь 29; ~ ~ ~ Z
 орж 11
учир ACC учрыг Z мэдэж 9; ~ ~ ~ Z нь 10;
 ~ ~ ~ Z олж 11; ~ GEN/ACC учры Z нь 11;
 ~ {PART}ABL учраас энэ Z 50; ~ {PART}
 NOM учир Z нь 55
уяа(н) REL-NOM уяан Z дээр 17
хөөрхий NOM хөөрхий Z минь 33
хөл ACC хөлийг Z нь 11; ~ DAT хөлд Z нь 18;
 ~ GEN/ACC хөлий Z нь 14; ~ NOM хөл Z
 алдан 14; ~ ~ ~ Z дээрээ 23; ~ ~ ~ Z нь 65
хөлс(өн) ~ хөлс Z нь 14
хөмсөг ~ хөмсөг Z нь 18
хөрөнгө ~ хөрөнгө эд Z 12
хүү GEN-NOM хүүгийн Z минь 9; ~ NOM хүү Z
 минь 253; ~ ~ ~ Z нь 104; ~ ~ ~ Z ч 13; ~ ~ ~ Z
 чинь 22; ~ ~ ~ ганц Z 9; ~ ~ ~ гэхэд Z 13;
 ~ ~ ~ миний Z 103; ~ ~ ~ энэ Z 11; ~ POSS.
 REFL хүүгээ ганц Z 9
хүүхэд N.PL4A-NOM хүүхдүүд Z минь 20;
 ~ ~ ~ Z нь 13; ~ NOM хүүхэд Z вэ 9; ~ ~ ~ Z
 минь 10; ~ ~ ~ Z нь 17; ~ ~ ~ Z шиг 62; ~ ~ ~ нэг
 Z 9
хүүхэн ~ хүүхэн энэ Z 12
хүзүү(н) INSTR хүзүүгээр Z нь 10
хүлээх CVB.CNGR хүлээж Z байгаа 11; ~ ~ ~ Z
 байлаа 11; ~ ~ ~ Z байна 9; ~ ~ ~ Z байсан 11;
 ~ CVB.MOD хүлээн Z авч 20
хүмүүс GEN-NOM хүмүүсийн Z дунд 11;
 ~ NOM хүмүүс Z ч 18; ~ ~ ~ зарим Z 13;
 ~ ~ ~ Z нь 9
хүн ACC хүнийг нэг Z 11; ~ ~ ~ тэр Z 20;
 ~ ~ ~ энэ Z 26; ~ DAT хүнд нэг Z 11; ~ ~ ~ тэр
 Z 11; ~ ~ ~ энэ Z 17; ~ GEN-NOM хүний Z
 дотор 11; ~ ~ ~ Z тухай 9; ~ ~ ~ Z хувь 11;
 ~ ~ ~ нэг Z 20; ~ ~ ~ олон Z 26; ~ ~ ~ тэр Z 29;
 ~ ~ ~ хэдэн Z 9; ~ ~ ~ хэн Z 11; ~ ~ ~ энэ Z 22;
 ~ NOM хүн Z үү 18; ~ ~ ~ Z алга 19; ~ ~ ~ Z
 бөгөөд 12; ~ ~ ~ Z байж 13; ~ ~ ~ Z байжээ
 10; ~ ~ ~ Z байлаа 22; ~ ~ ~ Z байна 35; ~ ~ ~ Z
 байна даа 9; ~ ~ ~ Z байсан 14; ~ ~ ~ Z байсан
 юм 10; ~ ~ ~ Z байтугай 10; ~ ~ ~ Z байх 9;
 ~ ~ ~ Z бий 11; ~ ~ ~ Z билээ 13; ~ ~ ~ Z биш
 40; ~ ~ ~ Z бол 33; ~ ~ ~ Z болж 36; ~ ~ ~ Z
 боловч 9; ~ ~ ~ Z болох 9; ~ ~ ~ Z болохоор 28;
 ~ ~ ~ Z болохыг 9; ~ ~ ~ Z бэ 50; ~ ~ ~ Z гарч
 11; ~ ~ ~ Z дээ 47; ~ ~ ~ Z ирж 15; ~ ~ ~ Z л
 15; ~ ~ ~ Z нь 25; ~ ~ ~ Z тул 11; ~ ~ ~ Z ч 43;
 ~ ~ ~ Z чинь 22; ~ ~ ~ Z шүү 42; ~ ~ ~ Z шүү
 дээ 31; ~ ~ ~ Z шиг 87; ~ ~ ~ Z юм 41; ~ ~ ~ Z
 юм даа 12; ~ ~ ~ өөр Z 25; ~ ~ ~ өнөөх Z 9;
 ~ ~ ~ би Z 15; ~ ~ ~ би гэдэг Z 15; ~ ~ ~ ганц Z
 10; ~ ~ ~ гэвч Z 9; ~ ~ ~ гэдэг Z 18; ~ ~ ~ гэж Z
 9; ~ ~ ~ зарим Z 11; ~ ~ ~ нөгөө Z 25; ~ ~ ~ нэг Z
 89; ~ ~ ~ олон Z 47; ~ ~ ~ тийм Z 10; ~ ~ ~ тэр
 Z 92; ~ ~ ~ хэдэн Z 40; ~ ~ ~ энэ Z 67; ~ ~ ~ энэ
 Z бол 10; ~ ~ ~ ямар Z 10
хүнтэй & хүн NOM & COM-NOM хүнтэй өөр
 Z 11
хүрэлцэх CVB.MOD хүрэлцэн Z ирж 9
хүрэх CVB.ANT хүрээд Z ирлээ 15
хүрээ(н) REL-NOM хүрээн Z дээр 11
хүсэл NOM хүсэл Z нь 11
хүсэх CVB.CNGR хүсэж Z байна 9
хаа {ADV}ESS1 хаана Z байна 31; ~ ~ ~ Z байна
 вэ 9; ~ ~ ~ Z вэ 32; ~ ~ ~ Z ч 9; ~ {ADV}LAT-
 POSS.REFL хаашаа Z ч 17; ~ {ADV}NOM
 хаа Z байна 26; ~ ~ ~ Z ч 15
хаалга(н) REL-NOM хаалган Z дээр 16
хаалга(н) ABS-NOM хаалга Z нь 9; ~ ~ ~ Z руу
 10
хаан & хаана ABL хаанаас Z даа 13; ~ ~ ~ Z ч 9
хажуу(н) {LOC}REL-ABL хажуунаас Z нь 10
хажуу {LOC}ABS-ABL хажуугаас Z нь 14;
 ~ {LOC}DAT хажууд Z нь 65; ~ {LOC}
 INSTR хажуугаар Z нь 26; ~ {LOC}NOM
 хажуу Z тийш 11
хайрт & хайр NOM & A.COM-NOM & DAT
 хайрт Z минь 17; ~ ~ ~ миний Z 9
хайртай & хайр NOM & COM-NOM хайртай
 би Z 11
хамаг NOM хамаг Z юм 10
хамар ~ хамар Z нь 19
хар & харах NOM & VF.OPT.IMP хар Z юм 21;
 ~ ~ ~ гэж Z 10; ~ ~ ~ нэг Z 14; ~ ~ ~ тас Z 17;
 ~ ~ ~ тэр Z 11; ~ ~ ~ энэ Z 13
харагдах CVB.CNGR харагдаж Z байгаа
 11; ~ ~ ~ Z байна 18; ~ PC.PROSP-NOM
 харагдах Z нь 10
харамсалтай & харамсал NOM & COM-NOM
 харамсалтай Z нь 12
харамсах CVB.MOD харамсан гэж Z 9
харанхуй GEN-NOM харанхуйн Z дунд 15;
 ~ NOM харанхуй тас Z 13
харах CVB.ANT хараад үүнийг Z 9; ~ PC.PRF-
 NOM харсан нэг Z чинь 9; ~ PC.PROSP-DAT
 харахад нэг Z 11
харин {PART} харин Z ч 92; ~ ~ ~ Z ээ 13
хариу & хариу(н) NOM & ABS-NOM хариу
 өөр Z 10; ~ ~ ~ гэж Z 15
хариуд & хариу NOM & DAT хариуд Z нь 92

- хариулах** VF.IND.AOR *хариулав* гэж Z 25
хатуу NOM *хатуу* гэж Z 9
хацар A.COM-NOM & DAT *хацарт* Z нь 14;
 ~ ACC *хацрыг* Z нь 13; ~ NOM *хацар* Z дээр
 9; ~ ~ ~ Z нь 11
хачин NOM & CVB.MOD *хачин* Z юм 11
****хашгирах** CVB.ANT *хашгираад* гэж Z 23;
 ~ CVB.MOD *хашгиран* гэж Z 33; ~ PC.
 PROSP-NOM *хашгирах* гэж Z 10; ~ VF.
 IND.AOR *хашгирав* гэж Z 36
хийх CVB.TERM *хийтэл тас* Z 9; ~ PC.US-
 NOM *хийдэг* Z юм 9; ~ VF.OPT.IMP *хий* Z
 л 11
****хичнээн** NOM *хичнээн* Z ч 29; ~ ~ ~ гэж Z 11
хичээл ~ *хичээл* Z дээр 11
хоёр ACC *хоёрыг бид* Z 34; ~ ~ ~ *та* Z 11;
 ~ ~ ~ *тэр* Z 31; ~ ~ ~ *энэ* Z 9; ~ NOM *хоёр* Z
 л 11; ~ ~ ~ Z нь 55; ~ ~ ~ Z *талд* 10; ~ ~ ~ Z
талын 19; ~ ~ ~ Z *тийш* 9; ~ ~ ~ Z *удаа* 18;
 ~ ~ ~ Z ч 30; ~ ~ ~ Z *шиг* 12; ~ ~ ~ *бас* Z 10;
 ~ ~ ~ *би* Z 9; ~ ~ ~ *бид* Z 264; ~ ~ ~ *ганц* Z 21;
 ~ ~ ~ гэж Z 18; ~ ~ ~ *манай* Z 12; ~ ~ ~ *миний*
 Z 13; ~ ~ ~ *нөгөө* Z 27; ~ ~ ~ *нэг* Z 28; ~ ~ ~ *та*
 Z 70; ~ ~ ~ *тэр* Z 166; ~ ~ ~ *чи бид* Z 42;
 ~ ~ ~ *энэ* Z 83
хог ~ *хог* Z дээр 11
хоёр ABS-GEN-NOM *хоёрын* Z дунд 9; ~ ~ ~ *бид*
 Z 50; ~ ~ ~ *та* Z 15; ~ ~ ~ *тэр* Z 26; ~ ~ ~ *чи*
бид Z 11; ~ ~ ~ *энэ* Z 19; ~ DAT *хоёрт бид* Z
 21
хожим {TEMP} *хожим* Z нь 10
хойд & хой NOM & DAT *хойд* Z *талын* 9
хойно {LOC}ESS1-ABL *хойноос* Z нь 36;
 ~ ~ ~ *миний* Z 12; ~ ~ ~ *түүний* Z 19; ~ {LOC}
 ESS1-NOM *хойно түүний* Z 13
хойш {LOC}LAT *хойш түүнээс* Z 55
хонгор NOM *хонгор* Z *минь* 30; ~ ~ ~ гэж Z 23;
 ~ ~ ~ *гээд* Z 14
хоног NOM *хоног олон* Z 24; ~ ~ ~ *хэд* Z 47;
 ~ ~ ~ *хэдэн* Z 17
хоногийн & хоног NOM & GEN-NOM
хоногийн Z *өмнө* 19; ~ ~ ~ Z *дараа* 26; ~ ~ ~ Z
дотор 16; ~ ~ ~ *хэд* Z *дараа* 11; ~ ~ ~ *хэдэн* Z
дараа 11
хонь (хонин) NOM *хонь* Z нь 9
хоол(он) ~ *хоол* Z *хийж* 36
хоолой DAT *хоолойд* Z нь 11; ~ NOM *хоолой* Z
 нь 35; ~ ~ ~ гэж Z 13
хооронд {LOC}NOM *хооронд* Z нь 18; ~ ~ ~ *энэ*
 Z 20
хорвоо DAT *хорвоод энэ* Z 13; ~ GEN-NOM
хорвоогийн энэ Z 12; ~ NOM *хорвоо* Z дээр
 18; ~ ~ ~ *энэ* Z дээр 9
хот ~ *хот* Z руу 14
хувцас(ан) ~ *хувцас* Z нь 9
худал ~ *худал* гэж Z 10
худалдах CVB.CNGR *худалдаж* Z *авсан* 12
хурал GEN-NOM *хурлын их* Z 10
хуруу & хуруу(н) NOM & ABS-NOM *хуруу* Z
 нь 10
хурц NOM *хурц* Z *нар* 10
хуяг ~ *хуяг* гэж Z 11
хэд(эн) GEN-ACC *хэдий* Z нь 9; ~ ~ ~ Z ч 16;
 ~ ~ ~ *аль* Z нь 18; ~ REL-NOM *хэдэн* Z *удаа*
 20
хэдий GEN-NOM *хэдийн аль* Z 68
хэдийнээ & хэдийн NOM & POSS.REFL
хэдийнээ аль Z 11
хэзээ {TEMP}NOM *хэзээ* Z ч 113
хэл(эн) NOM & VF.OPT.IMP *хэл* Z *мэдэхгүй*
 10; ~ ~ ~ Z нь 11; ~ ~ ~ *бүү* Z 28; ~ ~ ~ *битгий*
 Z 29; ~ ~ ~ гэж Z 11
хэлүүлэх PC.PRF-NOM *хэлүүлсэн* Z нь 18
хэлэх VF.IND.PROF-EMPH *хэллээ* гэж Z 13
хэлэх CVB.MOD *хэлэн* гэж Z 11
хэлэх CVB.ANT *хэлээд* гэж Z 99; ~ CVB.CNGR
хэлж гэж Z 18; ~ CVB.TERM *хэлтэл* гэж
 Z 9; ~ PC.PRF-NOM *хэлсэн* гэж Z 27; ~ PC.
 PROSP-DAT *хэлэхэд* гэж Z 22; ~ ~ ~ гэж
 Z нь 10; ~ PC.PROSP-NOM *хэлэх* гэж Z
 26; ~ VF.IND.AOR *хэлэв* гэж Z 60; ~ VF.
 IND.PRS1 *хэлнэ* Z вэ 9; ~ VF.OPT.RECOM
хэлээрэй гэж Z 11
хэмээх CVB.MOD *хэмээн* Z *бодож* 22
хэн ABL *хэнээс* Z ч 19; ~ ACC *хэнийг* Z ч 14;
 ~ COM-NOM *хэнтэй* Z ч 14; ~ DAT *хэнд* Z
 ч 49; ~ GEN-NOM *хэний* Z ч 14; ~ SBJ *хэн* Z
байх билээ 10; ~ ~ ~ Z *билээ* 17; ~ ~ ~ Z *боловч*
 11; ~ ~ ~ Z *болохыг* 15; ~ ~ ~ Z *бэ* 48; ~ ~ ~ Z
 нь 29; ~ ~ ~ Z нь ч 15; ~ ~ ~ Z *нэг нь* 16; ~ ~ ~ Z
хэн нь 13; ~ ~ ~ Z ч 107; ~ ~ ~ Z ч *үгүй* 14;
 ~ ~ ~ Z ч *мэдэхгүй* 12
хэр {ADV} *хэр* Z нь 25; ~ ~ ~ *аль* Z 13; ~ ~ ~ *энэ*
 Z 11
хэрэг COM-NOM *хэрэгтэй* Z *байлаа* 11; ~ ~ ~ Z
байна 10; ~ ~ ~ Z *болов* 11; ~ ~ ~ Z юм 17;
 ~ NOM *хэрэг* Z үү 56; ~ ~ ~ Z *алга* 20; ~ ~ ~ Z
байлаа 16; ~ ~ ~ Z *байна* 9; ~ ~ ~ Z *биш* 22;
 ~ ~ ~ Z *болно* 16; ~ ~ ~ Z *вэ* 32; ~ ~ ~ Z *дээ* 9;
 ~ ~ ~ Z *дээрээ* 11; ~ ~ ~ Z нь 11; ~ ~ ~ Z *ээ* 18;
 ~ ~ ~ *гэсэн* Z 11; ~ ~ ~ *их* Z 9; ~ ~ ~ *хамаг* Z 9;
 ~ ~ ~ *энэ* Z 9
хэсэг DAT-POSS.REFL *хэсэгтээ нэг* Z 9;
 ~ NOM *хэсэг* Z нь 17; ~ ~ ~ гэж Z 9; ~ ~ ~ *нэг*
 Z 106; ~ ~ ~ *нэг* Z нь 9; ~ ~ ~ *нэгэн* Z 33
хэцүү ~ *хэцүү* Z юм 11
цөм ACC *цөмийг* Z нь 11; ~ NOM *цөм* Z л 11
цаадах PC.PROSP-NOM *цаадах* Z нь 25; ~ ~ ~ Z
 чинь 21
цаана {LOC}ESS1-NOM *цаана* Z нь 20; ~ ~ ~ Z
 чинь 13
цаас(ан) REL-NOM *цаасан* Z дээр 18

- цааш** {LOC}LAT *цааш* Z нь 33; ~~~ Z явлаа 11; ~~~ гээд Z 13; ~~~ гээд Z нь 9; ~~~ түүнээс Z 9
- цаг** ABL *цагаас тэр* Z хойш 18; ~ DAT *цагт* Z нь 12; ~~~ нэгэн Z 40; ~~~ тэр Z 60; ~ GEN-NOM *цагийн* Z дараа 10; ~~~ тэр Z 13; ~ NOM *цаг* Z боллоо 11; ~~~ Z болсон 15; ~~~ Z нь 11
- цагаан** ~ *цагаан* Z тал 14
- цай** NOM *цай* Z хийж 11
- цамба** NOM *цамба* гэж Z 11
- царай** COM-NOM *царайтай бор* Z 11; ~ DAT *царайд* Z нь 19; ~ NOM *царай* Z гарган 21; ~~~ Z нь 116
- цас(ан)** REL-NOM *цасан* Z дээр 13
- цас & цас(ан)** NOM & ABS-NOM *цас* Z шиг 11
- цус(ан)** NOM *цус* Z болсон 11
- цэрэг** ~ *цэрэг бүх* Z 9
- цэцэг** ~ *цэцэг* Z шиг 16
- цээж** ~ *цээж* Z нь 18
- **цээжин** DAT-POSS.REFL *цээжинд* Z нь 16
- чадах** PC.PROSP-NOM *чадах* Z билээ 13; ~ VF. IND.PRS1 *чадна эс* Z 9
- чи** ABL *чамаас би* Z 12; ~ GEN-NOM *чиний* Z минь 9; ~ NOM *чам* Z шиг 31; ~ POSS.REFL *чамайгаа би* Z 9; ~ SBJ *чи* Z бол 16; ~~~ Z л 17; ~~~ Z минь 90; ~~~ Z ч 52; ~~~ Z чинь 58
- чигээрээ & чиг** NOM & INSTR-POSS.REFL *чигээрээ тэр* Z 20
- чимээ(н)** ABS-NOM *чимээ* Z гарч 21; ~~~ Z нь 11
- чимээгүй & чимээ(н)** NOM & CAR-NOM *чимээгүй* Z болов 13
- *Чингис** NOM *чингис бас* Z 29
- чингэж & чингэх** NOM & CVB.CNGR *чингэж* Z байтал 11
- чих(эн)** NOM *чих* Z нь 18; ~ REL-DAT *чихэнд* Z нь 18
- чичрэх** CVB.CNGR *чичирч* Z байлаа 10
- **чогжмаа** NOM? *чогжмаа* Z гуай 12
- чоно(н)** NOM *чоно* Z шиг 12
- чулуу(н)** ~ *чулуу* Z шиг 18
- чулуу(н)** NOM & REL-NOM *чулуун* Z дээр 33; ~~~ Z минь 10; ~~~ гэж Z 12
- чухам** NOM *чухам* Z л 11
- шөнө** ~ *шөнө* Z дунд 18; ~~~ Z нь 17; ~~~ нэг Z 12; ~~~ тэр Z 43; ~~~ энэ Z 21
- шүүрэх** CVB.CNGR *шүүрч* Z аваад 10; ~ CVB. MOD *шүүрэн* Z авч 41
- шүд(эн)** NOM *шүд* Z нь 18
- шалан(г)** NOM *шалан* Z дээр 20
- шар** NOM *шар* Z нар 13; ~~~ Z нь 11
- шарав** NOM *шарав* Z гуай 11
- шарил** ACC *шарилыг* Z эргэн 11
- шив** {PART} *шив* Z дээ 57
- шивнэх** CVB.MOD *шивнэн гэж* Z 17; ~ VF. IND.AOR *шивнэв гэж* Z 11
- шивэгнэх** ~ *шивэгнэв гэж* Z 11
- шийдэх** CVB.ANT *шийдээд гэж* Z 11
- шил & шил(эн)** NOM & ABS-NOM *шил нэг* Z 9
- ширтэх** CVB.CNGR *ширтэж* Z байснаа 12
- ширээ(н)** REL-NOM *ширээн* Z дээр 40
- *Шонхолой** NOM *шонхолой гэж* Z 13
- шороо(н) & шор** ABS-NOM & POSS.REFL *шороо* Z нь 12
- шувуу** NOM *шувуу* Z шиг 24
- шууд & шүү** NOM & DAT *шууд* Z л 16; ~~~ Z явсаар 10; ~~~ гэж Z 11
- эвий** NOM *эвий* Z минь 21
- эгч** ~ *эгч* Z минь 14; ~~~ Z нь 11
- эгчмэд** ~ *эгчмэд* Z нь 15
- эгэх** PC.DUR-NOM *эгээ* Z л 25
- эд** PL3-NOM *эд* Z бол 11; ~~~ Z нар 19; ~~~ Z чинь 10; ~~~ Z юм 9
- эдний & эдэн** NOM & GEN-NOM *эдний* Z дунд 11
- эжий** NOM *эжий* Z минь 13
- ээд & эз** NOM & DAT *ээд* Z нь 10
- эзэн** NOM *эзэн* Z минь 12; ~~~ Z нь 41
- элдэв & элдэх** NOM & VF.IND.AOR *элдэв* Z юм 11
- элсэн & элс(эн)** NOM & REL-NOM *элсэн* Z дээр 11
- эмгэн** NOM *эмгэн* Z нь 21; ~~~ гэж Z 11
- эмээл** ~ *эмээл* Z дээрээ 16
- энд** DAT *энд* Z байгаа 10; ~~~ Z чинь 10
- энэ** ABL *үүнээс* Z хойш 33; ~ DAT *үүнд* Z нь 25; ~ GEN-NOM *үүний* Z нь 11; ~ NOM *энэ* Z үү 25; ~~~ Z бүхэн нь 10; ~~~ Z байжээ 10; ~~~ Z байна 22; ~~~ Z билээ 26; ~~~ Z бол 288; ~~~ Z вэ 48; ~~~ Z дээ 20; ~~~ Z л 34; ~~~ Z мэт 21; ~~~ Z нь 174; ~~~ Z нь бол 10; ~~~ Z тухай 36; ~~~ Z удаа 62; ~~~ Z удаа ч 9; ~~~ Z ч 55; ~~~ Z чинь 202
- эр** ~ *эр* Z болж 10; ~~~ Z нь 10; ~~~ Z юм даа 9; ~~~ нэг Z 11; ~~~ тZ эр 13
- эргэцүүлэх** CVB.MOD *эргэцүүлэн* Z бодож 10
- эрдэнэ** GEN-NOM *эрдэнийн гэж* Z хэлэхэд 13; ~ NOM *эрдэнэ* Z гуай 9; ~~~ Z минь 31; ~~~ гэж Z 57; ~~~ гэж Z хэлэв 12; ~~~ гээд Z 40
- эрт & эрт(эн) & эр & эр** {TEMP}NOM & ABS-NOM & A.COM-NOM & DAT *эрт аль* Z 20
- эрхт** NOM *эрхт бүрэн* Z 13
- эрэг** NOM *эрэг* Z дээр 31; ~~~ Z рүү 10
- эс** {PART} *эс* Z бол 26
- эсэх** {PART}CVB.COND1 *эсвэл аль* Z 28
- эх & эх(эн)** NOM & ABS-NOM *эх* Z болсон 13; ~~~ Z нь 77; ~~~ миний Z 10
- эхнэр** NOM *эхнэр* Z минь 11; ~~~ Z нь 44
- эцсийн** ~ *эцсийн* Z удаа 9

эцэг ~ **эцэг** Z минь 18; ~ ~ ~ Z нь 48; ~ ~ ~ Z чинь 11

эцэст & эцэс NOM & DAT **эцэст** Z нь 146

ээ {PART} **ээ** Z дээ 52

ээж GEN-NOM **ээжийн** Z минь 17; ~ NOM **ээж** Z минь 59; ~ ~ ~ Z нь 56; ~ ~ ~ Z чинь 12; ~ ~ ~ Z ээ 27; ~ ~ ~ **гээж** Z 18

юү & юү(н) NOM & ABS-NOM **юү** Z вэ 14; ~ ~ ~ Z ч 11

юм(ан) CAR-NOM **юмгүй өөр** Z 11; ~ REL-NOM **юман** Z дээр 9

юм & юм(ан) ACC & ACC **юмыг** Z нь 11; ~ ~ ~ Z **яаж мэдэх вэ** 11; ~ {PART} EMPH & POSS. REFL **юмаа хамаг** Z 11

юм COP.IRREAL & REL-NOM **юмсан** Z уу 11

юү(н) ABL **юунаас** Z ч 9; ~ DAT **юунд** Z ч 14; ~ ~ ~ **чи** Z 13; ~ GEN-NOM **юуны** Z өмнө 37; ~ ~ ~ Z урьд 27; ~ ~ ~ Z чинь 11; ~ REL-NOM **юун** Z ч 10

юү & юү(н) {PART} & ABS-NOM **юү** Z байдаг билээ 11; ~ ~ ~ Z байна 19; ~ ~ ~ Z байх билээ 15; ~ ~ ~ Z байх вэ 33; ~ ~ ~ Z билээ 68; ~ ~ ~ Z бодож 13; ~ ~ ~ Z болж 11; ~ ~ ~ Z болж байгааг 18; ~ ~ ~ Z боллоо 10; ~ ~ ~ Z болов 28; ~ ~ ~ Z болоод 12; ~ ~ ~ Z болох вэ 10; ~ ~ ~ Z болохыг 32; ~ ~ ~ Z вэ 106; ~ ~ ~ Z даа 21; ~ ~ ~ Z л 9; ~ ~ ~ Z нь 15; ~ ~ ~ Z хийж 15; ~ ~ ~ Z хийх вэ 10; ~ ~ ~ Z ч 256; ~ ~ ~ Z ч үгүй 20; ~ ~ ~ Z ч алга 11; ~ ~ ~ Z ч биш 12; ~ ~ ~ Z ч болсон 11; ~ ~ ~ Z ч л 19; ~ ~ ~ Z юм бэ 18; ~ ~ ~ өөр Z 11; ~ ~ ~ өөр Z ч 21; ~ ~ ~ би Z 18; ~ ~ ~ гээж Z 13; ~ ~ ~ та Z 18; ~ ~ ~ чи Z 33

юү ACC **юүг** Z ч 12; ~ COM-NOM **юутай** Z ч 26; ~ INSTR **юугаар** Z ч 12

яамай NOM **яамай** Z даа 11

яаран & яарах NOM & CVB.MOD **яаран** гээж Z 13

яах PC.DUR-NOM **яагаа** Z вэ 10; ~ ~ ~ Z ч үгүй 17; ~ PC.PRF-NOM **яасан** Z ч 20; ~ ~ ~ **чи** Z 12; ~ PC.PROSP-NOM **яах** Z вэ 17; ~ PC.PROSP-QUEST(S) **яахав** Z дээ 13; ~ ~ ~ **тэр** Z 10; ~ PC.US-NOM **яадаг** Z билээ 28; ~ ~ ~ Z юм 25; ~ ~ ~ Z юм бэ 21; ~ VF.IND.PROF-EMPH **яалаа** Z ч 10; ~ VF.IND.PRS1 **яана** Z аа 15; ~ ~ ~ Z даа 14; ~ {ADV} & CVB. ANT **яагаад** Z ч юм 11; ~ ~ ~ **чи** Z 20; ~ {ADV} & CVB.CNGR **яаж** Z байна 17; ~ ~ ~ Z ч 14; ~ ~ ~ **би** Z 11; ~ ~ ~ **чи** Z байна 10

явах & яв & яв VF.OPT.IMP & {ADV} & {ADV} **яв** Z явсаар 15

явах CVB.ANT **яваад** гээж Z 9; ~ PC.DUR-NOM **яваа** гээж Z 19; ~ PC.PRF-ABL **явснаас** Z хойш 13; ~ PC.PRF-GEN-

NOM **явсны** Z дараа 23; ~ VF.IND. PRS1 **явна** гээж Z 10; ~ VF.OPT.VOL **явъя би** Z 10

явдал NOM **явдал** Z ч 9; ~ ~ ~ **энэ** Z 15

яг {ADV} **яг** Z л 74

ямар NOM **ямар** Z байна 17; ~ ~ ~ Z боловч 19; ~ ~ ~ Z нэг юм 17; ~ ~ ~ Z нэгэн юм 13; ~ ~ ~ Z ч 242; ~ ~ ~ Z ч байсан 16

янжин ~ **янжин** Z гуай 10

янзтай & янз NOM & COM-NOM **янзтай** гэсэн Z 13

ярилцах PC.PROSP-NOM **ярилцах** Z нь 9

ярих PC.PRF-NOM **ярьсан** Z нь 12; ~ VF.

IND.PROF-EMPH **ярилаа** гээж Z 9

яришг NOM **яришг** Z даа 10

яс & яс(ан) NOM & ABS-NOM **яс** Z нь 14

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научных проектов № 15-04-00553 «Структурно-вероятностный синтаксис монгольских языков» и № 18-012-00611 «Структурно-вероятностная морфология монгольских языков», комплексной программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Евразийское наследие и его современные смыслы», направление «Создание версии «3» генерального корпуса современного монгольского языка».

Литература

- Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.: Учпедгиз, 1947. 784 с.
- Гак В. Г. Десемантизация языкового знака в аналитических структурах синтаксиса // Аналитические конструкции в языках различных типов. М.: Наука, 1965. С. 129–143.
- Жирмунский В. М. Об аналитических конструкциях // Жирмунский В. М. Общее и германское языкознание. Л.: Наука, ЛО, 1976. С. 82–125.
- Кацнельсон С. Д. О грамматической категории // Вестник Ленинградского государственного университета. 1948. № 2. С. 114–134.
- Крылов С. А. Теоретическая грамматика монгольского языка и смежные проблемы общей лингвистики.: (в 6 ч.) Ч. 2. Структурно-вероятностная модель современного монгольского языка (на базе Генерального корпуса современного монгольского языка). М.: Наука–Вост. лит., 2014. 637 с.
- Маслов Ю. С. Введение в языкознание. М.: Высшая школа, 1975. 328 с.

References

- Vinogradov V. V. *Russkiy yazyk. Grammaticheskoe uchenie o slove* [The Russian language. The Word: a grammatical study]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1947, 784 p. (In Russ.).
- Gak V. G. *Desemantizatsiya yazykovogo znaka v analiticheskikh strukturakh sintaksisa* [Desemanticization of a language sign in analytical syntactical structures]. *Analiticheskie konstruksii v yazykakh razlichnykh tipov* [Analytical constructions in languages of different types]. Moscow, Nauka Publ., 1965, pp. 129–143 (In Russ.).
- Zhirmunsky V. M. *Ob analiticheskikh konstruksiyakh* [About analytical constructions]. *Obshchee i germanskoe yazykoznanie* [General and Germanic linguistics]. Leningrad, Nauka Publ., 1976, pp. 82–125 (In Russ.).
- Katsnelson S. D. *O grammaticheskoy kategorii* [About the grammatical category]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta* (Bulletin of Leningrad State University), 1948, No. 2, pp. 114–134 (In Russ.).
- Krylov S. A. *Teoreticheskaya grammatika mongol'skogo yazyka i smezhnye problemy obshchey lingvistiki.: (v 6 ch.) Ch. 2. Strukturno-veroyatnostnaya model' sovremennogo mongol'skogo yazyka (na baze General'nogo korpusa sovremennogo mongol'skogo yazyka)* [Theoretical grammar of Mongolian and related issues of general linguistics. In 6 vol., vol. 2. A structural probabilistic model of modern Mongolian (evidence from the General Corpus of Mongolian)]. Moscow, Vost. Lit. Publ., 2014, 637 p. (In Russ.).
- Maslov Yu. S. *Vvedenie v yazykoznanie* [An introduction to linguistics]. Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 1975, 328 p. (In Russ.).

УДК 811.512.3

Монгольские аналитические словоформы: опыт квантитативного исследованияСергей Александрович Крылов¹

¹ ведущий научный сотрудник, Институт востоковедения РАН (Москва, Российская Федерация).
E-mail: krylov-58@mail.ru

Аннотация. Сделана попытка измерить употребительность аналитических словоформ монгольского языка. Одна из главных трудностей такого исследования заключается в том, что границы самого инвентаря аналитических конструкций не вполне ясны. В ранговый список включены не все аналитические структурные модели синтаксических молекул монгольского языка, а лишь наиболее употребительные. Пороговое значение для включения в список составляет 312 вхождений в корпус ГКМЯ-1а, или 275 ipm. Приведены наиболее употребительные аналитические словоформы, абсолютная частотность которых превышает 10 вхождений, а относительная — 9 ipm. Таких словоформ в корпусе ГКМЯ-1а насчитывается 1 818.

В первой зоне словарной статьи приводится (полужирным подчёркнутым прямым шрифтом) та условная лексема, к которой относится данная аналитическая словоформа (всего словарь содержит 635 условных лексем). Условная лексема – обобщённое понятие для собственно лексем и квазилексем (омонимического пучка лексем, связанных отношением морфологической омонимии). Во второй зоне (полужирным неподчёркнутым прямым шрифтом) приводится та грамматема (грамматическая форма), к которой принадлежит синтетическая словоформа, функционирующая как знаменательный компонент данной аналитической словоформы. В третьей зоне (полужирным неподчёркнутым курсивным шрифтом) приводится сама эта синтетическая словоформа, функционирующая в роли знаменательного компонента данной аналитической формы. В четвёртой зоне (светлым неподчёркнутым курсивным шрифтом) приводится аналитическая структурная модель, по которой построена данная аналитическая форма. Служебный компонент модели приведён в своей квазиорфографической форме, а знаменательный заменён на обобщённый символ Z. В пятой зоне (полужирным неподчёркнутым прямым шрифтом) приводится относительная частотность данной аналитической словоформы в ГКМЯ-1а, измеренная в ipm (минимум 9).

Ключевые слова: монгольский язык, корпусная лингвистика, количественные методы в лингвистике, аналитические конструкции, аналитические формы

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 34, Is. 6, pp. 94–102, 2017
DOI 10.22162/2075-7794-2017-34-6-94-102
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 811.512.3

Common Lexis for Headgears and Adornments in Khalkha, Buryat, and Kalmyk

Anna V. Mazarchuk¹

¹ Postgraduate Student, Department of Languages of Russia, Institute for Linguistic Studies of the RAS (St. Petersburg). E-mail: anja_av@rambler.ru

Abstract. The article deals with the lexis denoting headgears and ornaments in the major Mongolic languages, such as Khalkha, Buryat, and Kalmyk. Due to the fact that no profound research in the field had been carried out, it appeared necessary to have a closer look at the subject in question. The main goal of the study was to find out which of the terms for headgears and ornaments were indigenous to the Mongolic languages and which of them had been borrowed from others.

It was relatively easy to trace the origin of the words already described in the dictionaries and scholarly works. For instance, the word *малгай* ‘hat, headgear’ is unilaterally defined as an indigenous Mongolian word, and its variations can be found in the majority of modern Mongolic languages and dialects. The names of several headgears worn by lamas apparently derive from Tibetan — *шанам* ལྷ་སྐུ་ *zhwa snam* ‘woolly felt of yellow or red of which lam caps are made’; *шашир (шасир)* ལྷ་སེར་ *zhwa ser* ‘yellow hat’; *гомшоо* སྐུ་ལྷ་ *sgom zhwa* ‘meditation hat’. Such words as *лоовууз* ‘fur hat’, *юүдэн* ‘hood’, *жунс* ‘jewel or bead on a Qing official’s hat that indicates his rank’, found in Khalkha, are clearly of Chinese origin. In some particular cases it was quite difficult to find the exact matches for the Chinese borrowings. Thus, no matches for the words as follows were discovered: *лоовууз* ‘fur hat’, *юүдэн* ‘hood’, *самтин* ‘knot on top of a traditional Mongolian hat’, *бонс* ‘the biggest of the rosary beads’, and *зүү* ‘charm-box’ (or is it Tibetan *ka’u*?), though the article suggests some versions of their Chinese counterparts. The most complicated task was to identify Turkic borrowings from indigenous Mongolic words later borrowed by Turks. In many cases, it is not clear whether those were Mongols who borrowed this or that word from Turks or those were Turks who borrowed that particular word from Mongols. Following the suit of the previous researchers, when it comes to the supposedly Turkic borrowings, the paper carefully offers to compare the Mongolic and the Turkic version of the word, e. g. the Mongolian *бойту* ‘tall hat worn by married women’ and the Turkic *бойтак* ‘tall decorated hat’.

All in all, indigenous Mongolic words are well interlaced with Chinese, Tibetan, and Turkic borrowings which shows that Mongols have had their own culture of making and wearing headgears, but, on the other hand, quite a large number of loanwords in this lexical group implies its proneness to outer influence.

Keywords: Mongolic languages, Khalkha, Buryat, Kalmyk, lexis, headgears, adornments

В данной статье представлены результаты исследований, проведенных в рамках проекта «Сложение пласта традиционной бытовой лексики монгольских языков (на примере халха-монгольского, бурятского и калмыцкого языков, сравнительно-исторический аспект)». Она является продолжением статьи, в которой шла речь о терминах, обозначающих одежду и обувь в перечисленных языках. Стоит сказать, что, подобно лексике раздела «Одежда и обувь», лексические единицы, употребляемые носителями монгольских языков и диалектов для обозначения украшений и головных уборов, описаны лингвистами не так подробно, как соответствующие предметы быта — этнографами. В связи с этим кажется необходимым проведение лингвистических сравнительно-исторических исследований в этой области.

Известный диалектолог Ж. Цолоо пишет: «В современном монгольском языке среди названий украшений встречается небольшое количество слов, которые происходят из языков алтайской семьи. Если же анализировать слова ограниченного употребления, имеющиеся в определенных диалектах, группах диалектов, говорах монгольского языка, с точки зрения структуры и формы, то у них с исконно монгольской лексикой совпадают не только корни, но и значение» [Цолоо 1991: 96]. Из этих слов Ж. Цолоо можно сделать вывод, что древние, исконные монгольские слова, обозначающие головные уборы и украшения, остались в основном в диалектах, а в языках, имеющих литературную норму и статус государственного (халха-монгольский) или республиканского (калмыцкий, бурятский), используются в основном заимствования. Чтобы подтвердить или опровергнуть этот тезис, рассмотрим некоторые слова, общие для этих трех языков.

Самое известное и распространенное слово, обозначающее головной убор, как в современных языках, так и в более старых его вариантах — письм.-монг. *malayai*/*malaya*, халх. *малгай*, калм. *махла*, бур. *малгай*. В словаре «Мукаддимат ал-Адаб» это слово записано в форме *maqalai* [Поппе 1938: 233]. По-видимому, эта более старая форма застыла в ойратских языках и диалектах — современном калмыцком и языке ойратов Синьцзяна (*махлаа* /*махалай*/) [Тодаева 2001: 228], хотя Рамстедт в «Калмыцком словаре», помимо формы *maxlā*,

указывает также более похожие на халха-монгольский и бурятский варианты *malxā* и *malxā* [Ramstedt 1935: 254, 255]. Считается, что слово *malayai* исконно монгольское, и именно из монгольского оно проникло в тюркские языки и в русский (в форме *малахай*, вероятно, из бурятского) [Фасмер 1986: 562; Баярсайхан 2002: 71; Ramstedt 1935: 254]. Г. Нугтерен восстанавливает праформы **magalai* и **malagai*; он предполагает, что метатетические формы в разных языках развились независимо и что исконной формой, вероятно, была та, которая сохранилась в калмыцком, поскольку мы можем её видеть также в среднемонгольском языке [Nugteren 2011: 438].

Слово письм.-монг. *malayai* используется в большом количестве названий видов головных уборов. Оно принимает определения, указывающие на сезон, когда носят головной убор определенного вида, — *өвлийн малгай* ‘зимняя шапка’ — или на то, для кого предназначен головной убор: халх. *эмэгтэй малгай* ‘женская шапка’, *эрэгтэй малгай* ‘мужская шапка’, *эхнэр малгай* ‘головной убор замужней женщины’, *хүүхдийн малгай* ‘детская шапка’, *ламын малгай* ‘головной убор лам’, *бөөгийн малгай* ‘головной убор шамана’.

Определение перед словом *малгай* может указывать на то, для каких этнических групп данный головной убор считается традиционным: халх. *цаатан малгай* ‘головной убор цаатанов’, *дарьганга малгай* ‘головной убор племени дариганга’, *казак малгай* ‘казахская шапка’, *хотон малгай* ‘головной убор хотонов’, *захчин малгай* ‘дзахчинский головной убор’, *торгууд малгай* ‘головной убор торгутов’, *барга малгай* ‘головной убор баргутов’, *үзэмчин малгай* ‘удземчинский головной убор’, *мянгад малгай* ‘головной убор мянгатов’, *дөрвөд малгай* ‘дербетская шапка’, *өөлд малгай* ‘олётская шапка’, *баяд малгай* ‘головной убор баятов’, *урианхай малгай* ‘урянхайская шапка’, *буриад малгай* ‘бурятский головной убор’ [МНТТ 2014: 259, 265–275].

Слово *малгай* используется и в названиях особых видов головных уборов: халх. (*дөрвөн талт*) *жанжин малгай* ‘букв. шапка полководца’ — головной убор с четырьмя поднятыми лопастями-отворотами, обшитыми темным бархатом или, реже, ценным мехом; *хилэн малгай* ‘букв. бархатная шапка’ — летний праздничный головной убор с конусообразной тульей; *товь мал-*

гай — головной убор со сплошными или разрезанными в двух (с боков) или четырех местах полями [Баярсайхан 2002: 71]. В словаре О. Ковалевского слово *tobi* переводится как «валеный колпак, носимый под шлемом» [Ковалевский 1849: 1818]. Ф. Лессинг дает разные переводы для *tobi* и *tobi malayai* — «валеный колпак, носимый под шлемом» и «головной убор с четырьмя поднятыми вверх отворотами» соответственно [Lessing 1960: 811]. В калмыцких и бурятских словарях такое слово не найдено.

В сочетании со словом *малгай* и без него могут употребляться названия письм.-монг. *тоурџуу*, халх. *тоорцог*, калм. *тоорцэ* «круглая шапка без полей», халх. *лоовууз* «зимняя меховая шапка», халх. *юүдэн*, бур. *юүдэн* «непристязной капюшон». Автор «Истории монгольского костюма» Х. Нямбуу утверждает, что слово *тоурџуу* исконно монгольское — в старомонгольском языке оно звучало как «тогурчуг» или «тобурчаг», в дархатском диалекте *товорцог*, в остальных диалектах — *тоорцог*. По его мнению, корень *тобу-* / *тогу-* имеет семантику, схожую с семантикой слова *товгор* «возвышающийся бугром, выпуклый». Слово *лоовууз*, как считает Х. Нямбуу, китайского происхождения, его буквальное значение: «древний головной убор, старая шапка, шапка старика»; тем не менее, сам предмет материальной культуры *лоовууз* — не привнесенный китайцами, а аутентичный головной убор монгольских кочевников [МХТ 2002: 264]. Мы предполагаем, что слово *лоовууз* связано с кит. 老夫子 *lǎofūzǐ* «учитель» или 老胡子 *lǎohúzi* «старик с бородой», которые, возможно, употреблялись в сочетании со словом 帽子 *màozi* «шапка», а китайский прототип слова *юүдэн* — вероятно, выглядел как 雨兜帽 *yǔdōumào* «дождевой капюшон (букв. дождевая шапка-карман)». Н. Балжинням дает другие соответствия: для *юүдэн* кит. 有单帽 *yǒudānmào* [Балжинням 2011: 45] «шапка-покрывало» (досл. «головной убор, имеющий покрывало»); для *лоовууз* кит. 老帽子 *lǎomàozi* [Балжинням 2011: 44] досл. «стариковская шапка» (в современном китайском языке слово имеет значение «деревенщина»). Есть также следующие соответствия, приведенные С. Мөнхсайханом: он считает, что *лоовууз* — это вариант произношения слова *маавууз* кит. 帽子 *màozi* «шапка» [Мөнхсайхан 2014: 186; 189]; слово *юүдэн* исследователь связывает с кит. 有袋 / 帽 / 兜 *yǒudài / mào / dōu* «шапка

мешком» (досл. «шапка, имеющая мешок») [Мөнхсайхан 2014: 231].

В монгольских языках есть названия головных уборов, по внутренней форме которых мы можем судить о внешнем виде шапки, о её предназначении или о том, как её носили:

- халх. *дэлдэн* «букв. оттопыренный» — используемый в холодное время года полусферический мужской головной убор с наушниками, которые можно было опустить;

- халх. *шанхат малгай* «букв. шапка для (придерживания дамской) прически» — женский головной убор (халх. *шанх* «женская прическа — разделенные на пробор волосы, свисающие на лоб»);

- халх. *чихэвч*, калм. *чиквч*, бур. *шэхэбшэ* «наушники»;

- халх. *хулгавч* (от *хулгавчлах* «нахлобучивать») — головной убор пожилых женщин;

- халх. *хүзүүний бүслүүр* «букв. [шапка] опоясывающая шею» — меховой головной убор для холодного времени года, закрывающий лицо, шею, уши и т.д.;

- халх. *бортого* «букв. цилиндр» — шапочка молодых замужних женщин в виде тюбетейки (по-бурятски такой головной убор называется *бизга*) [Баярсайхан 2002: 71–72].

Нарядные монгольские головные уборы имели названия, этимологию которых трудно проследить:

- халх. *боодог* — нарядная женская шапка с полями, обшитыми (иногда вместе с тульей) мехом соболя, бархатом или парчой;

- халх. *халбан* (*халван*) — такая же мужская шапка, которая могла быть в тулье ниже, чем *боодог*;

- письм.-монг. *боytu*, халх. *богтог* — изящная шапка с очень высокой конической (шпилеобразной) тульей для замужних женщин (*богтоглох* «выдавать замуж» — «заставлять надеть *богтог*»); такие головные уборы носили очень знатные женщины и ханши. Возможно, слово *богтог* является заимствованием из тюркских языков. Алво М. Ряснен сравнивает это слово с османским *boytak* «высокий декорированный головной убор» [Räsänen 1969: 78b].

Особый вид имеют головные уборы буддийских священнослужителей — лам. Изначально пришедшие из Тибета, ламские головные уборы были приспособлены к условиям монгольской жизни и в результате стали выглядеть как нечто среднее между

тибетской и монгольской шапкой. Ламские шапки в Монголии подразделяются на несколько видов: простые (*ердийн малгай*), для богослужений (*номын малгай*), для высшего духовенства (*ямбаны малгай*), для проведения религиозных ритуалов (*шашны зан үйлийн малгай*). В обычное время монгольские ламы носят остроконечный головной убор — халх. *шовгор малгай* (досл. ‘конусообразная шапка’), большую ламскую шапку *шанам малгай* (ལྷ་སྐྱེ་ zhwa snam ‘красный или желтый войлок, из которого делают головные уборы лам’), отороченный бархатом *хилэн малгай* и головной убор с козырьком *саравчит малгай*. Во время богослужения надевают *шашир (шасир) малгай* (ལྷ་སྐྱེ་ zhwa ser ‘желтая шапка’) — высокую конусообразную мохнатую шапку. Разные виды головных уборов для высшего духовенства (*ямбаны малгай*) отличаются по орнаменту и материалу, из которого они изготовлены. Священнослужители, занимающие высокие посты в монастырях и храмах, по особым случаям надевают «золотую шапку» *алтан малгай* или шелковый *овоодой* ‘конусообразный головной убор желтого цвета’ ([Ramstedt 1935: 291b] сравнивает с тюрк. *tübätäi*) с длинными лентами *буч*. Во время молебна и когда, проводя религиозный обряд уничтожения нечистых сил, сжигают *сор* — подношение в виде раскрашенной пирамиды из теста — ламы надевают конусообразный головной убор *гомшоо* (тиб. སྐྱོམ་ལྷ་ sgom zhwa ‘головной убор для медитации’) из желтого шелка, с длинными лентами *буч* и с «ушами». «Золотая шапка» *алтан малгай*, или *цан малгай*, предназначена для самых уважаемых духовных лиц. Её надевали хутухты, хубилганы и другие обладатели высших духовных степеней. Головной убор *овоодой*, по преданию, изобрел сам Ундуреген Занабадзар. Он приспособил головной убор буддийских священнослужителей *шовгор малгай* к монгольским реалиям и приделал к нему ленты *буч*, указывающие на сан священнослужителя. По цвету лент определяют титул: они могут быть красные, желтые, синие, белые. Головной убор *шанам* носят в обычной жизни и во время некоторых ритуалов те, кто собирается стать гевши (монахом, получившим полное философское образование). Головной убор *шашир* надевают на службах в больших монастырях и во время религиозных диспутов (на экзаменах). Сверху он украшен бахромой, которая символизирует 1000 будд. Та-

кой головной убор иногда называют *шар малгай* ‘желтая шапка’. В обычное время монахи носят *хилэн малгай* с желтой тульей [МНТТ 2014: 275–276].

Многие традиционные монгольские головные уборы, которые носят монгольские народы и этнические группы (пока что мы рассматриваем названия этих головных уборов, используемые на территории Монголии), — мужская и женская *хилэн малгай* ‘бархатная шапка’, *зуны тоорцог* ‘летний торцог’, мужская и женская *өвлийн малгай* ‘летняя шапка’, *жанжин малгай* ‘шапка полководца’, летняя и зимняя *буриад малгай* ‘бурятская шапка’, урянхайский *лоовууз*, урянхайский и торгутский *тоорцог*, баятская *талхи малгай* (прострочена 32-мя швами, тулья темно-синего цвета, направлена вперед), олётская *тумлай малгай* (из шкуры черного ягненка), дербетская и захчинская *халван малгай* (*халбан* см. выше), мянгатская *сээтэн малгай*, удземчинская *духай малгай*, *барга малгай* ‘баргутская шапка’, хотонская *төгрөг малгай* ‘круглая шапка’, даригангская шапка замужней женщины и др. — имеют все или несколько из перечисленных ниже украшений:

1. Халх. *сампин* — украшение на верхушке шапки, несущее символический смысл. Его делают из витого или плетеного шнура или ткани, которые завязывают в узел. *Сампин* является символом силы. Шапку без *сампина* носят во время траура [МНТТ 2014: 263]. Слово *сампин*, по всей видимости, заимствовано из китайского языка. В словарях указан только омоним этого слова, имеющий значение ‘счёты’, — исходное китайское слово записано пиньинем как «suànpan» [Сүхбаатар 1997: 164]. Можно восстановить иероглифическое написание 算盘. Возможно, узел на шапке стали называть *сампин* из-за его сходства с костяшками абака.

2. Халх. *бадам* (или *мандал*) — украшение на тулье шапки, сделанное из шелка, парчи или серебра, с позументами. В западной части Монголии это украшение называют *тавжид*. *Бадам* определяет высоту шапки. Слово *бадам* было заимствовано монголами из тибетского языка: བཤོ་མ་ pad ma ‘лотос’, куда оно пришло в свою очередь из санскрита — पद्म padma ‘лотос’. Украшение *бадам* на головном уборе символизирует чистоту, с которой ассоциируются лепестки лотоса. Слово *мандал*, также обозначающее это украшение, было заимство-

вано из санскрита через тибетские тексты: санскр. मण्डलं *maṇḍala* ‘круг, диск’ (собственно тибетский термин — དཀྱིལ་འཁོར་ *dkyil 'khor* ‘круг, диск, мандала’, но в текстах иногда встречаются транслитерации санскритского слова མ་རྩལ་ *ma NDa la*). Термин *тавжид*, используемый в западной Монголии, вероятно, родственен письм.-монг. *tab*, халх. *тав*, бур. *таб*, калм. *тав*, ‘заклепка, шляпка (гвоздя)’. Г. Рамстедт приводит следующие значения: *тав* ‘шляпка гвоздя, заклепка на навершии рукояти меча, верхушка (шапки или чего-то другого), навершие шапки’ | *χadāsneṭav* ‘шляпка гвоздя’; Ö (олётский диалект — А. М.) *таχлāн таv* или *таχлāн таg* ‘навершие шапки’. [tab, tabu; alt. (алтайский диалект¹ — А. М.) *таp* ‘красный лоскут, который пришивают к верхушке шапки’] [Ramstedt 1935: 373].

3. Халх. *хивсэг* — вертикально стоящие поля, прикрепленные к нижней части тульи шапки. Внешнюю сторону *хивсэга* отделяют бархатом, дорогой кожей или другими материалами. На видимой части внутренней стороны вышивают узоры *ханан хээ* (решетка), *түмэн насан хээ* (узор, символизирующий благопожелание счастья на протяжении долгих лет), *усан долгио* (волна), *алх* (молотки) или делают аппликации узора *өлзий* (орнамент, символизирующий благополучие).

4. Письм.-монг. *бүйсе*, халх., калм. *бүч*, бур. *бүшэ* ‘завязки, ленты, тесемка’ — украшение головного убора. Существует две разновидности завязок *бүч*: *жавдан бүч* (или *хийморийн бүч*) ‘задние ленты’ и *эрүү бүч* ‘ленты у подбородка’. *Жавдан бүч* имеют трапециевидную форму, длину от 40 см до 1 м; их делают из шелка или парчи в основном желтого или оранжевого цвета. У олётов *жавдан бүч* синие, у урянхайцев на женских шапках короткие синие ленты идут поверх длинных красных, на головных уборах баятов и торгутов поверх длинных красных лент пришиты короткие зеленые. На лентах *жавдан бүч* золотой нитью вышивают узоры *өлзий*, *ланз* (напоминающий буквы индийского шрифта ланджа), *луун хээ* ‘драконий узор’, *үүлэн хээ* ‘облака’. Пришивают со стороны затылка на стыке

¹ Рамстедт поясняет обозначение «alt.» как «алтайский, диалект ойратов, говорящих по-турецки». Под турецким, по-видимому, следует понимать один из тюркских языков. Об этом «смешанном» языке пишет Б. Я. Владимирцов в [Владимирцов 1923: 32–33].

тульи и *хивсэга*. *Жавдан бүч* не только служат украшениями, но и являются символом независимости. Красные ленты, кроме того, символизируют мужество и энергичность, а синие — вечность. *Эрүү бүч* ‘завязки у подбородка’ пришивают по бокам шапки. Их длина составляет примерно 50 см, ширина — 2–3 см. Семантика словосочетания *эрүү бүч* прозрачна: *ereu* / *eregün* ‘нижняя челюсть, подбородок’² > *эрүү бүч* ‘ленты у подбородка’. Слово *жавдан* — тибетское по происхождению (тиб. རྒྱལ་རྩེན་ *rgyab rten* ‘опора, поддержка сзади, подушка для спины’). В словосочетании *жавдан бүч* оно имеет скорее метафорическое значение. Головные уборы также могли украшать широкой красной лентой халх. *далбаа* (в бурятском и калмыцком языках слово имеет другие значения: калм. *далва* ‘1. широкая поверхность; 2. плавник (у рыб)’, бур. *далбаа* ‘отвисающий лоскут’).

5. Письм.-монг. *жалая*, халх. *залаа*, калм. *зала*, бур. *залаа* — красная кисточка из шелковых или простых ниток, повязываемых вокруг *сампина*. Такая кисточка по виду напоминает лучи солнца и символизирует движение вверх, величие, счастье и удачу. Г. Нугтерен считает, что слово *залаа*, возможно, является родственным общетюркскому слову **yalig* ‘петушиный гребень’. Слово *зала* в одном из диалектов баоаньского языка объясняется как тибетское заимствование *sgya-la*, но, по мнению исследователя, это, наоборот, неправильно записанное монгольское слово, заимствованное в тибетский язык [Nugteren 2011: 381].

Кроме того, как пишет Ё. Баярсайхан, в XVII – начале XX вв., когда монголы подчинялись маньчжурам, представители монгольской аристократии носили на шапках павлиньи перья (они не имели особых названий — халх. *тогосын өд*) и халх. *жинс* — шарики из драгоценных камней. Каждому рангу соответствовал свой цвет и камень [Баярсайхан 2002: 72]. Слово *жинс* было заимствовано из китайского языка — 顶子 *dǐng zǐ* или 顶珠 *dǐngzhū* ‘шарик на шапке чиновника (для указания чина, введен при династии Цин)’.

Кроме непосредственно шапок, халхаские замужние женщины из знатных, бо-

² Слово *ereün* в том или ином виде есть в большинстве монгольских языков, в том числе в халх. *эрүү*, калм. *өргн*, бур. *үргэн* [Nugteren 2011: 332]. Его сравнивают с тюрк. *erin* ‘губы’ [ЭСТЯ 1974: 292–293].

гатых родов носили особенную прическу, которую закрепляли многочисленными украшениями и приспособлениями. Центральным элементом в ансамбле таких украшений была металлическая шапочка, выполненная в технике скани из серебра или другого легкого металла. К ней крепились височные кольца халх. *унжлага* (калм. *унжур*) и назатыльник. Традиционно, монгольские женщины и девушки заплетали косы: девушки — одну, замужние женщины — две. Концы кос спускались у женщин на грудь, у девушек — на спину. Косы продевали в специальные футляры-накосники халх. *үсний гэр* ‘чехол для волос’, которые имели вид рогов, отходящих от затылочной части за ушами в стороны, и затем загибались вперед и вниз до уровня плеч. Далее косы продевали через более узкие матерчатые чехлы халх. *дугтуй* ‘конверт’, которые сходились на животе, после чего волосы проходили через круглые матерчатые чехлы халх. *үсний шивэргэл* (калм. *шиврлг*). Чехлы имели жесткую основу, обшитую темным шелком или бархатом, поверх которой размещались серебряные или золотые накладки с чеканным орнаментом в виде знаков благопожеланий *өлзий*. На чехлах женской прически крепились ювелирные украшения в виде металлических, нередко серебряных, узких обручей на футлярах и в виде цилиндров для футляров. Такие украшения назывались халх. *толгойн боолт* ‘головная обвязка’ (в некоторых местностях Монголии — *туйв*). Также халхаские девушки и иногда женщины украшали волосы большой заколкой халх. *даруулга* (от глагола *дарах* ‘давить’), которую закрепляли на волосах сзади, на уровне шеи. Зажим для волос *даруулга* инкрустировали жемчугом или кораллами [Баярсайхан 2002: 72]. Слово *даруулга* в халха-монгольском языке имеет много значений: ‘зажим для волос’ — только одно из них. Но все остальные значения так или иначе связаны с семантикой «давить, зажимать, прижимать»: 1) металлические бляхи, при помощи которых прикрепляется подушка седла; 2) шест, жердь (для привязывания сена на возу); 4) верёвка, канат (для привязывания тюка, груза); 5) поперечина под зубьями (у конных грабель); 6) кожаный плащ (надеваемый поверх кольчуги); 7) рычаг; 8) бюстгальтер [БАМРС]. Аналогичный термин есть в калмыцком языке (*даруллн*) и в бурятском (*даруулга*) (< письм.-монг. *даруулыа* ‘возвышение на затылке’).

Традиционно представители монгольских народов носили украшения не только на головных уборах. На груди монгола или монголки можно было увидеть оберег халх. *энгэрийн гуу* — большую квадратную серебряную нагрудную раму (*энгэр* ‘борт дэли’, *гуу* ‘рамка’ — по [Мөнхсайхан 2014: 164], китайское заимствование — 沟 *gōu* ‘желоб, борозда’). Её украшали бирюзой и кораллами. Внутри были амулеты, изображения божеств или заклинания.

С собой у монголов часто чётки — письм.-монг. *erike*, халх. *эрих*, калм. *эркн*, бур. *эрхи*. Раньше бусины делали из драгоценных камней или ценных пород дерева. Самая крупная бусина, часто с изображением Будды, называлась письм.-монг. *bongsu*, халх. *бонс* [Баярсайхан 2002: 75] (возможно, китайское заимствование, восходящее к 佛像 *fóxiàng* ‘изображение Будды’).

На запястьях и в наше время монголы носят браслеты — письм.-монг. *baγubčī*, халх. *бугуйвч*, бур. *бугааг*, *бугыбиша*, калм. *буһу*. В письменном монгольском языке нет большой разницы между *baγuu* ‘ожерелье, ошейник’ и *baγubčī* ‘кольцо, запястье, браслет’: ср. *γar-un baγuu* ‘кольцо, запястье’ и *altan baγubčī* ‘золотое украшение на руке или на ноге’, *quruγun-u baγubčī* ‘кольцо, перстень’, *γar-un baγubčī* ‘браслет или кольцо на кисти руки’, *čarbaγun-u baγubčī* ‘украшение руки ниже локтя’, *köl-ün baγubčī* ‘кольца, которые в Индии женщины носят на пальцах ног’ [Ковалевский 1844: 1060–1061]. То есть, *baγuu* и *baγubčī* — это в первую очередь некое кольцо вокруг чего-то: пальца, запястья, шеи. Вероятно, поэтому в современных языках бытуют «потомки» как *baγuu* (калм. *буһу*, бур. *бугааг*), так и *baγubčī* (халх. *бугуйвч*, бур. *бугыбиша*). В современном халха-монгольском языке есть противопоставление *бугуй* ‘запястье’ и *бугуйвч* ‘браслет’. Опираясь только на эту пару, можно было бы подумать, что *бугуйвч* — это то, что находится на *бугуй* — запястье. Но в современном бурятском или калмыцком языке таких пар не найти: бур. *сарбуу* ‘запястье, локтевая кость’ / *бугааг*, *бугыбиша* ‘браслет’; калм. *бахлцг* ‘запястье’ / *буһу* ‘браслет’. Поэтому, возможно, в халха-монгольском языке значение «запястье» для *бугуй* появилось позже, чем «кольцо, браслет». Г. Рамстедт возводит *baγuu* к тюркскому *buqagu* ‘кандалы’ [Ramstedt 1935: 58; ЭСТЯ 1978: 249–250].

Кроме браслетов в монгольской культуре есть и собственно кольца, которые носят на пальцах, перстни. Во всех трех рассматриваемых языках (халха-монгольском, калмыцком, бурятском) есть родственные слова, обозначающие перстень: халх. *бэлзэг* / *бэлзэг* 'кольцо, перстень, браслет' (< от письм.-монг. *bülecэг, бүлүцүг*), калм. *билцг* (*biltsäg* / *bültsäg* < письм.-монг. *bilüčüg, bilisüg, biličег* 'кольцо, перстень' [Ramstedt 1935: 45]), бур. *бэхэлиг* 'перстень, кольцо'. Г. Нугтерен возводит эти слова к общетюркскому **bilezük* < **bilek yüzük* 'кольцо на запястье' [Nugteren 2011: 294]. Однако в современном халха-монгольском в значении «кольцо» чаще употребляется слово *бөгж* (< письм.-монг. *bögeji* 'скоба').

К сожалению, проанализировать названия всех видов головных уборов и украшений в халха-монгольском, бурятском и калмыцком языках, подробно описать их семантику и представить доказанную этимологию в рамках одной статьи не представляется возможным. На материале рассмотренных лексических единиц мы можем сделать вывод, что чем более уникальным является предмет (головной убор или украшение), тем ниже вероятность, что обозначающее его слово мы встретим в другом родственном языке или диалекте. Так, общие понятия вроде *malayai* 'головной убор, шапка', *erike* 'чёлки', *bayubči* 'браслет', *bilüčüg* 'кольцо', *jalaya* 'кисточка на шапке из красных шелковых ниток', *daraγulya* 'зажим для волос на затылке', *büče* 'ленты, завязки, тесьма' и др., как оказалось, общие для халха-монгольского, калмыцкого и бурятского языков. В то время как, например, украшения для женской причёски *толгойн боолт* используются не везде (соответственно, этот термин не имеет такого же широкого распространения, как перечисленные выше слова).

Тема «Бытовая лексика монгольских языков», в частности — раздел «Головные уборы и украшения» даёт обширнейший материал, который требует дальнейшего изучения.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 16-24-03001 а(м) «Сложение пласта традиционной бытовой лексики монгольских языков (на примере халха-монгольского, бурятского и калмыцкого языков, сравнительно-исторический аспект)».

Сокращения

Бур. — бурятский язык; досл. — дословный перевод; калм. — калмыцкий язык; кит. — китайский язык; письм.-монг. — письменный монгольский язык; ср. — сравните; тюрк. — общетюркская лексическая единица; халх. — халха-монгольский язык.

Литература

- Балжинням Н.* Монгол хэлний хятад ормол үгийн судалгаа. Хятад, монгол, орос, англи дүймэнтэй [=Китайские заимствования в монгольском языке. С китайскими, монгольскими, русскими, английскими параллелями]. Улаанбаатар: Удам соёл, 2011. 80 с.
- БАМРС — Большой академический монгольско-русский словарь. В 4-х т. / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. Т. 1. А–Г. 520 с.; Т. 2. Д–О. 536 с.; Т. 3. Ө–Ф. 440 с. М.: Academia, 2001; Т. 4. Х–Я. М.: Academia, 2002. 532 с.
- Баярсайхан Ё.* Этнокультурная лексика современного монгольского языка. М.: Институт языкознания РАН, 2002. 108 с.
- Владимирцов Б. Я.* О двух смешанных языках Западной Монголии // Яфетический сборник, II. Петроград: Рос. гос. акад. тип., 1923. С. 32–52.
- Ковалевский О.* Монгольско-русско-французский словарь. Т. III. Казань: Университетская тип., 1849. 1546–2690 с.
- МНТТ — Монгол нүүдэлчдийн тайлбар толь [=Энциклопедия кочевого быта монголов]. Улаанбаатар: Монсудар, 2014. 611 с.
- Мөнхсайхан С.* Монгол хэлний хятад гаралтай үг [=Слова китайского происхождения в монгольском языке]. Улаанбаатар: Соёмбо принтинг, 2014. 238 с.
- МХТ — *Нямбуу Х.* Монгол хувцасны түүх. Түүх, угсаатны зүйн шинжилгээ [=История монгольского костюма. Историко-этнографическое исследование]. Улаанбаатар: «Монголын суу билэгтэн» сан, 2002. 400 с.
- Поппе Н. Н.* Монгольский словарь «Мукаддимат ал-Адаб». М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938. 452 с.
- Сүхбаатар О.* Монгол хэлний харь үгийн толь [=Словарь заимствований монгольского языка]. Улаанбаатар: Адмон хэвлэлийн компани, 1997. 233 с.
- Тодаева Б. Х.* Словарь языка ойратов Синьцзяна. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2001. 493 с.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 2. М.: Прогресс, 1986. 671 с.
- Цолоо Ж.* Монгол хувцас хунарын зарим нэрийн тухай [=О некоторых названиях предметов монгольской одежды] // БНМАУ Шинжлэх

- ухааны академийн мэдээ. № 3 (120). Улаанбаатар: БНМАУ Шинжлэх ухааны академи, 1991. С. 94–104.
- ЭСТЯ — Севортыан Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. Общeturкские и межтюркские основы на гласные. М.: Наука, 1974. 767 с.
- Lessing F. D. *Mongolian-English Dictionary*. University of California Press, 1960. 1217 p.
- Nugteren H. *Mongolic Phonology and the Qinghai-Gansu Languages*. Utrecht, 2011. 563 p.
- Ramstedt G. J. *Kamükisches Wörterbuch*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1935. 560 s.
- Räsänen A. M. *Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türkisprachen*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1969. 533 s.
- References**
- Baljinnyam N. *Mongol khelnii khyatad ormolu ugiin sudalгаа. Khyatad, mongol, oros, angli duimentei* [A study on the Chinese loanwords in the Mongolian language. With Chinese, Mongolian, Russian, English parallels]. Ulaanbaatar: Udam Soyol, 2011. 80 p. (In Mong.).
- Bol'shoi akademicheskii mongol'sko-russkii slovar' [Unabridged Academic Mongolian-Russian Dictionary. Vol. 1–4. Ed. by G. Ts. Pyurbeev]. Moscow, Academia Publ., 2001, 520 p. (In Russ.).
- Bayarsaikhan Yo. *Etnokul'turnaya leksika sovremennogo mongol'skogo yazyka* [Ethnocultural lexis of modern Mongolian]. Moscow, Institute of Linguistics (RAS) Press, 2002, 108 p. (In Russ.).
- Sevortyan E. V. *Etimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov. Obshchetyurkskiye i mezhtyurkskiye osnovy na glasniye* [Etymology dictionary of Turkic languages. Common Turkic and inter-Turkic stems beginning with vowels]. Moscow, Nauka Publ., 1974, 767 p. (In Russ.).
- Kowalewski J. È. *Mongol'sko-russko-frantsuzckii slovar'* [Mongolian-Russian-French dictionary. Vol. 1–3]. Kazan, Kazan University Press, 1844, 594 p. (In Russ.).
- Lessing F. D. *Mongolian-English Dictionary*. University of California Press, 1960, 1217 p. (In Mong. and Eng.).
- Nyambuu Kh. *Mongol khuvtsasny tuukh. Tuukh, ugsaatny dzuin shinjilgee* [A history of Mongolian costume. Historical / archeological research]. Ulaanbaatar, Mongolyn Suu Bilegten Publ., 2002, 400 p. (In Mong.).
- Mongol nuudelchdiin tailbar toli* [A Mongolian nomadic encyclopedia]. Ulaanbaatar, 2014, 611 p. (In Mong.).
- Munkhsaikhan S. *Mongol khelnii khyatad garaltai ug* [Mongolian words of Chinese origin]. Ulaanbaatar, Soyombo Printing, 2014, 238 p. (In Mong.).
- Nugteren H. *Mongolic phonology and the Qinghai-Gansu Languages*. Utrecht Publ., 2011. 563 p. (In Eng.).
- Poppe N. N. *Mongol'skii slovar' Mukaddimat al-Adab* [Mongolian Dictionary *Mukaddimat al-Adab*]. Moscow., Leningrad, USSR Acad. of Sc. Press, 1938, 452 p. (In Russ.).
- Ramstedt G. J. *Kamükisches Wörterbuch* [A Kalmyk dictionary]. Helsinki, Finno-Ugric Society Press, 1935, 560 s. (In Germ.).
- Räsänen M. *Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türkisprachen* [An attempted etymology dictionary of Turkic languages]. Helsinki, Finno-Ugric Society Press, 1969, 533 p. (In Germ.).
- Sukhbaatar O. *Mongol khelnii khari ugiin toli* [Dictionary of loanwords in Mongolian]. Ulaanbaatar, 1997, 233 p. (In Mong.).
- Todaeva B. H. *Slovar' yazyka oiratov Sin'tszyanya* [Dictionary of the language of Xinjiang Oirats]. Elista, Kalmyk Book Publ., 2001, 493 p. (In Russ.).
- Tsoloo J. *Mongol khuvtsas khunariin dzarim neriin tukhai* [On some names of Mongolian clothing items]. *Bulletin of the Academy of Sciences of MPR*, No. 3 (120), Ulaanbaatar, 1991, pp. 94–104 (In Mong.).
- Vasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Russian etymology dictionary. Vol. 2]. Moscow, Progress Publ., 1986, 671 p. (In Russ.).
- Vladimirtsov B. Ya. *O dvuh smeshannyh yazykah Zapadnoi Mongolii* [On two mixed languages of Western Mongolia]. *Yafeticheskiy sbornik* (Japhetic Collection), vol. 2, Petrograd, Russ. State. Acad. Publ. House, 1923, pp. 32–52 (In Russ.).

Общемонгольская лексика раздела «Головные уборы и украшения» в халхаском, бурятском, калмыцком языкахАнна Владимировна Мазарчук¹¹ аспирант, отдел языков народов РФ, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Российская Федерация). E-mail: anja_av@rambler.ru

Аннотация. В статье представлены результаты исследования класса лексики «Головные уборы и украшения». Показано, что данный класс лексики в указанных родственных языках имеет как исконно монгольские единицы, так и большое количество заимствований из китайского, тибетского и тюркских языков (в первую очередь, нас интересовала исконная общемонгольская лексика, поэтому мы не рассматривали пришедшие в XX в. очевидно русские заимствования типа *шляп*, хотя их тоже немало в современных монгольских языках). Поскольку некоторые головные уборы и украшения представителей монгольских, бурятских и ойратских племен отличались и имели собственные названия, то общемонгольская лексика — это, в основном, такие общие слова, как *malayai* ‘головной убор, шапка’ (здесь и далее приведен письменно-монгольский вариант, чтобы не перечислять все возможные варианты, имеющиеся в современных языках), *čikibči* ‘наушники’, *büče* ‘завязки, ленты’, *jalaya* ‘кисточка из красных ниток, прикрепляемая к головному убору’, *erike* ‘четки’. Общемонгольскими, но, вероятно, не исконными, а заимствованными их тюркских языков являются слова *bayubči* ‘браслет’ и *bülüčüg* ‘перстень’. Тибетские заимствования мы находим по большей части в названиях головных уборов священнослужителей; китайские — среди названий головных уборов, декоративных элементов шапок и украшений.

Ключевые слова: монгольские языки, халха-монгольский язык, бурятский язык, калмыцкий язык, лексика, головные уборы, украшения

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 34, Is. 6, pp. 103–110, 2017
DOI 10.22162/2075-7794-2017-34-6-103-110
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 811.512.3+811.512.1'373.423

Aspects of Polysemy in Turkic and Mongolic Languages (Evidence from Kalmyk and Uighur Languages)

Vladimir N. Mushaev¹, Saifullah N. Abdullayev²

¹ Ph.D. in Philology (Doct. of Philological Sc.), Professor, Gorodovikov Kalmyk State University (Elista, Russian Federation). E-mail: mushaev_vn@mail.ru

² Ph.D. in Philology (Doct. of Philological Sc.), Professor, Tynystanov Issyk-Kul State University. (Karakol, Kyrgyzstan) E-mail: igu@issyk-kul.kg

Abstract. With evidence from Kalmyk and Uighur languages, the article discusses some features of polysemous lexical forms in the light of modern psycholinguistic approaches and aspects of cognitive linguistics. According to the theory of multilevel values of polysemy, a word is represented as a set of interrelated variants united by one underlying dominant. Depending on the context, the dominant value may be the main and potential ones. The analysis of the linguistic materials confirms the view that lexical and grammatical variations of words and verbal meanings do not exist outside the context and experience of verbal communication. The word and its meaning is considered as a single category, which includes results of analysis of the process of our cognition, while maintaining the units of language tokens and the possibility of different types of expressions in speech. Proceeding from similarities of forms, functions, results, mental associations, etc., the approach allows to determine typological peculiarities of development of polysemy in the examined languages.

The paper analyzes a number of Kalmyk and Uighur linguistic materials and considers the mechanism of interrelation between the meaning and word sense, given that a word is a manifested unity of language and speech, and the polysemy of the word can be described as a set of interrelated variants of forms united by a base dominant. Those can be referred to as a paradygm or embodied standard contexts of the lexeme, and are academically defined as lexical-semantic variants.

Keywords: polysemy, cognitive linguistics, mental association, lexical category of a word, context, dominant, lexical-grammatical variants, typology, the theory of multi-level values

Естественный язык, как известно, отличается способностью непрерывно развиваться, благодаря чему происходят изменения в структуре и семантике языковых единиц на разных уровнях системы языка, в том числе и лексическом. В данном случае нас интересуют такие процессы, которые приводят к развитию многозначности. Под многозначностью (полисемией) обычно принято понимать наличие у одного и того же слова несколько связанных между собой

значений, обычно возникающих в результате видоизменения и развития первоначального значения этого слова [Арсеньева, Строева, Хазанович 1996: 105; Ахманова 1966: 191; Лингвистический энциклопедический словарь 1990: 325].

Задачей настоящей статьи является изучение общего и особенного для тюрко-монгольских языков в образовании многозначности в свете современных направлений в общем и частном языкознании.

Не вдаваясь в подробности соотношения структурно-парадигматического и функционально-речевого уровней, следует подчеркнуть, что в языковом значении противопоставлялись устойчивые и вероятные компоненты. Семантика слова на уровне языковой системы характеризовалась полисемией, а функциональное осмысление слова в речи есть реализация составляющих его значений. Однако работы с использованием психолингвистических подходов и когнитивной лингвистики позволяют несколько по-иному рассмотреть данное соотношение. В этом плане справедливо задаться вопросом, насколько правомерно утверждение, что значение слова и его речевой смысл связаны между собой ядерно-периферийными отношениями или они находятся друг с другом в более сложных отношениях.

Современные подходы к изучению проблем представления познавательного опыта человека в системе языка и в речи характеризуются особенностями его передачи через язык социально-групповых и индивидуальных знаний о действительности. Еще в классическом языкознании (Ф. де Соссюр, Э. Бенвенист) отмечалось, что в речевой деятельности в процессе функционирования языковой знак может приобретать несколько значений, т. е. он многофункционален, хотя не всякое функциональное его осмысление является актуализацией компонентов сигматической структуры [Бенвенист 1974: 241; Убушаева 2014: 964].

Сторонники данной точки зрения, опираясь на многоуровневую теорию значения, предлагают на начальном этапе разграничить семантический и когнитивный уровни представления знаний, это позволяет выяснить, что служит базой человеческого общения и какая часть концептуального содержания фиксируется языковыми значениями [Болдырев 2016: 191].

С семантической точки зрения исследуется структурная характеристика значения и смысла языковых единиц. Когнитивисты предлагают анализировать соотношение языкового значения и концептуального содержания, которое передается отдельным словом в системе языка и в речи. При этом любой лингвистический контекст, о котором говорят семантики, является отражением когнитивного контекста. В качестве контекста для отдельно взятого слова выступает репрезентируемый им концепт / концептуальная структура — определенный фрейм, сценарий, когнитивная матрица. Отсюда

проблема соотношения значения и смысла является результатом взаимоотношения между концептуальным содержанием представляемого языковым значением в системе языка и содержанием концепта, передаваемого речевым смыслом. Языковые значения передают лишь часть наших представлений об окружающем мире. Основная доля этих знаний хранится в нашем сознании в виде различных мыслительных структур — концептов различной степени сложности и абстрактности. При формировании высказывания в зависимости от цели выделяется конкретный концептуальный признак, результатом которого является выбор конкретных языковых средств явной и скрытой грамматики. Отсюда вывод о том, что лексико-семантические варианты значения слов и речевые смыслы не существуют вне контекстов, вне опыта речевого общения. Многозначность заключается не в многокомпонентности семантической структуры его значения, а в возможности слова передавать разные смыслы за счет реализации разных концептуальных признаков. Слово и его смыслы образуют единую категорию, которая вбирает результаты аналитических процессов познания, сохраняя при этом единство лексемы как единицы языка при многообразии ее проявлений в речи.

Подобный подход к базовым понятиям и системе их взаимоотношений позволит несколько иначе рассмотреть механизм взаимоотношения значения и смысла, а его объект — слово — как результат единства языка и речи [Кубрякова 2004: 331; Чарков 2004: 88]. Многозначность слова можно представить как набор взаимосвязанных между собой вариантов форм, объединенных определенной базовой доминантой. Их можно называть парадигмой или реализацией типовых контекстов для данной лексемы. В литературе их определяют и как лексико-семантические варианты (ЛСВ). Для примера можно взять из калмыцкого языка набор фраз, связанных со словом *буух*:

- 1) *Газрт буух цагла цугтан белн болв* 'Во время посадки все были готовы';
- 2) *Ирсн улс буудг гер* 'Дом для приезжающих людей';
- 3) *Гарһсн гемнь толһа дернь бууһад бэв* 'Вина пала на его голову';
- 4) *Давтад келснэ хөөн цугтан тагчкар куукнд бууж өгв* 'После повторных слов все тихо уступили девушке';
- 5) *Давшуурап гүүһад буух* 'Спускаться бегом по лестнице';
- 6) *Чингис хани сартаһул улсиг дээлж*

бууж ‘Чингис-хан соизволил возвратиться после завоевания сартагульского народа’.

Значение глагольной формы *буух* ‘спускаться’ связано со временем и местом посадки, и реализуется оно при наличии в контексте субъекта действия, выраженного одушевленным существительным *цугтан* ‘все’ связанной глагольной конструкции со значением результата.

Причастная форма *буудг* ‘располагающийся’ по значению связана с объектом этого действия *гер* ‘дом’ в винительном падеже, реализуется при наличии в контексте субъекта, замещенного существительным *улс* ‘люди’ в именительном падеже и признаком этого субъекта, представленного причастно-определяющей формой *ирсн* ‘пришедшие’.

Значение деепричастной формы *бууһад* ‘опускаться, падать’ связано с местом и результатом этого действия, реализуется при наличии позиции следствия, выраженной прямым объектом в форме существительного с притяжением и его причастно-определятельным пояснением.

Глагольная форма *бууж* ‘идти на уступки’ выступает в значении вынужденного действия, реализуется при наличии в контексте позиции субъекта *цугтан* ‘все’, позиции объекта, замещенной одушевленным существительным в дательном падеже и позиции причины, выраженной причастной конструкцией с послелогом *хөөн* ‘после’.

Значение *буух* ‘двигаться, передвигаться по какой-либо поверхности’, реализуется при наличии в контексте вида действия, выраженного глагольной формой *гүүһад* ‘бегом’ и позицией поверхности, представленной существительным в орудном падеже *давшуурап* ‘по лестнице’.

В высоком стиле значение возвратного движения после совершения какого-либо действия реализуется при наличии в контексте субъекта действия, выраженного именем собственным Чингис-хан, значения объекта, выраженного одушевленным существительным в винительном падеже с определением *сартагул* ‘сартагульские’, и позиции следствия, выраженной деепричастной формой *дээлж* ‘завоевывать’.

Общую характеристику типового контекста данных шести лексикосемантических вариантов можно представить следующим образом:

1) Сущ. дат. п. (-т) — *буух*-сущ. совм. п. (-ла);

2) Сущ. им. п. — *буудг*-сущ. в. п.;

3) Сущ. - послелог притяж.скл. (-нь) — *бууһад*-вспом. гл. (результатив);

4) Сущ. дат. п. (-д) — *бууж*-вспом. гл. (результатив);

5) Разделит. дееприч. (-эд) — *буух*;

6) Сущ. вин. п.-соед. дееприч. (-ж) — *бууж* (высокий стиль).

На уровне семантической структуры на рассматриваемом примере можно убедиться в том, что четыре варианта из шести связаны категориально-лексическим значением (семой) ‘перемещение’; в третьем и четвертом примерах данное значение является потенциальным, т. е. каждое отдельное значение так или иначе связано с другими и при этом отличается от любого из других составом компонентов, образующих его содержание. Для проверки данных положений обратимся к лексико-семантическим вариантам многозначности в тюркских языках. Обратимся к уйгурскому слову *тартмақ*. У него можно насчитать около десяти значений. Это могут быть, в частности, *колини тартмақ* ‘тянуть руку’; *бэл бағ тартмақ* ‘затянуть пояс’; *капигим тартип туриду* ‘у меня подергивается веко (плохое предчувствие)’; *таразига тартмақ* ‘взвешивать на весах’; *жазага тартмақ* ‘привлекать к ответственности, наказывать’; *көлини тартмақ* ‘привлекать внимание’; *ут тартмақ* ‘молоть муку’; *яғ тартмақ* ‘выжимать масло’; *аш тартмақ* ‘подавать еду’; *тунга чэмбэр тартмақ* ‘натягивать обруч на бочку’ и др.

В качестве примера из калмыцкого языка можно привести значения глагола *тэвх* ‘ставить, класть’. С ним связано более десяти случаев употребления, например: *дегтр тэвх* ‘класть, положить книгу’; *һаран тэвх* ‘ставить подпись, подписаться’; *шин наад тэвх* ‘ставить новую пьесу’; *төр тэвх* ‘ставить вопрос, обсуждать’; *ахлач тэвх* ‘назначить начальником’; *зуна амрлһнд тэвх* ‘отпустить на летние каникулы’; *йөрэл тэвх* ‘выразить благопожелание’; *мөриг дурнднь тэвх* ‘пустить коня вскачь’; *давшуриг эрст хажилһэд тэвх* ‘прислонить лестницу к стене’; *бир тэвэд уульх* ‘заплакать навзрыд’; *буруһинь тэвж өгх* ‘простить’; *гү тэвх кем* ‘послеобеденное время (4 часа), отпустить после дойки кобылиц’.

Нетрудно заметить, что во всех случаях наблюдается связь с главным значением, т.е. доминантой. В этих примерах за доминанту принимается значение *тэвх* ‘ставить’ и *тартмақ* ‘тянуть’. Очевидно, что на базе этих мотивирующих значений происходило развитие других значений данных по-

лисемантов [Мушаев, Абдуллаев 2016: 110; Пюрбеев 2015: 386].

В рассматриваемых языках изменение семантики слова может происходить благодаря переносу значений. Такой перенос происходит на основе сходства формы, функций, ассоциаций и т.д. Так, в частности, можно указать на факты переноса значений древних слов в современные языки [Мушаев 2016а: 389; 2016б: 210; 2016в: 244; Пюрбеев 2013: 122] Примеры из уйгурского языка:

сараң ‘скупой, скряга’ — *сараң* ‘безумный, глупый’; *чоғ* ‘блеск, сияние, пламя’ — *чоғ* ‘горящие угли’; *чирақ* ‘светильник’ — *чирақ* ‘маяк’; *оюн* ‘игра’ — *оюн* ‘концерт’ — *оюн* ‘спектакль, представление’; *булбул* ‘соловей’ — *булбул* ‘певец’ — *булбул* ‘поэт’; *пул* ‘деньги’ — *пул* ‘возможности’ — *пул* ‘ресурс’.

Примеры из калмыцкого языка:

аһар ‘воздух, атмосфера’ — *аһар* ‘погода’ — *аһар* ‘сфера, пространство’; *эвэ* ‘мелодия, гармония’ (*ширин ирлицн эвэ* ‘гармония красок’) — *эвэ* ‘фонема’; *зам* ‘путь’ — *зам* ‘тракт, большая дорога’ — *зам/заман* ‘кухня’ (срав.рус.: тракт — трактир); *нүүдл* ‘кочевка, перекочевка’ — *нүүдл* ‘ход’ (*мини нүүдл* ‘мой ход, шахматы’); *тамһ* ‘тавро, клеймо’ — *тамһ* ‘грамота’ — *тамһ* ‘таможня’; *үүрг* ‘ноша, вязанка, поклажа’ — *өрн-үүрг* ‘долг, обязанности’ — *үүрг* ‘грам. функция’; *күүкд* ‘дети, детвора’ — *күүкд* ‘ребенок’ — *күүкд* ‘девочки, девушки’.

Расширение значения может давать различные семантические варианты. Обратимся к примерам: *кулак* ‘ухо — ушко ведра — колокол музыкального инструмента’; *боғум* ‘сочленение, сустав — поколение — грам. слог’; *тармақ* ‘ветвь, ответвление — геогр. ручеек, рукав — отрог, отрасль, область’; *той* ‘свадьба — праздник’; *нан* ‘хлеб — пропитание’; *айқ* ‘нога — конец — устье’.

Данные примеры иллюстрируют изменение значения первоначального слова в сторону его расширения. Калмыцкие примеры: *бод* ‘крупный скот’ (верблюды, лошади, коровы; срав. *боғ мал* ‘мелкий скот’) — *бод* ‘единица подсчета скота в переводе на голову крупного скота’ (срав. *бод арун* ‘меновая стоимость’, ‘мена’); *бүс* ‘пояс, обрuch’ — *бүс* геогр. ‘зона, пояс’; *диг* ‘порядок, распорядок, режим’ — *диг* ‘итог’; *дуңһра* ‘круг, круглый’ — *суңһерин дуңһра* ‘избирательный округ’; *зэ* ‘пространство, промежуток, место, время’ — *зэ* ‘дистанция, вбирающая пространство’, ‘время’; *үй* ‘поколение’ — *үй* ‘эпоха, период’.

Трансформация значения слова может явиться результатом как расширения первоначальной семантики, так и ее сужения. Это можно видеть на примерах из уйгурского и калмыцкого языков. Например, слово *бак* в древнеуйгурском языке имело следующие значения: а) ‘правитель, бек, князь, господин’; б) ‘муж, супруг’. В современном уйгурском языке сохранилась лишь первая разновидность значения. Другими словами, произошло сужение семантики многозначного слова.

Лексическая единица *хотун* в современном уйгурском языке имеет значение ‘жена, женщина’, тогда как в древнеуйгурском языке данное слово имело следующие значения: а) ‘госпожа, вельможная женщина, дама знатного происхождения’; б) ‘женщина правителя, знатного человека’.

Слово *тәңри* ранее имело ряд значений: а) ‘небо’; б) ‘бог, божество’ в) ‘божественный’; г) ‘повелитель, господин’. Если же обратиться к современному уйгурскому языку, мы наблюдаем использование слова только в значении ‘бог, божество’.

Древнеуйгурское слово *аруқ* употреблялось как полисемант в следующих значениях: а) ‘усталый, утомленный’; б) ‘худой, исхудалый’. В настоящее время в современном уйгурском языке отмечается лишь второе из указанных значений.

Приведем аналогичные примеры из калмыцкого языка: *саң* ‘казна, хранилище, сокровищница’ — устаревшая форма, используется узкое значение: *дегтрин саң* ‘библиотека’, *ухан саң* перен. ‘кладезь мудрости’; *боғд* ‘святейший’, (*хальмг боғд лам* ‘калмыцкий святейший лама’) — *боғд* ‘император, царь’ (эзн *боғд* ‘император, царь’), используется форма: *Боғдо гегэн* ‘верховный лама’ и *Боғд уул* ‘гора Боғдо’; *бөлг* — значения: ‘род, этническая группа’ устарели, а используется *бөлг* ‘часть, глава, раздел’: (*долан бөлгтэ зокъял* ‘произведения из 7 глав’). Слово *гинжэ* имело два значения: ‘кандалы, цепи’ (*гинжэ чөдр* ‘кандалы’) и ‘дужка’ (*суулһин гинжэ* ‘дужка у ведра’) — используется лишь второе; *гөр* ‘подозрение, клевета’ (*хар гөр* ‘ложное подозрение’), ‘надежда, отчаяние’ (*гөр тасрх* ‘перестать надеяться’) — второе значение данной формы не используется; *довтлх* ‘ехать вскачь’, ‘галопировать’ и ‘совершать набег’ (нападать) — второе значение не используется.

Для носителей уйгурского языка в плане развития многозначности характерна такая особенность, как ассоциативное мышление,

которое позволяет, например, объединить наименование родственников вокруг одного члена семьи. Например: *келин* а) 'жена сына', б) 'жена младшего брата', *кейината* а) 'тесть'; б) 'свекор', *кейшана* а) 'теща', б) 'свекровь'. Подобные примеры также встречаются в калмыцком языке:

баз 'свои (мужья родных сестер)': а) 'муж старшей из сестер', б) 'жена старшего брата по отношению к женам младших братьев'; 'невестка (жены родных братьев)';

баав: в дерб. говоре а) 'отец, папа'; б) 'дядя'. В торг. говоре а) 'мама'; б) 'тетя (по отцовской линии)'.
хадм: 'родня по мужу (по жене)'; *хадм эцк*: а) 'свекр', б) 'тесть'; *хадм эк*: а) 'свекровь', б) 'теща'. В связи с приведенными выше примерами из двух языков отметим, что возникающая многозначность в обозначении терминов родства имеет объяснение в исследованиях этнографов. В одну категорию родства объединяются представители двух смежных поколений, и это называется «скользящим» счетом поколений, характерным для многих народов, и в этом смысле уйгуры и калмыки не исключение [Бардаев 1985: 101; Бикбулатов 1983: 245; Голубева 2015а: 181; 2015б: 181; Сосюр 1977: 234; Шагдаров 1971: 155].

Подавляющее число примеров полисемии демонстрирует сходство по функциональной характеристике.

Уйгурские примеры:

ойнимақ а) 'играть', б) 'танцевать', *қиз* а) 'дочь', б) 'девочка, девушка'; *қалмақ* а) 'остаться', б) 'прекращать что-либо делать' (например, *су қалмақ* 'прекращать пить воду'); *ташимақ* а) 'бросать', б) 'оставлять какое-либо занятие'; *қитап* а) 'книга', б) 'Коран'; *язмақ* а) 'писать', б) 'программировать'.

Калмыцкие примеры:

1. Сходство по функции: *белдкл* а) 'приготовление, подготовка', б) 'резерв, запас, заготовка'; *боодг* а) 'связка, сверток, сноп'; б) 'упаковка, плотина, водохранилище'; *боом* а) 'застава, погранпункт'; б) 'преграда, препятствие' (сравн. Боомское ущелье в Киргизии).

2. Сходство по месту: + *бөгс* а) 'зад, задняя часть чего-либо', б) 'корма судна'; *бел* а) 'подножье горы', б) 'платок на поясице' (сравн. *белжүсн* 'поясица', *белкнг* 'средний сын'; *өлгә* а) 'колыбель, люлька', б) перен. 'место происхождения' (*революцин өлгә* 'колыбель революции').

3. Сходство по свойствам материала: *бура* а) 'лоза, прут', б) 'трость'; *дуң* а) 'большая раковина', б) 'музыкальный инструмент из раковины':

4. Сходство по виду действия: *бүржәннх* а) 'кипеть, хлопотать', б) 'клубиться', в) 'горячиться'; *бүүр* 'кочевье, стоянка; ход' (в шахматах *бүүр кев* 'сделал ход'); *үмгх* а) 'покусать', б) 'мять', в) 'потирать' (*һаран үмгх* 'потирать руки').

Преобладающим способом развития полисемии в уйгурском и калмыцком языках выступает метафорический перенос. При этом типы метафорических переносов наталкивают на мысль, что в языковой картине мира двух народов наблюдается тенденция отражать в первую очередь очевидные и функционально непосредственные связи. Примеры из уйгурского языка:

1) метафоры, соотнесенные с качественной характеристикой животных: *төрпөк* 'теленек'—'увалень'; *шир* 'лев'—'храбрец'; *ийг* 'собака'—'плохой человек'; *чошқа* 'свинья'—'грязнуля'; *қой* 'овца'—'скромный'; *қала* 'корова'—'неповоротливый человек';

2) эквивалент, связанный со свойством основного значения: *май* 'жир', 'масло'—'достаток'; *юлтуз* 'звезда'—'везение'; *қизил* 'красный'—'красивый' (сравн. поговорку «*Қизиниң қөзи қизилда*» «Взор девушки всегда на красивом»); *мал* 'домашний скот'—'товар'; *төмүр* 'железо'—'твердый человек'; *ай* 'луна'—'красавица';

3) значение лексемы может образовываться с опорой на близость формы: *алма* 'яблоко'—'грудь' (женская); *тал* 'ива'—'девичий стан', 'фигура'; *бел* 'спина'—'хребет горы' (кирг.);

4) многозначные формы лексем в уйгурском языке могут образовываться с учетом и оценочных характеристик: *су* 'вода'—'жизнь'; *қөз* 'глаз'—'источник'; *чиш* 'зуб'—'нервы'.

В калмыцком языке подобный способ образования встречается достаточно широко: *бүлән* а) 'теплый'—'подогретый', б) 'доброжелательно'—(*бүлән хэләц* 'теплый взгляд'); *зөг* а) 'пчела', б) 'острый', 'заостренный' (жало); *орм* 'место'—'след', 'отпечаток'; 'пост', 'должность' [Бертагаев 1974: 153; Хонинов 2010: 170; Шагдаров 1974: 195; Шмелев 1973: 113].

В зависимости от контекста возможно последовательное формирование категории калмыцких лексем: *харш* 'помеха', *холва* 'связь', *хоома* 'ленивый'—от общего к

конкретному значению и наоборот. Первая цепочка: *харш* а) 'препятствие' (трудность); б) с дат. п. несовместимость в словосочетании: анти-, против: *чикнд харш* 'противный для слуха' (антидействие); в). *харш хома* 'саботажник' (вообще против всех);

холва а) 'связь' (вообще), б) 'пути' (животных), в) грам. союз (часть речи);

хоома а) 'нерасторопный' (сам); б) 'небрежный' (в делах); в) 'ненадежный' (во всем).

Подобная последовательная полисемия возможна и по форме действий. Например: *зөвшилх* а) 'разрешить'; б) 'соглашаться'; в) 'визировать' (как следствие); *зүткх* а) 'спорить'; б) 'настаивать' (на своем); в) 'стараться' (реализовать); *ниилх* а) 'соединяться'; б) 'составлять компанию'; в) 'жить вместе'; г) 'жениться'.

Полагаем, что только при таком подходе можно объяснить тот факт, что семантические парадигмы многозначных слов в каждом толковом словаре имеют свои критерии выделения и количество значений. Точка зрения ученых, определяющих многозначность как один из аспектов вариантных отношений с их семантическими факторами и типологией значений, представляется достаточно интересной, важной и обоснованной.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта №16-04-00304 «Aspects of Ambiguity in Turkic-Mongolian Languages (on Material of Kalmyk and Uighur Languages)».

Литература

- Арсеньева М. Г., Строева Т. В., Хазанович А. П.* Многозначность и омонимия. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1966. 131 с.
- Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. М.: Сов. энциклопедия, 1966. 335 с.
- Бардаев Э. Ч.* Современный калмыцкий язык. Лексикология. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1985. 153 с.
- Бенвенист Э.* Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 448 с.
- Бертагаев Т. А.* Лексика современных монгольских литературных языков. М.: Наука, 1974. 382 с.
- Бикбулатов Н. В.* Скользящий счет поколений в урало-алтайских системах родства (по данным ареальных наблюдений) // Ареальные исследования в языкознании и этнографии (язык и этнос). Л.: Наука, 1983. С. 240–247.
- Болдырев Н. Н.* Когнитивная лингвистика. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2016. 251 с.
- Голубева Е. В.* Сравнительно-сопоставительный анализ глаголов звучания // Актуальные вопросы филологических наук. Мат-лы III Межд. науч. конф. Казань: Бук, 2015. С. 39–44.
- Голубева Е. В.* Лексико-грамматическая характеристика фразеологических единиц в современном калмыцком языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 1-1 (43). С. 180–182.
- Кубрякова Е. С.* Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Часть речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
- Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1990. 682 с.
- Мушаев В. Н.* К теоретическим вопросам создания словаря омонимов калмыцкого языка // Великие евразийские миграции: Мат-лы Межд. науч. конф. (11–14 октября 2016 г.). Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2016а. С. 387–392.
- Мушаев В. Н.* К вопросу о синтаксической омонимии в калмыцком языке // Гуманитарная наука Юга России: международное и региональное взаимодействие. Мат-лы II Межд. науч. конф. посвящ. 75-летию КИГИ РАН. Элиста: КИГИ РАН, 2016б. С. 210.
- Мушаев В. Н.* О лексико-грамматической многозначности и омонимии // Вестник Исыккульского университета им. К. Тыныстанова. № 41. Каракол, 2016в. С. 243–246.
- Мушаев В. Н., Абдуллаев С. Н.* Об изучении синтаксических омонимов на материале монгольских и тюркских языков // Вестник Калмыцкого университета. 2016. № 4. С. 109–114.
- Пюрбеев Г. Ц.* Исследования по языкам и культуре монгольских народов. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2015. 496 с.
- Пюрбеев Г. Ц.* Термины родства и семейно-родственных отношений в памятниках монгольского права XVIII в. «Халха джирум» // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2013. № 3. С. 121–123.
- Соссюр Ф.* Курс общей лингвистики // Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. 695 с.
- Убушаева Б. В.* Понятия «язык», «родной», «русский», «калмыцкий» в языковом сознании жителей Калмыкии (по данным анкетирования) // Молодой ученый. Тамбов: Грамота, 2014, № 2 (61). С. 963–965.
- Хонинов В. Н.* Калмыцкие зоонимы // Искусство и образование. М.: Международный центр «Искусство и образование», 2010. № 7. С. 167–172.
- Цинциус В. И.* К этимологии терминов родства // Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков. Л.: Наука, 1972. С. 15–70.

- Чареков С. Л. Лексическая полисемия в эвенкийском и бурятском языках. Ч. I. Имя существительное и прилагательное. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2010. 132 с.
- Чареков С. Л. Семантическая структура словообразования в русском и алтайских языках. СПб.: Наука, 2004. 104 с.
- Шагдаров Л. Д. О развитии переносных значений в словах, общих некоторым тюркским и монгольским языкам // Проблемы общности алтайских языков. Л.: Наука, 1971. С. 151–159.
- Шагдаров Л. Д. Функционально-стилистическая дифференциация бурятского литературного языка. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1974. 347 с.
- Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. М.: Наука, 1973. 280 с.
- References**
- Arsenyeva M. G., Stroeva T., Khazanovich, A. P. *Mnogoznachnost' i omonimiya* [Polysemy and homonymy]. Leningrad, Leningrad State Univ. Press, 1966, 131 p. (In Russ.).
- Ahmanova O. S. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Moscow, Sovetskaya Entsyclopediya Publ., 1966, 335 p. (In Russ.).
- Bardaev E. Ch. *Sovremennyy kalmytskiy yazyk. Leksikologiya* [Modern Kalmyk. Lexicology]. Elista, Kalm. Book Publ., 1985, 153 p. (In Russ.).
- Benveniste E. *Obshchaya lingvistika* [General linguistics]. Moscow, Progress Publ., 1974, 448 p. (In Russ.).
- Bertagaev T. A. *Leksika sovremennykh mongol'skikh literaturnykh yazykov* [Vocabulary of modern Mongolic literary languages]. Moscow, Nauka Publ., 1974, 382 p. (In Russ.).
- Bikbulatov N. V. *Skol'zyashchiy schet pokoleniy v uralo-altayskikh sistemakh rodstva (po dannym areal'nykh nablyudeniya)* [A clustering count of generations in the Ural-Altai systems of kinship (evidence from onsite observations)]. *Areal'nye issledovaniya v yazykoznanii i etnografii (yazyk i etnos)* [Onsite areal studies in linguistics and ethnography (language and ethnos)]. Leningrad, Nauka Publ., 1983, pp. 240–247 (In Russ.).
- Boldyrev N. N. *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive linguistics]. Moscow, Berlin, Direkt-Media, 2016, 232 p. (In Russ.).
- Golubeva E. V. *Sravnitel'no-sopostavitel'nyy analiz glagolov zvuchaniya* [A comparative analysis of sound denoting verbs]. *Aktual'nye voprosy filologicheskikh nauk. Mat-ly III Mezhd. nauch. konf.* [Topical Issues of Philology. Proc. of the 3rd Internat. research conf.]. Kazan, Book Publ., 2015, pp. 39–44 (In Russ.).
- Ubushaeva B. V., Golubeva E. V. *Leksiko-grammaticheskaya kharakteristika frazeologicheskikh edinits v sovremennom kalmytskom yazyke* [Lexical and grammatical characteristic of phraseological units in the modern Kalmyk language]. *Filologicheskoe nauki. Voprosy teorii i praktiki* (Philological Sciences. Issues of Theory and Practice). 2015, No. 1-1 (43), pp. 180–182 (In Russ.).
- Kubryakova E. S. *Yazyk i znanie: Na puti polucheniya znaniy o yazyke: Chast' rechi s kognitivnoy tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira* [Language and knowledge: developing knowledge about language. Parts of speech from the cognitive viewpoint. The role of language in world cognition]. Moscow, Languages of Slavic Culture Publ., 2004, 560 p. (In Russ.).
- Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic encyclopedic dictionary]. Moscow, Sov. Entsycl. Publ., 1990, 682 p. (In Russ.).
- Mushaev V. N. *K teoreticheskim voprosam sozdaniya slovary omonimov kalmytskogo yazyka* [Compiling a dictionary of Kalmyk homonyms: theoretical issues revisited]. *Mat-ly Mezhd. nauch. konf. «Velikie evraziyskie migratsii», 11–14 oktyabrya 2016 g.* [Proc. of the Internat. scientif. conf. – The Great Eurasian Migrations, 11–14 October 2016]. Elista, Kalm. State Univ. Press, 2016, pp. 387–392 (In Russ.).
- Mushaev V. N. *K voprosu o sintaksicheskoy omonimii v kalmytskom yazyke* [The Kalmyk language: syntactic homonymy revisited]. *Gumanitarnaya nauka Yuga Rossii: mezhdunarodnoe i regional'noe vzaimodeystvie. Mat-ly II Mezhd. nauch. konf, posvyashch. 75-letiyu KIGI RAN* [The Humanities in Southern Russia: International and Regional Cooperation. Proc. of the 2nd Internat. research conf. celebrating the 75th anniversary of the Kalmyk Inst. for Humanities of the RAS]. Elista, Kalm. Inst. for Humanities (RAS) Press, 2016, pp. 211–212 (In Russ.).
- Mushaev V. N. *O leksiko-grammaticheskoy mnogoznachnosti i omonimii* [On lexical-grammatical polysemy and homonymy]. *Vestnik Issykul'skogo universiteta im. K. Tynystanova* (Bulletin of Tynystanov Issyk-Kul University), No. 41, Karakol, 2016, pp. 243–246 (In Russ.).
- Mushaev V. N., Abdullaev, S. N. *Ob izuchenii sintaksicheskikh omonimov na materiale mongol'skikh i tyurkskikh yazykov* [On the study of syntactic homonyms on the basis of texts in Mongol and Turkish languages]. *Vestnik Kalmytskogo universiteta* (Bulletin of the Kalmyk University), No. 4, Elista, 2016, pp. 109–114 (In Russ.).
- Pyurbeev G. Ts. *Issledovaniya po yazykam i kul'ture mongol'skikh narodov* [Mongolian peoples: studies on languages and cultures]. Elista, Kalm. State Univ. Press, 2015, 496 p. (In Russ.).
- Pyurbeev G. Ts. *Terminy rodstva i semeynorodstvennykh otnosheniy v pamyatnikakh mongol'skogo prava XVIII v. «Khalkha dzhirum»* [Terms of kinship and family-kinship

- relations in the monument of the Mongolian law XVIII century "Khalkha Dzhium". *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN* (Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS), No. 3, Elista, 2013, pp. 121–123 (In Russ.).
- Saussure, F. de. *Kurs obshchey lingvistiki* [Course in General linguistics]. *Trudy po yazykoznaniiyu* [Works on linguistics]. Moscow, Progress Publ., 1977, 695 p. (In Russ.).
- Ubushaeva B. V. *Ponyatiya «yazyk», «rodnoy», «russkiy», «kalmytskiy» v yazykovom soznanii zhiteley Kalmykii (po dannym anketirovaniya)* [The concepts of 'language', 'native', 'Russian', 'Kalmyk' in the linguistic consciousness of Kalmykia's residents (evidence from a questionnaire survey)]. *Molodoy uchenyy* (The Young Scientist journal), Tambov, Gramota Publ., 2014, No. 2 (61), pp. 963–965 (In Russ.).
- Khoninov V. N. *Kalmytskie zoonimy* [Kalmyk zoonyms]. *Iskusstvo i obrazovanie* (Art and Education journal). Moscow, Iskusstvo i Obrazovanie Publ., 2010, No. 7, pp. 167–172 (In Russ.).
- Tsintsius V. I. *K etimologii terminov rodstva* [Etymology of kinship terms revisited]. *Ocherki sravnitel'noy leksikologii altayskikh yazykov* [Altaic languages: sketches on comparative lexicology]. Leningrad, Nauka Publ., 1972, pp. 15–70 (In Russ.).
- Charekov S. L. *Leksicheskaya polisemiya v evenskom i buryatskom yazykakh. Ch. I. Imya sushchestvitel'noe i prilagatel'noe* [Lexical polysemy in Evenk and Buryat languages. Part I. The noun and the adjective]. St. Petersburg, Pushkin Leningrad State University Press, 2010, 132 p. (In Russ.).
- Charekov S. L. *Semanticheskaya struktura slovoobrazovaniya v russkom i altayskikh yazykakh* [Semantic structure of word formation patterns in Russian and Altaic languages]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2004, 104 p. (In Russ.).
- Shagdarov L. D. *O razvitiy perenosnykh znacheniy v slovakh, obshchikh nekotorym tyurkskim i mongol'skim yazykakh* [On the development of figurative meanings in words shared by some Turkic and Mongolic languages]. *Problemy obshchnosti altayskikh yazykov* [Altaic languages: common features]. Leningrad, Nauka Publ., 1971, pp. 151–159 (In Russ.).
- Shagdarov L. D. *Funktional'no-stilisticheskaya differentsiatsiya buryatskogo literaturnogo yazyka* [Functional-stylistic differentiation of the Buryat literary language]. Ulan-Ude, Buryat Book Publ., 1974, 347 p. (In Russ.).
- Shmelev D. N. *Problemy semanticheskogo analiza leksiki* [The problems of semantic analysis of lexis]. Moscow, Nauka Publ., 1973, 280 p. (In Russ.).

УДК 811.512.3+811.512.1'373.423

Аспекты многозначности в тюрко-монгольских языках (на материале калмыцкого и уйгурского языков)

Владимир Наранович Мушаев¹, Сайфулла Нурмухамедович Абдуллаев²

¹ доктор филологических наук, профессор, Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова (Элиста, Российская Федерация). E-mail: mushaev vn@mail.ru

² доктор филологических наук, профессор, Иссык-Кульский государственный университет им. К. Тыныстанова (Каракол, Кыргызстан). E-mail: igu@,issyk-kul. kg

Аннотация. В статье на материале калмыцкого и уйгурского языков рассматриваются особенности многозначных лексических форм с учетом современных психолингвистических подходов и аспектов когнитивной лингвистики. Согласно теории многоуровневого значения, полисемия слова представляется как набор взаимосвязанных между собой вариантов, объединенных одной базовой доминантой. Доминирующее значение в зависимости от контекста может быть основным и потенциальным. Конкретный лингвистический материал подтверждает точку зрения, в соответствии с которой лексико-грамматические варианты значения слов и речевые смыслы не существуют вне контекстов и опыта речевого общения. Слово и его смысл рассматриваются как единая категория, в состав которой входят результаты анализа процесса нашего познания, при сохранении единицы языка — лексемы и возможности различных видов проявления ее в речи. Данный подход позволил определить типологические особенности образования в изучаемых языках многозначности слов на основе сходства форм, функций, результатов, ассоциаций и т. д.

Ключевые слова: многозначность, когнитивная лингвистика, ассоциация, лексическая категория слова, контекст, доминанта, лексико-грамматические варианты, типология, теория многоуровневого значения

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 34, Is. 6, pp. 111–116, 2017
DOI 10.22162/2075-7794-2017-34-6-111-116
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 811.512.3

Word-Stress Patterns in Mongolic Languages

Jargal B. Badagarov ¹

¹ Ph. D. in Philology (Cand. of Philological Sc.), Associate Professor, Head of Department of Central Asian Philology, Institute of Oriental Studies, Buryat State University (Ulan-Ude, Russian Federation). E-mail: bjargal@mail.ru

Abstract. The paper presents a preliminary analysis of stress patterns in Mongolic languages. According to the author's hypothesis, there are at least three major word stress patterns in Mongolic. The word-stress patterns discussed in the paper derive from the analysis of relationship between various vowel nuclei and pitch accent. Possible ways of application of this interpretation to the study of diachronic development of word sound and syllable structure in Mongolic are briefly considered. Further testing of the hypothesis shall require phonetic investigation of word stress patterns in Mongolic.

In the article, the term 'stress pattern' stands for models (patterns) or structural types of word stress. Since the works in general phonetics by Russian scholars contain almost no mention of the term 'word-stress model', a decision was made to apply the term 'word-stress pattern' in a little different sense. The paper suggests that an adequate understanding of the question shall cast light upon a number of contestable issues of Mongolic comparative and historical phonetics.

A total of four viewpoints upon the Mongolic word stress can be identified in works dealing with Mongolian philology, namely: 1) The stress is on the first syllable and is essentially expiratory (the viewpoint had been cultivated by the first investigators of the Mongolian language, the authors of the first grammar books, and is still widespread enough, especially within some university programs); 2) The stress is on the last syllable and is not dynamic (being achieved through 'tone elevation'); 3) There is no stress; 4) The stress does exist though it may essentially vary.

As mentioned above, the author's hypothesis suggests there are at least three major word-stress patterns in Mongolic languages. Two of them have evidently developed in the recent period and are basically unstable in terms of diachrony. Pattern three is typical for contact zones.

Keywords: word stress, Mongolic languages, stress patterns

Сразу же оговоримся, что в данной работе под типами ударения подразумеваются паттерны (модели) или структурные типы ударения. Поскольку в отечественных трудах по общей фонетике, термин «модель ударения» еще не прижился, было решено использовать термин «тип ударения» в немого ином значении.

Характеристика монгольского ударения дается уже в самых ранних грамматиках монгольского языка, тем не менее в монго-

ловедении до сих пор нет единого мнения относительно характера ударения в монгольских языках и его позиции в слове. Мы считаем, что адекватное понимание вопроса способно пролить свет на многие спорные вопросы сравнительно-исторической фонетики монгольских языков. В данной работе постулируется гипотеза о наличии по крайней мере трех типов словесного ударения в монгольских языках. Два из них, по всей вероятности, развились относительно давно

и характеризуются определенной устойчивостью в диахроническом плане. Анализ материала позволяет выделить отдельные явления, подтверждающие наше предположение. По крайней мере, можно попытаться очертить их границы и ареалы взаимовлияния. Третий тип характерен для контактных зон. Вполне возможно, что тщательная проработка вопроса в будущем даст более детальную картину тех процессов, которые происходят в сфере акцентуации в монгольских языках в контактных зонах.

Обзор взглядов на монгольское ударение содержится в работе Л. К. Герасимович [1975: 28–33]. Она выделяет два взгляда на проблему: 1) ударение падает на первый слог ([Шмидт 1832: 15], [Руднев 1905, 1913], [Рамстедт 1908: 56], [Владимирцов 1929: 97], [Санжеев 1960: 20], [Тодаева 1951: 40], [Лувсанвандан 1967: 63], [Пэрлээ 1956: 104]) и 2) на последний слог ([Бобровников 1849: 33], [Ковалевский 1835: 19], [Котвич 1902: 43–44], [Позднеев 1880: 322]) [Герасимович 1975: 29–31]. В своей работе Л. К. Герасимович предупреждает, что тип монгольского ударения и его место в слове интересовали ее лишь в связи с выявлением ритмической основы монгольского стиха [Герасимович, 1975: 28]. Она пришла к выводу о том, что «1) в монгольском языке нет сильного, динамического ударения, постоянно падающего на первый слог; 2) в нем вообще нет отчетливо воспринимаемого носителями языка ударения, последовательно выделяющего в слове один определенный слог» [Герасимович 1975: 122]. Подобное мнение об ударении в тюркских языках мы находим у Грөнбека, который считает, что четко выраженного ударения в тюркских языках нет [Grönbech 1940: 378]. В работе Л. К. Герасимович не отражены труды Н. Н. Поппе, который считал, что халха-монгольский обладает сильным экспираторным ударением. Трудно согласиться с утверждением Поппе об ударенности именно предпоследнего долгого гласного или дифтонга в словах, содержащих несколько долгих или дифтонгов [Porre 1970: 47]. П. Ц. Биткеев, изучив проблему ударения в монгольских языках, в частности калмыцком и бурятском, экспериментальными методами, считает четкое произношение гласного первого слога качественным ударением и называет его главным, музыкальное же ударение падает на последний слог и является второстепенным, в односложных словах

оба ударения приходятся на этот слог [Биткеев 1995: 83]. Авторы Всемирного атласа языковых структур (WALS — World Atlas of Language Structures) вполне оправдано приняли осторожную формулировку об отсутствии фиксированного ударения в халха-монгольском [Goedemans, Hulst 2013].

Таким образом, в целом можно выделить четыре взгляда относительно монгольского ударения: 1) ударение приходится на первый слог и по своей природе является экспираторным (как было сказано выше этого взгляда придерживались первые исследователи монгольского языка, авторы первых грамматик, тем не менее это мнение бытует до сих пор, особенно в практике преподавания отдельных вузов); 2) ударение приходится на последний слог и не является силовым (происходит «повышение тона»); 3) ударения нет; 4) ударение есть, но оно имеет различную природу [Золхоев 1980: 63].

Одной из причин такого разброса во мнениях, по нашему мнению, является ошибочная предпосылка об одинаковости ударения во всех монгольских языках. Известно, что наибольшие различия монгольские языки показывают в области фонетики, что является свидетельством существования изначальной фонетической вариативности в монгольском праязыке, что в конечном счете привело к столь сильным отличиям именно на фонетическом уровне. На наш взгляд, одним из элементов фонетической системы протомонгольского, допуская вариации, было ударение. Мы считаем, что неравномерная редукция первослоговых кратких гласных и развитие долгих гласных и дифтонгов из двослогов не в последнюю очередь обусловлены характером и позицией ударения в слове. Особенно показательны в этом отношении фонетически двусложные слова, образовавшиеся на месте аналитических конструкций из главного и вспомогательного глагола. Например: совр.-монг. *гэжийнэ* [gɛˈdʒɪn] < *гэж байна* ‘говорит (наст. конкр.)’, бур.-разг. *хэльтэ* [xɛlˈtɛ] < *хэлэжэрхи* - < *хэлэжэ орхи* - ‘скажи (быстренько)’. В этих примерах можно видеть, что при стяжении у второго слова выпадает гласный первого слога, что, разумеется, было бы затруднительно в случае его ударности. Подобные примеры выпадения гласного первого слога можно встретить и в односложных словах: письм.-монг. *umartaqu*, ср. халх. *мартах*, бур. *мартах*,

калм. *мартх* ‘забыть’; письм.-монг. *emegel*, халх., лит.-бур. *эмээл* > тунк. *мээл*, калм. *эмэл* ‘седло’, письм.-монг. *iniyekü*, халх. *инэ-эх*, лит.-бур. *энеэхэ* > хорин. *неэхэ*, калм. *инэх* ‘смеяться’.

Опрос носителей монгольских языков относительно ударения привел нас к убеждению, что ударение в этих языках имеется, и носители способны воспринять его и определить его позицию в слове. Так, высказываясь об особенностях речи закаменских бурят, пожилой мужчина-носитель хоринского диалекта, сообщил, что “у них (у закаменцев. — Ж. Б.) немного другое ударение”. Действительно, язык закаменских бурят обладает ударением и интонацией, близкой к халхаскому типу. Язык хоринских бурят в отношении ударения близок к калмыцкому. В целом можно говорить о двух типах ударения в монгольских языках: 1) халхаского типа и 2) бурятско-ойратского типа.

Соглашаясь с мнением исследователей о роли первого слога слова в монгольских языках как сингармонического ядра слова (гласный первого слога слова произносится отчетливо и определяет сингармоническую сущность слова), в то же время нельзя не заметить, кроме отчетливого произношения первого слога в монгольских языках, возможность выделения любого последующего слога повышением тона. При этом, вероятно, происходит сложное движение тона, которое может быть воспринято как дополнительное ударение на соседних слогах. В общем виде это имеет аналогию с морями в японском языке [Naraguchi 1991: 120]. Японские описания монгольского ударения выполнены именно в терминах мор. Повышение тона может совпадать с увеличением интенсивности и сокращением длины долгого гласного. Это повышение тона мы назовем музыкальным ударением и в дальнейшем будем вести речь именно о нем.

Как отмечено выше, согласно нашим наблюдениям, в монгольских языках возможно выделить два основных типа акцентуации. Первый (халхаский) тип характеризуется следующими особенностями: 1) в слове, где содержатся только краткие гласные, выделяется музыкальным ударением последний закрытый слог. При присоединении аффикса с кратким гласным ударение сдвигается на него. Например: *ө'дөр¹* ‘день’ — *өдөрт*

¹ Ударный слог обозначен короткой вертикальной чертой, т. е. музыкальное ударение

нь [өдөрт'өн] ‘день + д.-м.п. + личн. прит. 3 л. = в день’; 2) в слове с долгим гласным ударение приходится на него, если долгих гласных несколько, то ударение приходится на первое. Также появляется второстепенное ударение на последнем слоге, видимо, для обозначения границы слова. Например: *'суу,хад* ‘когда сидит’, *о'руула,хад* ‘когда приглашают войти’, *'хойм,роо,соо*. Ударенный долгий гласный, включая те, на которые приходится второстепенное ударение, становятся заметно короче (нормально долгие — по терминологии Г. Д. Санжеева [1953: 82]), по сравнению с неударенными. Как в любом правиле, здесь есть исключения. Например, слово *хуушуур* ‘мясной пирожок’ произносится как [хуу'шуур] (тройным гласным мы обозначили сверхдолгую (по терминологии Г. Д. Санжеева) [Санжеев 1953: 82–83] гласную). Таким образом, в халхаском типе акцентуации мы имеем сдвиг ударения при появлении долгого гласного, или перетягивание ударения на долгую гласную. Халхаское ударение в общем-то верно описано в учебнике З. К. Касьяненко [Касьяненко 2002: 11].

Второй тип ударения, или бурятско-ойратский, характеризуется постоянной позицией ударения на последнем слоге. Ударение на последнем слоге слова имеет тональную природу, т. е. является музыкальным [Будаев 1981: 97, 104, 108]. Здесь также возможны исключения, природа которых будет изложена ниже. Если долгий гласный попадает на последний слог, он произносится относительно кратко, что в некоторых случаях приводит к смешению кратких и долгих гласных. В односложных словах единственный слог находится под ударением, поэтому долгие гласные ведут себя также, смешиваясь с краткими. Например, калм. *зан* ‘слон’ произносится как [зань], тогда как бур. *заан*, халх. *заан* < *ʃaʊan* ‘слон’, ср. калм. *хун* [хунь] ‘лебедь’ < **qun* < **qung* ‘id.’, бур., халх. *хун(э)* ‘id.’. Долгий гласный неударенного слога становится сверхдолгим. Например: бур. *хаагаа* ‘закрыл’ произносится как [хааа'гаа], *ооһороо* ‘свою веревку’ — [ооһ'роо], *сүлөөлхөө* ‘чтобы освободить’ — [сүлөөөл'хөө] и т. п.

Анализ данных позволяет констатировать диахронический сдвиг ударения в монгольских языках. Первоначально ударение приходится на слог после черты. Вертикальная черта сверху показывает основное ударение, а снизу — второстепенное.

находилось постоянно на последнем слоге словоформы. Затем произошел сдвиг этого ударения на предпоследний слог. Таким образом, слова типа *на'ран*, *а'ха*, *хэ'лэн* стали произноситься как *'нара*, *'аха*, *'хэлэ* (конечный *-н* выпал в результате ослабления), здесь же лежат корни тенденции к произнесению слов, первоначально имевших в ауслауте согласный с протетическим гласным по аналогии со словами, которые имели конечный гласный исторически. Так возникли формы типа *гэрэ* вместо *гэр* 'дом', *көлэ* вместо *көл* 'нога', *сала* вместо *сал* 'плот' и т. п. Что касается хронологии вторичных долгот относительно данного сдвига ударения, то вероятнее всего предположить, что эти две тенденции действовали довольно долгое время и знали периоды параллельного существования. В пользу этого может говорить также то, что образование долгих гласных на месте комплексов ГСГ продолжается и по сей день в различных диалектах и говорах монгольских языков.

Исключения из данного правила составляют сложные слова, а также некоторые глагольные формы, восходящие к аналитическим конструкциям с видовым значением. Также есть такие слова, как *зуурандаа* 'по пути' и *хоорондоо* 'меж собой', показывающие сдвиг ударения, причины которого трудно определить однозначно. Например: бур. *зуураха* [зууура'ха] 'мести' и *зуурандаа* [зуурандаа] 'по пути'; *хоохон* [хооо'хон] 'пустой' и *хоорондоо* [хоорондоо] 'меж собой'. Сдвиг ударения по образцу бур.-разг. *ябаха* [яб'ха] 'идти', *ябахата* [ябха'да] 'когда пойдет', *'ябшаха* 'уйти совсем'; *һуу'ха* 'сидеть', *һууха'да* 'во время сидения', *'һуушха* 'сесть (быстро, внезапно)' также четко различается носителями. Например, если вместо *'ябшаха* 'уйти совсем' сказать *ябша'ха*, то это сразу же будет воспринято как ошибка или иностранный акцент. Это ударение сохраняется в случае, если следующее слово сохраняет свою фонетическую самостоятельность. Например, при присоединении клитик: *бай'буди* > *байгаа* 'был' > *байгаа һэн* 'был (в момент в прошлом)' [Yamakoshi 2006: 278].

Итак, повышение тона на последнем слоге слова служит дополнительным индикатором границы слова. Основным средством для обозначения границ слова на сегментном уровне является сингармонизм. Очевидно, что тоновое ударение является частью интонационного контура на всех уровнях синтаксической структуры в мон-

гольских языках, в том числе проявляясь в отдельном слове, когда оно произносится изолированно, или определенным образом связывая слова внутри фраз.

Таким образом, можно говорить по меньшей мере о трех типах (паттернах, моделях) ударения в монгольских языках: 1) незначительное повышение тона на последнем слоге, долгие гласные (дифтонги) не перетягивают повышение тона на себя и в неударной позиции произносятся протяжнее (бурятско-ойратский тип); 2) при отсутствии долгих гласных незначительное повышение тона приходится на последний закрытый слог, позиционно первая долгая гласная (дифтонг) в слове перетягивает повышение тона на себя (халхаский тип); 3) ударение, возникшее в контактных зонах. Первые две модели, по-видимому, возникли еще в древности и находят свое отражение в современных монгольских языках и диалектах. Поскольку типы ударения тесно связаны со слоговой структурой слова и в конечном счете влияют на образование вторичных долгот, проблема словесного ударения и различных его типов в монгольских языках требует дальнейшего изучения. Особенно интересным представляется изучение взаимовлияния моделей ударения монгольских языков и диалектов, а также анализ внешних факторов в развитии различных его типов.

Литература

- Биткеев П. Ц. Языки и письменные системы монгольских народов. Элиста; М., 1995. 208 с.
- Бобровников А. Грамматика монгольско-калмыцкого языка. 1849. 412 с.
- Будаев Б. Ж. Акцентуация бурятского языка. Словесное ударение в хоринском диалекте. М.: Наука, 1981. 110 с.
- Владимирцов Б. Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия: введение и фонетика. Л.: Изд-во Ленингр. Вост. ин-та им. А. С. Енукидзе, 1929. 437 с.
- Герасимович Л. К. Монгольское стихосложение: Опыт экспериментально-фонетического исследования. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1975. 128 с.
- Золхоев В. И. Фонология и морфология агглютинативных языков. Новосибирск: Наука, 1980. 141 с.
- Касьяненко З. К. Современный монгольский язык: уч. пособие. М.: Муравей, 2002. 158 с.
- Ковалевский О. М. Краткая грамматика монгольского книжного языка. Казань, 1835. 203 с.

- Котвич В. Л.* Лекции по грамматике монгольского языка, читанные приват-доцентом С.-Петербургского университета В. Л. Котвичем. СПб.: изд. студентов: Э. Мауринг и Э. Беренс, 1902. 207 с.
- Лувсанвандан Ш.* Орчин цагийн монгол хэлний зүй. Монгол хэлний авианы бүтэц. Тэргүүн дэвтэр. Улаанбаатар, 1967. 130 с.
- Позднеев А. М.* Образцы народной литературы монгольских племен. СПб., 1880. 366 с.
- Пэрлээ Х.* Пушкины нэг шүлгийн монголчилсон нь // ШУХ-ийн эрдэм шинжилгээний бүтээл. 1956. № 1. С. 98–107.
- Рамстедт Г. Й.* Сравнительная фонетика монгольского письменного языка и халха'ско-ургинского говора. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1908. 78 с.
- Руднев А. Д.* Лекции по грамматике монгольского письменного языка, читанные в 1903–1904 академическом году. Вып. 1. Санкт-Петербург: Типо-лит. Б. Авидона, 1905. 96 с.
- Руднев А. Д.* Хори-бурятский говор: (Опыт исслед., тексты, пер. и примеч.). Вып. 1. Опыт исследования: Издания Факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета. Петроград, 1913. 137 с.
- Санжеев Г. Д.* Сравнительная грамматика монгольских языков. М.: Наука, 1953. 237 с.
- Санжеев Г. Д.* Современный монгольский язык. М.: Вост. лит., 1960. 104 с.
- Тодаева Б. Х.* Грамматика современного монгольского языка. Фонетика и морфология. М.: Изд-во АН СССР, 1951. 196 с.
- Шмидт Я.* Грамматика монгольского языка. СПб., 1832. 195 с.
- Goedemans R., Hulst H. van der.* Fixed Stress Locations // edit. by Dryer M. S. & Haspelmath M. The World Atlas of Language Structures Online. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2013 [электронный ресурс] // URL: <http://wals.info/chapter/14> (дата обращения: 30.10.2017).
- Grönbech K.* Der Akzent im Türkischen und Mongolischen // Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. 1940. T. 94 (n. F. 19). № 3/4. С. 375–390.
- Haraguchi S.* A Theory of Stress and Accent. Dordrecht, Providence: De Gruyter Mouton, 1991. 248 p.
- Poppe N.* Mongolian language handbook. Washington: Center for Applied Linguistics, 1970. 175 p.
- Yamakoshi Y.* (山越 康裕). シネヘン●ブリヤート語 [=Язык шэнэхэнских бурят] / Y. (山越 康裕). Yamakoshi // 文法を描く1: フィールドワークに基づく諸言語の文法スケッチ [=Грамматическое описание. Вып. 1: Краткие описания строя различных языков на основе полевых материалов]. Tokyo: ILCAA, Tokyo Un-ty of Foreign Studies, 2006. P. 271–298.
- References**
- Bitkeev P. Ts.* *Yazyki i pis'mennye sistemy mongol'skikh narodov* [The Mongolic peoples: languages and writing systems]. Elista, Moscow, 1995, 208 p. (In Russ.).
- Bobrovnikov A.* *Grammatika mongol'sko-kalmytskogo yazyka* [A grammar of Kalmyk-Mongolian]. 1849, 412 p. (In Russ. and Kalm.).
- Budaev B. Zh.* *Aktsentuatsiya buryatskogo yazyka. Slovesnoe udarenie v khorinskom dialekte* [Accentuation in Buryat. Word stress in the Khori-Buryat dialect]. Moscow, Nauka Publ., 1981, 110 p. (In Russ.).
- Vladimirtsov B. Ya.* *Sravnitel'naya grammatika mongol'skogo pis'mennogo yazyka i khalkhaskogo narechiya: vvedenie i fonetika* [A comparative grammar of written Mongolian and the Khalkha dialect: introduction and phonetics]. Leningrad, ENUKIDZE Leningrad Institute of Oriental Studies Press, 1929, 437 p. (In Russ.).
- Gerasimovich L. K.* *Mongol'skoe stikshoslozhenie: Opyt eksperimental'no-foneticheskogo issledovaniya* [Mongolian prosody. An effort of experimental phonetic research] Leningrad, Leningrad State Univ. Press, 1975, 128 p. (In Russ.).
- Zolkhoev V. I.* *Fonologiya i morfologiya agglutinativnykh yazykov* [Agglutinative languages: phonology and morphology]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1980, 141 p. (In Russ.).
- Kasyanenko Z. K.* *Sovremennyy mongol'skiy yazyk: uch. posobie* [Modern Mongolia. A studybook]. Moscow, Muravey Publ., 2002, 158 p. (In Russ.).
- Sanzheev G. D.* *Sravnitel'naya grammatika mongol'skikh yazykov* [A comparative grammar of Mongolic languages] Moscow, 1953, 237 p. (In Russ.).
- Yamakoshi Y.* (山越 康裕). シネヘン●ブリヤート語 [The language of Shenehen Buryats] / Y. (山越 康裕). Yamakoshi // 文法を描く1: フィールドワークに基づく諸言語の文法スケッチ [Studies in Grammar. Iss. 1: Overviews of different languages with evidence from field studies]. Tokyo, ILCAA, Tokyo Un-ty of Foreign Studies Press, 2006, pp. 271–298 (In Japan.).
- Kovalevsky O. M.* *Kratkaya grammatika mongol'skogo knizhnogo yazyka* [A brief grammar of bookish Mongolian]. Kazan, 1835, 203 p. (In Russ.).
- Kotvich V. L.* *Lehtsii po grammatike mongol'skogo yazyka, chitannye privat-dotsentom S.-Peterburgskogo universiteta V. L. Kotvichem* [Lectures on Mongolian grammar ...]. St. Petersburg, E. Mairing and E. Berens Publ., 1902, 207 p. (In Russ.).
- Luvsanvandan Sh.* *Orchin tsagiyn mongol khelniy zuy. Mongol khelniy aviyan butets. Terguün*

- devter* [Modern Mongolian. Structural phonology. Vol. 1]. Ulaanbaatar, 1967, 130 p. (In Mong.).
- Pozdneev A. M. *Obraztsy narodnoy literatury mongol'skikh plemen* [Mongolian tribes: samples of folk literature] St. Petersburg, 1880, 366 p. (In Russ. and Mong.).
- Perlee Kh. *Pushkiy neg shüilgiyn mongolchilson n'* [A Mongolian translation of one Pushkin's poem]. *ShUKh-iy erdem shinzhilgeeniy büteel* (Proceedings of the Mongolian Academy of Sciences), 1956, No. 1, pp. 98–107 (In Mong.).
- Ramstedt G. Y. *Sravnitel'naya fonetika mongol'skogo pis'mennogo yazyka i khalkha'sko-urginskogo govora* [A comparative phonetics of written Mongolian and the Khakha-Örgöö dialect]. St. Petersburg, Imperial Acad. of Sc. Press, 1908, 78 p. (In Russ.).
- Rudnev A. D. *Lektsii po grammatike mongol'skogo pis'mennogo yazyka, chitannye v 1903–1904 akademicheskogo godu. Vyp. 1* [Lectures on the grammar of written Mongolian delivered in 1903–1904. Iss. 1]. St. Petersburg, B. Avidon Publ., 1905, 96 p. (In Russ.).
- Rudnev A. D. *Khori-buryatskiy govor: (Opyt issled., teksty, per. i primech.). Vyp. 1. Opyt issledovaniya* [The Khori-Buryat dialect (an effort of research, texts, transl. and comments). Iss. 1. An effort of research]. Petrograd, Faculty of Oriental Studies (St. Petersburg University) Press, 1913, 137 p. (In Russ.).
- Sanzheev G. D. *Sovremennyy mongol'skiy yazyk* [Modern Mongolian]. Moscow, Vost. Lit. Publ., 1960, 104 p. (In Russ.).
- Todaeva B. Kh. *Grammatika sovremennogo mongol'skogo yazyka. Fonetika i morfologiya* [Grammar of modern Mongolian: phonetics and morphology]. Moscow, USSR Acad. of Sc. Press, 1951, 196 p. (In Russ.).
- Schmidt Ya. *Grammatika mongol'skogo yazyka* [Mongolian grammar]. St. Petersburg, 1832, 195 p. (In Russ.).
- Goedemans R., Hulst H. van der. Fixed Stress Locations. Dryer M. S. & Haspelmath M. (eds.) *The World Atlas of Language Structures Online*. Leipzig, Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2013. Available at: <http://wals.info/chapter/14> (accessed: 30 October 2017) (In Eng.).
- Grönbech K. *Der Akzent im Türkischen und Mongolischen* [Word stress in Turkic and Mongolic]. *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft* (Journal of German Oriental Society), 1940, vol. 94 (n. F. 19), No. 3/4, pp. 375–390 (In Germ.).
- Haraguchi S. *A Theory of Stress and Accent*. Dordrecht, Providence, De Gruyter Mouton, 1991, 248 p. (In Eng.).
- Poppe N. *Mongolian language handbook*. Washington, Center for Applied Linguistics, 1970, 175 p. (In Eng.).

УДК 811.512.3

О типах словесного ударения в монгольских языкахЖаргал Баяндалаевич Бадагаров¹

¹ кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой филологии Центральной Азии Восточного института Бурятского государственного университета (Улан-Удэ, Россия). E-mail: bjargal@mail.ru

Аннотация. Статья представляет результаты предварительного анализа типов ударения в монгольских языках. В работе под типами ударения подразумеваются паттерны (модели) или структурные типы ударения. Поскольку в отечественных трудах по общей фонетике термин «модель ударения» еще не прижился, было решено использовать термин «тип ударения» в немного ином значении. Автор считает, что адекватное понимание вопроса способно пролить свет на многие спорные вопросы сравнительно-исторической фонетики монгольских языков. В целом в работах по монгольской филологии можно выделить четыре взгляда относительно ударения в монгольских языках: 1) ударение приходится на первый слог и по своей природе является экспираторным (этого взгляда придерживались первые исследователи монгольского языка, авторы первых грамматик, это мнение бытует до сих пор, особенно в практике преподавания отдельных ВУЗов); 2) ударение приходится на последний слог и не является силовым (происходит «повышение тона»); 3) ударения нет; 4) ударение есть, но оно имеет различную природу. Согласно излагаемой автором гипотезе в монгольских языках можно различать по меньшей мере три основных типа ударения. Два из них, по всей вероятности, развились относительно давно и характеризуются определенной устойчивостью в диахроническом плане. Третий тип характерен для контактных зон. Типы ударения, о которых идет речь в статье, выделяются на основе анализа соотношения различных по долготе гласных и тонового акцента. Очень кратко излагается возможность применения данной гипотезы для изучения истории развития звуковой и слоговой структуры слова в монгольских языках. Дальнейшая проверка гипотезы потребует применения методов акустического фонетического анализа.

Ключевые слова: словесное ударение, монгольские языки, типы (паттерны) ударений

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 34, Is. 6, pp. 117–130, 2017
DOI 10.22162/2075-7794-2017-34-6-117-130
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 398

UNESCO's Ethical Principles for Safeguarding Intangible Cultural Heritage: Interpretative Reading and Commentary Review

Chao Gejin ¹

¹ PhD of Philology, Academician of the Chinese Academy of Social Sciences, Professor, Head of the Institute of Ethnic Literatures, Chinese Academy of Social Sciences (Beijing, People's Republic of China). E-mail: chao@cass.org.cn

Abstract. December 4th, 2015 is a remarkable day when the Intergovernmental Committee for the Safeguarding of the Intangible Cultural Heritage of UNESCO at its tenth session in Windhoek, Namibia, endorsed Ethical Principles for Safeguarding Intangible Cultural Heritage. This is another internationally effective document that has been formed by UNESCO to safeguard Intangible Culture Heritage (ICH), and it equips the 2003 Convention for the Safeguarding of the Intangible Cultural Heritage in the ethical dimension, will present guidance for processes of safeguarding ICH in local, national and international levels. It is also a starting point from where international actors in the field of ICH will explore to develop and widen the ways of ICH safeguarding in a better ethical framework. The article is devoted to interpretative reading of the document and Commentary Review.

Keywords: Intergovernmental Committee for the Safeguarding of the Intangible Cultural Heritage of UNESCO, Ethical Principles for Safeguarding Intangible Cultural Heritage, Safeguarding of the Intangible Cultural Heritage

Introduction

December 4th, 2015 is a remarkable day when the Intergovernmental Committee for the Safeguarding of the Intangible Cultural Heritage of UNESCO (will be referred to as the Committee hereafter) at its tenth session in Windhoek, Namibia, endorsed Ethical Principles for Safeguarding Intangible Cultural Heritage (will be referred to as the Principles hereafter). This is another internationally effective document that has been formed by UNESCO to safeguard Intangible Culture Heritage, and it equips the 2003 Convention for the Safeguarding of the Intangible Cultural Heritage (will be

referred to as the 2003 Convention hereafter) in the ethical dimension, will present guidance for processes of safeguarding ICH in local, national and international levels. It is also a starting point from where international actors in the field of ICH will explore to develop and widen the ways of ICH safeguarding in a better ethical framework. The author would like to mention that Chinese Folklore Society participated in this session in Namibia, and witnessed the delivery of the document, and this is exactly why we can obtain firsthand knowledge about the Principles, and grasp the core values in the discussion of the committee.

I. From El Condor Pasa to Valencia Expert Meeting: an Ethical Concern

1970, American songwriter Paul Simon's "El Condor Pasa (If I could)" became popular, but soon people found that this song actually contains the melody of a Bolivian folksong, or, as many would claim, it is actually a melody shared by all the Latin American peoples¹.

Oct. 1, 1973, Ministry of Foreign Affairs and Religion of the Government of Bolivia submitted the Proposal for International Instrument for the Protection of Folklore to the twelfth session of Intergovernmental Copyright Committee of the UNESCO. This proposal sounded the first call for the 2003 Convention. Soon after the proposal was received, UNESCO and World Intellectual Property Organization joined force in launching the worldwide project of Protection of Folklore. The two organizations together proposed the prototype for future work. This project, although received critiques and witnessed hard time in its implementation, finally resulted to the 1989 Recommendation on the Safeguarding of Traditional Culture and Folklore. It is proper to suggest that, the government of Bolivia's claim is deeply embedded in an ethical issue of whether or not any person could appropriate or exploit any form of folk art for the purpose of its commercialization and monetary benefit.

This Recommendation also established a solid basis for the lately endorsed twelve Principles in terms of practicality. To specify this "basis," the Recommendation mentioned about the roles and functions of traditional communities i.e. the local communities in protecting their folklore. It stated that folklore is an important element in communicating shared culture and common values. Especially, it clearly claimed that concerning the transmission of folklore, it is necessary to "encourage the international scientific community to adopt a code of ethics ensuring a proper approach to and respect for traditional cultures" (241). As an important international document, the Recommendation intends to urge governments of all countries to assume the responsibility of safeguarding folklore, while it simultaneously calls on the "Scientific Community"² to offer necessary

ethic and moral support in order to enhance this action of safeguarding traditional culture. From the disapproved Bolivian proposal to the endorsed Principles, we could sense that the appropriation and exploitation of folk art and the commercialization of ICH have gradually grown from an issue in one country to a global concern. Especially since the adoption of the 2003 Convention, the viability of international ICH has been better ensured, but ICH has also become more visible on the global stage, and therefore encounters more challenges and is involved in more ethical dilemmas.

The Convention for the Safeguarding of the Intangible Cultural Heritage officially became effective in 2006. The Operational Directives for the Implementation of the Convention for the Safeguarding of the Intangible Cultural Heritage (the Directives hereafter) were promulgated in 2008 and have been amended several times ever since. Although either the Convention or the Directives did not present any concrete ethical policy or code of conduct, ethic concern has already been expressed in them. For instance, Item 93 of the Directives states, "Accredited non-governmental organizations should abide by applicable domestic and international legal and ethical standards." And Item 103 states, "States Parties are encouraged to develop and adopt codes of ethics based on the provisions of the Convention and these Operational Directives, in order to ensure appropriate ways of raising awareness about the intangible cultural heritage present in their respective territories." In the year of 2012, Intergovernmental Committee for the Safeguarding of ICH "invites the Secretariat to initiate work on a model code of ethics and to report on it to a next session of the Committee" (Item 11, Decision 7. COM6). This invitation is generated after a debate, about the growing concern of threats facing ICH, including commercialization, decontextualization; and also about States Parties' urgent needs of ethic tools and practical guidelines in performing their duties.

According to the Principles, in order to respond to the Intergovernmental Committee's request, the Secretariat organized an expert meeting in Valencia, Spain from March 30 to April 1st, 2015. Eleven experts, five among them are female, from the six regional electoral groups of UNESCO participated in the committee. Among them there was Dr. Frank Proschan, Chief of Programme and Evaluation Unit, UNESCO Intangible Cultural Heritage, who has a background in both anthropology

¹ 1912, Peruvian composer Daniel Alomia Robles wrote the song based on a folksong circulating in the Andes Mountains. Peruvian government has claimed this song as a national cultural heritage.

² The concept of "Scientific Community" is not new, another term may work better here: "Academic Community." Folkloristic is the academic basis for this community in safeguarding ICH.

and folklore. “The meeting was divided into four separate sessions, on (1) core values of the Convention that should be integrated into codes of ethics for intangible cultural heritage, (2) the general scope of codes of ethics for intangible cultural heritage, (3) specific ethical principles that should be included in codes of ethics, and (4) possible processes to elaborate a model code for intangible cultural heritage and to proceed from a model code to specific codes. During each of the sessions, experts were invited to discuss the need and relevance of a code of ethics, as well as share and discuss ideas on the content, type, addressees and specificity of a potential model code of ethics.” The eleven experts are from various backgrounds, including anthropology, media, cultural heritage, and so forth, and they offer a gendered perspective too. They also speak for a wide range of actors or stakeholders, “from State agencies and public institutions to private entities and civil society organizations” (Principles, Item 7), and they “provide diverse insights and new perspectives on core values to be included in a potential model code of ethics and its scope” (ibid, Item 3). This was the context of the delivery of the Principles. By far, the Secretariat has already provided an online toolkit on the website of the 2003 Convention. The toolkit can be located in a column named “Ethics and ICH,” it provides two tools, “Background of the ethical principles” and “Examples of codes of ethics and professional codes of conduct,” in order to promote and propagate the awareness of ethics in safeguarding ICH.

II. Core Values: Ideas of Safeguarding and Dimension of Ethics

Like in other documents issued by UNESCO, the language of the 2003 Convention is precise and simple, but the messages it conveys are profound and dense. This Convention states clearly in Article 1 that “The purposes of this Convention are: (a) to safeguard the intangible cultural heritage; (b) to ensure respect for the intangible cultural heritage of the communities, groups and individuals concerned; (c) to raise awareness at the local, national and international levels of the importance of the intangible cultural heritage, and of ensuring mutual appreciation thereof; (d) to provide for international cooperation and assistance.”

We can consider these four purposes as the core values of the Convention. It aims at safeguarding ICH, enhancing cultural diversity,

human creativity, mutual understanding and international cooperation. In defining, performing, transmitting and safeguarding ICH, the Convention highlights the primary role of ICH inheritors and practitioners in their communities. Safeguarding, respect, awareness-raising, mutual appreciation, and international cooperation and assistance should all be listed as the keywords in perceiving and performing ICH safeguarding. In the frame of the Convention, all the articles go around and follow the four purposes as well. Therefore, by grasping keywords, one can understand the definition and core values of safeguarding ICH. However, actually, it is quite complex for anyone, even the initiators of the Convention to proceed from recognition of the core values to understanding them properly in practice. The Convention as a document addressing the global society has to be succinct and simple in its statement, but this also suggests possibilities of misperceptions, semantic pitfalls, and dangerous ethic conflicts when States Parties carry out provisions of the Convention.

According to statistical research, the term “community” appears fourteen times in the Principles, in all twelve principles but the 8th one. The term “respect” appears nine times, in six principles. The whole system of core values generated from these keywords can be summarized as five “compatibles.” They are: 1. compatible with the stance of securing the primary role of communities, groups and individuals in assessing their own ICH; 2. compatible with the spirit of existing international human rights instruments; 3. compatible with the requirements of mutual respect; 4. compatible with the requirements of sustainable development; 5. compatible with the general interest to humanity. It is exactly under the guidance of these “compatibles,” could the Principles be designed. These principles paved the road for ICH safeguarding on local, national and international levels, and bestowed an ethical dimension to the better implementation of the Convention and its Operational Directives. Below, I will offer a brief reading of the design of the Principles, its goals, and core values, by referring to the 2003 Convention, relevant documents of UNESCO, and experts’ researches³.

³ The author referred to the working paper UNESCO, ITH/15 /EXP /2, Paris, 20 February 2015 beside other materials, however, the author does not necessarily agree with the opinions in this working paper.

Value One: ensuring the primary role of communities in the process of ICH safeguarding

ICH is defined clearly in the Convention as “the practices, representations, expressions, knowledge, skills – as well as the instruments, objects, artefacts and cultural spaces associated therewith – that communities, groups and, in some cases, individuals recognize as part of their cultural heritage” (Article 2, Paragraph 1). By this definition, the Convention as an international legal document granted the right of assessing the values of ICH to the holders of ICH, or, the inheritors and practitioners and their communities or groups. In this capacity, the 2003 Convention passes down the spirit of the 1989 Recommendation, while both of the two differ from the 1972 Convention Concerning the Protection of the World Cultural and Natural Heritage, where the inscription of ICH elements is decided by expert committees. This is a historical turn in the policy of safeguarding ICH. Following Lauri Honko, we can argue that after tens of years of development, the ICH safeguarding scholars have descended from the place of elites to that of common people. In other words, scholars do not look at folk culture from above, but return the right of assessing ICH to its practitioners and their communities or groups. This is a profound change brought by the development of academia, society, and humanities in general.

ICH as a cultural phenomenon does not exist without its practitioners, its viability is linked to its cultural meanings perceived in certain communities and groups, and social functions it enacts. Therefore, only communities, groups and individuals can represent, transmit and pass down ICH, and only communities, groups and individuals can decide what is their ICH. This point also resonates with the preface of the Convention, in “[r]ecognizing that communities, in particular indigenous communities, groups and, in some cases, individuals, play an important role in the production, safeguarding, maintenance and re-creation of the intangible cultural heritage, thus helping to enrich cultural diversity and human creativity.” From this preface, the first one of the twelve principles is decided: “Communities, groups and, where applicable, individuals should have the primary role in safeguarding their own intangible cultural heritage.” The Convention, although only briefly articulates basic values, manages to suggest a direction for practices of ICH safeguarding.

The Convention also defines “safeguarding” precisely. It says, “safeguarding means measures aimed at ensuring the viability of the intangible cultural heritage, including the identification, documentation, research, preservation, protection, promotion, enhancement, transmission, particularly through formal and non-formal education, as well as the revitalization of the various aspects of such heritage.” In Chapter III, Article 11, the Convention urges States Parties to “(a) take the necessary measures to ensure the safeguarding of the intangible cultural heritage present in its territory; (b) among the safeguarding measures referred to in Article 2, paragraph 3, identify and define the various elements of the intangible cultural heritage present in its territory, with the participation of communities, groups and relevant non-governmental organizations.” We can see that the participation of communities, groups and individuals should be through all the aspects of ICH safeguarding. In terms of “identification and definition,” the Convention also mentioned the participation of NGOs, such as research institutes, community associations and so on. We will return to this topic soon.

In Article 15 of the Convention, the primary role of communities, groups and individuals is further highlighted. “Within the framework of its safeguarding activities of the intangible cultural heritage, each State Party shall endeavour to ensure the widest possible participation of communities, groups and, where appropriate, individuals that create, maintain and transmit such heritage, and to involve them actively in its management.” This means, to ensure the participation of communities, groups and individuals becomes the legal obligation for each State Party, and more restrictions are observed in the work of ICH safeguarding departments in all countries. Therefore, States Parties should create proper environment and mechanism, to ensure the participation of communities, groups and individuals. This should be the true meaning of “safeguarding,” and it is the starting point of the Principles. We should use this idea to guide all actors in the ICH safeguarding process.

Value Two: compatible with existing international human rights documents, compatible with the request of mutual respect, and compatible with the request of sustainable development.

Paragraph 1 of Article 2 states, “For the purposes of this Convention, consideration will be given solely to such intangible cultural

heritage as is compatible with existing international human rights instruments, as well as with the requirements of mutual respect among communities, groups and individuals, and of sustainable development.” This paragraph contains three profound meanings of ethics. In other words, the “compatible” here is specifying three conditions in which and only in which ICH is recognized, it therefore defines three levels of ethical concern, and further defines the scope of ICH.

This Paragraph (Paragraph 1 of Article 2) looks like a simple statement, but actually requires thorough reading. Firstly, although the text of the Convention does not exhaust the listing of basic human rights principles recognized by the international society, it makes clear that any cultural phenomenon that may harm human rights should not be safeguarded within its frame. The second one of the Principles also states, “The right of communities, groups and, where applicable, individuals to continue the practices, representations, expressions, knowledge and skills necessary to ensure the viability of the intangible cultural heritage should be recognized and respected.” This principle is in accordance with the Convention’s standpoint, and it is also based on all the existing human rights instruments. At the beginning of the Principles, we also find another statement, “The Ethical Principles for Safeguarding Intangible Cultural Heritage have been elaborated in the spirit of the 2003 Convention for the Safeguarding of the Intangible Cultural Heritage and existing international normative instruments protecting human rights and the rights of indigenous peoples.” One can easily note strong resonance of the Convention in the Principles.

Then, what are some human rights instruments that should be considered as fostering the spirit of the Convention? Firstly, we can find some of these documents in the preface of the Convention, including the Universal Declaration on Human Rights of 1948, the International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights of 1966, and the International Covenant on Civil and Political Rights of 1966. Secondly, we can refer to some documents that although did not exist when the Convention was adopted, can still be considered as its backing power after their issuance, for instance the 2006 Convention on the Rights of Persons with Disabilities and 2007 United Nations Declaration on the Rights of Indigenous Peoples. Because all UN documents mutually support one another. Here I would highlight the Declaration on the Rights of Indigenous Peoples.

This Declaration recognizes equal human rights of indigenous peoples⁴ and their right in performing their own cultures, it also encourages a harmonious and mutually respecting relation between indigenous people and States Parties. Paragraph 1 of Article 31 states, “Indigenous peoples have the right to maintain, control, protect and develop their cultural heritage, traditional knowledge and traditional cultural expressions, as well as the manifestations of their sciences, technologies and cultures, including human and genetic resources, seeds, medicines, knowledge of the properties of fauna and flora, oral traditions, literatures, designs, sports and traditional games and visual and performing arts. They also have the right to maintain, control, protect and develop their intellectual property over such cultural heritage, traditional knowledge, and traditional cultural expressions.” Paragraph 2 continues, “In conjunction with indigenous peoples, States shall take effective measures to recognize and protect the exercise of these rights.” Now we recall the definition of ICH in the 2003 Convention and compare it with these two above cited paragraphs. The definition divides ICH into five major domains, “(a) oral traditions and expressions, including language as a vehicle of the intangible cultural heritage;

- (b) performing arts;
- (c) social practices, rituals and festive events;
- (d) knowledge and practices concerning nature and the universe;
- (e) traditional craftsmanship.”

These domains overlap with what the Declaration defines “cultural heritage, traditional knowledge and traditional cultural expressions” of the indigenous peoples. For instance about traditional medication, Item 24 of the Declaration states, “Indigenous peoples have the right to their traditional medicines and to maintain their health practices, including the conservation of their vital medicinal plants, animals and

⁴ Also known as aboriginal peoples. They are peoples who lived in a place for a long time before immigrants move in. For instance Native Americans, the Maori people of New Zealand, and the Inuit people of the Arctic regions. Ethnic minorities in Taiwan are also addressed by aboriginals. There are roughly 370 million aboriginals around the world, they are dispersed in more than 90 countries or regions. According to statistics and research of the UNESCO, most of these people live in poverty. Indigenous people account for 15 percent of the world’s population in poverty.

minerals.” Similarly in the Convention, we see “knowledge and practices concerning nature and the universe” should be safeguarded.

Secondly, ICH should be compatible with the request of mutual respect between communities, groups and individuals. This value is based on the 2001 Universal Declaration on Cultural Diversity, more specifically, it is based on the affirmation of “respect for the diversity of cultures, tolerance, dialogue and cooperation, in a climate of mutual trust and understanding are among the best guarantees of international peace and security” (62). This Declaration argues, only when mutual respect and understanding are achieved in both local and national levels, the prospective international peace could be achieved. The first Article of the Convention also reminds us, that the mutual respect is not only between individuals, but also between various actors and ICH elements. With these references in mind, we can better understand the 3rd and 4th ones in the Principles: “3. Mutual respect as well as a respect for and mutual appreciation of intangible cultural heritage, should prevail in interactions between States and between communities, groups and, where applicable, individuals.” and 4. “All interactions with the communities, groups and, where applicable, individuals who create, safeguard, maintain and transmit intangible cultural heritage should be characterized by transparent collaboration, dialogue, negotiation and consultation, and contingent upon their free, prior, sustained and informed consent.” Moreover, these two items furthered mutual respect to interaction. “Transparency” is highlighted in the interactions, and all interactions should be based on free, prior and informed consent. This ethical rhetoric does not only bring rights, it also brings responsibilities. This principle firstly comes from medical ethics, meaning, patients should be informed of the risks of certain treatment before making any decision. It later entered social sciences such as folklore, anthropology and sociology as a moral code. It is also adopted in many international documents. For instance, Article 5 of the 1997 Universal Declaration on the Human Genome and Human Rights states that “Research, treatment or diagnosis affecting an individual’s genome shall be undertaken only after rigorous and prior assessment of the potential risks and benefits pertaining thereto and in accordance with any other requirement of national law.” And “In all cases, the prior, free and informed consent of the person concerned shall be obtained.” Article 6 of

the 2005 Universal Declaration on Bioethics and Human Rights states, “Scientific research should only be carried out with the prior, free, express and informed consent of the person concerned.” Paragraph 5 of Article 15 in the UNESCO Convention on Biological Diversity, “Access to genetic resources shall be subject to prior informed consent of the Contracting Party providing such resources, unless otherwise determined by that Party.” According to Paragraph 1 of Article 16 of the Nagoya Protocol, “Each Party shall take appropriate, effective and proportionate legislative, administrative or policy measures, as appropriate, to provide that traditional knowledge associated with genetic resources utilized within their jurisdiction has been accessed in accordance with prior informed consent or approval and involvement of indigenous and local communities and that mutually agreed terms have been established.” In the domain of international culture and politics, “free, prior and informed consent” has become a common working principle. Another example could be found in the Declaration on the Rights of Indigenous Peoples, according to Paragraph 2 in Article 32, “States shall consult and cooperate in good faith with the indigenous peoples concerned through their own representative institutions in order to obtain their free and informed consent prior to the approval of any project affecting their lands or territories and other resources.”

Since the implementation of the 2003 Convention and its Operational Directives, the “free, prior and informed consent” has been well observed in elements nominations and reports on compliance with conventions. For instance, if States Parties submit proposals to nominate an element to the Representative List of the Intangible Cultural Heritage of Humanity, or the List of Intangible Cultural Heritage in Need of Urgent Safeguarding, or they select elements as programmes, projects and activities that best reflect the principles and objectives of the Convention, or even apply for funding at the ICH Fund, they have to provide evidence for free, prior and informed consent of the communities, groups or individuals. The evidence can be paper based or multimedia, or other creative ways that agree with the laws of States Parties and those of local communities. The committee welcomes various ways of expressing consent. The consent should be translated into English or French, and the information about the evidence of the consent and the form of the consent should be attached. Au-

dio or video evidence of consent is acceptable, some states even offer material objects as evidence of consent. Nominations can be refused if the consent is not properly provided or cannot be proved.

Principle 4 further requires “sustained consent,” meaning, the safeguarding practices should create a long term and interactive mechanism, to ensure that relevant communities, groups and individuals can participate in the process all the time and can have the right to safeguard and manage their own ICH.

Note that “mutual respect” also suggests a requirement of balancing the interests of all stakeholders. On the one hand, to obtain and enjoy the rights of cultural heritage is part of human rights, and also the basis for many international human rights instruments, and a standpoint of the 2003 Convention⁵. States Parties should guarantee that the actors in safeguarding ICH can access ICH. On the other hand, however, the process of accessing ICH should be based on the basis of “respecting customary practices governing access to specific aspects of such heritage” (Convention, 14-d-ii). This means that actors from outside of the local communities should respect local customs “in particular secret and sacred aspects” (Operational Directives, 101, c). Therefore, if we look at Principle 5, “Access of communities, groups and individuals to the instruments, objects, artefacts, cultural and natural spaces and places of memory whose existence is necessary for expressing the intangible cultural heritage should be ensured, including in situations of armed conflict. Customary practices governing access to intangible cultural heritage should be fully respected, even where these may limit broader public access.” We find it compatible with the mutual respect principle, because sometimes public access to local ICH may be restrained, but if it is due to local customary practices, we should fully respect the restriction.

“Mutual respect” can also be perceived as the respect for the diversity of human being. This value resonates with the 2001 Universal Declaration on Cultural Diversity. Cultural diversity is the wellspring of communication, renovation and creativity, it is important to hu-

⁵ Farida Shaheed discusses to what extent do obtaining and enjoying cultural heritage form International human rights law. She emphasizes that in order to solve problems in the field of cultural heritage, one has to have the base on human rights. She also created a list of human rights issues related to cultural heritage. See : [Farida Shaheed. 2011].

man beings as biodiversity is to the balance of the Great Nature. Cultural diversity is the shared heritage of human being, and one needs to recognize it as benefiting the current generation and generations to come. Defending cultural diversity is moral, it is part of the respect for individuals’ dignity. Everyone should be able to participate in his or her own cultural activities, but these activities should not violate human rights and freedom. The Convention also recognizes ICH as the source of cultural diversity, and all States Parties should assume equal responsibility to ensuring cultural diversity. This means, all forms of ICH are equal as long as they are within the definition of Paragraph 1 of Article 2 of the Convention, and any endeavor to hierarchize ICH forms is improper. According to number 6 of the Principles, “Each community, group or individual should assess the value of its own intangible cultural heritage and this intangible cultural heritage should not be subject to external judgements of value or worth.” This principle is about equality and respect for diversity. Cultural diversity is also the basis of human rights, especially the right of self-government and determination. This could be better observed in the UNESCO 2000 World Culture Report, of Cultural Diversity, Conflict and Pluralism. UNESCO is always clear about its core values in raising the awareness of cultural diversity. In Chapter 1 of this report, we see this statement, “the world does not consist of a mosaic of cultures but of a constantly changing river of cultures with its different currents forever mingling” (24). This image of rainbow river is borrowed from Nelson Mandela’s metaphor of the ‘Rainbow Nation’ for South Africa. The report argues, although cultural diversity may leads to conflict, but conflict “is not necessarily an obstacle to successful development” (30). The responsibility lies on the shoulders of the governments, who need to channel conflicts as a constructive power rather than “destructive of social order” (ibid). “If cultural diversity is an insuppressible expression of human spiritual creativity, then the creation of diversity is also unshakable. No power can suppress and strangle it. But the definition of “difference” given by government and social customs decides whether difference or diversity leads to creativity in a society, or violence or repulsion (guan shijie). Principle 6 emphasizes the self assessing of ICH, and it believes that any external judgment is against the spirit of the 2003 Convention. One needs to recognize diversity and difference. Only by so

doing can people mutually appreciate, transmit and share their ICH forms, eliminate misunderstandings and discriminations, thus enhance international peace and security. This basic idea appears in many UNESCO issued documents. March 27, 2014, in his speech at the headquarters of UNESCO in Paris, President Xi Jinping said, "Civilizations have become richer and more colorful with exchanges and mutual learning. Such exchanges and mutual learning form an important drive for human progress and global peace and development"⁶. The mutual learning and exchange between civilizations, is also a Chinese wisdom in enhancing cultural diversity.

Thirdly, ICH should be compatible with the requirements of sustainable development. This value is also part of the definition of ICH offered by the Convention. ICH is a shaping power of cultural diversity and it is also a guarantee of sustainable development. The concept of "sustainable development" is firstly seen in the Brundtland Report of 1987⁷. It is a mode of development that can fulfill the requirements of the current generation and does not exhaust resources needed in future development. Ten years after the Brundtland Report, this principle is reiterated in the 1997 Declaration on the Responsibilities of the Present Generations Towards Future Generations in Article 1: "The present generations have the responsibility of ensuring that the needs and interests of present and future generations are fully safeguarded." Therefore, the responsibility of present generation also forms part of the ICH ethical concern. It also guarantees cultural diversity over years and generations.

Around this concern, the Principles also have mutually supporting statements. Let's look at numbers 7, 8, 9 and 10: Number 7: "The communities, groups and individuals who create intangible cultural heritage should benefit from the protection of the moral and material interests resulting from such heritage, and particularly from its use, research, documentation, promotion or adaptation by members of the

⁶ President Xi's speech at the headquarters of UNESCO in Paris. http://news.xinhuanet.com/politics/2014-03/28/c_119982831_2.htm[2016- 07-22].

⁷ This report is Report of the World Commission on Environment and Development: Our Common Future, is named after Norway's former prime minister, Gro Harlem Brundtland, who was then chairing the World Commission on Environment and Development.

communities or others." Number 8: "The dynamic and living nature of intangible cultural heritage should be continuously respected. Authenticity and exclusivity should not constitute concerns and obstacles in the safeguarding of intangible cultural heritage." Number 9: "Communities, groups, local, national and transnational organizations and individuals should carefully assess the direct and indirect, short-term and long-term, potential and definitive impact of any action that may affect the viability of intangible cultural heritage or the communities who practise it." And Number 10: "Communities, groups and, where applicable, individuals should play a significant role in determining what constitutes threats to their intangible cultural heritage including the decontextualization, commodification and misrepresentation of it and in deciding how to prevent and mitigate such threats."

To juxtapose these four principles is a response to the Operational Directives. According to paragraph 102 in the Operational Directives, "All parties are encouraged to take particular care to ensure that awareness-raising actions will not:

- (a) de-contextualize or denaturalize the intangible cultural heritage manifestations or expressions concerned;
- (b) mark the communities, groups or individuals concerned as not participating in contemporary life, or harm in any way their image;
- (c) contribute to justifying any form of political, social, ethnic, religious, linguistic or gender-based discrimination;
- (d) facilitate the misappropriation or abuse of the knowledge and skills of the communities, groups or individuals concerned;
- (e) lead to over-commercialization or to unsustainable tourism that may put at risk the intangible cultural heritage concerned.

This paragraph is tuned by a negation word, "not," one finds the 5 not-to-dos a powerful claim. However, many actors actually do not fully appreciate the Convention and its Operational Directives, some are even still using invalid guidelines in abolished old conventions⁸. In training sessions offered by the Chinese Ministry of Culture, we always emphasize the five-nots. We hope to use them as a basic instruction to follow in ICH safeguarding. The power of negative imperative sentences lies in that it sounds alarming for all actors, so that they become aware in ICH safeguarding activities.

⁸ See: [Bamoqubumo. 2015].

In paragraph 103 of the Operational Directives, “States Parties are encouraged to develop and adopt codes of ethics based on the provisions of the Convention and these Operational Directives, in order to ensure appropriate ways of raising awareness about the intangible cultural heritage present in their respective territories.” Actually in the first draft of the Operational Directives, we can see very similar suggestions. And the official issuance of the Principles further suggests the necessity of codes of ethics to the States Parties.

The Operational Directives also refer to local legislative tools in ensuring the cultural rights of communities, groups and individuals. We see in paragraph 104 that “States Parties shall endeavour to ensure, in particular through the application of intellectual property rights, privacy rights and any other appropriate form of legal protection, that the rights of the communities, groups and individuals that create, bear and transmit their intangible cultural heritage are duly protected when raising awareness about their heritage or engaging in commercial activities”.

Another major challenge facing the safeguarding of ICH is commodification and commercialization. An aftermath is the appropriation and possession of the cultural rights of relevant communities, and long-term violation of intellectual property. Many activities under the banner of protection and urgent protection are actually re-invention, re-creation of ICH without proper moral consideration, or even exploitation or violation of ICH. Actually, about how to cope with commodification of ICH elements, the Operational Directives have already managed to provide an instruction. According to paragraph 116, “Commercial activities that can emerge from certain forms of intangible cultural heritage and trade in cultural goods and services related to intangible cultural heritage can raise awareness about the importance of such heritage and generate income for its practitioners. They can contribute to improving the living standards of the communities that bear and practise the heritage, enhance the local economy, and contribute to social cohesion. These activities and trade should not, however, threaten the viability of the intangible cultural heritage, and all appropriate measures should be taken to ensure that the communities concerned are their primary beneficiaries. Particular attention should be given to the way such activities might affect the nature and viability of the intangible cultural heritage, in particu-

lar the intangible cultural heritage manifested in the domains of rituals, social practices or knowledge about nature and the universe.” And paragraph 117, “Particular attention should be paid to avoiding commercial misappropriation, to managing tourism in a sustainable way, to finding a proper balance between the interests of the commercial party, the public administration and the cultural practitioners, and to ensuring that the commercial use does not distort the meaning and purpose of the intangible cultural heritage for the community concerned.”

Understandably, nowadays, problems of commercialization may have already surpassed the scope of the 2003 Convention. However, a basic rule does not change, that is, any commercial activity emerges from any ICH element should benefit the community, and should not harm sustainable development.

About legislative endeavors made by UNESCO in safeguarding ICH and coping with the relationship between ICH, intellectual property and commercial and economic concerns, after the 1989 Recommendation was firstly proposed, there had been a ten-year discussion of how to submit relevant problems to World Intellectual Property Organization (WIPO) for discussion and solve the problems on the level of International Law. From 1999, WIPO has made great achievement in lawmaking in terms of intellectual property of folklore or folk art. I would highlight one thing here. During the sixth session of the General Assembly of the States Parties that took place from 30 May to 1 June 2016 at UNESCO Headquarters in Paris, the recommendation of adding a new chapter to the Operational Directives is approved⁹. And the new chapter is currently Chapter 6, “Safeguarding intangible cultural heritage and sustainable development at the national level.” In this new chapter, ethic concerns also appear many times. For instance, 171c, “ensure that such plans, policies and programmes respect ethical considerations and do not negatively affect the viability of the intangible cultural heritage concerned or de-contextualize or denaturalize that heritage;” and 178 b, “adopt appropriate legal, technical, administrative and financial measures, including codes or other tools of ethics, to promote and/or regulate access to farming, fishing, hunting, pastoral and food gathering, food preparation and food preservation knowledge and practices, that are

⁹ http://www.unesco.org/culture/ich/doc/src/ICH-Operational_Directives-6.GA-PDF-EN.pdf p170. [2016-08-25]

recognized by communities, groups and, in some cases, individuals as part of their intangible cultural heritage, as well as equitable sharing of the benefits they generate, and ensure the transmission of such knowledge and practices;” and 184 “States Parties shall endeavour to take full advantage of intangible cultural heritage as a powerful force for inclusive and equitable economic development, encompassing a diversity of productive activities with both monetary and nonmonetary value, and contributing in particular to strengthening local economies. To that end, States Parties are encouraged to respect the nature of that heritage and the specific circumstances of the communities, groups or individuals concerned, particularly their choice of collective or individual management of their heritage while providing them with the necessary conditions for the practice of their creative expressions and promoting fair trade and ethical economic relations”.

There is a wide range of topics around sustainable development. Knowledge and skills passed down with ICH are treasured developmental resources accumulated by generations of human being. Especially for the communities, groups and individuals whose everyday life practices are based on these passed-down knowledge systems, ICH forms are even more irreplaceable. Many a time in vernacular systems of knowledge or management of intelligence, we find solutions for challenges facing the humanity in the contemporary society. From biodiversity, climate change, management of soil, grasslands and water resources, to natural disasters, poverty, conflicts or even violence, these issues are not always destructive, but often seen as driving forces to elicit new human reactions and reach a new balance between environment and human being. This is the meaning of inscribing the Council of Wise Men of the plain of Murcia and The Water Tribunal of the plain of Valencia in the Representative List of the Intangible Cultural Heritage of Humanity in 2009¹⁰. Similar folk management of resources could be seen in China, such as the Management Committee of Resources for Dongba Papermaking¹¹.

By looking at these cases, it is not hard to conclude that local or community’s empirical knowledge in passing down and renovating their own heritage should be included into

¹⁰ <http://www.unesco.org/culture/ich/en/decisions/4.COM/13.70> [2016-08-25]

¹¹ About Dongba Papermaking, see [Zeng and Guo 2009].

ICH safeguarding processes at national or international levels. Empirical knowledge of one community could also inform future actions of safeguarding similar ICH forms in other communities. By examining the documented cases of previous ICH safeguarding actions, we are able to locate various available and practical tool kits for current and future actions. By tool kits, I am talking about objectified empirical knowledge of local communities, they provide codes of ethics that are recognized by the local people, and are for their own benefits.

In contemporary ICH safeguarding actions in China, disrespect for ICH and the exploitation of it are not uncommonly observed. This fact requires our colleagues to better appreciate the suggestions in the Operational Directives that encourage safeguarding actions compatible with the aforementioned four principles. Although Chapter 6 of the Operational Directives is newly supplemented, the spirit of sustainable development was actually among the original concerns when the Directives were firstly drafted. These principal suggestions and recommendations mutually support one another, and together enable a healthy environment for safeguarding the cultural diversity, creativity and right to self-determination of all nations.

Value Three: Compatible with the general interest to humanity

This value is directly cited from the Preface of the 2003 Convention. It means that firstly, safeguarding ICH is a general willingness and shared concern of all human beings; secondly, the safeguarding of specific forms of ICH is a responsibility of their respective communities, groups and individuals; thirdly, it is a continuing fact that the borrowing and sharing of ICH forms are happening between different communities, groups and individuals.

Principle 11 is based on this core value. I am quoting, “Cultural diversity and the identities of communities, groups and individuals should be fully respected. In the respect of values recognized by communities, groups and individuals and sensitivity to cultural norms, specific attention to gender equality, youth involvement and respect for ethnic identities should be included in the design and implementation of safeguarding measures.” This principle addresses many concerns shared by world nations. For instance gender equality, responsibility of current generation, cultural identification of ethnic minorities, all of them draw predominant attention of intergovernmental organizations who work under the supervision of United Nations. Gen-

der equality in particular, is one of the priorities of UN, it is always of equal importance of regional affairs of Africa. In UN's administrative arrangement, every division has to ensure gender equality, for instance education and gender, media and gender, information technology and gender, and so forth. The ICH Section also has to recognize the issue of gender equality in ICH safeguarding. For this end, it issued a report *Gender Equality: Heritage and Creativity* in 2014¹².

Now let's return to the 1997 Declaration on the Responsibilities of the Present Generations Towards Future Generations. It states in Article 7, "With due respect for human rights and fundamental freedoms, the present generations should take care to preserve the cultural diversity of humankind. The present generations have the responsibility to identify, protect and safeguard the tangible and intangible cultural heritage and to transmit this common heritage to future generations." The purpose of this Declaration is to enhance the inter-generation responsibility of human being. Because actually new generation's participation in ICH is an issue more complex than it appears to be. There are at least three problems: 1. Children's safety; 2. Child labor; 3. Forced participation. To provide one simple instance: Recently, one proposal nominating an ICH element was rejected because in the documents provided, there is a picture of a young child participating in a training event for a traditional craft, per the request of the event, the child is in a high place without any protection. Although the documents did not explain the situation of the child, this picture is alarming enough for us to reconsider the ethical issues in this piece of ICH. The child was learning a craft basing on the traditional way of training, but this tradition may require retrospection: how to protect the young practitioners' physical and mental well being when teaching them traditional skills is also a responsibility of the older generation.

Similarly, in order to protect the rights, dignity and benefits of indigenous peoples, the Declaration on the Rights of Indigenous Peoples established a globally effective framework. Economic, social and cultural rights are key to survival and leading a decent life. To ensure the rights of minorities are also a shared concern of 200 Member States of UNESCO. Especially in recent years, with the development of globalization, migrants and people in

diaspora become a source of cultural conflict in many countries. So the question of how to address these problems is profoundly related to the question of how to enhance global security. These conflicts are quite observable in Europe, and Germany even recognized the failure of multiculturalism as its state policy. However, failure is the preface for success, just as conflicts can generate innovation. ICH is believed to be able to enhance cultural diversity and equal conversation between different cultures. As early as 1966, UNESCO has approved Declaration of Principles of International Cultural Co-operation. In the 3rd Round Table of Ministers of Culture in 2002, Istanbul Declaration was adopted, indicating that ICH is an important constructive element of national attributes around the world. Safeguarding and enhancing ICH is crucial in promoting cultural diversity and solidarity of human beings. It also calls for international cooperation in the framework of the Declaration on World Cultural Diversity. World nations should come up with measures and policies in collecting and categorizing ICH forms. In the Declaration on World Cultural Diversity, "Cultural Diversity and International Solidarity" is an important part. And in the 2003 Convention, the title of Chapter 5 is International cooperation and assistance. We could conclude that UNESCO has always been focusing on enhancing international cultural conversation and exchange, and ICH is one step toward this goal.

The draftsmen of the 2003 Convention abandoned the rhetoric of 1972 Convention Concerning the Protection of the World Cultural and Natural Heritage, i.e. "the world heritage of mankind as a whole"⁽⁹⁾. However, the 2003 Convention still recognizes that safeguarding ICH is "general interest to humanity" and States Parties should "undertake to cooperate at the bilateral, subregional, regional and international levels" (Article 19-2). But this should not be done at the cost of alienating communities, groups and individuals from their own ICH forms. This value thus is linked to the first value, that communities, groups and individuals should assume primary role in practicing, transmitting and safeguarding their own ICH. This value is also reflected in the Principles, actually the 12th principle, which states, "The safeguarding of intangible cultural heritage is of general interest to humanity and should therefore be undertaken through cooperation among bilateral, subregional, regional and international parties; nevertheless, communi-

¹² For a further discussion in Chinese, see [Kang, Li. 2016].

ties, groups and, where applicable, individuals should never be alienated from their own intangible cultural heritage.” Up to this point, the twelve principles have formed a complete discursive system where the beginning and the end mutually confirm and support each other.

It is fair to conclude that the Principles are meticulously designed to be a successful guidance for the safeguarding of ICH. However, just as stated in the preface of the Principles, “They represent a set of overarching aspirational principles that are widely accepted as constituting good practices for governments, organizations and individuals directly or indirectly affecting intangible cultural heritage in order to ensure its viability, thereby recognizing its contribution to peace and sustainable development. Complementary to the 2003 Convention for the Safeguarding of the Intangible Cultural Heritage, the Operational Directives for the Implementation of the Convention and national legislative frameworks, these Ethical Principles are intended to serve as a basis for the development of specific codes of ethics and tools adapted to local and sectoral conditions.” In other words, every piece of principle in this document can be further developed according to different contexts in different ICH safeguarding projects. Therefore, actors of all 175 (as of Dec. 2017) states parties can adapt basic ideas of the principles to design different tools in order to address specific ethical concerns in their own ICH safeguarding practices, as long as the tools do not go against the spirit of the Principles.

III. Ethical Activities of Safeguarding ICH Oriented to the Future

Roughly ten years ago, people in China were not familiar with the term “Safeguarding of the Intangible Cultural Heritage.” But now, ICH as a concept has been introduced into many people’s daily communication and well accepted with the influential safeguarding practices on all levels from the local to the national and international. By the end of 2015, Chinese central government has invested a total 4.2 billion RMB to the special fund for the safeguarding of ICH. The Chinese State Council has approved the announcement of 4 National ICH lists including 1372 elements. The Chinese Ministry of Culture named 4 lists of national ICH inheritors with a total number of 1986 people; while regional governments also approved the announcement of 12294 ICH inheritors on the provincial level. The Chinese government has established 18 experimental

areas for safeguarding the ecology of ICH, and announced 2 lists of 100 representative enterprises and institutions that are set up as bases for productive safeguarding of ICH. Simultaneously, via the international cooperation mechanism that has been provided by the 2003 Convention, 30 elements in China have been successfully inscribed into the Representative List of Intangible Cultural Heritage of Humanity and 7 elements into the List of Intangible Cultural Heritage in Need of Urgent Safeguarding. There is one element that has been selected as one among the “programmes, projects and activities that best reflect the principles and objectives of the Convention.” These numbers indicate that China has been endeavoring to discover and safeguard ICH of all ethnic groups.

The Intergovernmental Committee for the Safeguarding of the Intangible Cultural Heritage prepares the implementation of the 2003 Convention, and the General Assembly of States Parties supervises its implementation. The secretariat of UNESCO assists states parties in their specific safeguarding projects with the help of Operational Directives and international cooperation mechanism, including the ICH Fund, lists, periodic reporting, etc.. In general, the Convention and its byproducts bring both rights and obligations to the states parties. To join the Convention means that we abide by the provisions of the Convention, fulfill the obligations of states parties, and welcome supervisions. Almost 15 years have passed since the approval of the 2003 Convention, and since its implementation in 2006, actors in safeguarding ICH have accumulated 9 years of practical experience. Beside the Convention, Chinese government is enacting its own ICH safeguarding regulations too. On 25th, February 2011, The 19th Session of the Standing Committee of the Eleventh National People’s Congress adopted Intangible Cultural Heritage Law of the People’s Republic of China, which became effective on June 1st, 2011. How to safeguard ICH within the dual frames of national and international legislations has become a focus of discussion among scholars and governments. What can we say about ethical concerns about ICH safeguarding that involves endeavor of all levels from local to international?

Based on reports of the ICH Intergovernmental Committee since its fourth standing committee, Bamoqubumo who has worked on international cooperation on ICH safeguarding for a long time summarizes the transversal issues of global ICH safeguarding projects as

following: 1. Primary role of communities in the process of ICH safeguarding; 2. Improper terminology (authenticity, real, originality, outstanding, unique); 3. Community oriented vs. economic oriented commercial use of ICH elements; 4. Safeguarding and nomination of ICH elements out of non-cultural purposes; 5. Long-term safeguarding process vs. short-term outcomes; 6. Gender equality; 7. Sustainable development; 8. Participation of experts of sustainable development into ICH safeguarding; 9. Youth and children; 10. capability construction; 11. Aboriginal peoples and ethnic minorities; 12. International resources and trans-boundary sharing (interethnic or interracial relationship, national states, immigrants, diasporas, nomad traditions and multi-national submission of nominations); 13. Intellectual property; 14. Relationship between the 1972 Convention and the 2003 Convention; 15. ICH elements related to space, place, and handicrafts; 16. Confusing the 2003 Convention with the 2005 Convention; 17. Inheritors and practitioners; 18. Participation of multiple actors, not restricted to cultural institutions; 19. Issues of imposing safeguarding strategies, de-and-re-contextualization, museumization and theaterization; 20. Ethical principles of ICH safeguarding (Chinese Folklore Society, 2015 Annual Report of UNESCO ICH Safeguarding Assessment Team).

These issues are universally observed, because they are all more or less linked to ethical concerns. Therefore, the endorsement of the 12 Principles not only provides guidance to establish regulations, but also inspire all states parties to reflect on their own ethical issues and renew their own ICH safeguarding ideas.

Specifically, how to contextualize these ethical principles in our own reality of safeguarding ICH and respond to ethic concerns in sustainable development, has always been a challenge to actors including governments and scholars. Therefore, we suggest introduce an ethic perspective into ICH safeguarding projects in China, and form long-term discussion about it. This will enhance our awareness of ICH safeguarding, construct our ability of implementing the Convention, further develop more possibilities of safeguarding ICH, and help us avoid ethic pitfalls in our practices.

References

- Convention Concerning the Protection of the World Cultural and Natural Heritage, 1972 (In Eng.).
 Convention on Biological Diversity (In Eng.).
 Convention on the Rights of Persons with Disabilities (In Eng.).
 Convention for the Safeguarding of the Intangible Cultural Heritage 2003 (In Eng.).
 Declaration on the Responsibilities of the Present Generations Towards Future Generations 1997 (In Eng.).
 Declaration of Principles of International Cultural Co-operation (In Eng.).
 Decision of the Intergovernmental Committee: 7.COM 6 (In Eng.).
 Declaration on the Responsibilities of the Present Generations Towards Future Generations 1997 (In Eng.).
 Ethical Principles for Safeguarding Intangible Cultural Heritage (In Eng.).
 Istanbul Declaration (In Eng.).
 Nagoya Protocol (In Eng.).
 Gender Equality: Heritage and Creativity (In Eng.).
 Operational Directives for the Implementation of the Convention for the Safeguarding of the Intangible Cultural Heritage (In Eng.).
 Proposal for International Instrument for the Protection of Folklore (In Eng.).
 Recommendation on the Safeguarding of Traditional Culture and Folklore 1989 (In Eng.).
 UN – WCED, Report of the World Commission on Environment and Development: Our Common Future, 1987. <http://www.un-documents.net/our-common-future.pdf> [2016-07-16] (In Eng.).
 United Nations Declaration on the Rights of Indigenous Peoples 2007 (In Eng.).
 Universal Declaration on Cultural Diversity (In Eng.).
 Universal Declaration on the Human Genome and Human Rights (In Eng.).
 Universal Declaration on Bioethics and Human Rights (In Eng.).
http://www.unesco.org/culture/ich/doc/src/ICH-Operational_Directives-6.GA-PDF-EN.pdf p170. [2016-08-25] (In Eng.).
<http://www.unesco.org/culture/ich/en/decisions/4.COM/13.70> [2016-08-25] (In Eng.).
 Bamoqubumo, 2015. “Understanding ICH from the Perspective of Semantics –an Analysis Based on the Two Chinese Versions of the Convention”. *Minzu Yishu* 2015: 6 (In Eng.).
 Chinese Folklore Society, 2015 Annual Report of UNESCO ICH Safeguarding Assessment Team (In Eng.).
 Farida Shaheed. 2011. The Right of Access to and Enjoyment of Cultural Heritage, a report of the independent expert in the field of cultural rights (In Eng.).

- Honko, Lauri. "Do We Need a Folkloristic Code of Ethics?" *Folklore Fellows News* 21. March 2001: 2–7 (In Eng.).
- Kang, Li. 2016. "ICH Safeguarding and Gender Equality – A Discussion Based on the Convention and Other Documents." *Minzu Yishu* 2016:6 (In Eng.).
- Zeng, Yiqun and Guo Zhanfeng. 2009. "Field Report of the Lijiang, Naxi Ethnic Group's Dongba Papermaking (*li jiang shi naxi zu dongba zhi diaoyan baogao*)." In *Safeguarding the Subaltern Groups' Right of Equal Benefits – Reports on the Profit Distribution in Commercialization of Cultural Elements in Six Ethnic Minority Autonomous Counties in Yunnan Province* (baozhang ruoshi qunti de gongping shouyi – Yunnan liuge shaoshuminzu zizhixian wenhua chanyehua guocheng de liyi fenpei wenti yanjiu baogao). Edited by ActionAid International. Zhishi chanquan Chubanshe. 54–80 (In Eng.).
-

УДК 398

Этические принципы ЮНЕСКО по охране нематериального культурного наследия: интерпретация и обзор комментариев¹

Чао Геджин¹

¹ доктор филологических наук (Ph.D. in Folklore), член Академии общественных наук КНР, профессор, директор Института национальных литератур Академии общественных наук КНР (Пекин, КНР). E-mail: chao@cass.org.cn

Аннотация. 4 декабря 2015 г. Межправительственный Комитет по охране нематериального культурного наследия ЮНЕСКО на своей десятой сессии в Виндхукке (Намибия) одобрил «Этические принципы охраны нематериального культурного наследия». Данный документ является еще одним эффективным на международном уровне документом, который был сформирован ЮНЕСКО по вопросу об охране нематериального культурного наследия. Принятые этические принципы охраны нематериального культурного наследия дополняют Конвенцию 2003 года об охране нематериального культурного наследия в этическом измерении. В них приводятся руководящие указания для организации процессов охраны нематериального культурного наследия на местном, национальном и международном уровнях. В статье приведено интерпретативное прочтение документа и дан обзор комментариев.

Ключевые слова: Межправительственный Комитет по охране нематериального культурного наследия ЮНЕСКО, «Этические принципы охраны нематериального культурного наследия», охрана нематериального культурного наследия

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 34, Is. 6, pp. 131–137, 2017
DOI 10.22162/2075-7794-2017-34-6-131-137
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 398

The Epic of *Jangar*: a Reason for Studying the Decline of the Oral Tradition

Dava Taya¹

¹ Ph.D. in Philology, Professor, Inner Mongolia University (Hohhot, People's Republic of China).
E-mail: dawataya2009@qq.com

Abstract. While observing the research history of epics, we would find researchers have paid close attention to the origin, development and changes of epics, and paid little attention to the decline of epics. In the article, the author argues the study of decline of *Jangar* has theoretical and practical importance to understand the vanishing history of dead epics, to understand the necessity of cherishing and spreading the existing oral tradition. Previous studies on the life-cycle history of *Jangar* mainly concentrated on the its origin and formation, and neglected the issue of its decline and extinction. Therefore, the decline and extinction issue of the *Jangar* oral tradition should become an important part of *Jangar* studies, which is as important as the origin and formation issue, and is theoretically significant in preservation of the *Jangar* oral tradition. The study deals with the decline and extinction of oral traditions of minorities in China, and plays an important role in the preservation and inheritance of living oral traditions as well. It would provide valuable reference materials to understand the life-cycle history of already extinct epics including Greek ones.

Keywords: *Jangar*, oral tradition, decline, research

Epic is one of the worldwide spread oral traditions. And the epic traditions of various ethnic groups differ from each other. While oral traditions of epics in many places including Europe had perished long ago, the epic traditions of some other places, like Asia, have survived till the present day. When those epics including Slavic ones have digressed off people's everyday life and turned to coffee shop and other entertainment occasions, some other epics, like Mongolian ones, still exist as a popular folk culture. And when it comes to epics had perished hundreds of years ago, it is impossible to study their history due to the lack of materials from that time. Therefore, the Mongolian epic tradition could provide favorable conditions for the study of life-cycle history of living oral epics. In other words, an important contribution of Mongolian epic studies to the

world epic study is to clarify some regular patterns in inheritance of living oral epics in traditional socio-cultural environment, and then to reconstruct some life-cycle history of dead epics, like that of Homer's epic [D. Taya 2013]. And it could become a reference to prevent, develop and spread the living oral traditions in the current globalization context.

Epic is a comprehensive art genre which combines storyteller's looks, facial expression, body language, voice, tone, language and musical instrument. That is to say, epic is consisted of language culture, performance culture, customary and social culture. Consequently, epic studies should also include studies of storytellers, texts, performance techniques, inheritance customs, social-cultural context as well as life-cycle history of epics. Concerning the life-cycle history of epics, the origin, development, trans-

formation, decline and digression of epic would also be involved naturally. Current studies of epics mainly concern the origin and formation of epics influenced by studies of Homer issue. That is to study the birth and development of epics based on its written text, taking the Greek epic as a model [Мелетинский 1963, 1979, 1986; Чагдуров 1980; 梅列金斯基著 2007; 立石久雄著 1998; 坂井弘紀著 2002]. As to the decline and digression of epics, scholars adhere to Marx's viewpoints, specifically, 'some arts, for instance epics, are accepted by everyone, in this regard, when art production appears as art production, it would not be created same as the ancient classical format which has significant of time in world history' [马克思恩格斯选集 1975], and consider epics were created in the age of barbarism, and would decline naturally in civilized society. Especially, Engels' theory of 'we could be aware of basic background in later stage of barbarous society from Homer's Epics, particularly, the *Iliad* or Homer's epics and all myths are the main heritage Greeks inherited from barbarous society to civilized one' [恩格斯著 1975] are cited quite often. As a result, some scholars believe that epics were created at a certain social evolution stage (an earlier stage of barbarous society), and vanish at a certain stage (a later stage of barbarous society or an earlier stage of civilized society), same as other social phenomena. That is to say, formation and digression of epics are historical phenomena, and the 'natural development rule' of human society. As a matter of fact, Marx and Engels did not specialize on epics, instead, cited materials on European epics and related studies, while discussing the evolution of human society. On the other hand, 'Marx and Engels said *Iliad*, *Odyssey* were created in a later stage of barbarous society or earlier stage of civilized society, they never said worldwide epics were created in that stage' [Buyankheshig, Tegüsbayar 1990]. For example, Mongolian epics were still prevailing until early 20th century, and some new contents were added then. Then, were Mongols still living in barbarous society even in the early 20th century? Of course, they were not. Mongols had civilized long time ago, and made civilized history of hundreds of years. Some scholars consider epics as the product of 'a people's uncivilized stage' or 'undeveloped era of art'. However, any people or ethnic groups could not express their ideas and thought clearly, let alone creating heroic epics, the summit of oral art, in their uncivilized stage or undeveloped era of art. In fact, 'not even a hundred years have passed since Mongol epics

were recorded in written form for the first time. And some are still alive among the people, and some new epics are found till recent days. Mongols have changed and updated the epics with new awareness in various historical stages, instead of once remembered ancient version (reproduced) without any changes' [Козин 1998]. Therefore, heroic epics are products of ancient and modern times at the same time.

Epic tradition is not 'an art for art's sake', just like present-day arts, but is a type of traditional culture which was created on the basis of socio-cultural needs and has become a part of local people's life, therefore to meet various needs of them. As a consequence, it does not vanish with the birth of 'art for art's sake' immediately, instead to coexist with stage arts due to the needs of different social groups. It is necessary to note that Mongolian epics have coexisted with 'art for art's sake', like *Saran Höhögiin Namtar*, a modern drama produced by Danzanrabjai. In fact, regardless of extinct or living epics, studies about their origin and early development are all imaginaries, as there are few real materials survived. Therefore, those living or declining oral epics including Mongolian ones could provide true materials and valuable conditions for studying the decline and vanish of epics. Which means it's possible to study the conditions in which epics change, decline, and even vanish, although it's hard to study in which conditions epics started to take shape.

Taking *Jangar*, the summit of Mongolian epics for example, previous studies concerned its origin and early developments. Outside China, A. Kozin [1998], A. Sh. Kichikov [1976, 1997] and N. Ts. Bitkeev [1990] wrote articles or monographs on the origin of *Jangar*. Chinese scholars' study mainly focused on origin, formation, development and changes as well. For instance, Buyankheshig's 'Where and When Were Epic *Jangar* Formed' [Buyankheshig 1981], A. Taibai's 'A Primary Discussion on the Origin of Epic *Jangar*' [Taibai 1982], T. Jamtsa's 'A Discussion of Place and Time Epic *Jangar* Formed' [Jamtsa 1983] and 'A Trial Discussion of the Formation Date and Place of *Jangariin Tuuji*' [特·贾木查 潜 试论 1983], G. Buyanbatu's 'About the Origin of *Jangar*' [Buyanbatu 1984], Oiradbayar's 'A New Discussion of the Formation Time of *Jangar*' [Oiradbayar. 1986], O. Bayi's 'About the Formation Time of Epic *Jangar*' [Bayi 1987], Üjüme's 'My Opinion about the Formation Time of *Jangar*' [Üjüme 1987], J. Rinchindorji's 'About the Origin Time of *Jan-*

gar' [Rinchindorji 1988], Liu Hu's 'A Study of the Formation Time of Epics like *Jangar*' [柳湖 瀟 关于 1988], Sh. Norbu's 'Some Issues on the Formation Time, Material Art Culture and Locality of Epic *Jangar*' [Norbu 1988], Gereljab's 'The Prerequisite and historical cultural factor of *Jangar* Formation' [格日勒扎布 1990], E. Badmara's 'A Study of the Tribe and Time in Which *Jangar* Formed' [Badmara 1990], Altan-Orgil's 'A Trial Discussion of Time and Place *Jangar* Formed' [Altan-Orgil 1991], Bao Jinshan's 'A Brief Study on the Formation Date of *Jangar*' [Bao Jinshan 1991], Rinchindorji's 'Re-discussion of the Formation Time of *Jangar*' [仁钦道尔吉 瀟 再论 1991; Rinchindorji 1991], B. Mönkhe's 'An Analysis of the Formation Time of *Jangar* in Relation with the Social Features Described in' [Mönkhe 1991], B. Nyamjab's 'A Discussion of the Origination Time of *Jangar* and some Related Issues' [Nyamjab 1993], D. Naidai's 'An Observation of *Jangar*'s Formation Time from Its Ideological Tendency' [Naidai 1993], Gereljab's 'Two Issues Related with the Origination Time of *Jangar*' [Gereljab 1993], O. Bayi's 'On the Formation Time of *Jangar* Epics' [Bayi 1994], B. Nyamjab's 'To Study the Origination Time of Epic *Jangar* from Various Oirat Customs Described' [Nyamjab 1995], Bayar's 'The Issue of the Formation Time of *Jangar*'s Basic Story' [巴雅尔 瀟 关于 1997], all these articles paid attention to the formation time of *Jangar*. H. Tserenbal's 'The Fixture Time of *Geser* and *Jangar*' [Tserenbal 1983], Aradhü's 'A Primary Study of the Formation and Fixture Time of *Jangar*' [阿尔丁夫 瀟 1985] and 'A Primary Study of the Formation and Fixture Time of *Jangar*: Concurrent Discussion of the Authorship of *Jangar*' [阿尔丁夫 瀟 1986], Ch. Erentsei's 'The Origination and Fixture Process of *Jangar*' [Erentsei 1987], Gereljab's 'On the Time of *Jangar* Were Formed and Fixed' [Gereljab 1988] and 'The Method of Confirming the Formation and Fixture Time of *Jangar*' [Gereljab 1996], N. Naranbatu's 'An Elementary Discussion of the Formation and Fixture Date of *Jangar* from Perspective of History' [Naranbatu 1996], Jogdarma's 'A Discussion of Formation and Fixture Time of Epic *Jangar*' [Jogdarma 1998] and B. Mönkhe's 'To Ascertain the Formation and Fixture Place and Time of *Jangar* from Its Distribution' [孟克：从 2001] articles all mainly discussed both the formation and fixture issue of *Jangar*. Jagar's 'A Study of the Time *Jangar* Originated and Developed' [Jagar 1990-01, 1990-03], B. Pürebdeshi's 'To Study

the Formation and Development Time of *Jangar* from Geographic Location' [Pürebdeshi 1991], Rinchindorji's 'About the Formation and Development of *Jangar*' [仁钦道尔吉 瀟 关于 1996], T. Jamtsa's 'On the Origination and Development of *Jangar*' [Jamtsa 2004] focused on the origination and development issue of *Jangar*. In addition, R. Narantuya, a scholar from Mongolia, whose article 'The development and Transmission Issues of Epic *Jangar*' concerns the development and transmission of *Jangar* [Narantuya 1990]. As to academic monographs, the Second Part of '*Jangar* Study' written by Rinchindorji consists of chapters concerning cultural origin, social prototype, formation date, development and changes, expansion of storyline, development of personalities, and studies the origination and development issue of *Jangar* from various aspects [仁钦道尔吉著 1994]. 'The Four Yellow States of *Jangar*' by Altan-Orgil links *Jangar* with the history of the Four Oirats, and aims to clarify the date and place *Jangar* originated from [Altan-Orgil 1995]. T. Jamtsa's 'The Issue of *Jangar*' monograph believes the leading character *Jangar* indicates Genghis Khan, so the whole epic is supposed to reflect the historical events of the 13th century [Jamtsa 1997]. 'The Geographic Condition and Socio-historic Origin of *Jangar*' by B. Mönkhe studies the date and place where epic *Jangar* originated and formed, and argues it reflects the history of the Torghut Khanate in the 17th-18th centuries [Mönkhe 2007]. The above-mentioned publications focus on the origin and formation of *Jangar*, and attempt to find out the date, place, and tribe *Jangar* originated from, its formation and development process. As for the publication dates, those works were published in the early 1980s to the late 1990s, and few works were published thereafter.

Basically, previous studies on the life-cycle history of *Jangar* mainly concentrated on the its origin and formation, and neglected the issue of its decline and extinction. Therefore, the decline and extinction issue of the *Jangar* oral tradition should become an important part of *Jangar* studies, which is as important as the origin and formation issue, and is theoretically significant in preservation of the *Jangar* oral tradition. The study deals with the decline and extinction of oral traditions of minorities in China, and plays an important role in the preservation and inheritance of living oral traditions as well. It would provide valuable reference materials to understand the life-cycle history of already extinct epics including Greek ones.

References

- Биткеев Н. Ц.* Калмыцкий героический эпос «Джангар». Проблемы типологии национальных версий. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1990. 155 с.
- Козин С. А.* Джангариада. Элиста: АПП «Джангар», 1998. 233 с.
- Кичиков А. Ш.* Героический эпос «Джангар». Сравнительно-типологическое исследование памятника. М.: Наука, Гл. ред. вост. лит-ры, 1997. 320 с.
- Кичиков А. Ш.* Исследование героического эпоса «Джангар». Элиста: Калм. кн. изд-во, 1976. 154 с.
- Мелетинский Е. М.* Введение в историческую поэтику эпоса и романа. М.: Наука, 1986. 318 с.
- Мелетинский Е. М.* Палеоазиатский мифологический эпос. М.: Наука, ГРВЛ, 1979. 228 с.
- Мелетинский Е. М.* Происхождение героического эпоса. М.: Наука, 1963. 460 с.
- Чэгдуров С. Ш.* Происхождение Гэсэриады. Новосибирск: Наука, СО, 1980. 270 с.
- Altan-Orgil.* Jangar-un Egüsügsen Tsag Üye Bolon Gazar Oron-I Turshin Ügülehu ni // Oirad-un Sudulul. 1991.01.
- Altan-Orgil.* Jangar-un Shira-in Dörben Törü // Öbür Mongol-un Soyol-un Heblel-ün Horiya. 1995.
- Badmara E.* Jangar-un Egüsügsen Aimag ba Tsag-un Tuhai Shinjilel // Oirad-un Sudulul. 1990. 3–4.
- Bayi O.* Jangar-un Tuuli-in Egüsün Bürildügsen Tsag Üye-in Tuhai // Hagan Tengri. 1987. 01.
- Bayi O.* Jangar-un Tuulis-un Egüsün Bürildügsen Tsag Üye-in Tuhai // Öbür Mongol-un Ündüseten-ü Bagshi-in Degedü Surgaguli-in Erdem Shinjilegen-ü Setgül. 1994.04.
- Bao Jinshan.* Jangar-un Johiyagdagsan Tsag Üye-in Tuhai Tobchi Shinjilel // Zhao Uda-in Mongol Ündüseten-ü Bagshi-in Tusgai Mergejil-ün Surgaguli-in Erdem Shinjilegen-ü Setgül. 1991.01.
- Buyanbatu G.* Jangar-un Egüsül-ün Tuhai // Tsolmon. 1984. 03.
- Buyankheshig.* Jangar-un Tuuli Hamiga Hejiye Zohiyagdagsan Tuhai. Öbür Mongol-un Yehe Surgaguli-in Erdem Shinjilegen-ü Setgül. 1981. 03.
- Buyankheshig, Tegüsbayar.* ‘Mongol Arad-un Aman Zohiyal-un Shinjilel’, Öbür Mongol-un Yehe Surgaguli-in Heblel-ün Horiya, 1990.
- D. Taya.* Mongol Tuuli Ulamjilahu Jang Uile-i Sudulhu-in Uchir // Öbür Mongol-un Yehe Surgaguli-in Erdem Shinjilegen-ü Setgül. 2013.04.
- Gereļjab.* Jangar-un Zohiyagdagsan Tsag Üye Tai Holbugdahu Hoyar Asagudal // Oirad-un Sudulul. 1993.04.
- Gereļjab.* Jangar-un Bui Bolju Tölübjigsen Tsag Üye-in Tuhai // Öbür Mongol-un Neigem-ün Shinjilehu Uhagan. 1988.03.
- Gereļjab.* Jangar-un Bui Bolju Tölübjigsen Tsag Üye-I Todulahu Ündüsen Arga Zam // Oirad-un Sudulul. 1996.01.
- Erentsei Ch.* Jangar-un Egüsün Bürildüjü Hebshin Togtaburijigsan Yabutsa // Öbür Mongol-un Bagshi-in Yehe Surgaguli-in Erdem Shinjilegen-ü Setgül. 1987.02.
- Jagar.* Jangar-un Egüsül Högjil-ün Tsag Üye-in Shinjilel // Mongol Hele Utga Zohiyal. 1990.01.
- Jagar.* Jangar-un Egüsül Högjil-ün Tsag Üye-in Shinjilel // Hagan Tengri, 1990.03.
- Jamtsa T.* Jangar-un Egüsül Högjil-ün Tuhai // Hele ba Orchigulga. 2004.03.
- Jamtsa T.* Jangar Epus Egüsügsen Gazar Ba Tsag-un Tuhai Turshin Ügülehu ni // Ör-ün Tsolmon. 1983. 01.
- Jamtsa T.* Tuuli Jangar-un Uchir // Shinjiang-un Arad-un Heblel-ün Horiya. 1997.
- Jogdarma.* Tuuli Jangar-un Egüschü Togtaburijigsan Tsag Üye-in Tuhai Ügülehu ni // Baragun Hoitu-in Ündüseten-ü degedü Surgaguli-in Erdem Shinjilegen-ü Setgül. 1998.02.
- Mönkhe B.* Jangar tu Tusgagdagsan Neigem-ün Shinji Chinar etse Tegün-ü Zohiyagdagsan Tsag Üye-I Shinjihü ni // Oirad-un Sudulul. 1991.03.
- Mönkhe B.* Jangar-un Zohiyagdagsan Gazar Züi-in Orchin Higeed Neigem Teühen Sorbulji // Ündüsüten-ü Heblel-ün Horiya. 2007.
- Naidai D.* Jangar-un Gool Üzel sanagan-u Tölübshirel Etse Tegün-ü Egüschü Bui Bologsan Tsag Üye-I Ajiglahu ni // Oirad-un Sudulul. 1993.02.
- Naranbatu N.* Teühen Egüden Etse Irejü Jangar-un Bürildün Togtanigsan Tsag Üye Ba Motel-un Tuhai Güihen Shinjihü ni // Baragun Hoitu-in Ündüseten-ü degedü Surgaguli-in Erdem Shinjilegen-ü Setgül. 1996.02.
- Narantuya R.* Jangar-un Tuuli-in Högjil Hubiral-un Asagudal du // Baragun Hoitu-in Ündüseten-ü degedü Surgaguli-in Erdem Shinjilegen-ü Setgül. 1990.01-02.
- Norbu Sh.* Jangar-un Tuuli-in Zohiyagdagsan Tsag Üye, Ed-ün Soyol Uralig Bolon Gazar Oron Luga Holbugdahu Jarim Asagudal Nugud-un Tuhai // Ör-ün Tsolmon. 1988.08.
- Nyamjab B.* Jangar Tuulis Dehi Oirad Nutug-un Ele Tala-in Oilaburi etse Tegün-ü Egüsügsen Tsag Üye-I Shinjihü ni // Oirad-un Sudulul. 1995.01.
- Nyamjab B.* Tuuli Jangar-un Egüsügsen Tsag Üye Bolon Tegün d Holbugdahu Jarim Asagudal-un Tuhai Ügülehu ni // Oirad-un Sudulul. 1993.01.
- Oiradbayar.* Jangar Chohom Ali Üye-in Yamar Bütügel Bolhu Tuhai Shine ber Sudulhu ni // Öbür Mongol-un Neigem-ün Shinjilehu Uhagan. 1986.04.
- Pürebdeshi B.* Jangar-un Tuuli Egüschü Högjigsen Tsag Hugutsaga-I Gazar Jüi-in Bairishil etse Shinjilehu ni // Oirad-un Sudulul. 1991.04.
- Rinchindorji J.* Jangar-un Egüsügsen Tsag Üye-in Tuhai // Öbür Mongol-un Yehe Surgaguli-in Erdem Shinjilegen-ü Setgül. 1988.02.

- Rinchindorji J. Jangar-un Egüsügen Tsag Üye-in Tuhai Dahin Ügülehu ni // Mongol Hele Utga Zohiyal, 1991.02.
- Taibai A. Jangar-un Tuuli-un Egüsül Garul-un Tuhai. Turshin Ügülehu ni. Shinjiang-un Edür-ün Sonin. 1982. 08.31.
- Tserenbal H. Geser, Jangar-un Tölübshiregsen Tsag Üye-in Tuhai // Ündüsüten-ü Hele Bichig-ün Ajil. 1983.01.
- Üjüme. Jangar-un Zohiyagdagsan Tsag Üye-in Tuhai Minu Üzelte // Hele ba Orchigulga. 1987. 04.
- [Aradhü] 阿尔丁夫 潘《江格尔》产生和基本形成的时代初探 娅《新疆民族文学研究》1985年2期。
- [Aradhü] 阿尔丁夫 潘《江格尔》产生和基本形成的时代初探——兼谈《江格尔》创作权归属问题 娅《内蒙古师大学报(哲学社会科学版)》1986年1期。
- [Баяр]巴雅尔 潘 关于《江格尔》基本故事产生的年代问题 娅《内蒙古师范大学学报(哲学社会科学版)》1997年3期。
- [Gereljab]格日勒扎布：《江格尔》产生的前提与历史文化基因《民族文学研究》1990年2期。
- [B.Mönkhe] 孟克：从《江格尔》的分布情况论证其产生定型的地域与时间《新疆师范大学学报》2001年3期。
- [Liu Hu] 柳湖 潘 关于《江格尔》等史诗产生年代问题的探讨 娅《民族文学研究》1988年2期。
- [Rinchindorji] 仁钦道尔吉 潘 关于《江格尔》的形成与发展 娅《民族文学研究》1996年3期。
- [Rinchindorji] 仁钦道尔吉 潘 再论《江格尔》的产生时代 娅《民族文学研究》1991年2期。
- [Rinchindorji] 仁钦道尔吉著：《灑 江格尔史论》、内蒙古大学出版社、1994年。
- [T. Jamtsa] 特·贾木查 潘 试论《江格尔传》产生的时间和地点问题 娅《新疆社会科学》1983年2期。
- (俄) E. M. 梅列金斯基著：《英雄史诗的起源》，商务印书馆，2007年。
- 立石久雄著：『英雄叙事詩の研究：その生成と性格について』，西田書店，1998年。
- 坂井弘紀著：『中央アジアの英雄叙事詩：語り伝わる歴史』，東洋書店，2002年。
- 《马克思恩格斯选集》，第二卷，人民出版社，1975年。
- 恩格斯著：《家庭、私有制和国家的起源》，《马克思恩格斯选集》，第四卷，人民出版社，1975年。
- Kichikov A. Sh. *Geroicheskiy epos «Dzhangar»*. *Sravnitel'no-tipologicheskoe issledovanie pamyatnika* [The heroic epic of Jangar. A comparative-typological study of the literary monument]. Moscow, Vost. Lit. Publ., 1997, 320 p. (In Russ.).
- Kichikov A. Sh. *Issledovanie geroicheskogo eposa «Dzhangar»* [The heroic epic of Jangar: a case study]. Elista, Kalmyk Book Publ., 1976, 154 p. (In Russ.).
- Meletinsky E. M. *Vvedenie v istoricheskuyu poetiku eposa i romana* [The epic and the novel: an introduction to historical poetics]. Moscow, Nauka Publ., 1986, 318 p. (In Russ.).
- Meletinsky E. M. *Paleoaziatskiy mifologicheskii epos* [The Paleo-Asiatic mythological epic]. Moscow, Nauka Publ., 1979, 228 p. (In Russ.).
- Meletinsky E. M. *Proiskhozhdenie geroicheskogo eposa* [Origins of the heroic epic]. Moscow, Nauka Publ., 1963, 460 p. (In Russ.).
- Chagdurov S. Sh. *Proiskhozhdenie Geseriady* [Origins of the Geseriad]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1980, 270 p. (In Russ.).
- Altan-Orgil. *Jangar-un Egüsügen Tsag Üye Bolon Gazar Oron-I Turshin Ügülehu ni* [The Jangar epic: the time and place of its creation revisited]. *Oirad-un Sudulul* (Oirat Studies), 1991, iss. 1 (In Mong.).
- Altan-Orgil. *Jangar-un Shira-in Dörben Törü* [The Four Laws ...]. Inner Mongolia Cultural Publ., 1995 (In Mong.).
- Badmara E. *Jangar-un Egüsügen Aimag ba Tsag-un Tuhai Shinjilel* [The Jangar epic: the time and place of its creation revisited. A case study]. *Oirad-un Sudulul* (Oirat Studies), 1990, iss. 3-4 (In Mong.).
- Bayi O. *Jangar-un Tuuli-in Egüsün Bürildügsen Tsag Üye-in Tuhai* [The Jangar epic: the time and place of its creation revisited]. *Hagan Tengri* (Khagan Tengri), 1987, iss. 1 (In Mong.).
- Bayi O. *Jangar-un Tuulis-un Egüsün Bürildügsen Tsag Üye-in Tuhai* [The Jangar epic: the time and place of its creation revisited]. *Öbür Mongol-un Ündüsüten-ü Bagshi-in Degedü Surgaguli-in Erdem Shinjilegen-ü Setgül* (Scholarly Journal of Inner Mongolia Pedagogical Institute), 1994, iss. 4 (In Mong.).
- Bao Jinshan. *Jangar-un Johiyagdagsan Tsag Üye-in Tuhai Tobchi Shinjilel* [The Jangar epic: brief notes about the time and place of its creation]. *Zhao Uda-in Mongol Ündüseten-ü Bagshi-in Tusgai Mergejil-ün Surgaguli-in Erdem Shinjilegen-ü Setgül* (Scholarly Journal of Inner Mongolia National Professional Pedagogical Institute), 1991, iss. 1 (In Mong.).
- Buyanbatu G. *Jangar-un Egüsül-ün Tuhai* [The Jangar: a history of its emergence]. *Tsolmon* (Tsolmon), 1984, iss. 3 (In Mong.).
- Buyankheshig. *Jangar-un Tuuli Hamiga Hejiye Zohiyagdagsan Tuhai* [Where and when the Jangar was compiled]. *Öbür Mongol-un Yehe Sur-*

References

- Bitkeev N. Ts. *Kalmytskiy geroicheskiy epos «Dzhangar». Problemy tipologii natsional'nykh versiy* [The Kalmyk heroic epic of Jangar. National versions: problems of typology]. Elista, Kalmyk Book Publ., 1990, 155 p. (In Russ.).
- Kozin S. A. *Dzhangariada* [The Jangariad]. Elista, Dzhangar Publ., 1998, 233 p. (In Russ.).

- gaguli-in Erdem Shinjilegen-ü Setgöl* (Scholarly Journal of Inner Mongolia University), 1981, iss. 3 (In Mong.).
- Buyankheshig, Tegüsbyayar. 'Mongol Arad-un Aman Zohiyal-un Shinjilel' [Studies in Mongolian folklore]. Inner Mongolia University Press, 1990 (In Mong.).
- D. Taya. *Mongol Tuuli Ulamjilahu Jang Uile-i Sudulhu-in Uchir* [The Mongolian epic taletelling tradition: a review of studies]. *Öbür Mongol-un Yehe Surgaguli-in Erdem Shinjilegen-ü Setgöl* (Scholarly Journal of Inner Mongolia University), 2013, iss. 4 (In Mong.).
- Gereljab. *Jangar-un Zohiyagdagsan Tsag Üye Tai Holbugdahu Hoyar Asagudal* [The two problems related to determining the time when the Jangar was compiled]. *Oirad-un Sudulul* (Oirat Studies), 1993, iss. 4 (In Mong.).
- Gereljab. *Jangar-un Bui Bolju Tölübjigsen Tsag Üye-in Tuhai* [The Jangar epic: the time of its emergence revisited]. *Öbür Mongol-un Neigem-ün Shinjilehü Uhagan* (Social Studies of Inner Mongolia), 1988, iss. 3 (In Russ.).
- Gereljab. *Jangar-un Bui Bolju Tölübjigsen Tsag Üye-I Todulahu Ündüsen Arga Zam* [The time of creation of the Jangar epic: some basic approaches]. *Oirad-un Sudulul* (Oirat Studies), 1996, iss. 1 (In Mong.).
- Erentsei Ch. *Jangar-un Egüsün Bürildüjü Hebshin Togtaburijigsan Yabutsa* [The Jangar epic: the process of compilation]. *Öbür Mongol-un Bagshi-in Yehe Surgaguli-in Erdem Shinjilegen-ü Setgöl* (Scholarly Journal of Inner Mongolia Pedagogical University), 1987, iss. 2 (In Mong.).
- Jagar. *Jangar-un Egüsül Högjil-ün Tsag Üye-in Shinjilel* [The Jangar epic: studying the dates and periods of its creation]. *Mongol Hele Uiga Zohiyal* (Mongolian Language and Literature), 1990, iss. 1 (In Mong.).
- Jagar. *Jangar-un Egüsül Högjil-ün Tsag Üye-in Shinjilel* [The Jangar epic: studying the dates and periods of its creation]. *Hagan Tengri* (Khagan Tengri), 1990, iss. 3 (In Mong.).
- Jamtsa T. *Jangar-un Egüsül Högjil-ün Tuhai* [The Jangar epic: its emergence and development]. *Hele ba Orchigulga* (Language and Translation), 2004, iss. 3 (In Mong.).
- Jamtsa T. *Jangar Epus Egüsügsen Gazar Ba Tsag-un Tuhai Turshin Ügülehi ni* [The Jangar epic: preliminary notes about the time and place of its creation]. *Ör-ün Tsolmon* (The Morning Star), 1983, iss. 1 (In Mong.).
- Jamtsa T. *Tuuli Jangar-un Uchir* [About the Jangar epic]. Xinjiang People's Publ. House, 1997 (In Mong.).
- Jogdarma. *Tuuli Jangar-un Egüschü Togtaburijigsan Tsag Üye-in Tuhai Ügülehi ni* [The Jangar epic: the time and place of its creation revisited]. *Baragun Hoitu-in Ündüseten-ü degedü Surgaguli-in Erdem Shinjilegen-ü Setgöl* (Scholarly Journal of Northwest University for Nationalities), 1998, iss. 2 (In Mong.).
- Mönkhe B. *Jangar tu Tugagdagsan Neigem-ün Shinji Chinar etse Tegün-ü Zohiyagdagsan Tsag Üye-I Shinjihü ni* [Revisiting the period of creation of the Jangar epic: evidence from social characteristics described]. *Oirad-un Sudulul* (Oirat Studies), 1991, iss. 3 (In Mong.).
- Mönkhe B. *Jangar-un Zohiyagdagsan Gazar Züin Orchin Hiked Neigem Teühen Sorbulji* [Toponymy, society and history in the Jangar epic: a case study]. National Publ., 2007 (In Mong.).
- Naidai D. *Jangar-un Gool Üzel sanagan-u Tölüshirel Etse Tegün-ü Egüschü Bui Bologsan Tsag Üye-I Ajiglahu ni* [Determining the time of creation of the Jangar epic: evidence from worldview attitudes mirrored in the text]. *Oirad-un Sudulul* (Oirat Studies), 1993, iss. 2 (In Mong.).
- Naranbatu N. *Teühen Egüden Etse Irejü Jangar-un Bürildün Togtanigsan Tsag Üye Ba Motel-un Tuhai Güihen Shinjihü ni* [Brief notes on the time of creation of the Jangar epic: a historical analysis]. *Baragun Hoitu-in Ündüseten-ü degedü Surgaguli-in Erdem Shinjilegen-ü Setgöl* (Scholarly Journal of Northwest University for Nationalities), 1996, iss. 2 (In Mong.).
- Narantuya R. *Jangar-un Tuuli-in Högjil Hubiral-un Asagudal du* [Development of the Jangar epic revisited]. *Baragun Hoitu-in Ündüseten-ü degedü Surgaguli-in Erdem Shinjilegen-ü Setgöl* (Scholarly Journal of Northwest University for Nationalities), 1990, iss. 1 - 2 (In Mong.).
- Norbu Sh. *Jangar-un Tuuli-in Zohiyagdagsan Tsag Üye, Ed-ün Soyol Uralig Bolon Gazar Oron Luga Holbogdahu Jarim Asagudal Nugud-un Tuhai* [The Jangar epic: the time of its creation revisited, with some evidence from material culture and toponymy]. *Ör-ün Tsolmon* (Morning Star), 1988, iss. 8 (In Mong.).
- Nyamjab B. *Jangar Tuulis Dehi Oirad Nutug-un Ele Tala-in Oilaburi etse Tegün-ü Egüsügsen Tsag Üye-I Shinjihü ni* [Determining the time of creation of the Jangar epic: evidence from the whereabouts of the Oirat Nutuq described in the epic]. *Oirad-un Sudulul* (Oirat Studies), 1995, iss. 1 (In Mong.).
- Nyamjab B. *Tuuli Jangar-un Egüsügsen Tsag Üye Bolon Tegün d Holbugdahu Jarim Asagudal-un Tuhai Ügülehi ni* [About the time of creation of the Jangar epic and some related issues]. *Oirad-un Sudulul* (Oirat Studies), 1993, iss. 1 (In Mong.).
- Oiradbayar. *Jangar Chohom Ali Üye-in Yamar Büütügel Bolhu Tuhai Shine ber Sudulhu ni* [The time of creation of the Jangar epic: a review of the latest studies]. *Öbür Mongol-un Neigem-ün Shinjilehü Uhagan* (Social Studies of Inner Mongolia), 1986, iss. 4 (In Mong.).
- Pürebdeshi B. *Jangar-un Tuuli Egüschü Högjigsen Tsag Hugutsaga-I Gazar Jüin Bairshil etse*

- Shinjilehü ni* [Determining the time of creation of the Jangar epic: evidence from toponymy]. *Oirad-un Sudulul* (Oirat Studies), 1991, iss. 4 (In Mong.).
- Rinchindorji J. *Jangar-un Egüstügsen Tsag Üye-in Tuhai* [The Jangar epic: about the period of its creation]. *Öbür Mongol-un Yehe Surgaguli-in Erdem Shinjilegen-ü Setgöl* (Scholarly Journal of Inner Mongolia University), 1988, iss. 2 (In Mong.).
- Rinchindorji J. *Jangar-un Egüstügsen Tsag Üye-in Tuhai Dahin Ügülehü ni* [The Jangar epic: once again about the period of its creation]. *Mongol Hele Utga Zohiyal* (Mongolian Language and Literature), 1991, iss. 2 (In Mong.).
- Taibai A. *Jangar-un Tuuli-un Egüsül Garul-un Tuhai. Turshin Ügülehü ni* [The Jangar epic: preliminary notes about its emergence]. *Shinjiang-un Edür-ün Sonin* (Xinjiang Daily News), 1982, 31 August (In Mong.).
- Tserenbal H. *Geser, Jangar-un Tölübshiregsen Tsag Üye-in Tuhai* [The Geser and Jangar epics: the time of their compilation revisited]. *Ündüsüten-ü Hele Bichig-ün Ajil* (National Languages and Scripts), 1983, iss. 1 (In Mong.).
- Üjüme. *Jangar-un Zohiyagdagsan Tsag Üye-in Tuhai Minu Üzelte* [The problem of determining the time of creation of the Jangar epic: a personal viewpoint]. *Hele ba Orchigulga* (Language and Translation), 1987, iss. 4 (In Mong.).
- [Aradhü] 阿尔丁夫 潘《江格尔》产生和基本形成的时代初探 孃《新疆民族文学研究》1985年2期 (In Chin.)。
- [Aradhü] 阿尔丁夫 潘《江格尔》产生和基本形成的时代初探——兼谈《江格尔》创作权归属问题 孃《内蒙古师大学报(哲学社会科学版)》1986年1期 (In Chin.)。
- [Bayar] 巴雅尔 潘 关于《江格尔》基本故事产生的年代问题 孃《内蒙古师范大学学报(哲学社会科学版)》1997年3期 (In Chin.)。
- [Gereljab] 格日勒扎布：《江格尔》产生的前提与历史文化基因《民族文学研究》1990年2期 (In Chin.)。
- [B.Mönkhe] 孟克：从《江格尔》的分布情况论证其产生定型的地域与时间《新疆师范大学学报》2001年3期 (In Chin.)。
- [Liu Hu] 柳湖 潘 关于《江格尔》等史诗产生年代问题的探讨 孃《民族文学研究》1988年2期 (In Chin.)。
- [Rinchindorji] 仁钦道尔吉 潘 关于《江格尔》的形成与发展 孃《民族文学研究》1996年3期 (In Chin.)。
- [Rinchindorji] 仁钦道尔吉 潘 再论《江格尔》的产生时代 孃《民族文学研究》孃1991年2期 (In Chin.)。
- [Rinchindorji] 仁钦道尔吉著：《灏 江格尔灾论》、内蒙古大学出版社、1994年 (In Chin.)。
- [T. Jamtsa] 特·贾木查 潘 试论《江格尔传》产生的时间和地点问题 孃《新疆社会科学》孃1983年2期 (In Chin.)。
- (俄) E.M. 梅列金斯基著：《英雄史诗的起源》，商务印书馆，2007年 (In Chin.)。
- 立石久雄著：『英雄叙事诗の研究：その生成と性格について』，西田書店，1998年 (In Chin.)。
- 坂井弘紀著：『中央アジアの英雄叙事詩：語り伝わる歴史』，東洋書店，2002年 (In Chin.)。
- 《马克思恩格斯选集》，第二卷，人民出版社，1975年 (In Chin.)。
- 恩格斯著：《家庭、私有制和国家的起源》，《马克思恩格斯选集》，第四卷，人民出版社，1975年 (In Chin.)。

УДК 398

Об изучении упадка устной традиции «Джангара»

Дава Таяа¹

¹доктор филологических наук (Ph.D. of Philology), профессор, Университет Внутренней Монголии (Хухэ-Хото, КНР). E-mail: dawataya2009@qq.com

Аннотация. Наблюдая за историей исследований эпических явлений, мы обнаруживаем, что исследователи уделяют пристальное внимание происхождению, развитию и изменениям эпических явлений и мало внимания — упадку эпических явлений. В статье автор утверждает, что изучение упадка героического эпоса «Джангар» имеет теоретическое и практическое значение для понимания исчезающих эпосов, для понимания необходимости сохранять и распространять существующую устную традицию.

Ключевые слова: Джангар, устная традиция, упадок, исследование

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 34, Is. 6, pp. 138–149, 2017
DOI 10.22162/2075-7794-2017-34-6-138-149
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 398

Collection and Publication of Oirat Folk Tales of Xinjiang: a Brief Historical Review

Ba. Damrinjab ¹

¹ Professor, Research Fellow, Institute of Ethnic Literature, Chinese Academy of Social Sciences (Beijing, People's Republic of China). E-mail: damrinjab@163.com

Abstract. The paper provides a systematic introduction and a brief history of collection, compilation and publication of Oirat folk tales in Xinjiang. The process of scholarly collection and publication of the oral lore of Xinjiang Oirats initiated by such western researchers as G. J. Ramstedt and H. Haslund, was later contributed to by Kalmyk scientists Ts.-D. Nominkhanov and B. Todaeva around the mid-20th century, being basically finalized due to the vast support of such activities on behalf of the governmental bodies and academic societies of China from the late 1970s throughout the rest of the century. Since the 1980s, there has even been an academic plan conducted by the Society of Folk Artists affiliated to the Xinjiang Association of Writers and Artists — as a minor part of the Ninth 5-Year-Plan of China — to publish collections of folk tales, folk songs and proverbs respectively. So, the task has been meticulously dealt with ever since resulting in around one hundred collections and books of folk tales have been published in Xinjiang — in Clear script, traditional Mongolian script, or Latin transcription — with due regard of ethnic, historical and linguistic peculiarities of the recorded materials.

Keywords: Oirats, Xinjiang, folk tales, collection, publication

The academic collection and publication of Xinjiang Oirat oral literature actually started in the early 20th century by G. J. Ramstedt, the eminent Finnish scholar specializing in Altaic and Mongolian studies. He travelled and conducted field work in Inner Asia seven times in the early 20th century, namely in 1898, 1909 and 1912 in Mongolia, in 1902 in Kalmyk Steppe of Russia, in 1903 among Mughals in Afghanistan, and in 1905 among Xinjiang Oirats. The materials collected from Mongolia were compiled with annotations, German translation and a preface, and published by Harry Halen from Helsinki University in 1973 and 1974, under the title of *Folk Literature of Northern Mongolia* [Ramstedt 1973; 1974]. Some folk tales

collected in Xinjiang were also published by Harry Halen with transcription and German translation in 1991 [Ramstedt 1909; 1919]. The folk tales collected in Kalmyk Steppe in 1902 were published by G. J. Ramstedt himself with Latin transcription and German translation in 1909 and 1919 [Harry halén 1991: 171–189]. During his field trip to Xinjiang in 1905, G. J. Ramstedt traveled for a whole year through many places including Tarbagtai (Тарвгтай), Kur Khar-usun (Кур Хар-Усун) and Urumqi (Урумч), recording numerous heroic epics and folk tales from a person called Arshaa who accompanied and guided him. Arshaa used to be the translator of the Mayor of Tarbagtai and, thus, was quite a learned and capable man. G. J.

Ramstedt made quite a detailed field note about this experience [Ramstedt 2014].

The Danish Mongolist H. Haslund came to Xinjiang in 1928, stayed among the Torghuts of Kharshaar (Хар-шаар) for one year, and collected about 60 folk songs which are now stored in the National Museum of Denmark [Haslund 2010].

In 1937, Nirjidma¹, the daughter of prince Paltaa (Палта) of Kur Khar-usun, Xinjiang, transcribed² in Clear Script (Mong. *Тодо бичиг*) 18 short and long songs [Nirgidma 1937] that were widely spread among Oirats, and published them in France under the title of *Princess Nirjidma: 18 Mongolian Songs and Lyrics*³. Until then, the Oirat Kalmyk materials were only collected and introduced by Russians and Europeans, and she, for the first time, introduced the songs and culture of her own people to the foreign countries by herself. The publication of this material is a greatly significant event for Oirats and Kalmyks. P. E. Alekseeva, a researcher from the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences, published a Russian translation of this book in Elista in 2009 under the title of *Princess Nirjidma and the Torghut Songs of China* [Алексева 2009]. This book included the 18 folk songs and their Cyrillic Kalmyk transliteration. There are also a couple of poems dedicated to Princess Nirjidma by Kalmyk writers who were in France during 1933-1934. Besides, there are also research papers on prince Paltaa of Kur Khar-usun and princess Nirjidma by American scholar Bormanjin Arash, and Kalmyk scholars B. Bicheev and P.E. Alekseeva, with a few pictures of Nirjidma attached. The Mongolian translation of her book by M. Bujigma was edited by D. Taya and published in Cyrillic Mongolian in Ulaanbaatar [Nirjidma čuglagulun tayilburilba 2014], which was then transliterated in traditional Mongolian script and pub-

¹ Nirjidma was known by the name of *Shart-soo* (Шарцо) among the Torghuts of Kur Khar-usun.

² Ut duun (Ут дуун), is the Oirat vernacular term for the Mongolian long song, and Hокr duun (Хокр дуун) or Hокr yakr duun (Хокр ярк дуун) for the Mongolian short song, which is known as Shoshder duun (Шоштр дуун) among Chahar people of Bortai, Xinjiang, and Zabhai duun (Завха дуун) among Barkol (Баркөл) Mongolians.

³ The introduction in the book says that the 18 songs were collected by Nirjidma. It is more likely that Nirjidma wrote down the 18 songs that she was familiar with.

lished by Inner Mongolia People's Press in 2013 [Nirjidma čuglagulun tayilburilba 2013].

Another important person is Tserendorji Nominkhanov (Номинхана Церндорж), a famous Altaic linguist and the first Science Doctor from Kalmykia. He mastered many languages including Kalmyk, Mongolian, German, English, Russian, Khakas, Kazakh and Uzbek; visited and delivered lectures at universities and colleges in Astrakhan, Uzbekistan, Khazakstan, Khakassia, Kalmykia, and published many papers and books.

In the 1930s, the local government of Xinjiang sent students to the Middle Asia University in Tashkent (Uzbekistan) for further studies. Among them were many Oirat Mongolian students. Although Tserendorji Nominkhanov was not able to conduct field researches among Oirat people in Xinjiang, he interviewed many students who came from Xinjiang and collected many source materials. During March of 1935 and April of 1937, for instance, he interviewed some Torghut individuals, such as Dosaan (Досан) and Badmara (Бадмара) from Kharshaar and Mongkijrgal (Мөнкжиргал) from Kur Khar-usun, and took notes of many folk materials including folk customs, 10 folk songs, 66 riddles, as well as names of people, minerals, animals, birds, plants and so forth. These materials are now stored in the scientific archive of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences [Tayibung 2015: 39–137]. He also published the book *Learning and Reading Mongolian Words* in Todo script in 1935 [Nominxanob 1935]. The book was designed for learning Todo script and included Kalmyk folk stories such as *The Lion and the Rabbit*, *The One-Inch Little Old Man with Five-Inch Long Beard*, *The Boy That Lies*, and 6 Oirat long songs of Xinjiang such as *Narin Gobiin Zeerde* (Нэри нөвин зеерд) and *Tahtai Targan Hulan* (Тахта таргн хулн).

1950 is an important year for the publication of Oirat Mongolian literature in China, for the *Khongor* (Хонгор) edited by Bian Yuan was published in this year. Bian Yuan had been prisoned in Urumqi for a few years when he was working in Xinjiang in 1930s, together with a Jangarchi called Manji who was over fifty. Manji (Манж) sang *Jangar* (Жаңгар) in the prison to pass time. When Bian Yuan was out of prison, he recalled the chapters of *Jangar* he heard in prison and compiled them into a book called *Khongor* in 1942, and published it at Shangwu Press of Shanghai [边垣编写, 《洪古尔》, 上海: 上海商务出版社, 1950].

年]. The book was republished by Writers' Press in Beijing later [边垣编写：《洪古尔》，北京：中国民间文艺研究会主编，作家出版社，1958年。共77页]. The book is not a scientific text, and thus is not appropriate for academic studies, but it still has a great significance since it is the first domestic publication of *Jangar* in China and it transfers to us important information of that time.

The collection and publication of Oirat folk tales of Xinjiang started quite early, but it was conducted on a large scale only after the foundation of the People's Republic of China in 1949.

A general introduction of Xinjiang Oirat literature called *Literature* (3 volumes) was published in Todo script in 1953-1954 by Xinjiang People's Press, and some oral literary texts were included in it [Urun zokāl 1953; 1954], including a few folk tales, such as *Dalan Hudalchi* (Далн худлч) and hundreds of proverbs and riddles.

In the 1950s, the scholarly collection of Oirat folk literature of Xinjiang was started by B. Kh. Todaeva (Todiin Bulgan) from the Soviet Union. Todaeva was not only a linguist with expertise in Mongolian and Altaic languages but also a distinguished scholar who made a great contribution to the collection, compilation, publication and research of Oirat Kalmyk oral literature and folklore. She was invited as a visiting scholar in Beijing University and Central Minzu University. She was also invited as an expert in the compilation of the constitution for wide-scale linguistic field research during 1954 and 1957, and took part in the linguistic research of the Mongolian language and other Mongolic languages, during which she traveled to Xinjiang, Gansu, Koko Nor (Көк нуур), Inner Mongolia for several years and collected vernacular and folklore materials of many peoples or tribes, such as Oirats, Ordos, Chahar, Horchin, Baarin, Bargu Buriyats, Daur (Дайур), Yellow Uyghurs (Шар Йохур), Dongxiang, Bao'an, Tsagaan Monguor (Tu), and so forth. Later, she published many papers and books on the basis of this field research. She also recorded the dialects, folklore and oral literature in Khoboksair (Ховгсэр), Dorbuljin (Дөрвлжн), Bayangol (Байнгол) in 1954, in which there were folklore, *Jangar*, heroic epics, oral literature, folk songs, blessings, proverbs and riddles. Her paper *Folk Literature Materials of Mongolians in Xinjiang* [Тодаева 1960: 228–265] was published in *Turkic-Mongolic Languages and Oral Literature Studies*

published in Moscow in 1960, in which she included the transliteration of two stories of *Seventy Two Lies* and *Frog Girl* from Khoboksair and over a hundred of proverbs of Khoboksair, Dorbuljin and Khoshuud (Хошуд).

Oirat writers of Xinjiang have also made great contributions in the memorization, recording, publication of Xinjiang Oirat folk literature. Among them is A. Taibai (Тээвэ), who, in the 1940s recorded the heroic epic *Tsergiin Tsagan Khan* (Цэргин Цаган хаан) that he heard from the old Torghuts of Kur Khar-usun, and recorded *Zul Aldar Khan* (Зул Алдр хаан) with *A Zurag Sharhal Horse* that his elder brother had learnt from the epic singer Yeh Naran of Shajin, from Altai Uriankhai in the 1930s, and also wrote down the epic *Khan Kharangui* (Хан Харнгуи) from a manuscript found in the house of an old Uriankhai man called Batumongke in 1962. He also wrote down the heroic epic *Kuder Altai Khan* (Күдр Алта хаан) in Latin from the Oirats in Gansu in the 1950s, and it was later stored in the library of the Institute of Ethnology, Chinese Academy of Social Sciences⁴. A. Taibai also collected and recorded many other folk tales and other oral literature.

The book titled *The Mongolian Folk Songs and Poems of Xinjiang* compiled by the Department of Mongolian Language and Literature, Inner Mongolia University was published by Inner Mongolia People's Press in 1959 [Sin Jiyang-un mongyul arad-un dayuu silüg 1959]. The compilation included 36 folk songs, 6 blessings, 25 proverbs, 73 riddles and a couple of the Threes of the Universe.

During the 1960s and 1970s, the collection, publication and studies of folk literature was stigmatized due to various reasons, and hardly any oral literature materials or classical texts were published in Xinjiang. After 1976, especially after 1978, the collection, publication and studies revitalized, and the specialized unites such as the Working Group of *Jangar* and *Geser* Collection and Compilation, and Mongolian Division of Classical Texts and Books Collection and Compilation were founded under the Society of Xinjiang Folk Literature Studies. The folk literature collections and compilation of the folk tales of Torghut (Торхуд), Oolod

⁴ A. Taibai (А.Тээвэ) conducted linguistic filed study in Gansu in 1954, and took note of the heroic epic *Kuder Altai Khan* (Күдр Алта хаан) in Latin transcription. The material was in the library of Chinese Academy of Social Sciences, but was lost later.

(Өөлд), Khoshuud, Uriankhai (Урянха), Zakhchin (Захчин) and Chahar published in Todo or traditional Mongolian scripts have reached over 90 up until now, with over 50 compilations of *Jangar* and *Geser* and over 40 compilations of other oral literature published.

The men of letters of former generation have also made a great contribution to the collection and publication of Xinjiang Oirat oral literature. The editor of Xinjiang People's Press No. Batbayar (Но. Барбайр) compiled and published three collections with titles of *Beteg Tsagan Bogshirga* (Бетэг Цаган Бокширга), *The Khan's Search for Wife*, and *The Child's Linguistic Lore* [No. Batubayar nayiruulbai: Betege cayān bogširγo.-Ürümči: Šinjīyang-giyin arad-yin keblel-yin xorō, 1981 on.-100x; No. Batubayar nayiruulbai: Kūūked-yin keleni biliq.-Ürümči: Šinjīyang-giyin arad-yin keblel-yin xorō, 1981 on.-483x; No. Batubayar nayiruulbai: Xaan bere xayiqsan ni.-Ürümči: Šinjīyang-giyin arad-yin keblel-yin xorō, 1981 on.-117x] in Xinjiang People's Press in 1981, among them there are 24 stories such as *The Khan's Search for Wife*, which are all life, magic and humorous stories. 31 folk stories, mostly animal stories, were included in the compilation of *Beteg Tsagan Bogshirga*. This is a special compilation of animal stories of Xinjiang Oirat oral literature, and thus has a great significance. *Mongolian Fables* with 99 stories [Či. Erencei 1983] edited by the expert of Xinjiang People's Press Chi. Erentsei (Чи. Эрнцэ) was published by Xinjiang People's Press in 1983. Stories in this collection were not only from Xinjiang Oirats, but also from Oirats of Koko Nor, Gansu, Alasha (Алша), and they include humorous, animal and life stories.

The most prestigious publication of Xinjiang oral literature should be the series of *Khan Tenggeri* (Хан Тенгер). This is a series of 51 books published in Todo script during 1981 throughout 1998 by the Mongolian Division of Xinjiang People's Press, which include heroic epics, oral epos⁵, folk songs⁶, proverbs⁷,

riddles⁸, curses, the Threes and Fours of the Universe⁹, folk tales and texts on customs, as well as papers on Oirat studies. Besides, some oral literatures and folk customs of Oirats from Koko Nor, Gansu and Alasha are also included. Among the 371 folk tales there are 125 tales of magic, 38 realistic tales, 45 jokes, 23 animal tales, 15 myths and 66 legends, as well as 22 heroic tales.

The collection titled *Altai Taiji* (Алтай тээйж) with *Ardag Kureng* (Ардэг күрэн) *Horse* [Nima 1985] by Nima Mende was published in Mongolian by Inner Mongolia Culture Press in 1985. This book consists of 23 folk tales, 4 heroic epics and oral epos. The source materials were collected from Six Sumun Ooleds from Mongolkuree, Ili, Xinjiang. The 23 tales consist of 1 heroic tale, 8 tales of magic, 4 realistic tales, 6 jokes and 4 animal tales. The compiler did annotations to the Oirat dialects, as well as provided a long preface.

The book *Folk Tales of Oirat Mongolians* by Hosmengge (Хосменг) from Northwestern Minzu University was published by Inner Mongolia People's Press in 1986 [Qoosmengge emkidhen nayirayulba 1986]. The book consists of 116 folk tales which are classified into tales of magic, Manggus stories, animal tales, myths, realistic tales, tales about smart persons, and jokes, with annotations of Oirat vernacular terms and a preface placed at the end. Those were collected from other compilations or magazines. 4 of them are heroic tales.

The *Oirat Mongolian Tales* [Badarangyui, Gombu todū üsüg-eče bayulγan emkidkebe 1987] by Badrangui (Бадрэнгу) and Gombu (Гомба) were published by Beijing Ethnic Press in 1987, which consists of 52 tales including 4 heroic tales, such as *Sangsar Baatar* (Саңсар баатар), *Red Face of Jargalt* (Жирхлт), *The Hero Bok Monggun Shigshirge* (Бөк Мөңгн Шигширге), and *The Bravest Man Miimilzuur* (Миимилзур). These were collected from other books and magazines that had been published in Todo script in Xinjiang, and classified into myths, jokes, and tales about smart persons.

The collection of folk tales titled *Bayan*

⁵ Oral epos (叙事诗 in Chinese) refers to a genre of oral literature, often in hundreds of or thousands of verses, whose content is similar or identical to the magic story or the life story.

⁶ Ut duun (long songs) are sang on rituals and formal occasions, while Hokr duun (short songs) are sang on unformal occasions.

⁷ The vernacular term in Oirat or Kalmyk for proverbs is Üliger (Үлгүр), or Üliger üg (Үлгүр үг).

⁸ The vernacular term in Oirat or Kalmyk for riddles is Tuuli (Тууль), Ahar tuuli (Ахр тууль), or Tailalgatai tuuli (Тээлвртэ тууль).

⁹ The vernacular term in Oirat or Kalmyk for The Threes and Fours of the Universe is Orchilangiin Gurban / Dorben (Орчлэнгин хурвн болн дөрвн), Orchilangiin Gurbadus, or Orchilangiin dorben hok (Орчлэнгин хурвн болн дөрвн хөк).

Ulaan Khan (in traditional Mongolian script) [Sečenmōngke emkidken nayirayulba 1987] which consists of 45 tales by Sechenmongke from Institute of Ethnic Literature, Chinese Academy of Social Sciences was published by Inner Mongolia Education Press in 1987. The contents are classified into two groups: one comprises 20 tales collected from Xinjiang during his field research in 1981, and the other 25 tales are transliterations of Oirat tales published on *Khan Tenggeri* and *Oriin Tsolmun* (Өрин Цолмун). Heroic tales included in this book are *Kereedei Mergen* (Керэдэ Мергэн) with *Ke Buural Horse, 15-year Old Aral Mergen* (Арл Мергэн), *Kenze Kuder* (Күдр Кенз), *Sansar Baatar*, and *The Bravest Man Miimilzuur*. Also included is an annotation of Oirat dialects and a preface.

The collection *Source Materials of Oirat Dialects* was published by Inner Mongolia People's Press in 1987. The materials in this collection were collected by Choijungjav and his students Gerelt and Bimba during a field research in Khoboksair, Xinjiang during June to October of 1981. This collection consists of 128 long songs, 181 riddles, 89 proverbs and 6 folk tales. 3 of them, namely *Zurгаадai Mergen* (Зургаада Мергэн), *The Bravest Man Miimilzuur*, and *Kereedei Mergen with Ke Buural Horse*, are heroic tales. They were recorded in Mongolian script and Latin transcription. Certain tales were also published in *Khan Tenggeri*.

J. Rinchindorji from Institute of Ethnic Literature, Chinese Academy of Social Sciences conducted field researches in Xinjiang for a couple of times since 1978 and collected *Jangar* and other Oirat epics. The author of this article also performed field researches for 4 months in Khar-usun County, Altai, and Khoboksair of Xinjiang during June to October of 1985. In 1986, Rinchindorji compiled and published the folk tales he collected in Tekes (Текес), Ili in 1981 and part of my collection with annotations. This work includes 50 folk tales consisting of 35 tales of Khoboksair and 15 tales of Tekes, and was published by the Inner Mongolia Culture Press in 1988 under the title of *Zurгаадai Mergen: The Mongolian Tales of Ili and Tarbagatai* [J. Rinčindorji, Ba. Damrinjab 1988]. 11 of the tales are heroic. The book has a preface and annotations of the Oirat vernacular terms, and storytellers' names and the places of recordings were noted at the end in this collection.

Another collection of folk tales with a title of *Argachi* (smart person) [S. Mayidar 1990] by S. Maidar (С.Мәәдр) was published by Xinjiang People's Press in 1989. Tales about smart persons, mostly humorous in nature, are very prevalent among Oirats.

There has been an academic plan since the 1980s, as a small part of the ninth 5-year-plan of China to publish the collections of folk tales, folk songs and proverbs respectively. This plan was conducted by the Society of Folk Artists affiliated to the Xinjiang Association of Writers and Artists, and the collection of the oral materials of the Oirat Mongolians hence started, and as a result, collections of Oirat Mongolian oral materials of different counties and cities are published individually. For instance, *The Xinjiang Volume of the Collection of Folk Literature of China: The Sub-volume of Borotala* (book 1) [Borotala xotoyin aradiyin aman zokōliyin emkidkel-igi nayiruulun kinaxu komis 1990] of over 830 pages was published in Todo script. 63 folk tales were included in this volume, which consists of 2 heroic tales, over 30 tales of magic, over 20 realistic tales, and 3 animal tales. The storytellers' names, recorders' names, place names, ages, and times of recording are also noted in detail at the end.

The Committee of Oral Literature Collection of Hejing County and the Committee of the Compilation of Three Collections of Folk Literature of Hejing County jointly published the compilation titled *The Collection of the Folk Literature of China: The Sub-collection of Hejing Folk Tales* [Xejin šiyani aradiyin aman zokōl-yin yurban emkidkel-igi nayiruulun kinaxu komis-ēce nayiruulba 1992], which includes: (1) legends about people, (2) legends about folk customs, (3) myths about ideals, (4) tales about living things, (5) tales about ghosts and devils, (6) realistic tales, (7) tales about smart persons, (8) jokes, (9) tongue twisters, (10) myths about places, and (11) doreen malia (дөрэн маля)¹⁰. 63 folk tales were included in the collection, with a clear description of the storytellers' and the recorders' names, place names, ages, time, the education background of the storytellers and so forth. Even some introductions of certain storytellers are included, which is a very important source of information. Several heroic tales are included in this collection.

The Xinjiang Volume of the Collection of Oral Literature in China: The Sub-volume of

¹⁰ Doraа malia (Дөрэн малэ) is a genre of Oirat oral poems, used in wedding ceremonies.

Bostnuur Folk Tales in Todo script was jointly published by the Committee of Folk Literature Compilation of Bostnuur County and the Committee of the Compilation of Three Collections of Folk Literature of Bostnuur County in 1992. This collection consists of 62 folk tales, including 4 heroic tales, 14 tales of magic, 5 realistic tales, 5 jokes, 4 animal tales, 2 legends and 28 myths, and gave a clear note of the names, genders, ages and living or working places, education background of the storyteller and the recorder, the time of recording, and the area of the transmission of the story at the end. The stories are classified according to the storyteller rather than on story types.

The Committee of Folk Literature Compilation of Khoshuud County and the Committee of the Compilation of Three Collections of Folk Literature of Khoshuud County compiled and published *The Collection of Oral Literature in China: The Sub-volume of Khoshuud County Oral Literature* in 1992. This collection has 96 folk tales which are classified into tales of magic (myths), legends, and tales, and also offered detailed background information in the end as the other collections of this series did. Many heroic tales are included in the collection.

I myself conducted 8 months of field researches among Oirats in Khar-usun, Altai, Khoboksair (during June to October, 1985) and Khar-usun, Nilha (Нилх), Tekes, Mongolkuree (Монгл күрә) (during June to October, 1986), and collected many materials on oral literature, folklore and dialects. Over 50 tales (different variants are counted) in my collection were similar to heroic epics in content which I termed as heroic tales. I chose 44 of them, and was hoping to publish them under the title of *Oirat Heroic Tales* (Book one) in 1988, but the editor of the Xinjiang People's Press cut off 32 tales, the preface of over 10,000 words, and annotations of several hundred words without my consent, due to the lack of budget, and published only the 12 heroic tales under the title of *Khar Arangga* (Хар Арһ) in 1994. It was the first collection of Mongolian heroic tales in China and even in the world.

I gave the 94 tales collected among the Torghut Zahchins in the Khar-usun County of Xinjiang in 1985 and 1986 to Ethnic Press, and they were published under the title of *Saali Mergen and Saadag Mergen* (Сааль Мергэн болн Саадг Мергэн): *the Mongolian Tales of Khar-usun* [Ba.Damrinjab 1996] in traditional Mongolian script in 1996. This collection con-

sists of 17 heroic tales, 43 tales of magic, 12 realistic tales, 17 jokes and 5 myths and legends, with detailed information at the end of each story as to the name, gender, the tribe of the storytellers and the time and place of recording, as well as over 150 annotations to the special lexis of dialect, ancient words, unique folk customs, religious practice, and some linguistic phenomena. It also gave a general introduction of Khar-usun county, the storytellers, the custom of storytelling, and the naming of the oral literature genres by the local people in the preface. This is an exemplary collection of Mongolian oral literature.

I compiled in traditional Mongolian script around 80 folk tales recorded among Ooleds and Torghuts of Nilha, Tekes and Mongolkuree counties in Ili in 1986, and gave it to the Xinjiang People's Press in 1989 to publish under the title of *Altuijai Mergen* (Алтујжа Мергэн): *The Mongolian Tales of Ili*, which was published finally in 1998, consisting of 20 heroic tales, 25 tales of magic, 6 jokes, 14 realistic tales, 3 myths and legends. At the end of the stories were the name, gender, tribe of the storytellers and the place and time of recording, and over 710 annotations were added to some dialects, ancient words, unique folk customs, religious practice and linguistic phenomena.

The Selected Mongolian Oral Literature of Khoboksair (in Todo script) [Nü. Zorigtai 2004] compiled by Nu. Zorigtai (Нү.Зоригтэ) was published by Xinjiang People's Press in 2004. It consists of 47 folk tales, which are classified to the legends about historical persons, legends of historical events, legends about natural scenes, and folk tales. Most of the tales are collected by Nu. Jorigtai from Khoboksair during 1985 to 1996. There are heroic tales such as *Kereedei Mergen with Khe Buural Horse*.

The Selected Mongolian Folk Oral Literature of Jing County [Ba. Jüjei, S. Manji 2006] (in Tod script) compiled by B. Jujei (Б.Жүжэ) and S. Manji was published by Xinjiang People's Press in 2006. This collection includes three parts of folk tales, folk long songs and proverbs, and the part of folk tales includes 2 heroic epic and 16 folk tales, among which there are several heroic tales such as *Buyantodar Mergen* (Буйнтодр Мергэн), *Aral Mergen*, and *Hairin Yek Harabdai Khan* (Хээрн Ик Харабдл хаан).

The book *Han Harangui: Oirat Heroic Epic Text and Annotations* compiled by myself was published in 2006. 8 heroic epic texts and 10 variants of *Han Harangui* that I collected

in Xinjiang during 1985-1995 were included in the book. The book consists of 7 parts, namely preface, general statement, epic texts, annotations to 3162 words and sentences, epic music, index, and brief introductions of the epic singers. Actually 8 among the 10 variants of *Han Harangui* are heroic tales. *Han Harangui* is a very well-known epic transmitted both orally and in written texts among Oirats. The texts have either form of verse or prose, and the latter is more prevalent than the former. The name of the epic also has several variants such as *Han Harangui*, *Han Haranghui* (Хан Харңһу), *Har Haranggui* (Хар Харңһу), *Har Haranga* (Хар Харңһа), *Har Aranga* (Хар Арңһ), and so forth. Whether it was originally in verse and gradually transferred to prose, or was originally in prose and was noted down by some Lama or learned man into verse is an issue for further discussion. Generally speaking, the oral performance is often in prose form, while the written texts often take on a form of verse.

The *Collection of Mongolian Folk Oral Tales of Xinjiang, China* with 334 tales was compiled by the Society of Folk Artists of Xinjiang and published by the Xinjiang People's Press in 2006. The tales are classified into myths and tales, and the myths are classified into 7 types such as myths of world creation, myths of landscapes, myths of natural phenomena and so forth, and tales are classified into tales of magic, animal tales, realistic tales, religion tales, tales about smart persons, jokes, and tales about special sayings. The tales in this collection are either collected and recorded from Xinjiang Oirats, or selected from other collections and magazines in Tod or traditional Mongolian script. The name of the storyteller and the time of recording, or the information concerning its source is accounted at the end of the story. This collection is very important for the general understanding of Oirat folk tales of Xinjiang. This collection was published in traditional Mongolian script by Xinjiang People's Press in 2011 [Sinjiyang-un arad-un urliqčid-un neyigemlig nayirayulba 2011].

The *Oirat Mongolian Heroic Epics and Tales of Xinjiang* (in Tod script) [Sinjiyang giyin aradiyin urliqčidiyin neyigemlig nayiruulbai 2009] compiled by the Society of Xinjiang Folk Artists was published by the Xinjiang People's Press in 2009. This collection includes 2 heroic epics, 1 chapter of *Jangar*, 7 heroic tales and 8 tales of magic. Information with regard to the name, birth place of the storyteller or the singer and time of the recording, the recorder, date of

the transcription is given at the end.

Altan Tebeg the Son of the Smart Taiji (in Mongolian script) [Mende, Bayankesig 2009] was published by the Inner Mongolia People's Press in 2009. This collection includes 1 epos, 21 folk tales and 310 proverbs. Brief introduction about the storytellers is added at the end of the story, and annotations are done to some vernacular terms. Mende (Мендэ) and Bayankishig (Байнкишиг) collected these materials from Six Sumun Oolods from Mongolkuree, Ili, Xinjiang; they are warm-hearted contributors of the Mongolian culture, fully devoted to the cultural cause of Xinjiang Oirats.

The *Collection and Transcription of Oirat Mongolian Folk Tales of Xinjiang* (4 volumes, in Mongolian script) was published by the Inner Mongolia Education Press in 2011. This collection is the 3-year research outcome of the 2006 Key Research Project of Inner Mongolia University Research Center: Research Projects of Social and Human Sciences of Inner Mongolia Education Ministry. This collection consists of 470 folk tales, classified into 4 volumes of *Tales of magic* [Го. Јorigtu, Na. Sayijiraqu 2012], *Myths and Legends* [Т. Namjil 2012], *Tales about smart persons* [Sarantuyay-a 2012], and *Heroic Tales* [Ba. Damrinjab 2012]. The tales were selected from other publications of collections and magazines published after the 1980s. It is published in traditional Mongolian script and is catered to the readers and researchers from Inner Mongolia and other places. It also includes detailed information with regard to the name, tribe, birth place, age, and education background of the storytellers, the name of the recorder, source material, time of recording and so forth. Each volume has a long preface, giving a general introduction to the related researches. I was in charge of the volume of *Heroic Tales*. It consists of 45 heroic tales that I collected from the Oolod, Uriankhai, and Zahchin people from Khar-usun, Altai, Khoboksair, Nilha, Tekes, and Mongolkuree in Xinjiang during 1985-1986.

The collection *The Khan's Search for a Wife* (in Todo script) compiled by the Mongolian editorial board of Xinjiang People's Press was published in 2011. It consists of a heroic epic called *Naran Khan Kobuun* and 32 tales, of which 23 are from the *Naran Khan Kobuun* (Нарн Хаан Көвүн) published in 1981.

The Selection of Khoboksair Folk Tales [Na. Buuw-a, P. Neyikei 2013] with 91 folk tales collected by Na. Buuvaa, P. Neikei (П. Нийкэ) and transcribed by D. Taya and O. Tai-

bung (О. Тэвн) was published by Inner Mongolia People's Press in 2013. The stories are classified into three parts of myths, legends and tales, which are further classified into many sub-groups. It also includes information as to the name, gender, date and place of birth, and the education background of the storyteller, the date of recording and the dissemination of the story, as well as some annotations. There are two heroic tales of *The Bravest Man Mimiilzuur* and *Malzan Ulaan Baatar*.

Besides the publication of a number of collections and compilations, many folk tales have been published in newspapers and magazines. Newspapers such as *Xinjiang Daily*, *Bayangol News* and magazines such as *Oriin Tsolmun*, *Literature of Xinjiang* and *Bayangol* have published many materials of Oirat folk literature in Xinjiang, including many folk tales. In addition, some tales and tale collections were translated and published in Chinese.

Another point to be mentioned is that, some units and individuals have been making great efforts to the cause of collection and publishing of Oirat oral literature. The Office and Working Group of *Jangar* and *Geser* was established under the Society of Xinjiang Folk Oral Literature in 1978, and То. Badma (То. Бадма) and Ту. Jamtsaa (Ту. Жамца), with their colleagues including Бу. Amurdalai (Бу. Амрдала), На. Altan, Liu Shiwu, Ко. Nima (Кө. Нимэ), Ну. Zorigtai, Howa, А. Oltsuu, Ба. Oltsuu, Hubiraltu (Хүврлт), На. Namjav¹¹, and Чи. Erentsei¹², have made great efforts in the collection and publication of *Jangar*, *Geser* and other oral literatures of Oirats. They did field researches in almost every county and village of Oirat people and collected very rich materials of oral literature. As a result, many texts of *Jangar* and *Geser*

¹¹ The Office and Working Group of *Jangar* and *Geser*, Xinjiang Society of Folk Literature Studies, was founded in 1978, and it used to transfer personnel from other units or places due to the lack of personnel. Among them are А. Oltsuu and Ба. Oltsuu from the Xinjiang Radio Station, Nimatseren from Bayangol Mongolian Autonomous Prefecture, Hubiralt from Bortai Mongolian Autonomous County, and На. Nimajab from Hoboksair Autonomous County. They, together with the colleagues from the *Jangar* and *Geser* Office, traveled among the Xinjiang Oirat people for many times to take notes of *Jangar* and *Geser* texts and other oral materials.

¹² Чи. Erentsei is the editor of the Xinjiang People's Press, and he also participated in the field work for collection of *Jangar*.

er and other oral materials are published, which are now in the archive of the Office and Working Group of *Jangar* and *Geser*. Besides, scholars like J. Rinchindorji, Ja. Batunasan¹³, Buyankishig, D. Taya and B. Damrinjab, as well as some local Oirat people of Xinjiang have made great contributions in collection and publication of oral literatures, and they have many source materials that are not yet published. For example, I did field researches in Oirat counties for 17 times for 37 months in all during 1985-2017, collecting (recording) over 850 hours of oral literature, including 197 chapters of *Jangar*, 71 chapters of *Geser*, over 1300 folk tales, 367 blessings, over 60 *Jangar* blessings, over 1400 long songs, 87 short songs, over 20 heroic epics, over 20 chapters of *Han Harangui*, and many proverbs, riddles, Threes and Fours of the Universe and so forth, as well as many vernacular materials about Oirat dialects, and interviews with the epic singers, storytellers, folk singers, and blessing singers.

To summarize, around one hundred collections and books of folk tales have been published in Xinjiang, in Todo script, traditional Mongolian script or Latin transcription. Compared to those published in other Mongolian areas, these publications have great significance in many perspectives. First, the number is much bigger. The population of Oirat people in Xinjiang is only about 180,000, while the oral literature collections including *Jangar* and *Geser* have mounted to 200, about half of which is on oral tales, as introduced above. This is quite impressive for such a population of people, hardly possible for any other Mongolian tribes or even any other ethnic nationality. Second, most of the oral literature materials published in Xinjiang is in Todo script. Todo script, meaning 'Clear script', is very advantageous as transcription of oral literature because it clearly records the pronunciation. Third, the collections of Oirat folk tales were recorded in the local dialect, while the collections of oral literature texts of other places are generally recorded in standardized dialect. Fourth, annotations are done to the vernacular terms in most of the publications of Xinjiang. Fifth, the collections also included the detailed information about the storytellers and the process of taking notes, which is an important characteristic of publications of Xinjiang Oirat oral literatures;

¹³ Ja. Batnasan is from Hoboksair Mongolian Autonomous County. He conducted field work for many times in Hoboksair, interviewed many *Jangar*chis, and collected many chapters of epic *Jangar*.

publications of oral literature of other Mongolian areas hardly gave accounts to such information. Sixth, there is a tendency for the publications of Xinjiang in recent years to attach the CDs of the oral performance, which is again very rare for publications in other Mongolian areas. This is an important change in the history of oral literature compilation, offering most reliable information for oral literature studies.

The collection, compilation and publication of the Oirat tales in Xinjiang started very early and the publications have several advantages over those of other Mongolian tribes and areas. The source materials are recorded and transcribed meticulously, and most of them are published exactly as in the performance without any refinements. These materials can be of great significance to the further research of Oirat folk tales or even general folk tale studies if they are recognized and made full use of by researchers from home and abroad in the future.

References

- Алексеева П. Э.* Принцесса Нирджидма и книга песен торгутов Китая. Элиста, 2009. 86 с.
- Тодаева Б. Х.* Материалы по фольклору синьцзянских монголов // Тюрко-монгольское языкознание и фольклористика. Москва, 1960. С. 228–265.
- Ba. Damrinjab *čuglaɣulun emkidkebe: Sinjijang-un oyirad-un aman űliger — Bayaturlig űliger.* Kōke Qota: Őbűr mongɣul-un surɣan kűműjil-űn keblel-űn qoriy-a, 2012 on. -319q.
- Ba. Damrinjab, *Ulaɣantuyay-a čuqlayulun emkidkebe: Sayali mergen bolun Sayadaq mergen — Qara-Usun-u mongɣul űliger.* Begejng: Ŭndűsűten-ű keblel-űn qoriy-a, 1996 on. 667q.
- Ba. Jűjei, S. Manji emkidkebei: *Jing-giyin mongɣol aradiyin aman yokűl-yin deejű.* Ŭrűmčű: Šinjijang aradiyin keblel-yin xorű, 2006 on. 327 x.
- Badaranyui, *Gombu todu űsűg-eče bayulɣan emkidkebe: Oyirad mongɣul-un űliger domuq.* Begejng: Ŭndűsűten-ű keblel-űn qoriy-a, 1987 on. -450x.
- Borotala *xotoyin aradiyin aman zokűliyin emkidkel-igi nayiruulun kinaxu komis: Dumdadu ulusiyin aradiyin aman zokűliyin emkidkel-yin Šinjijang-giyin bot — Borotala xotoyin xubiiri bot(bűgűde xoyor debter), Borotala xotoyin aradiyin aman zokűliyin emkidkel-igi nayiruulun kinaxu komis.* 1990 oni 7 sara. 828 x.
- Či.Erencei: *Mongɣol yogtu űligerűd.*-Ŭrűmčű: Šinjijang-giyin aradiyin keblel-yin xorű, 1983 on. 401x.
- Harry halén.1991."Some Kalmuk Notes by G. J. Ramstedt" in *studia Orientalia.*Vol.67. pp. 171–189.
- Haslund H. *Mongols and Mongol Buddhas.* Ulaanbaatar: Bit Press, 2010.
- Ĵ.Rinčindorji, Ba.Damrinjab *čuqlayulun emkidkebe: Jirɣuyadai mergen — Ili Tarbayatai-yin mongɣul űliger.* Kōke Qota: Őbűr mongɣul-un soylun-un keblel-űn qoriy-a, 1988 on. 407x.
- Го .Jorigtu, Na. *Sayijiraqu nayirayulba: Sinjijang-un oyirad-un aman űliger — Siditu űliger.* Kōke Qota: Őbűr mongɣul-un surɣan kűműjil-űn keblel-űn qoriy-a, 2012 on. 511 q.
- Mayidar *quriyayuyulan emkidkebe: Aryači.* Ŭrűmčű: Sinjijang-un arad-un keblel-űn qoriy-a, 1990 on. 157q.
- Mende, Bayankesig *nayirayulba: Ary-a-tai tayiji-yin Altan Tebeg.* Kōke Qota: Őbűr mongɣul-un arad-un keblel-űn qoriy-a, 2009 on. 375q.
- Na. Buuw-a, P. Neyikei *emkidken nayirayulba: Qobuqsayiri-yin aman űliger-űn songɣumal.* D.Taya, O.Tayibung *bayulyaɣu tayilburilaba.* Kōke Qota: Őbűr mongɣul-un arad-un keblel-űn qoriy-a, 2013 on. 365 q.
- No. Batubayar *nayiruulbai: Betege sayan bogširɣo.*-Ŭrűmčű: Šinjijang-giyin arad-yin keblel-yin xorű, 1981 on. 100 x.
- No. Batubayar *nayiruulbai :Kűked-yin keleni biliq.*-Ŭrűmčű: Šinjijang-giyin arad-yin keblel-yin xorű, 1981 on. 483 x.
- No. Batubayar *nayiruulbai: Xaan bere xayiqsan ni.*-Ŭrűmčű: Šinjijang-giyin arad-yin keblel-yin xorű, 1981 on. 117 x.
- Nű. Zoriqtai *emkidken nayiruulbai: Xobugsayiri mongɣol aradiyin aman zokűliyin deejű.* Ŭrűmčű: Šinjijang aradiyin keblel-yin xorű, 2004 on. 384 x.
- Nima, Mende *čuqlayulɣu emkidkebe: Ardaq kűreng mori-tai Altai taiji.*-Kōke Qota: Őbűr mongɣul-un arad-un keblel-űn qoriy-a, 1985 on. 386 q.
- Nirjidma *čuqlagulun tayilburilba: Mongɣul-un arban nayiman daguu silűg.* M. Bűjigma *orčiylulba, D.Taya bayulyaɣ diglebe.* Kōke Qota: Őbűr mongɣul-un arad-un keblel-űn qoriy-a, 2013. 181 x.
- [France] Nirjidma *čuqlagulun tayilburilba.* M.Bűjigma *orčiylulba, D. Taya diglebe.* Ulaanbaatar, 2014.
- Nirgidma: *Dix-huit chants et poèmes mongols, rec. par la princesse Nirgidma de Torhout.* Bibl. musicale du Musée Guimet, 1 série, tome 4. Paris, 1937.
- Nominxanob C. D. *zokűji bičiibe: Mongɣol keleni űzűgűd surxu bolon ungšixu debter.* Taškanta: Dumda Azayin ulusiyin dűdű suryuuli, 1935 daqči jiliyin 12 sarayin 17 űdűr. 121 x.
- Qoosmengege *emkidhen nayirayulba: Oyirad*

- mongyul-un arad-un aman üliġer-ud. Köke Qota: Öbür mongyul-un arad-un keblel-ün qoriy-a, 1986 on. 574 q.
- Ramstedt G. J. Kalmückische Sprachproben. I. KaLmückische Märchen. Ges. u. hrsg. von G. J. Ramstedt. Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia Mémoires de la Société Finno-Ougrienne. Helsingfors, 1909.
- Ramstedt G. J. Kalmückische Sprachproben. II. KaLmückische Märchen. Ges. u. hrsg. von G. J. Ramstedt. Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia Mémoires de la Société Finno-Ougrienne. Helsingfors, 1919.
- Ramstedt G. J. Nordmongolische Volksdichtung. – Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1973.
- Ramstedt G. J. Nordmongolische Volksdichtung. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1974.
- Ramstedt G. J. Trans. by Krueger, John Richard. Seven Journeys Eastward. Huhhot: Inner Mongolia People's Press, 2014.
- Sarantuyay-a nayirayulba: Šinġiyang-un oyirad-un aman üliġer — Sečen mergen kümün-ü üliġer.- Köke Qota: Öbür mongyul-un suryan kümüjil-ün keblel-ün qoriy-a, 2012 on. 352q.
- Sečenmönġke emkidken nayirayulba: Bayan Ulayan qan. Köke Qota: Öbür mongyul-un suryan kümüjil-ün keblel-ün qoriy-a, 1987 on. 400q.
- Šinġiyang-un arad-un urliqčid-un neyigemliġ nayirayulba: Dumdadu ulus-un Šinġiyang-un mongyul arad-un aman üliġer-ün emkidkel. Ürümči: Šinġiyang-un arad-un keblel-ün qoriy-a, 2011 on. 923q.
- Šinġiyang giyin aradiyin urliqčidiyin neyigemliġ nayiruulbai: Šinġiyang giyin oyirad mongyol-yin bäturlig tuuli ba üliġer.-Ürümči: Šinġiyang aradiyin keblel-yin xorō, 2009 on. 413x.
- Sin ġiyang-un mongyul arad-un dayuu silüg. Öbür mongyul-un yeke suryayuli-yin mongyul kele udq-a jokiyal-un salburi. Köke Qota: Öbür mongyul-un arad-un keblel-ün qoriy-a, 1959 on.
- T. Namjil nayiragulba: Šinġiyang-un oyirad-un aman üliġer — Domuq üliġer. Köke Qota: Öbür mongyul-un suryan kümüjil-ün keblel-ün qoriy-a, 2012 on. 342q.
- Tayibung O. orčiylun tayilburilaba. Qoriduyar ġayun-u qalimaq-un erdemten bolun ġiyulčilagčid-un Šinġiyang-un oyirad-un tuqai temdeglel. – Beeġejing: Ündüsüten-ü keblel-ün qoriy-a, 2015. 39–137 duyar tala-du.
- Urun zokāl (niġedüġer, xoyorduyar, yurbaduyar xuraamġi), Šin ġiyang arad-yin kebleliyin xoroı, 1953, 1954 on.
- Xejin šiyani aradiyin aman zokōl-yin ġurban emkidkel-igi nayiruulun kinaxu komis-ece nayiruulba: Dumdadu ulusiyin aradiyin aman üliġer-yin Šinġiyang-giyin emkidkel-yin Xejin šiyani--Aradiyin aman üliġer-yin xubiiri emkidkel. Xejin šiyani aradiyin aman zokōl-yin ġurban emkidkel-yin uduridxu duyyuyilang-ece keblüülbei. -Korol: Bayanyol juugiyin sonini xorōn keblel-yin üyiledbüri keblebei, 1992 on. 385 x.
- 边垣编写, 《洪古尔》, 上海: 上海商务出版社, 1950年。
- 边垣编写: 《洪古尔》, 北京: 中国民间文艺研究会主编, 作家出版社, 1958年。共77页。

References

- Alekseeva P. E. *Printsessa Nirdzhidma i kniga pesen torgutov Kitaya* [Princess irjidma and the Book of Songs of China's Torghuts]. Elista, 2009, 86 p. (In Russ.).
- Todaeva B. Kh. *Materialy po fol'kloru sin'tsyzanskikh mongolov* [Xinjiang Mongols: folklore materials]. *Tyurko-mongol'skoe yazykoznanie i fol'kloristika* [Turkic and Mongolic Linguistics and Folkloristics]. Moscow, 1960, pp. 228–265 (In Russ.).
- Ba. Damrinjab *čuglayulun emkidkebe: Šinġiyang-un oyirad-un aman üliġer* [Oral legends of Xinjiang Oirats. Comp. by Ba. Damrinjab]. *Bayaturlig üliġer* [Heroic legends]. Hohhot, Inner Mongolia Pedagogical Literature Press, 2012, 319 p. (In Mong.).
- Ba. Damrinjab, *Ulayantuyay-a čuqlayulun emkidkebe: Sayali mergen bolun Saadaq mergen* [Saali Mergen and Saadaq Mergen. Comp. by Ba. Damrinjab and Ulaantuya]. *Qara-Usun-u mongyul üliġer* [Mongolian legends of Qara-Usun (area)]. Beijing, Nationalities Publ. House, 1996, 667 p. (In Mong.).
- Ba. Jüġei, S. Manġi *emkidkebei: ġing-giyin mongyol aradiyin aman yokōl-yin deġji* [Samples of Mongolian folklore. Comp. by Ba. Juei, S. Manji]. Ürümqi, Xinjiang People's Publ. House, 2006, 327 p. (In Mong.).
- Badarangyui, Gombu todu üsüg-ece bayulyan emkidkebe: Oyirad mongyul-un üliġer domuq* [Oirat legends and tales. Comp. and transliter. from Clear Script by Badarangui ...]. Beijing, Nationalities Publ. House, 1987, 450 p. (In Mong.).
- Borotala xotoyin aradiyin aman zokōliyin emkidkel-igi nayiruulun kinaxu komis: Dumdadu ulusiyin aradiyin aman zokōliyin emkidkel-yin Šinġiyang-giyin bot* [Collected folk arts of China's peoples: folk art of Xinjiang. Comp. by the Editing Committee of Bortala city]. *Borotala xotoyin xubiiri bot (büġüde xoyor debter)* [Vol. 2 ...], Bortala City Edit. Committee Press, 1990, 828 p. (In Mong.).

- Či.Erencei. *Mongyol yogtu üligerüüd* [Mongolian fables]. Ürümqi, Xinjiang People's Publ. House, 1983, 401 p. (In Mong.).
- Harry Halén. Some Kalmuk Notes by G.J.Ramstedt. *Studia Orientalia*, 1991, vol. 67, pp. 171–188 (In Eng.).
- Haslund H. *Mongols and Mongol Buddhas*. Ulaanbaatar, Bit Press, 2010 (In Eng.).
- Ĵ.Rinčindorĵi, Ba.Damrinĵab *čuqlayulun emkidkebe: Ĵiruyadai mergen* [Zurgaadai Mergen. Comp. by Rinčindorĵi and Ba. Damrinĵab]. *Ili Tarbayatai-yin mongyul üliger* [Mongolian legends of Ili - Tarbagatai (area)]. Hohhot, Inner Mongolia Cultural Publ. House, 1988, 407 p. (In Mong.).
- Ĵorigtu, Na. *Sayijiraqu nayirayulba: Sinĵiyang-un oyirad-un aman üliger* [Oral legends of Xinjiang Oirats. Comp. by Dzorigt and Sayijrakh]. *Siditu üliger* [Magic fairy tales]. Hohhot, Inner Mongolia Pedagogical Literature Press, 2012, 511 p. (In Mong.).
- Mayidar quriyangyuyilan emkidkebe: *Aryači* [Argachi. Comp. by Maidar]. Ürümqi, Xinjiang People's Publ. House, 1990, 157 p. (In Mong.).
- Mende, Bayankesig *nayirayulba: Ary-a-tai tayiji-yin Altan Tebeg* [Tayiji Argatai's golde forelock. Comp. by Mende and Bayankeshig]. Hohhot, Inner Mongolia People's Publ. House, 2009, 375 p. (In Mong.).
- Na. *Buuw-a, P. Neyikei emkidken nayirayulba: Qobuqsayiri-yin aman üliger-ün songyumal. D. Taya, O.Tayibung bayulyaju tayilburilaba* [Qobuqsar Mongols: samples of folklore. Comp. by Buuwa and Neidkhei. Comment. and transliter. by D. Taya and O. Taibung]. Hohhot, Inner Mongolia People's Publ. House, 2013, 365 p. (InMong.).
- No. *Batubayar nayiruulbai: Betege cayān bogširyo* [The white-cropped sparrow. Comp. by N. Batbayar]. Ürümqi, Xinjiang People's Publ. House, 1981, 100 p. (In Mong.).
- No. *Batubayar nayiruulbai :Küüked-yin keleni biliq* [The wisdom of child speech. Comp. by N. Batbayar]. Ürümqi, Xinjiang People's Publ. House, 1981, 483 p. (In Mong.).
- No. *Batubayar nayiruulbai :Xaan bere xayiqsan ni* [The tale of how the Khan looked for a bride. Comp. by N. Batbayar]. Ürümqi, Xinjiang People's Publ. House, 1981, 117 p. (In Mong.).
- Nü. *Zoriqtai emkidken nayiruulbai: Xobugsayiri mongyol aradiyin aman zoköliyin deefi* [Qobuqsar Mongols: the best samples of oral folk art. Comp. by N. Zoriktai]. Ürümqi, Xinjiang People's Publ. Housē, 2004, 384 p. (In Mong.).
- Nima, Mende *čuqlayulĵu emkidkebe:Ardaq küreng mori-tai Altai taiĵi* [Altai Tayiji and his young dark red horse. Comp. by Nima and Mende]. Hohhot, Inner Mongolia People's Publ. House, 1985, 386 p. (In Mong.).
- Nirĵidma čuglagulun tayilburilba: Mongyul-un arban nayiman daguu silüg. M. Büĵigma orčiyulba, D.Taya bayulyaj diglebe* [18 samples of Mongolian song poetry. Collected and comment. by Nirĵidma]. Hohhot, Inner Mongolia People's Publ. House, 2013, 181 p. (In Mong.).
- Nirĵidma čuglagulun tayilburilba. M.Büĵigma orčigulba, D.Taya diglebe* [Materials collected by Nirĵidma. Transl. by Bugijma, comp. by D. Taya]. Ulaanbaatar, 2014 (In Mong.).
- Nirgidma. *Dix-huit chants et poèmes mongols,rec. par la princesse Nirgidma de Torhout. Bibl. musicale du Musée Guimet,1 série,tome 4* [18 Mongolian texts and poems recorded by the Torghut Princess Nirĵidma. Series 1, vol. 4] Paris, 1937 (In French).
- Nominkhanoc Ts. D. *Mongyol keleni üzügüüd surxu bolon ungšixu debter* [A study bok of Mongolian with texts]. Tashkent, Institute of Central Asian Peoples Press, 1935, 121 p. (In Mong.).
- Qoosmengge emkidhen nayirayulba:Oyirad mongyul-un arad-un aman üliger-ud* [Oral tales of the Oirats. Comp. by Qoosmenge]. Hohhot, Inner Mongolia People's Publ. House, 1986, 574 p. (In Mong.).
- Ramstedt G. J. *Kalmückische Sprachproben. I. KaLmückische Märchen. Ges. u. hrsg. von G. J. Ramstedt* [Samples of Kalmyk speech. I. Kalmyk fairy tales. Collect. and prep. by G. J. Ramstedt]. Helsinki, Finno-Ugric Society Press, 1909 (In Germ. and Kalm.).
- Ramstedt G. J. *Kalmückische Sprachproben. II. KaLmückische Märchen. Ges. u. hrsg. von G. J. Ramstedt* [Samples of Kalmyk speech. II. Kalmyk fairy tales. Collect. and prep. by G.J. Ramstedt]. Helsinki, Finno-Ugric Society Press, 1919 (In Germ. and Kalm.).
- Ramstedt G. J. *Nordmongolische Volksdichtung* [North Mongolian song poetry]. Helsinki, Finno-Ugric Society Press, 1973 (In Germ. and Mong.).
- Ramstedt G. J. *Nordmongolische Volksdichtung* [North Mongolian song poetry]. Helsinki, Finno-Ugric Society Press, 1974 (In Germ. and Mong.).
- Ramstedt G. J. Trans. by Krueger, John Richard. *Seven Journeys Eastward*. Huhhot, Inner Mongolia People's Press, 2014 (In Eng.).
- Sarantuyay-a nayirayulba: Sinĵiyang-un oyirad-un aman üliger* [Oral legends of Xinjiang Oirats. Comp. by Sarantuya]. *Sečen mergen kümün-ü üliger* [The tale of Setsen Mergen]. Hohhot, Inner Mongolia Pedagogical Literature Press, 2012, 352 p. (In Mong.).

- Sečenmönge emkidken nayirayulba: Bayan Ulayan qan* [Bayan Ulaan Khan. Comp. by Setsenmunkh]. Hohhot, Inner Mongolia Pedagogical Literature Press, 1987, 400 p. (In Mong.).
- Sinjiyang-un arad-un urliqčid-un neyigemlig nayirayulba: Dumdadu ulus-un Sinjiyang-un mongyul arad-un aman üliger-ün emkidkel* [Xinjiang Mongols: an anthology of oral tales. Prep. by Xinjiang Folk Craftsmen Society]. Ürümqi, Xinjiang People's Publ. House, 2011, 923 p. (In Mong.).
- Šinjiyang giyin aradiyin urliqčidiyin neyigemlig nayiruulbai: Šinjiyang giyin oyirad mongyol-yin bāturlig tuuli ba üliger* [The heroic epic and tales of Xinjiang Oirat-Mongols. Prep. by Xinjiang Folk Craftsmen Society]. Ürümqi, Xinjiang People's Publ. House, 2009, 413 p. (In Mong.).
- Sin Jiayang-un mongyul arad-un dayuu silüg. Öbür mongyul-un yeke surayuli-yin mongyul kele udq-a jokiyal-un salburi* [Song poetry of Xinjiang Mongols. Prep. by Inner Mongolia University, Department of Mongolian Language and Literature]. Hohhot, Inner Mongolia People's Publ. House, 1959 (In Mong.).
- T. Namjil nayiragulba: Sinjiyang-un oyirad-un aman üliger* [Oral tales of Xinjiang Oirats. Comp. by T. Namjil]. *Domuq üliger* [Legends and tales]. Hohhot, Inner Mongolia Pedagogical Literature Press, 2012, 342 p. (In Mong.).
- Tayibung O. orčiyulun tayilburilaba. Qoriduyar jayun-u qalimaq-un erdemten bolun jiyulčilagčid-un Sinjiyang-un oyirad-un tuqai temdeglel* [Essays of Kalmyk scholars on Xinjiang Oirats. Transl. and comment. by O. Tayibung]. Beijing, Nationalities Publ. House, 2015, pp. 39–137 (In Mong.).
- Urun zokāl (nigedüger, xoyorduyār, yurbaduyār xuraamji)* [Imaginative literature ...]. Xinjiang People's Publ. House, 1953, 1954 (In Mong.).
- Xejin šiyan aradiyin aman zokōl-yin yurban emkidkel-igi nayiruulun kinaxu komis-ēce nayiruulba: Dumdadu ulusiyin aradiyin aman üliger-yin Šinjiyang-giyin emkidkel-yin Xejin šiyan--Aradiyin aman üliger-yin xubiiri emkidkel. Xejin šiyan aradiyin aman zokōl-yin yurban emkidkel-yin udurixdu duyuyilang-ēce keblüülbei* [Oral folk art of Xejin šiyan (area) ...]. Korol, Bayangol Newspaper Press, 1992, 385 p. (In Mong.).
- 边垣编写,《洪古尔》,上海:上海商务出版社,1950年 (In Chinese)。
- 边垣编写:《洪古尔》,北京:中国民间文艺研究会主编,作家出版社,1958年。共77页 (In Chinese)。

УДК 398

К истории записи и публикации сказок ойратов Синьцзяна

Дамринжав Бальджин¹

¹ научный сотрудник, Институт национальных литератур Академии общественных наук КНР (Пекин, КНР). E-mail: damrinjab@163.com

Статья представляет краткий экскурс в историю сбора и публикации образцов устного народного творчества ойратов, проживающих в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая. Первопроходцами в данной области стали европейские ученые Г. Рамстедт и Х. Хаслунд, опубликовавшие ряд собранных среди ойратов Синьцзяна материалов в первой половине XX в. Далее последовали исследовательские работы калмыцких ученых Ц.-Д. Номинханова и особенно — Б. Х. Тодаевой, которая в ходе полевых лингвистических изысканий осуществила запись и последующую обработку большого пласта устного фольклора не только ойратов, но и ряда других монгольских этнических групп — дунсян, монголов, чахаров, хорчинов и т. д. В силу объективных обстоятельств в 1960-е и 1970-е гг. соответствующая исследовательская работа не проводилась, но тем активнее развернулась деятельность в этой области в 1980-х годах, когда задачи по фиксации и публикации образцов народного творчества были официально включены на региональном уровне в план девятой пятилетки КНР. В итоге были опубликованы около 100 фольклорных сборников, что ознаменовало качественно новый этап в развитии ойратоведения, так как в ходе указанной работы был раскрыт широкий культурный пласт, обозначены новые задачи, методы и перспективы будущих гуманитарных исследований.

Ключевые слова: ойраты Синьцзяна, фольклор, сказки, собрание, публикация

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 34, Is. 6, pp. 150–159, 2017
DOI 10.22162/2075-7794-2017-34-6-150-159
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 39(398.21)

‘Khar Yalzn Mörtä Khadr Khar Avyin Khan Sönäk’ (Khadyr Khara Avgi Khan Senaki Who Rides a Black Horse with a Star): Studies of the Kalmyk Heroic Tale Recorded from Sandzhi Butaev Revisited

Bayrta B. Mandzhieva ¹

¹ Ph.D. in Philology (Cand. of Philological Sc.), Leading Research Associate, Department of Mongolian Philology, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russian Federation). E-mail: mbbairta@yandex.ru

Abstract. The article studies the Kalmyk heroic tale *Khar Yalzn Mörtä Khadr Khar Avyin Khan Sönäk (Khadyr Khara Avgi Khan Senaki Who Rides a Black Horse with a Star)* recorded by N. Ts. Bitkeev from the talented Kalmyk tale-teller Sandzhi Butaev in 1974.

Khadyr Khara Avgi Khan Senaki Who Rides a Black Horse with a Star is distinguished through its artistic perfection, depth of content, archaic motifs, style and poetic formulas, as well as the significant size of the fairy tale.

In terms of plot and composition, the fairy tale consists of twelve structural elements. The main character is Khadyr Khara Avgi Khan Senaki who manifests himself as a miraculously born hero (Mong. *baatar*) with all heroic qualities required, namely: strength, courage, agility, the magic ability to turn into different creatures, and other 'ninety nine *erdems*' (Kalm. 'skills'). Constituent elements play a significant role in the depiction of the hero's image: his marvelous horse, weapons and other miraculous objects considered to be subordinate and secondary in relation to the physical strength of the hero.

The theme of the hero's matchmaking proves an exclusively artistic device, since it has a sufficiently developed and sequential scheme, both in the heroic tale and in the heroic epic of *Jangar*: the hero arrives in the country of his supposed bride, turns into a lousy boy, encounters members of the khan's retinue, gets summoned to appear in the khan's court to be found innocent by the latter, comes to grips with a rivalling fiancée, participates in three competitions, marries the khan's daughter, receives a dowry, and returns to his native nomadic territory.

The three competitions — rifle shooting, wrestling, and the delivery of three red apples (in classic texts — horseracing, archery, wrestling) — constitute a significant element in the structure of the heroic tale for there are many contenders, and only the strongest one to have coped with all the tasks must win.

The news about a devastation of the hero's nomadic territory by *mangas* (Kalm. 'demons') invaders gives another way to the narrative's development — Khadyr Khara Avgi Khan Senaki's military expedition to the country of Usun Shara. The hero crushes the *mangases*, delivers his parents and enslaved people from captivity, bringing them back to their ancestral lands.

In the finale of the heroic tale Sandzhi Butaev uses formulas of the feast which introduce the narrator into the circle of characters, depicting him as a participant of the narrated events. The place

where the events took place is defined by the narrator as a border territory between the worlds of the dead and the living. Thus, the storyteller reappears among his listeners after having crossed the border. And the very fact is supposed to guarantee the veracity of the narrated tale. Variability, unreality of fairy-tale happiness for human beings inhabiting the material world are contrasted with the well-being of fairy-tale heroes. A peculiar ending also serves as a means to somewhat discharge the intense attention of listeners. The final formulas constitute the concluding stage of the hero's actions — from his crossing the border between the worlds of the living and the dead, subsequent heroic deeds, to his return to the native nomadic territories and, thus, to the real world.

Khadyr Khara Avgi Khan Senaki Baatar acts as a 'guardian of the hearth and protector of the clan/tribe, heir and master of myriad herds and vast lands (mountains, rivers) of his father, he who multiplies this heritage (receiving a dowry), destroys enemies (*mangases*, rivalling fiances)', and returns his enslaved people to their nomadic areas.

Keywords: tale teller, heroic tale, plot, fairy-tale tradition, structure, compositional elements

Калмыки обладают богатейшим духовным наследием — уникальным многожанровым калмыцким фольклором. Калмыцкие народные сказки, которые подразделяются на сказки о животных, волшебные, богатырские, бытовые и кумулятивные, являются одним из любимых произведений народа. Калмыцкая богатырская сказка, являясь одной из наиболее художественно совершенных жанровых разновидностей сказочного эпоса, характеризуется многообразием сюжетов, образов и персонажей, богатством художественно-изобразительных средств, что делает ее важной составной частью духовной культуры калмыков.

Некоторые аспекты исследования сказочной традиции калмыков, такие как актуальные вопросы изучения взаимосвязи богатырских сказок с эпосом, изобразительные средства калмыцких сказок, их поэтические формулы, антропонимия сказок, сюжетно-композиционное строение, образы, художественно-поэтические особенности, «типические места» калмыцких волшебных и богатырских сказок освещены в трудах калмыцких исследователей фольклора: М. Э. Джимгирова [1970], А. Ш. Кичикова [1992], Б. Э. Мутляевой [1978; 1982], Т. Г. Басанговой (Борджановой) [1980; 1983; 2002; 2004], Н. Ц. Биткеева [1976; 1977; 1984], В. Т. Сарангова [1997; 2015], Б. Б. Манджиевой [2004; 2015а; 2015б], Б. Б. Горяевой [2008; 2011], И. С. Надбитовой [2010; 2011], Ц. Б. Селеевой [2015а; 2015б], Д. В. Убушиевой [2016; 2017] и др.

В Научном архиве Калмыцкого научно-го центра РАН хранятся записи устной традиции калмыцкого народа второй половины XX в. В данной коллекции фонозаписей особое место занимают записи одного из та-

лантливых калмыцких сказителей Санджи Шургучиевича Бутаева. Известный калмыцкий сказочник Санджи Бутаев родился в 1926 г. в пос. Джура Ростовской области. Отец сказителя был родом из *арвана* Абганер Шевнр, в 20-х гг. прошлого столетия, спасая от голода свою семью, он был вынужден перебраться в Ростовскую область. Как и многие дети той поры, Санджи не был избалован вниманием родителей, которые, чтобы прокормить семью, с раннего утра до позднего вечера работали. Мальчику было лет пять-шесть, когда после тяжелой болезни он лишился ног. Но сильный духом человек, Санджи Бутаев не отчаялся, несмотря на свой недуг, с малых лет помогал своей семье, учился и мужской, и женской работе: управляться по хозяйству, сапожничать, шить, вязать, доить коров и многим другим работам, необходимым, чтобы выжить. После тяжелого трудового дня Санджи любил слушать сказки, легенды, предания из уст сказителей, знатоков устного народного творчества, он первым приходил и занимал место рядом со сказителем. Санджи с большим интересом слушал сказителей Эльзюту Бакланову, Дорджи Боовушаева, Боову Анджукаева, Басанга Эрендженова и многих других. Благодаря своей феноменальной памяти сказитель Санджи Бутаев сохранил и передал нам уникальные народные творения.

Репертуар сказителя Санджи Бутаева многообразен и состоит из различных жанров калмыцкого фольклора: сказки о животных, волшебные, богатырские и бытовые сказки, легенды, предания, а также устные рассказы и анекдоты. Произведения, рассказанные сказителем, были записаны в разное время (1967–1978 гг.) сотру-

КНИИЯЛИ Э. Ч. Бардаевым, Н. Д. Мучкиновой, Н. Ц. Биткеевым, Б. Б. Оконовым и Б. Э. Мутляевой. В калмыцкой фольклористике репертуар сказителя Санджи Бутаева изучали Н. Ц. Биткеев [Биткеев 1976; 1977], Б. Б. Горяева [Горяева 2008], Б. Х. Борлыкова [Борлыкова 2008; 2015; 2017].

В 2008 г. в Калмыцком научном центре РАН была основана серия «Өвкнрин зөөр» («Сокровища предков»), в которой издаются высокохудожественные произведения калмыцкого устного народного творчества. Эта серия призвана способствовать собиранию и сохранению самобытного культурного наследия, воспитанию патриотизма, знанию культурных ценностей и уважительного отношения к своим истокам. Серия «Өвкнрин зөөр» («Сокровища предков») открылась книгой «Буутан Санжин туульс» (Сказки Санджи Бутаева), в которой представлен репертуар талантливого и самобытного калмыцкого сказителя Санджи Бутаева, записанный учеными КалмНЦ РАН (КНИИЯЛИ) в экспедициях 1971–1978 гг.

В данной статье мы рассмотрим богатырскую сказку из репертуара Санджи Бутаева «Хар халзн мөртэ Хадр Хар Авһин Хан Сөнэк» («Хадыр Хара Авги Хан Сенаки на вороном с лысиной коне»), отличительной чертой которой является художественное совершенство, глубина содержания, архаичность мотивов, стиль и поэтические формулы, а также значительный объем сказочного произведения.

Сюжетно-композиционная структура богатырской сказки «Хар халзн мөртэ Хадр Хар Авһин Хан Сөнэк» («Хадыр Хара Авги Хан Сенаки на вороном с лысиной коне») состоит из «двенадцати конструктивных элементов» [Кичиков 1992: 12]:

- 1) Бездетные Хадыр Хара Авга и его супруга;
- 2) Обращение Хадыр Хара Авги к ламе-предсказателю судьбы;
- 3) Чудесное рождение героя;
- 4) Наречение чудеснорожденного героя именем;
- 5) Быстрый рост героя;
- 6) Нахождение и укрощение предназначенного коня;
- 7) Получение героем вести о суженой;
- 8) Выезд из дома в поисках суженой, преодоление препятствий в пути, превращение героя в паршивого мальчика, а коня — в паршивого жеребёнка-двухлетку;
- 9) Единоборство с претендентом на руку ханской дочери, участие героя в трех состязаниях;

10) Женитьба героя на ханской дочери, получение приданого, отправление жены в страну мужа-богатыря;

11) Поход героя в страну Усун Шара мангасов за угнанными в плен родителями и народом;

12) Уничтожение героем мангасов, освобождение и возвращение родителей и угнанного народа в родное кочевье.

В калмыцкой сказочной традиции присутствует ряд мотивов чудесного рождения героя. Исходная ситуация связана с бездетностью пожилых супругов. В зачине сказки «Хар халзн мөртэ Хадр Хар Авһин Хан Сөнэк» («Хадыр Хара Авги Хан Сенаки на вороном с лысиной коне») отец героя обладает богатством — неисчислимым скотом, но, как оказалось, нет у него наследника: “*Пөөнө, нэмэг кецс гихлэ, мини мал-гер эдлдг үрн-садн уго. Ода үрн-садниарһ хээнэв*”, — *гилэд, Хар халзн мөртэ Хадр Хар Авһ санна. ‘Эх, нет детей у меня, чтобы владеть после меня скотом и хозяйством моим. Сейчас надо решить, как детьми обзавестись’, — подумал Хадыр Хара Авга, у которого был вороной с лысиной конь’* [Буутан Санжин туульс 2008: 114]. Отец героя обращается к чудесному покровителю и получает долгожданного наследника — будущего героя сказочного повествования, которого нарекает Хадыр Хара Авги Хан Сенаки.

В калмыцких богатырских сказках встречаются сюжеты, где чудеснорожденный герой быстро вырастает, например, в богатырской сказке «Нэльхн Цаһан ээжин көвүн Нээл гидг баатр» («Богатырь Найхал, сын Нальхан Цаган ээджи»): *Нег хонна, нег иргин арсн хучлһ эс күрнэ, нег хожул модн өлгэ эс күрнэ. Хойр хонна, хойр иргин арсн хучлһ эс күрнэ, хойр хожул модн эс күрнэ. Гурв хонна, гурвн иргин арсн хучлһ эс күрнэ, гурвн хожул модн эс күрнэ* [‘Стал сын быстро расти:'] прошли сутки, из одной бараньей шкуры-одеяла не хватает ему, из одного чурбана сделанная колыбель мала для него. Прошли двое суток, из двух бараньих шкур [сшитого] одеяла не хватает ему, из двух чурбанов сделанная колыбель мала для него. Прошло три дня, не помещается он в одеяле из шкур трех баранов, не помещается в люльке из трех чурбанов’ [Kalmückische... 1919: 184]. В рассматриваемой сказке «Хар халзн мөртэ Хадр Хар Авһин Хан Сөнэк» («Хадыр Хара Авги Хан Сенаки на вороном с лысиной коне») мотив быстрого роста трансформировался в фор-

мулу: «*Көвүнү үүд-түүд күрэд, өснэ*» ‘Прошло время, сын его подрос’ [Буутан Санжин туульс 2008: 115].

Наречение именем героя «играет весьма существенную роль в эпической биографии как магическое благословение и предсказание его будущего героического пути» [Жирмунский 1974: 233]. Богатырь в рассматриваемой сказке носит сложное имя, состоящее из имени его родителя, определения социального статуса героя, а также содержащее указание на мать его коня — *Хар Һалзн мөртэ Хадр Хар Авһин Хан Сөнэк* ‘Хадыр Хара Авги Хан Сенаки’.

Как известно, в сказочной традиции калмыков с рождением богатыря рождается и предназначенный ему судьбой конь. Герой Хадыр Хара Авги Хан Сенаки находит своего только что рожденного коня, но жеребенок настолько силен, что богатырь не может оторвать его от вымени матери-кобылицы. После невероятных усилий богатырю все же удается его оседлать. Тогда жеребенок просит отпустить его напиться материнского молока [Буутан Санжин туульс: 118–119]. Сказочный эпизод выкармливания жеребенка показывает, что молоко матери придает коню волшебную силу, он становится настолько силен, что *Ишкэд о[р]ксн ишкдүрнь хуучн худгин йорал болна, шавхагаснь өрсн шаврнь Борзатын бор довун болсн, хойр хамраснь һарсн бор көөснь хойр эктэ дала болна, хойр нүднэснь һарсн һалнь хойр эктэ түүмр болна. Теңгэр-һазр ниргүлсн, Хар Һалзн гүүһэд күрэд ирнэ*. ‘Где ступит он, след подобен дну старого [высохшего] колодца, комья земли, что отскакивали от щеток его копыт, подобны широким степным холмам, из двух его ноздрей выступающая пена подобна раздвоившемуся морю, искры из двух его глаз подобны раздвоившемуся пожару. [Так] и землю сотрясая, вороной с лысиной прискакал’ [Буутан Санжин туульс 2008: 119].

Выезд героя на поиски невесты и выполнение им своей главной цели сказитель Санджи Бутаев передает развернутой формулой: *...залу күн зөрсн талан, зандн модн нээхлсн талан. Бол эс гихлэ — үк гиде үг бээдг бишв, зандн модн нээхлсн талан болжэ эс гихлэ, хуһр гисн үг бээдг биш болхов* ‘... мужчина должен стремиться к достижению поставленной цели, а дерево сандал тянется туда, куда клонятся его ветки. Если не удастся [задуманное дело] — есть слово “умри”, не так ли? Если дерево сандал

не будет тянуться туда, куда клонятся его ветки, — “сломайся” есть слово’ [Буутан Санжин туульс 2008: 120].

В рассматриваемой сказке герой-богатырь наделен необыкновенной силой, которая проявляется при ловле и укрощении предназначенного коня (жеребенка): *Хадын хамгчн татна, болжэ өгчэхмн уга, бутын булгчн татна, болжэ өгчэхмн уга. Өвдгцэрн орад татна, болжэ өгчэхмн уга, сууцарн оржэ татна, болжэахи* ‘Скалу разрушая, стал тянуть — не поддается [жеребёнок], кусты выкорчевывая, стал тянуть — не поддается. По колено в землю проваливаясь, тянул — не поддается, по нижнюю часть туловища проваливаясь, тянул — не получилось’ [Буутан Санжин туульс 2008: 118–119].

Показателем роста архаического героя Хадыр Хара Авги Хан Сенаки является его исполинская сила (в случае с ловлей и укрощением предназначенного коня) или исполинская тяжесть (от следа коня оставались ямы, подобные дну старых колодцев). Таким образом, в архаическом эпосе сила, рост и вес героя являются не только «синонимами», но и единым понятием. Сюда же относится и аппетит героя: одним из показателей богатырской силы героя является описание съедаемой им пищи: *...кеер йовсн залуд: “Ху хот болдм”, — гихэд, ик-бичкн хойран шорлад, ик ясинь амарн һарһад, баһ ясинь хамрарн һарһад, иджэ-уучкад, цааран һарһад гүүлгнэ*. ‘Посчитав, что для мужчины, находящегося в дороге, всё сгодится, большие и мелкие [куски мяса] нанизал на вертел, [изжарил], большие кости изо рта вынимая, мелкие кости из ноздрей вынимая, поел-попил и дальше помчался’ [Буутан Санжин туульс 2008: 127]. Подобные действия совершаются в эпизоде, когда богатырь справился с огромным быком: *...бухиг цокч алад, кеер йовсн залуд ху хот болх гихэд, ик-бичкн болхинь хугтнь шорлад, ик ясинь амарн һарһад, баһ ясинь хамрарн һарһад, идэд, цааран һарһад гүүлгнэ*. ‘...убил быка, посчитав, что для мужчины, находящегося в дороге, всё сгодится, большие и мелкие [куски мяса] нанизал на вертел, [изжарил], большие кости изо рта вынимая, мелкие кости из ноздрей вынимая, поел досыта и дальше помчался’ [Буутан Санжин туульс 2008: 129].

Таким образом, отличительной чертой архаического героя калмыцкой богатырской сказки Санджи Бутаева «Хар Һалзн мөртэ Хадр Хар Авһин Хан Сөнэк» («Хадыр

Хара Авги Хан Сенаки на вороном с лысиной коне’) являются его невероятный рост, вес, аппетит, сила и неуязвимость.

Герой Хадыр Хара Авги Хан Сенаки, преодолев препятствия (ядовитое море и гору) на пути к суженой, прибывает в ханский *цахар* в образе паршивого мальчика. «Облик паршивого мальчишки, первоначально часто обуславливающий усыновление героя бездетными стариками, сопряжен с активным поиском суженой» [Кичиков 1992: 56]. На первый взгляд герой превращается в паршивого мальчика, чтобы быть неузнанным, но генетически данный мотив восходит к обряду инициации и связан с пребыванием в ином мире [см.: Пропп 1986: 133–137; Кичиков 1992: 59].

Тема героического сватовства оказывается исключительно художественным приемом, поскольку имеет достаточно разработанную последовательную схему, как в богатырской сказке, так и в героическом эпосе «Джангар»: герой прибывает в страну суженой, принимает облик паршивого мальчика, сталкивается с приближенными хана, вызывается на ханский суд, получает оправдание хана, вступает в единоборство с претендентом на руку ханской дочери, участвует в трех состязаниях, женится на ханской дочери, получает приданое и возвращается в родное кочевье.

Три вида состязаний: стрельба из ружья, борьба и доставка трех красных яблок (в классических образцах — скачки, стрельба из лука, борьба) в структуре богатырской сказки являются важным составным элементом, поскольку претендентов много и выиграть должен сильнейший, прошедший все испытания. Богатырь Хадыр Хара Авги Хан Сенаки побеждает во всех трех состязаниях и получает достойную «награду» — ханскую дочь. После свадьбы герой продолжает пребывать в облике паршивого сопливого мальчика, из-за неприглядного вида его вместе с женой поселяют в *цахар*, а затем и вовсе отправляют в безлюдную пустынную степь. На просьбу жены принять свой прежний облик Хан Сенаки не отвечает до тех пор, пока его жена не решается представить его своим зятям, чтобы плешиный мог себя проявить. В безлюдной пустынной степи герой напивается крепкого чая: *Көвүн үндэн цэгэн ууһад, йосндан тиниһад, көлс һарад, мел кевтэн тохрад оркнал. Мел кевтэн тохрад орктл, тер зэңг өдрин бийднэ хаанад күрчэнэ. Эк-эцкнэ мөрн*

деежтэ, хөн деежтэ иржэ, күргн күүкн хойриг нүүлжэ авчана ‘Мальчик, выпив чаю, размлел-разопрел и принял свой прежний облик. Когда он принял свой прежний облик, весть об этом в тот же день до хана донеслась. Родители приехали к ним с *дээджи* из конины и баранины и перевезли зятя и дочь к себе’ [Буутан Санжин туульс 2008: 139]. В данном эпизоде возвращение героя в свой прежний облик продиктовано тем, что им пройден обряд инициации и вернувшийся «забыл» своих родителей, свой дом, родное кочевье. Вспомнить о родине призывает его конь: *«Хэрий, һазр-усан санжэнава. Чамаг эс хэрхлэ, би бийм хэрнэв, — гинэ»* ‘Вернемся домой, по родине я скучаю. Если ты не вернешься, я сам вернусь, — сказал’ [Буутан Санжин туульс 2008: 139]. Мотив забвения, присутствующий в богатырской сказке, приобретает патриотическое звучание в героическом эпосе «Джангар»: *Һаза бээгсн Зеерднэ Далн хойр цуурдад авб: — Эр күмн нутган эс сангсн болхнчн, Эр мөрн би Бумблунин каазан санв би!* ‘Тут Зерде аранзал подряд Семьдесят два раза трубно проржал: — Если муж доблестный по родине не тоскует, То я, конь доблестный, по бумблуйскому разнотравью тоскую!’ [Джангар 1978: 406].

В итоге побед герой получает приданое невесты — половину царства хана-тестя: *Эк-эцкн, элгн-саднчн ода ю авнач гинэд сурад бээхлэг, юнчн кергго гижэ кел, — гижээнэ. — Мел дегэд икэр ууляд-унжэад сурад бээсн цагтнэ, нег жилэ төл сур, — гижээнэ. — Эмтэ юмна төл* ‘Если родители и родственники будут спрашивать у тебя, что пожелаешь взять с собой, отвечай, что ничего тебе не надо, — сказал он [жене]. — Если будут слёзно упрашивать, умолять, попроси приплода одного года, — сказал. — Приплода всех видов скота’ [Буутан Санжин туульс 2008: 139]. Сказочная половина царства равняется всему царству хана, потому как за приплодом одного года отправились «родители», кроме того, в приплод одного года также входили дети, за которыми последовали их родители: *Хөөнэ хурһ авад һархла — хөнэ мээлэд гүүнэ, үкрин туһл авад һархла — үкрнэ мөөрэд гүүнэ, мөрнэ унһ авад һархла — мөрнэ инцхэдг. Нилх күүкдэн эдл өгэд тэвсн эк-эцкнчн ууляд-унжэад, гүүлдэд бээлдэд бээнэ. Эк-эцкнэ, элгн-саднэ хэлэжэ-хэлэжэ, ода шигэжэ эмтэ юмиг зоважэ болиго, ээмг-алвтарн даххм болад, тегэд ээмг-алвтарн дахна. Ээмг-алвтарн тегэд,*

ода хаани орн-нутгиг өлн ноха үлдэлго, өнчи күүкд үлдэлго, хугтайниь көндөхэд харһна. ‘Ягнят стали собирать — овцы с бляением за ними бегут, телят стали собирать — коровы с мычанием за ними бегут, жеребят стали собирать — кобылицы заржали. Как младенцев своих отдающие родители плачут-страдают, так и они бегали за ними. Родители и родственники, глядя на такое, решили, что животных так мучить нельзя, и всем владением, не оставив в стране хана ни голодной собаки, ни сирот, все тронулись в путь’ [Буутан Санжин туульс 2008: 140].

Богатырская сказка сохранила формулу-наказ: *Нэ, мини утар зурсндм — үдлэд, төргэр зурсндм — хонад күрэд иртн*. ‘Где линию прочерчу, там в полдень останавливайтесь, где круг начерчу, там на ночь оставайтесь, так и доберетесь’ [Буутан Санжин туульс 2008: 140], нарушение запрета могло повлечь за собой неприятные последствия — похищение суженой героя. В сказке встречается распространенный, как в архаическом, так и в героическом эпосе мотив трех сожалений: встретив всадника, Хадыр Хара Авги Хан Сенаки вступает в единоборство и побеждает богатыря, который оказался его родным младшим братом, о чем он узнает, спросив три его сожаления. Младший брат сообщает Хадыр Хара Авги Хан Сенаки, что дома все в благополучии пребывают. Герой спешно отправляется домой, но находит свою страну разоренной, а народ угнанным семерыми братьями Усун Шара-мангасами.

В связи с вестью о разорении кочевья героя сюжетное повествование получает новое развитие — поход Хадыр Хара Авги Хана Сенаки в страну захватчиков Усун Шара мангасов. Герой уничтожает мангасов, освобождает родителей и угнанный народ, возвращает их в родное кочевье.

В финале богатырской сказки Санджи Бутаев использует формулы пира, которые вводят в круг действующих лиц сказки самого сказителя и представляют его участником событий, произошедших в сказочном повествовании. Рассматривая финальные формулы, Н. Рошияну выделил «четыре элемента, присущих финалу сказки: а) присутствие сказочника на пиру; б) действия сказочника; в) перемещение сказочника от места действия к слушателям; г) цель перемещения — изложение сказки» [Рошияну 1974: 54–55]. Сказитель Санджи Бутаев заканчивает сказку утверждением

о том, что он был в сказочной стране героев: *...тави хаани орн-нутг негдэд, өмнхэсн өцгтэ, хөөткэсн хогта, суусн күүни сууца, боссн күүни белкүсцэ болсн нэр-жүрһл кехэд, долан-долан дөчн йисн хонгтан нэр-жүрһл кехэд, эндр өдр күртл амрад, жүрһэд бээһэд бээжл эдн. Нээрин сүүлэр харһад, нег цөгц эрк ууһад, нег сеңсн шөл ууһад, харч ирүв* ‘...пяти ханов владения объединились. Пуще прежнего краше, богаче [зажили они], такой пир устроили, что угощения было сидячему в рост, стоячему по пояс, семью семь — сорок девять дней пировали и до сих пор счастливо живут они. В конце пира я к ним забрёл, чарку араки выпив, чашку бульона выпив, оттуда и иду» [Буутан Санжин туульс 2008: 148]. Место, где происходили события, сказитель определил как границу с миром мёртвых. Появление сказочника среди слушателей есть произошедшее с ним после перемещения через границу. Перемещение Санджи Бутаева, произошедшее в концовке сказки, является фактом достоверности рассказанного. Изменчивость, ирреальность сказочного счастья для человека из материального мира противопоставляется благополучию сказочных героев. Своеобразная концовка также служит в некотором роде разрядкой напряженного внимания слушателей. Финальные формулы являются завершающим этапом действий сказочного героя от начала перехода границы из мира живых в мир мёртвых, последующих его богатырских подвигов, затем возвращения в родные кочевья и обратный переход из иного мира в реальный мир.

Таким образом, герой богатырской сказки Хадыр Хара Авги Хан Сенаки во всех двенадцати элементах сюжетно-композиционной структуры сказки «Хар халзн мөртэ Хадр Хар Авһин Хан Сөнэк» (‘Хадыр Хара Авги Хан Сенаки на вороном с лысиной коне’) проявляет себя как чудеснорожденный богатырь, обладающий всеми богатырскими свойствами: силой, храбростью, ловкостью, магическим умением превращаться и другими «девьяносто девятью эрдэмами». Богатырь калмыцкой сказки предстает как «хранитель очага и защитник рода-племени, наследник и хозяин несметных стад и обширных кочевий (гор, рек) своего отца, приумножающий это наследство (путем получения приданого), уничтожающий врагов (мангусов, соперников-претендентов на руку суженой)» [Кичиков 1992: 296]. Пер-

сонажи сказки «Хар халзн мөртэ Хадр Хар Авһин хан Сөнәк» ('Хадыр Хара Авга на вороном с лысиной коне') Санджи Бутаева функционально близки к персонажам калмыцкого эпоса, что указывает на характер взаимодействия двух жанров — сказки и калмыцкого героического эпоса «Джангар».

Источники

Буутан Санжин туульс (Сказки Санджи Бутаева). Записи 1971–1978 годов. В 2 кн. Кн. 1 / вступ. ст. Н. Г. Очировой; сост., подг. текстов и прилож. Б. Х. Борлыковой. Элиста: КИГИ РАН, 2008. 307 с.

Джангар. Калмыцкий героический эпос / сост. А. Ш. Кичиков; ред. Г. И. Михайлов. М.: Наука, Главн. ред. вост. лит-ры, 1978. Т. 1. 441 с.

Kalmückische Sprachproben. Gesammelt und herausgegeben von G. J. Ramstedt. Zweiter Teil. Kalmückische Märchen. Helsingfors: Societe Finno-Ougrienne, 1919. S. 155–237.

Литература

Биткеев Н. Ц. Келмрч Буутан Санж // Теегин герл. 1976. № 3. С. 175–184.

Биткеев Н. Ц. Калмыцкие сказки Санджи Бутаева // Фольклор народов РСФСР. Межвузовский науч. сб. Уфа: Изд-во Башкирск. гос. ун-та, 1977. С. 43–49.

Биткеев Н. Ц. Калмыцкая фольклористика: итоги и проблемы изучения // Калмыцкая народная поэзия. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1984. С. 3–29.

Борджанова Т. Г. О взаимосвязи эпоса «Джангар» и богатырских сказок // «Джангар» и проблемы эпического творчества тюрко-монгольских народов: Мат-лы Всесоюз. науч. конф. (г. Элиста, 17–19 мая 1978 г.). М.: Наука, 1980. С. 214–219.

Борджанова Т. Г. Антропонимия калмыцких народных сказок // Ономастика Калмыкии. Сб. ст. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1983. С. 96–100.

Борджанова Т. Г. Сказочная традиция калмыков // Сандаловый ларец. Калмыцкие народные сказки / сост., пер., предисл., коммент. Т. Г. Басанговой. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2002. С. 3–38.

Борджанова Т. Г., Манджиева Б. Б. Эпический репертуар калмыцкого сказителя Дава Шавалиева // Этнопоэтика и традиция. М., 2004. С. 83–93.

Борлыкова Б. Х. О лексико-стилистических особенностях языка сказок и преданий Санджи Бутаева // Буутан Санжин туульс (Сказки Санджи Бутаева). Записи 1971–1978 годов. В 2 кн. Кн. 1 / вступ. ст. Н. Г. Очировой; сост.,

подг. текстов и прилож. Б. Х. Борлыковой. Элиста: КИГИ РАН, 2008. С. 263–275.

Борлыкова Б. Х. О сюжетных типах калмыцких волшебных сказок (репертуар сказителя Санджи Бутаева) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2015. № 3. С. 137–141.

Борлыкова Б. Х. Аудиозаписи волшебных сказок Санджи Бутаева, хранящиеся в научном архиве КалмНЦ РАН // Сетевое востоковедение: образование, наука, культура. Мат-лы Межд. науч. конф. (Элиста, 7–10 декабря 2017 г.). Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2017. С. 209–212.

Горяева Б. Б. Волшебные сказки из репертуара сказителя Санджи Бутаева // Буутан Санжин туульс (Сказки Санджи Бутаева). Записи 1971–1978 годов. В 2-х кн. Кн. 1 / вступ. ст. Н. Г. Очировой; сост., подг. текстов и прилож. Б. Х. Борлыковой. Элиста: КИГИ РАН, 2008. С. 252–262.

Горяева Б. Б. Калмыцкая волшебная сказка: сюжетный состав и поэтико-стилевая система. Элиста: НПП «Джангар», 2011. 128 с.

Джигмидов М. Э. О калмыцких народных сказках. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1970. 103 с.

Жирмунский В. М. Тюркский героический эпос. Л.: Наука, 1974. 726 с.

Кичиков А. Ш. Героический эпос «Джангар». Сравнительно-типологическое исследование памятника. М.: Вост. лит., 1992. 320 с.

Манджиева Б. Б. К вопросу изучения образа героя калмыцкой богатырской сказки // Литературное обозрение: история и современность. 2015а. № 5 (5). С. 61–63.

Манджиева Б. Б. Конь героя в калмыцкой богатырской сказке и в героическом эпосе «Джангар» // Современные проблемы науки и образования. 2015б. № 1–1. С. 1189.

Мутляева Б. Э. Мотив чудесного рождения героя в тюрко-монгольском героическом и сказочном эпосе // Типологические и художественные особенности «Джангара». Элиста: Калм. кн. изд-во, 1978. С. 51–62.

Мутляева Б. Э. Мотив чудесного рождения героя в сказочном эпосе монгольских народов и калмыцком эпосе «Джангар» // Эпическая поэзия монгольских народов (Исследования по эпосу). Элиста: Калм. кн. изд-во, 1982. С. 43–49.

Надбитова И. С. Структурно-семантическая классификация народных сказок Б.П. Кербелите (на материале цикла «Седклин күр» («Душевный разговор»)) // Проблемы функционирования и развития языков в полилингвальном пространстве: II Межд. науч.-практ. конф. Элиста: КалмГУ, 2010. С. 109–119.

- Надбитова И. С. Сюжеты, образы и стилевые традиции калмыцких волшебных сказок. Элиста: НПП «Джангар», 2011. 260 с.
- Протт В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. 365 с.
- Рошняну Н. Традиционные формулы сказки. М.: Наука, 1974. 216 с.
- Сарангов В. Т. Калмыцкие сказки о богатырях как разрушенные формы героических сказаний // VII Межд. конгресс монголоведов (Улан-Батор, авг. 1997 г. Докл. рос. делегации). М.: Наука, 1997. С. 158–159.
- Сарангов В. Т. Поэтика и стиль калмыцкой богатырской сказки. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2015. 104 с.
- Селеева Ц. Б. О взаимосвязях калмыцкой богатырской сказки и эпоса «Джангар» // Монголоведение в начале XXI века: современное состояние и перспективы развития: Матлы Межд. науч. конф., посвящ. 100-летию Б. Х. Тодаевой (г. Элиста, 23–26 апреля 2015 г.). Ч. II. Элиста: КИГИ РАН, 2015а. С. 50–53.
- Селеева Ц. Б. Специфическое и универсальное в образе героя калмыцкой богатырской сказки и эпоса «Джангар» // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. № 2. 2015б. С. 151–155.
- Убушиева Д. В. Калмыцкая сказка «Иван Царевичин тууль» («Сказка про Ивана Царевича») из Архива И. И. Попова // Полевые исследования КалмИЦ РАН. Элиста, 2016. С. 154–162.
- Убушиева Д. В. Сюжеты тома «Калмыцкие волшебные сказки» Свода калмыцкого фольклора (обзор источников) // Ежегодные научные чтения Калмыцкого научного центра Российской академии наук. Элиста: КалмИЦ РАН, 2017. С. 132–134.

Sources

- Buutan Sanjin tuul's. Zapisi 1971–1978 godov. V 2 kn. Kn. 1 / vstup. st. N. G. Ochirovoy; sost., podg. tekstov i prilozh. B. Kh. Borlykovoy* [Sandzhi Butaev's fairy tales. Records of 1971–1978. In 2 vol., vol. 1. Foreword by N. Ochirova, comp. and prep. by B. Borlykova]. Elista, Kalmyk Institute for Humanities (RAS) Press, 2008, 307 p. (In Russ. and Kalm.).
- Dzhangar. Kalmytskiy geroicheskiy epos / sost. A. Sh. Kichikov; red. G. I. Mikhaylov* [The Kalmyk Heroic Epic of Jangar. Comp. by A. Kichikov, edit. by G. Mikhailov]. Moscow, Vost. Lit. Publ., 1978, vol. 1, 441 p. (In Kalm. and Russ.).
- Kalmückische Sprachproben. Gesammelt und herausgegeben von G. J. Ramstedt. Zweiter Teil. Kalmuckische Märchen* [Samples of Kalmyk speech. Comp. and publ. by G. J. Ramstedt. Part 2. Kalmyk fairy tales]. Helsinki, Finno-Ugric Society Press, 1919, 155–237 p. (In Germ. and Kalm.).

References

- Bitkeev N. Ts. *Kelmrch Buutan Sanj* [The tale-teller Sandzhi Butaev]. *Teegin Gerl* (Light in the Steppe journal), 1976, No. 3, pp. 175–184 (In Kalm.).
- Bitkeev N. Ts. *Kalmytskie skazki Sandzhi Butaeva* [Sandzhi Butaev's Kalmyk tales]. *Fol'klor narodov RSFSR. Mezhvuzovskiy nauchnyy sbornik* [Folklore of the peoples of the RSFSR. Collected scholarly papers]. Ufa, Bashkir State Univ. Press, 1977, pp. 43–49 (In Russ.).
- Bitkeev N. Ts. *Kalmytskaya fol'kloristika: itogi i problemy izucheniya* [Kalmyk folklore studies: results and problems of research]. *Kalmytskaya narodnaya pojeziya* [Kalmyk folk poetry]. Elista, Kalm. Book Publ., 1984, pp. 3–29 (In Russ.).
- Bordzhanova T. G. *O vzaimosvyazi eposa «Dzhangar» i bogatyrskikh skazok* [The epic of Jangar and heroic fairy tales: interrelations revisited]. *«Dzhangar» i problemy epicheskogo tvorchestva tyurko-mongol'skikh narodov: Mat-ly Vsesoyuzn. nauch. konf. (Elista, 17–19 maya 1978 g.)* [The Turco-Mongols: The Jangar and Issues of Epic Folklore. Proc. of the All-Union. scientif. conf. (Elista, 17–19 May 1978)]. Moscow, Nauka Publ., 1980, pp. 214–219 (In Russ.).
- Bordzhanova T. G. *Antroponimiya kalmytskikh narodnykh skazok* [Anthroponymy of Kalmyk folk tales]. *Onomastika Kalmykii. Sb. st.* [Onomastics of Kalmykia. Collected papers]. Elista, Kalm. Book Publ., 1983, pp. 96–100 (In Russ.).
- Bordzhanova T. G. *Skazochnaya traditsiya kalmykov* [The Kalmyk fairy tale tradition]. *Sandalovyy larets. Kalmytskie narodnye skazki / sost., per., predisl., komment. T. G. Basangovoy* [The Sandalwood Chest. Kalmyk folk tales. Comp., transl., comment. by T. Basangova]. Elista, Kalm. Book Publ., 2002, pp. 3–38 (In Russ.).
- Bordzhanova T. G., Mandzhiyeva B. B. *Epicheskiy repertuar kalmytskogo skazitelya Dava Shavalieva* [The epic repertoire of the Kalmyk tale-teller Dava Shavaliev]. *Etnopoetika i traditsiya* [Ethnopoetics and tradition]. Moscow, 2004, pp. 83–93 (In Russ.).
- Borlykova B. Kh. *O leksiko-stilisticheskikh osobennostyakh yazyka skazok i predaniy Sandzhi Butaeva* [Sandzhi Butaev's fairy tales and legends: lexical and stylistic features revisited]. *Buutan Sanjin tuul's. Zapisi 1971–*

- 1978 godov. V 2 kn. Kn. 1 / vstup. st. N. G. Ochirovoy; sost., podg. tekstov i prilozh. B. Kh. Borlykovoy [Sandzhi Butaev's fairy tales. Records of 1971-1978. In 2 vol., vol. 1. Foreword by N. Ochirova, comp. and prep. by B. Borlykova]. Elista, Kalmyk Institute for Humanities (RAS) Press, 2008, pp. 263–275 (In Russ.).
- Borlykova B. Kh. *O syuzhetnykh tipakh kalmytskikh volshebnykh skazok (repertuar skazitelya Sandzhi Butaeva)* [On the plot types of Kalmyk fairy tales (repertoire of the Kalmyk storyteller Sandzhi Butaev)]. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN* (Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS), 2015, No. 3, pp. 137–141 (In Russ.).
- Borlykova B. Kh. *Audiozapisi volshebnykh skazok Sandzhi Butaeva, khraryashchiesya v nauchnom arkhive KalmNTs RAN* [Audio recordings of Sandzhi Butaev's magic fairy tales stored at the Scientific Archive of the Kalmyk Sc. Center of the RAS]. *Mat-ly Mezhd. nauch. konf. «Setevoe vostokovedenie: obrazovanie, nauka, kul'tura» (Elista, 7–10 dekabrya 2017 g.)* [Proc. of the Internat. conf. - Oriental Studies in a Network Perspective: Education, Science, Culture (Elista, 7-10 December 2017)]. Elista, Kalm. State Univ. Press, 2017, pp. 209–212 (In Russ.).
- Goryaeva B. B. *Volshebnye skazki iz repertuara skazitelya Sandzhi Butaeva* [Magic fairy tales from the repertoire of the tale teller Sandzhi Butaev]. *Buutan Sanjin tuul's. Zapisi 1971–1978 godov. V 2 kn. Kn. 1 / vstup. st. N. G. Ochirovoy; sost., podg. tekstov i prilozh. B. Kh. Borlykovoy* [Sandzhi Butaev's fairy tales. Records of 1971-1978. In 2 vol., vol. 1. Foreword by N. Ochirova, comp. and prep. by B. Borlykova]. Elista, Kalmyk Institute for Humanities (RAS) Press, 2008, pp. 252–262 (In Russ.).
- Goryaeva B. B. *Kalmytskaya volshebnyaya skazka: syuzhetnyy sostav i poetiko-stilevaya sistema* [The Kalmyk magic fairy tale: its plot structure and poetic-stylistic system]. Elista, Dzhangar Publ., 2011, 128 p. (In Russ.).
- Dzhingirov M. E. *O kalmytskikh narodnykh skazkakh* [On Kalmyk folk tales]. Elista, Kalm. Book Publ., 1970, 103 p. (In Russ.).
- Zhirmunsky V. M. *Tyurkskiy geroicheskiy epos* [The Turkic heroic epic]. Leningrad, Nauka Publ., 1974, 726 p. (In Russ.).
- Kichikov A. Sh. *Geroicheskiy epos «Dzhangar». Sravnitel'no-tipologicheskoe issledovanie pamyatnika* [The Heroic Epic of Jangar. A comparative-typological study of the cultural monument]. Moscow, Vost. Lit. Publ., 1992, 320 p. (In Russ.).
- Mandzhieva B. B. *K voprosu izucheniya obraza geroya kalmytskoy bogatyrskoy skazki* [The Kalmyk heroic tale: studies of the image of the hero revisited]. *Literaturnoe obozrenie: istoriya i sovremennost'* (Literary Review: History and Contemporaneity), 2015a, No. 5 (5), pp. 61–63 (In Russ.).
- Mandzhieva B. B. *Kon' geroya v kalmytskoy bogatyrskoy skazke i v geroicheskom epose «Dzhangar»* [The Kalmyk heroic tale and the heroic epic of Jangar: the horse of the hero]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* (Contemporary Issues of Science and Education), 2015b, No. 1–1, p. 1189 (In Russ.).
- Mutlyayeva B. E. *Motiv chudesnogo rozhdeniya geroya v tyurko-mongol'skom geroicheskom i skazochnom epose* [The Turco-Mongolian heroic and fairy tale epic: the motif of miraculous birth]. *Tipologicheskie i khudozhestvennye osobennosti «Dzhangara»* [Typological and artistic peculiarities of The Jangar]. Elista, Kalm. Book Publ., 1978, pp. 51–62 (In Russ.).
- Mutlyayeva B. E. *Motiv chudesnogo rozhdeniya geroya v skazochnom epose mongol'skikh narodov i kalmytskom epose «Dzhangar»* [The fairy tale epic of Mongolic peoples and the Kalmyk epic of Jangar: the motif of miraculous birth of the hero]. *Epicheskaya poeziya mongol'skikh narodov (Issledovaniya po eposu)* [Epic poetry of Mongolic peoples (studies of epic literature)]. Elista, Kalm. Book Publ., 1982, pp. 43–49 (In Russ.).
- Nadbitova I. S. *Strukturno-semanticheskaya klassifikatsiya narodnykh skazok B.P. Kerbelite (na materiale tsikla «Sedklin kür» («Dushevnyy razgovor»))* [A structural and semantic classification of folk tales by B. Kerbelite (as exemplified by the Hearty Conversation series)]. *II Mezhd. nauch.-prakt. konf. «Problemy funktsionirovaniya i razvitiya yazykov v polilingval'nom prostranstve»* [2nd Internat. research and practice conf. - Languages in Multilingual Environment: Problems of Functioning and Development]. Elista, 2010, pp. 109–119 (In Russ.).
- Nadbitova I. S. *Syuzhety, obrazy i stilevye traditsii kalmytskikh volshebnykh skazok* [The Kalmyk magic fairy tale: plots, characters and stylistic traditions]. Elista, Dzhangar Publ., 2011, 260 p. (In Russ.).
- Propp V. Ya. *Istoricheskie korni volshebnoy skazki* [Historical roots of the magic fairy tale]. Leningrad, Leningrad State Univ. Press, 1986, 365 p. (In Russ.).
- Roshiyanu N. *Traditsionnye formuly skazki* [Traditional fairy tale formulas]. Moscow, Nauka Publ., 1974, 216 p. (In Russ.).

- Sarangov V. T. *Kalmytskie skazki o bogatyryakh kak razrushennyye formy geroicheskikh skazaniy* [Kalmyk fairy tales about heroes as forms of once disappeared heroic legends]. *VII Mezhd. kongress mongolovedov (Ulan-Bator, avg. 1997 g. Dokl. ross. delegatsii)* [7th Internat. Congress of Mongolists (Ulaanbaatar, August 1997)]. Moscow, Nauka Publ., 1997, pp. 158–159 (In Russ.).
- Sarangov V. T. *Poetika i stil' kalmytskoy bogatyrskoy skazki* [Poetics of the Kalmyk heroic tale]. Elista, Kalm. State Univ. Press, 2015, 104 p. (In Russ.).
- Seleeva Ts. B. *O vzaimosvyazyakh kalmytskoy bogatyrskoy skazki i eposa «Dzhangar»* [The Kalmyk heroic tale and the epic of Jangar: interrelations revisited]. *Mongolovedenie v nachale XXI veka: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya: Mat-ly Mezhd. nauch. konf., posvyashch., 100-letiyu B. Kh. Todaevoy (g. Elista, 23–26 aprelya 2015 g.). Ch. II* [Mongol Studies in the Early 21st Century: Contemporary Conditions and Prospects of Development. Proc. of the Internat. research conf. celebrating the 100th anniversary of birth of prof. B. Todaeva (Elista, 23-26 April 2015)]. Elista, Kalmyk Institute for Humanities (RAS) Press, 2015a, pp. 50–53 (In Russ.).
- Seleeva Ts. B. *Spetsificheskoe i universal'noe v obraze geroya kalmytskoy bogatyrskoy skazki i eposa «Dzhangar»* [Specific and universal in the image of the hero of the Kalmyk heroic tale and epos "Dzhangar"]. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN* (Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS), No. 2, 2015b, pp. 151–155 (In Russ.).
- Ubushieva D. V. *Kalmytskaya skazka «Ivan Tsarevichin tuul'» («Skazka pro Ivana Tsarevicha») iz Arkhiva I. I. Popova* [The Kalmyk variant of the Tale about Ivan Tsarevich from I.I. Popov's archive]. *Polevye issledovaniya KalmNTs RAN* (Field Studies of the Kalmyk Scientific Center of the RAS), Elista, 2016, pp. 154–162 (In Russ.).
- Ubushieva D. V. *Syuzhety toma «Kalmytskie volshebnye skazki» Svoda kalmytskogo fol'klora (obzor istochnikov)* [Kalmyk Folklore Corpus: plots of the volume 'Kalmyk Magic Fairy Tales']. *Ezhegodnye nauchnye chteniya Kalmytskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk* [Annual Scholarly Readings of the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences]. Elista, Kalm. Sc. Center (RAS) Press, 2017, pp. 132–134 (In Russ.).

УДК 39(398.21)

К вопросу изучения калмыцкой богатырской сказки «Хар халзн мөртэ Храд Хар Авхин Хан Сөнэк» (Хадыр Хара Авги Хан Сенаки на вороном с лысиной коне) сказителя Санджи Бутаева

Байрта Барбаевна Манджиева¹

¹ кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, отдел монгольской филологии, Калмыцкий научный центр РАН (Элиста, Российская Федерация). E-mail: mbbairta@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению калмыцкой богатырской сказки «Хар халзн мөртэ Храд Хар Авхин Хан Сөнэк» (Хадыр Хара Авги Хан Сенаки на вороном с лысиной коне), записанной Н. Ц. Биткеевым в 1974 г. у талантливого калмыцкого сказителя Санджи Бутаева. Сюжетно-композиционная структура сказки состоит из двенадцати конструктивных элементов. В богатырской сказке главным героем является богатырь Хадыр Хара Авги Хан Сенаки, который проявляет себя как чудеснорожденный богатырь, обладающий всеми богатырскими свойствами: силой, храбростью, ловкостью, магическим умением превращаться и другими «девьяносто девятью эрдэмами». В образе богатыря большую роль играют: чудесный богатырский конь, оружие и другие чудесные предметы, которые оцениваются как подчиненные и второстепенные составляющие по отношению к физической силе героя. Богатырь Хара Авги Хан Сенаки предстает как «хранитель очага и защитник рода-племени, наследник и хозяин несметных стад и обширных кочевий (гор, рек) своего отца, приумножающий это наследство (путем получения приданого), уничтожающий врагов (соперников мангасов — претендентов на руку суженой)» и возвращающий свой угнанный народ в родное кочевье.

Ключевые слова: сказитель, богатырская сказка, сюжет, сказочная традиция, структура, композиционные элементы

Copyright © 2017 by the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 34, Is. 6, pp. 160–166, 2017
DOI 10.22162/2075-7794-2017-34-6-160-166
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 391

Interpretation of the Newly Discovered Uighur-Mongolian Inscription on the Arshan Cliff

Qoshud Tsengel¹

¹ Ph.D. in History, Professor, Institute of History, Chinese Academy of Social Sciences (Beijing, People's Republic of China). E-mail: tsengelkk@yahoo.com.cn

Abstract. The paper deals with a newly discovered Mongolian inscription on the rock wall in Arshan area of Inner Mongolia, which is 'tngri yaĵar-un biĉig' ('A text of the heaven and earth'). Due to Uighur Mongolian writing features and contents, it can be concluded the inscription was made in the 13th–14th centuries. Its location may also indicate some ties with the period preceding the establishment of the Mongol Empire. The article describes the current state of the inscription, attempts to interpret the text and characterize the circumstances of its creation in general, thus making suggestions as to who, when and what for made the inscription. Still, as of today the available data is not sufficient enough and further research is required. And, finally, the paper mentions that the whole area is associated with Genghis Khan's youngest brother – Temüġe Otĉigin and his progeny, which again implies the inscription can be dated back to the initial stage of the making of the Mongol Empire.

Keywords: Uighur-Mongolian, inscription, cliff, Mongol

1. Basic Information

In June 2015, Professor Wei Jian 魏坚 at Renmin University of China was requested to send and invite the author to recognize a picture about inscription on the rock wall. The inscription was written by Uighur Mongolian (Uyiyurjin Mongyol) and the marks are not very clear, but the words just as tngri 'heaven', biĉig 'words', kümün 'human', biĉibe 'wrote' in it can be recognized. And the brushwork owns the features which exists in 13th–14th

centuries obviously. Then, due to the time, the author was unable to do rigorous research, and only identified preliminarily, made several speculation and returned the feedback as reference to the picture provider. Since then, the related brief report appeared in the network soon [Li Aiping 2016], and it is not rigorous and the title is also somewhat optional. Therefore, it is necessary to do some academic discussion in the article.

Picture 1. A general view of the southern side of the rock

In April 2017, the author had an on-the-spot investigation. The inscription is on a rock in slope of west bank, the Khadag South River, which is a branch of the Khalkhyn Gol River (Qalq-a γool), Tianchi 天池 town, Arshan 阿尔山市, Inner Mongolia Autonomous Region. The east cliff of the rock is almost vertical, and about 7~8 meters high (picture 1), the two Uighur-Mongolian inscription are located a meter off the ground. Under the two inscriptions, there are a few bright colored petroglyphs using

vermilion. And between them, the surface of the rock has cavity from the top to the ground, make the cliff form the two surfaces with angle. In the left surface, there is a group of Uighur-Mongolian characters, and a colored painting about deer and beast (wolf or dog), which has distance from the character is under them. When turn to the right surface, it also has fragmentary Uighur-Mongolian marks, under the marks, there is also a colored painting about two animals, deer and beast (wolf or dog), and

Picture 2: 11 lines character in left surface

a man on horse. The line of the petroglyph is close to reality, the theme ‘hunter chase deer’ and the style is widespread in petroglyphs of Eurasia, and the age of petroglyph is elder than the character. The petroglyph was found by Mr Bai jiangang 白剑钢, a local shutterbug, in 2011. In 2014, the media reported the newly found petroglyph [Li Aiping, Deng Zhiyang 2014] while at that time, they did not notice and report the Uighur-Mongolian inscription.

From the view of literature value, the

inscription is the first found character relics of the Mongolian Empire or Yuan Dynasty in Arshaan mountains, Daxinganling 大兴安岭 region up to now, also it is the latest found cliff marks in ancient Mongolian. Previously, it has been found cultural symbol in Daxinganling region, just as a group of rich and unique petroglyphs and inscriptions in other characters, etc. Also in Arshaan region, there has been made new findings, just like in 2014, section member, Mr Deng Zhiyang 邓智洋 from

government of Bailang town 白狼镇 discovered many marks about Qidan 契丹 script nearby local Bailang peak. Moreover, the author also found symbol marks which are clearly modern Mongolian, similar to Jurchen 女真 script and Buddhist mantra wheel from others photos. Therefore, the Uighur-Mongolian inscription is not isolated, it is a part of the traditional history and culture in Daxinganling region. And it is no doubt that the inscription contains the important information about the history, geography and human environment in this area.

Character Interpretation

In the right surface of the cliff, there are three character marks which are very vague, except ‘noqai jil’, the meaning of ‘dog year’, and the rest is fully vague and needs further study. In the article we will focus on a set of

concentrated inscriptions in the left surface. There are more than ten lines of character in the left surface (picture 2), similar to present-day Mongolian, with the characters put from top to bottom, and the rows arranged from left to right. The words in third last line appear once separately from those words. There is a word in front, with fonts blurred that can not be recognized. From the concentration of ink, it seems to have no relationship with the words behind, therefore, we can ignore it temporarily. The first 4 lines of characters can be connected into sentences and express a certain significance, the following 6 lines are words arranged, seemingly to present the duties and names. The distance from line 1 to line 10 is 24 cm, and the first as well as the second line which have more words are 12 cm long.

The first line: (pronunciation transliteration)

	<i>tngri</i>	<i>yaǰar</i>	<i>-un</i>	<i>bičig</i>
(translation)	heaven	earth	s(genitive)	character

The second line: (pronunciation transliteration)

	<i>surqu</i>	<i>kümün</i>	<i>-i</i>	<i>surtaqui</i>
(translation)	learning (now and future)	people (plural)	use (object)	learn(imperative and plural)

The third line: (pronunciation transliteration)

	<i>kü</i>	<i>bei</i>	<i>ǰ-e</i>	<i>kemen</i>
(translation)	(tone of emphasizing)	had(now and finally)	j-e(modal particle)	speak(continue, conjunction)

The fourth line: (pronunciation transliteration)

	<i>bičibe</i>	<i>bi</i>
(translation)	written(now and finally)	I

The fifth line: (pronunciation transliteration)

	<i>unuǰuči</i>
(translation)	foal’s management

The sixth line: (pronunciation transliteration)

	<i>saruǰači</i>
(translation)	sacrificial offerings management

The seventh line: (pronunciation transliteration)

	<i>quvaǰ</i>
(translation)	armor

The eighth line: (pronunciation transliteration)

	<i>qorilun</i>
(translation)	Hhorilun

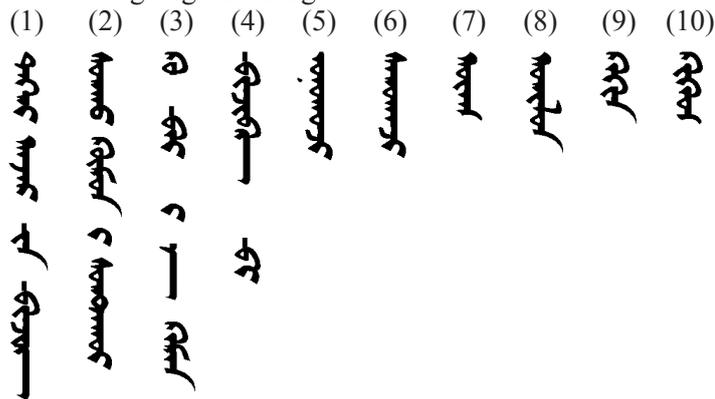
The ninth line: (pronunciation transliteration)

	<i>gekin</i>
(translation)	Gekin

The tenth line: (pronunciation transliteration)

	<i>gikeüs</i>
(translation)	Gikeus

Using Uighur-Mongolian to restore as follows:

1-1. **[[tngri]]**: means ‘heaven’. The writing of this is the most clear, the shape of prefix ‘t’ is triangular, which is similar with the ‘t’ in -tur, the additional components of dative, in the epitaph of ‘Yesünger stele’, but is slightly different from the common forms in Turpan 吐鲁番 manuscripts. The written form of the word reflects the Mongolian fixed wording. In phags-pa (Payba) script, this word should be read as dēngri. In *Secret History of Mongols (Mongyol-un niyuča tobčiyān 元朝秘史)*, the pronunciation with Chinese words to express is ‘騰格理’ (tenggeri).³ Now in the spoken language it usually is tengger.

1-2. **[[yaĵar]]**: means ‘earth’. The writing is not clear. And the shape of the word is distortion, the reason of that should be to avoid the rock cracks and intended to tilt the suffix to the left. The initial ‘ya’ is in thick ink, the word-medial ‘a’ is faintly visible, and the semicircle stroke of the suffix ‘r’ can also be distinguished, the whole word fully in line with the style ‘ya ar’, ‘earth’ of Mongolian in 13–14 century. In *Secret History of Mongols*, the pronunciation with Chinese words to express is ‘合札刺’, the sound in phags-pa is ‘qa ar’, and there is no difference in speech.

1-3. **[[un]]**: additional components of possessives, is equivalent to Chinese ‘的, 之’ (’s). Upper part of font is not complete enough, though it has the possibility to be ‘-yin’ or ‘-in’, according to its appearance after the word ‘ya ar’ and from the perspective of general orthography, it should be ‘-um’. In addition, it highlights sharp corners at the top of circle of character ‘u’, and it is similar with the first stroke of ‘b’ in the inscription, which is obviously the writer’s style. 13-14 century, in Uighur and Uighur-Mongolian handwritten information, such as Turpan manuscripts, it has the similar style of writing, and should also

belong to the writer’s style.

1-4. **[[bičig]]**: means: ‘book’, ‘manuscript’, ‘character’ and so on. The mark is clearer, stroke ‘g’ at the end is slightly damaged, but does not affect the identification. In structure of bičig, ‘i’ is not linked with ‘b’. Left falling stroke of character ‘g’ appears a certain arc. These belong to the writing style in 13–14 century, and it ought to say the characteristics of Uighur are preserved. Highlighting sharp corners at the top of the characters is also because the writer’s writing style. In *Secret History of Mongols*, the pronunciation with Chinese words to express is ‘必赤克’ (bičig, §203), and translated as ‘manuscript’, the sound in phags-pa is bičig, and there is no difference in speech.

2-1. **[[surqu]]**: ‘learn’, the future tense of verbs. Except the contour of surqu’s initial ‘su’ or ‘so’ and suffix ‘u’ can be distinguished, the middle part is not clear. The whole word is shorter, it can be speculated as ‘surju’, ‘surču’, ‘sutu’, ‘suju’ and so on from the shape of character. However, the author consider that the word has responding and progressive relationship with the following words No.2-4, therefore the roots of the two words are the same. In *Secret History of Mongols*, the words generated from root ‘sur-’ are ‘速兒合阿速’ (suryaasu, §149), ‘速兒忽’ (surqu, §149), ‘速兒合忽’ (suryaqu, §149), ‘速兒罕’ (suryan, §149), ‘速魯勒察速’ (surulčasu, §224), ‘速兒秃孩’ (surtuyai, § 260), ‘速倫’ (surun, § 260) and so on. The basic meaning is ‘learn’, ‘train’, ‘habit’, and is the same to Mongolian now.

2-2. **[[kümün]]**: means ‘people’. The mark is clearer, and the structure is completed, only the later character ‘-ü’ in the structure of ‘kümün’ is slightly damaged, it seems to appear character shape in double circle, which is the double word belly in Mongolian character. And the later word belly present the plural addition ‘-d’,

which can be read as 'kümüd', then it should be regarded as the plural of 'person'. But the interpretation is very weird as this, which does not match the habit using 'kümüs' to represent plural at modern times. The word 'kümün' itself can mean an indefinite number, therefore regard it as 'kümün' is more secure.

2-3. **[-i]**: The ink of the mark is very thick, and the factors may be addition, modification or deletion, etc. Therefore the stroke overlap and can not be determined as character or symbol. From the perspective of sentence structure, the probability is less for symbol appearance here, so we judge it originally as a single character. By observing its shape, the upper part of the circle is thick in ink and slightly prominent, the lower part is tiny, which is close to the shape of '-i', the additional component of objective case in Mongolian. Although there also has the possibility to emphasize the modal particle '-kü', '-kü' appears immediately after the next word, so it seems superfluous here. Moreover, it can not be excluded the possibility that the writer has written one of the characters from '-i', '-ü', and '-kü', then smear and revise it.

2-4. **[[surtaqui]]**: 'learn', the imperative form of verb. The structure of the word is not clear enough, and it is another difficulty in the inscription. Its roots seem to be identified as 'sur-', that is 'learning', therefore it corresponds to the former No.2-1 character 'surqu'. According to its morphology, the rest can be assumed to be '-taqui', which is morphological affix. '-taqui' contraposes 'surqu kümün' (scholars) here, expressing the meaning for hope or emphasizing wish. However, affix '-taqui' is not seen in the literature and is estimated no longer used earlier.

3-1. **[[kü]]**: emphasizing modal particle. The mark is not clear enough, and it can be judged as 'kü' from its writing morphology. In *Secret History of Mongols*, the pronunciation with Chinese words to express is '古'(kü), which translated as '也', and it is in high frequency of use, appears freer and has the meaning of emphasizing.

3-2. **[[bei]]**: verb 'have'. Generally read as 'büi' or 'bui', and may be affected by spoken language. In *Uighur-Mongolian literature letter from Argun Khan to Philip*(1289), there are examples that the writing style of 'bui' and 'bei' are mixed used [Dobu emkidkibe 1983]. In *Secret History of Mongols*, the pronunciation with Chinese words to express is '備' (bui / büi), which translated as '有' and in high frequency of use. This character and the '-e' behind are used together, means judgement,

and are equivalent of modern Mongolian 'biĕ'.

3-3. **[[j-e]]**: emphasizing modal particle. It is more used together with 'büi / bui', and appears as 'büi j-e / bui j-a', 'büyü j-e'. In *Secret History of Mongols*, the pronunciation with Chinese words to express is '備者', and translated as '有也 (modal particle)' which is in high frequency of use.

3-4. **[[kemen]]**: linking verb. In *Secret History of Mongols*, the pronunciation with Chinese words to express is '客延'(keen), and translated as '公道' which owns high frequency of use in official documents during Yuan Dynasty.

4-1. **[[biĕibe]]**: means 'written', and represents the past tense. The tail of the character is incomplete, but it can still be judged as '-be' from handwriting tendency.

4-2. **[[bi]]**: the first person pronoun 'I'.

5. **[[unuyuĕi]]**: unuyu was an one year old colt, '-ĕi / -ĕin' represents a noun suffix of a kind of career, that is to say 'foal's management'. And unayaĕi or unayaĕin is written language in modern Mongolian. In *Secret History of Mongols*, it is '兀訥忽臣' (unuyuĕin, §279, §280), and is translated as 'the people managing mare'.

6. **[[saruqaĕi]]**: It is not clear enough, we speculate it to be 'saruqaĕi', and it may be the different writing forms of 'saruqaĕi'. In *Secret History of Mongols*, there is '必列兀列徹 撒兒忽答察' (bileür-eĕe sarqud-aĕa, §70), and translates 'bileür' into '余胙', 'sarqud' means '胙', that is to say 'bileür' and 'sarqud' are the same. '胙' in Chinese means meat for sacrifice in ancient times. According to the previous studies, 'bileür' is Mongolian and refers to the remaining meals in ceremony, 'sarqud' is Turki and has the same meaning to the former character, in *Secret History of Mongols*, it represents the remaining meals of all kinds of supplies which offered respectfully in the rituals of ancestral sacrifice [Ozawa Shigeo 1993]. Here the character should mean the man who manage the sacrificial offering.

7. **[[quyay]]**: The mark is not clear enough, the overall structure is difficult to determine, and we can only guess from the prefix 'qu' and suffix likes 'γ' or 's', then the closer word should be 'quyay', which is 'armor'. There is a book named Chinese and foreign language translation *Hua-yi yi-yu* 华夷译语(A), Hongwu 洪武 edition, in 'utensil class 器用 门', it uses Chinese to mark '忽牙黑' (quyay), and in Yongle 永乐 edition(B), it uses Uighur-Mongolian character to express 'quyay', they are both means 'armor', and belonged

to common vocabulary of Altaic. In Qing Dynasty, ‘quyay’ also means able-bodied man. And it also refers to not only armor, but also suit and formal dress in Mongolian literature of the 17th–18th centuries. If we consider this word and word No.5-6 associated, the word seems to be a position title, too. And if it refers to dress manager or armor maker specially, there requires further research because lacking of suffix ‘či / čin’ to represent their profession.

8. **[[qorilun]]**: Except here, the word appears once alone elsewhere and it is clearer which can be judged as ‘qorilun/qurilun’. if root is ‘qori’, the word may be related to ‘qori’ in part ‘豁里秃马惕’ (qori tümed, §240) of *Secret History of Mongols*. However, root ‘quri-’ seems to have relationship with ‘quriqu’ in Mongolian, which expresses ‘collect’, ‘gather’ and so on. In 13–14 century, affix ‘-lun / -lün’ can be used for female names, for examples, ‘alan/alun γoa’ (阿闐 豁阿, §7), nomolun (那莫侖, §46), temülün (帖木侖, §60), čaalun (察阿侖/察阿侖, §157) in *Secret History of Mongols*. The word are guessed may be related to women’s exclusive occupation.

9. **[[gekin]]**: The structure of the word is relatively clear, pronouncing ‘gekin’ or ‘kekin’. The word should also be related to a kind of occupation, but the meaning is unknown.

10. **[[gigeüs]]**: The word is similar with the former No.9 character, the structure of it is clear, and the pronunciation should be gigeüs, kikeüs or gikeüs. Here, ‘-s’ should also be the plural additional components of noun suffix. When considered about ‘unuγučı’ before, the word might be different written forms of ‘gegüs’, that is the plural of mare. In *Secret History of Mongols*, it pronounces ‘格温’(geün, §141), ‘格兀惕’(geüd, §279, §280), and is translated as mare 骠马. In Chinese and foreign language translation *Hua-yi yi-yu* 华夷译语(B), it is ‘gegüd’ in Uighur-Mongolian. And in *Secret History of Mongols*, it said that: ‘格兀惕 合兒合兀勒周 兀訥忽臣 撒兀勒伯’(geüd γaryaulju unuγučin saulbai, §280), which means ‘prepared mares, and arranged Ru Ma Guan’. That is to say, in order to get the mare’s milk, it arranged special staff to manage the mare. In the inscription, because of the appearance of Ru Ma Guan, it is reasonable to find mare here. In conclusion, the feature of words No.5-10, special name, should be same, and the words are all related to the special profession which people engaged in.

3.Sentence Meaning and Judgement of the Age

Because in the inscription there is no

punctuation to make segmentation, the line 1 to line 4 can have two methods to make segmentation. The two methods making segmentation can be established, but the meaning of the sentences will be significantly different.

First, recognizing the whole sentence as a complex sentence. For example:

tngrı γajar-un bičig surqu kümün-i surtaqui kü bei j-e kemen bičibe bi.

‘The people who learn the text about heaven and earth, then let them learn’, those were written by me.

In this way, ‘bičig’, ‘text’ should refer to ‘characters’. In other words, this is a inscription called for people to learn characters, the main idea of the sentences is to emphasize learning characters. The object to ‘learn’ is ‘the text about heaven and earth’, and it is clearer. However, ‘the people who learn’ is general reference without clear identity. Under the circumstances, the followed words, ‘unuγučı’, ‘saruqači’, ‘quyay’, ‘qorilun’, ‘gekin’, ‘gikeüs’, may be the scope of occupation the ‘learners’ were engaged in, and it means the people who engaged in those occupations need to learn ‘the text about heaven and earth’, clarifying the occupational category of the learns.

Second, when combined with form and arrangement of lines and made segmentation to ‘bičig’, it will be:

tngrı γajar-un bičig: surqu kümün-i surtaqui kü bei j-e kemen bičibe bi.

The text about heaven and earth: ‘people who want to learn then let them learn’, those were written by me.

In this way, ‘the text about heaven and earth’ becomes independent phrase, and present the function of title. While, ‘people who want to learn then let them learn’, those were written by me.’ is also independent complex sentence, expressing what title indicates or the specific content of text. The following arranged professional title ‘unuγučı’, ‘saruqači’, ‘quyay’ are also independent nouns, which seem to be the goal or object for ‘learning’. In other words, these occupational skills are the content to be learned.

Moreover, in this way, the inscription will present somewhat a writ program completely, and the elements that constitute the writ all appear. That is: foreword of writ ‘licensor’: ‘heaven and earth’, text: learning issues, conclusion: the writer, supplement of text or conclusion: kinds of occupations. In writs just like imperial edict, letters, contracts of Mongolian period found past, it is not seen the form of ‘text about heaven and earth’. And if

the interpretation is established, the inscription can be described as another type of writ.

It is obvious that the two kinds of interpretation is different. In the current conditions, it is difficult to decide which is right, and perhaps there are other interpretations. It needs further research because as in the second interpretation, it also has possibilities for writing inscription or professional attributes of witness that arranged the kinds of occupations behind.

As mentioned before, the inscription can be basically judged as written in the 13th-14th centuries from the writing features of Uighur-Mongolian.

The inscription is in the basin of the Khalkhyn Gol (Qalq-a yool), nar the source of Tao'er River (toor-un yool). In *Secret History of Mongols*, in 1204, this area was where the Genghis Khan reorganized alliance system, appointed leaders of one thousand families, one hundred families and ten families, established Che'erbi officer and guards, then it is the important base that witnessed the decision which made to have decisive battle with Naiman (§175). In the right surface of the cliff, there are Uighur-Mongolian marks 'noqai jil', which is the meaning of 'dog year'. The year 1214 was the Chinese Jia Xu 甲戌 year and the 'dog year' (§253), because Jin Xuan Zong 金宣宗 (Emperor of Jin) sued for peace, Genghis Khan withdrew from Zhong Du 中都, and ordered Hasar to go north along the coast to conquer the Jurchen 女真 general Puxian

Wannu 蒲鲜万奴 (Buqanu), then passed the Songhua River 花江 (ula müren), Nen River 嫩江 (nau müren), turned t to Tao'er River 洮儿河 (taur müren) and back to the headquarters. Moreover, according to *History of the Yuan Dynasty* and *Jami'al—Tarikh*, it was also in this year, the basin of the Khalkhyn Gol became the first fief of Temüge Otčigin's family. In the period of his son Jibuyan, the territory started expanding eastward, when in the period of his grandson Tačar, the territory of Otčigin family reached the basin of the Songhua River, and the basin of the Khalkhyn Gol was no loner the center. Therefore, it is possible that the inscription is associated with the early stage of the Mongol Empire, and it will be the focus for further research in future.

Reference

Li Aiping. Uighur-Mongolian petrogllyph with vermilion found in Daxinganling, Inner Mongolia. Chinanews, Hohhot, 17 June 2016; Mongolian MGL Sonin, Wechat News. 19 June 2016.

Li Aiping, Deng Zhiyang. Petrogliph of horse domestication in Arshan, Inner Mongolia, may rewrite the world history of horse culture. China News Service, Hohhot, 19 June 2014.

Dobu emkidkibe, uyğurjin mongyol üsüg-ün durasqaltu bičig-üd [Prominent samples of the Uighur-Mongolian script. Comp. by Dobu]. Beijing, People's Publ. House, 1983, 47 p. (In Mong.).

Ozawa Shigeo 小沢重男. *Secret History of the Mongols 元朝秘史(中)*. Tokyo, The Study of Kazama 風間書房, 1993, pp.17–18.

УДК 391

Интерпретация недавно обнаруженной уйгурско-монгольской надписи на скале Аршан

Хошуд Цэнгэл¹

¹ доктор исторических наук (Ph.D.), профессор, Институт истории Академии общественных наук КНР (Пекин, КНР). E-mail: tsengelkk@yahoo.com.cn

Аннотация. Статья посвящена изучению недавно обнаруженной наскальной надписи в области Аршан Автономного района Внутренняя Монголия. Характерные черты уйгуро-монгольской письменности позволяют датировать надпись XIII–XIV вв. Ее местоположение также может указывать на связь с периодом, предшествовавшим становлению Монгольской империи. Описывается текущее состояние надписи, осуществлена попытка ее интерпретации, уточнения обстоятельств ее создания. Тем не менее, автор заключает, что имеющихся на сегодняшний день данных недостаточно для окончательных выводов, что поднимает вопрос о необходимости дальнейших исследований. Наконец, автор отмечает, что данная область связана с именем младшего брата Чингис-хана — Темуге Отчигином, в вассальное владение которого некогда перешла эта и смежные территории. Данное обстоятельство вновь указывает на то, что надпись могла быть сделана на начальном этапе создания Монгольской империи.

Ключевые слова. уйгурско-монгольская письменность, наскальная надпись; монгольский язык

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 34, Is. 6, pp. 167–177, 2017
DOI 10.22162/2075-7794-2017-34-6-167-177
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 811.512.33

Some Aspects of Grapho-Phonetic Interference in Mongolian Translated Texts (Evidence from the Mongolian translation of *Ārya Bhadracarya Praṇidhāna Rāja*)

Saglara V. Mirzaeva¹

¹ Junior Research Associate, Department of Mongolian Philology, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russian Federation). E-mail: kundgabo@list.ru

Abstract. The article analyzes a Mongolian translation of *Ārya Bhadracarya Praṇidhāna Rāja*, one of the popular Buddhist compositions of the devotional genre. Investigating Sanskrit, Uighur, Tibetan and Chinese loan words, the paper examines some cases of phonetic interference, i. e., ways of assimilation of such words in the Mongolian language. Most of the examined Sanskrit and Central Asian loan words had been borrowed into Mongolian via the Uighur language, Mongolian translators thus making use of the already developed Buddhist terms.

The assimilation of loan words in written Mongolian is accompanied by the phonetic phenomena as follows: epenthesis, syncope, progressive and regressive assimilation, metathesis, uvularization of consonants, and transformation of some sounds. In most cases it is all due to the specific features of Mongolian phonetics, e. g., no consecutive use of three consonants is possible which results in the emergence of additional vowels between the consonants or interchange of letters in a word. The paper notes that two or even more of the mentioned phonetic phenomena may coexist in just one word. The considered translated text dated approximately to the 16th–17th cc. contains some features of pre-classical Mongolian.

Keywords: translated Buddhist literature, Tibet, Mongolia, *Ārya Bhadracarya Praṇidhāna Rāja*, phonetic interference

Основной корпус средневековой монгольской литературы (XVII–XVIII вв.) составляют переводы буддийских сочинений. В подобных текстах, несомненно, получили отражение процессы взаимовлияния оригинального языка и языка перевода, результат которых мы определяем как межъязыковую интерференцию. Термин интерференции, введенный в лингвистику учеными Праж-

ского лингвистического кружка, объясняется как «взаимодействие языковых систем в условиях двуязычия, складывающегося либо при контактах языковых, либо при индивидуальном освоении неродного языка; выражается в отклонениях от нормы и системы второго языка под влиянием родного» [Лингвистический энциклопедический словарь]. Рассмотрение проблемы фоне-

тической, а именно: графо-фонетической интерференции (поскольку мы имеем дело с письменными текстами), на материале переводных текстов представляется актуальным, поскольку позволит описать характер и механизмы влияния фонетической системы языка оригинала на язык перевода, в данном случае санскрита, на монгольский через посредство других языков центральноазиатского буддизма. В статье не описываются случаи тибето-монгольской графо-фонетической интерференции (что было бы логично, так как основной корпус буддийских текстов был переведен на монгольский именно с тибетского), поскольку в привлекаемом тексте представлен лишь один пример заимствования из тибетского языка, которое попало в монгольский язык через уйгурский, большая же часть рассматриваемых заимствований попала через уйгурское посредство.

«Арья-бхадрачарья-пранидхана-раджа» (санскр. *Ārya bhadrā caryā prañidhāna rāja*; тиб. *'phags pa bzang po spyod pa'i smon lam gyi rgyal po*; монг. *qutuγ-tu sayin yabudal-un irüger-ün qayan*) (сокращенно — «Бхадрачарья»¹) — одно из сочинений буддизма Махаяны девиционального жанра, получивших широкое распространение во многих странах буддизма Махаяны, включая Тибет и Монголию, и сохранившихся в современной буддийской традиции. Создание санскритской оригинальной версии ученые относят к IV–V в. н. э. [Asmussen 1961: 5; Osto 2010: 1–21]; по мнению Д. Осто, в VIII в. н. э. «Бхадрачарья» была искусственно включена в состав «Гандавьюха-сутры» [Osto 1999: 12; Osto 2010: 1]. Она принадлежит к жанру *пранидхан*, молитв-устремлений, в которых в качестве наивысшего восхваляется образ действий бодхисаттвы, направленный на достижение Просветления. Термин *пранидхана*, обозначающий в индуизме практику постоянного обращения

¹ Такое сокращенное название (англ. *Bhadracarya / Bhadracari*) используют большинство европейских исследователей, занимающихся изучением данного текста в традиции Индии, Китая и Тибета (см. [Asmussen 1961; Osto 1999, 2010]). Д. Осто использует сокращение «Bhadracari» (Bhad.) для стихотворного фрагмента заключительной части «Гандавьюха-сутры», отличая его таким образом от прозаической части, которая обозначается им как «Samantabhadracaryāprañidhānam» (Scp) [Osto 1999: 2].

к богу и служения ему [Популярный словарь по буддизму], приобрел в махаянском буддизме значение особого молитвенного устремления действовать в соответствии с Дхармой. Как правило, *пранидханы* — это относящиеся к тому или иному бодхисаттве поэтические произведения, написанные разной стихотворной метрикой².

«Бхадрачарья» была переведена на тибетский язык в числе первых буддийских текстов в VIII–IX в. н. э. известными переводчиками Джинамитрой и Сурендрабодхи и отредактирована великим переводчиком *бханде* Еше Де и др. (тиб. *Rgya gar gi mkhan po Dzi na Mi tra dang /Su rendra Bo dhi dang / zhus chen gyi lo tsā ba bande Ye shes sde / la sogs pas bsgyur cing zhus te gtan la phab pa'o* [Bka' 'gyur, Phal po che, 38 2008: 797]. Кашмирский пандита Джинамитра (тиб. *Rgyal ba'i bshes gnyen*), а также другие пандиты, в том числе и Шилендрабодхи и Данашила, прибыли в Тибет по приглашению царя Тицугдэцэн Ралпачена (тиб. *Khri gtsug lde bitsan ral pa can*) (815–841) (в некоторых источниках указывается, что Джинамитра прибыл в Тибет раньше, во время правления царя Тисон Дэцэна (755–797)) для перевода священных текстов с санскрита на тибетский язык. В итоге этой работы был составлен первый санскритско-тибетский словарь «Махавьюттпати» и выработана официальная индо-тибетская буддийская терминология [Кычанов, Мельниченко 2005: 40]. Сурендрабодхи (тиб. *Lha dbang byang chub*) упоминается в числе пандит, приглашенных царем Ралпаченом [Surendrabodhi]. Еше Де (тиб. *Ye shes sde*, также известен как *Sna nam ye shes sde, Zhang gi bhan dhe ye shes sde*) (2-ая половина VIII — начало IX вв.) известен как один из трех наиболее выдающихся переводчиков своего времени, осуществивший перевод более трехсот текстов с санскрита на тибетский язык, вошедших в состав буддийских канонических сборников Кагьюра (тиб. *Bka' 'gyur*) и Тенгьюра (тиб. *Bstan 'gyur*). Кроме того, он был одним из двадцати пяти ближайших учеников Гуру Падмасамбхавы, передававшим учения по абхидхарме и праджняпарамите и овладевшим в совершенстве практикой Ваджракилаи [Yeshe De]. В Кагьюре «Бхадрачарья» встречается как заключительная часть «Гандавьюха-сутры» в томе *cha* раздела

² «Арья-бхадрачарья-пранидхана-раджа» написана с использованием стихотворного размера *додхака* [Asmussen 1961: 5].

сутр «Аватамсака-сутра» (тиб. *Sangs rgyas phal po che'i mdo*, сокращ. *Phal chen*) и как отдельный текст «*'Phags pa bzang po spyod pa'i smon lam gyi rgyal po*» в томе «Сунгдуй» (тиб. *Mdo sngags gsung rab rgya mtsho'i snying po mtshan gzungs mang bsdus bzhugs so*). Последний текст, входящий также в состав литургических сборников, используемых монахами при чтении молебнов, получил распространение в буддийской традиции Тибета, а затем и Монголии.

Фрагменты первых монгольских переводов «Бхадрачарьи», датирующихся XIV в., сохранились в Турфанской коллекции под №№ 5, 33 [Tumurtogoo 2006: 84, 99]. Полные переводы «Бхадрачарьи» содержатся в рукописном Ганджуре: в томах №№ 50 (*ga*) и 53 (*cha*) раздела «*Olangki*», а также в томе № 100 раздела «*Eldeb*» [Каталог Петербургского рукописного Ганджура 1993: 163, 165, 253]. О популярности данного текста в книжной традиции монгольских народов свидетельствуют многочисленные рукописные образцы данного текста, представленные в каталогах монгольских и ойратских рукописей различных фондохранилищ [Сазыкин 2001; Успенский 2001; Brief catalogue... 2005; Музраева 2012; и др.]. Для анализа нами привлекается монгольский текст «*Qutuγtu sayin yabudal-un irüger-ün qayan*» (букв. 'Благородный царь устремлений о благом пути') из факсимильного издания ксилографического Ганджура [Qutuγtu sayin yabudal-un irüger-ün qayan].

Монголы познакомились с буддизмом в XIII в., по свидетельству многих ученых, через уйгурских учителей, и восприняли от них сформировавшуюся буддийскую терминологию, а также некоторые правила переводческой техники [Rona-Tas 1965: 121; Кара 1972: 20–27; Цыбиков, 2 1991: 28–29; Владимирцов 2005: 39]. Уйгурам, проживавшим в Восточном Туркестане, через который пролегал Шелковый путь, буддизм был известен уже в первые века нашей эры. В то время буддизм господствовал во многих государствах Центральной Азии: исследования буддийской терминологии уйгурского языка показывают, что большое влияние на развитие уйгурского буддизма оказывали согдийская, тохарская и хотанская буддийские традиции, о чем писал Б. Я. Владимирцов: «Уйгуры же, как и некоторые другие турки, находились в непосредственных сношениях с народами, говорившими и писавшими на старых индоевропей-

ских среднеазиатских языках, и находились под большим их влиянием» [Владимирцов 2005: 109]. В этой же статье исследователь отмечает важную роль согдийского языка в культурном пространстве Центральной Азии того времени, называя его «*lingua franca*» этого региона [Владимирцов 2005: 109]. Кроме того, Б. Я. Владимирцов пишет о хотанских заимствованиях в монгольском языке [Владимирцов 2005: 110].

Таким образом, в монгольских переводах буддийской литературы обнаруживается множество попавших через посредство уйгуров буддийских терминов согдийского и тохарского происхождения или санскритских заимствований, изменивших свой фонетический облик под влиянием указанных языков. Ю. Н. Рерих отмечает «большое число заимствованных санскритских слов в согдийской и уйгурской „одежде“» в ранний период распространения буддийского учения среди монголов [Рерих]. Основной тенденцией, как отмечает ученый, «было заимствование санскритских буддийских терминов без попытки перевода их на монгольский; практика, несомненно, обусловленная недостаточной разработанностью философской терминологии» [Рерих]. Для сочинений более позднего этапа распространения буддизма, начиная с XVII–XVIII вв., характерно написание санскритских имен собственных, названий или терминов в восстановленном переводчиками фонетическом облике, более близком к санскриту, с использованием транскрипционного алфавита *галик*, созданного переводчиком Аюши-гуши в 1587 г. [Кара 1972: 73]. Об этом подробно излагается в одном из ярких образцов монгольской лексикографической традиции — словаре «Источник мудрецов»: «При переводе имен пандит, чудотворцев (сиддхов), царей, сановников и других, а также названий стран, цветов, фруктов и деревьев бывает трудно их понять и выговорить, а при приблизительном переводе значение искажается или не походит в текст по смыслу. В таких случаях в зависимости от того, к чему оно более подходит — к началу или концу имени пандиты, царя или названия цветка, надо прибавить один перевод части имени (или названия), а все остальное оставить по-санскритски или по-тибетски» [цит. по: Музраева 2013: 23]. В тексте «Бхадрачарьи» большую часть заимствований составляют искаженные санскритизмы, перенятые из уйгурского; единичными приме-

рами представлены заимствования из тибетского и китайского языков, которые также попали через уйгурское посредство.

В небольшом отступлении мы дадим краткое описание языков, заимствования из которых опосредованно или напрямую оказались в языке монгольских буддийских переводов. Санскрит (букв. ‘законченный, совершенный’) — древний литературный язык Индии, принадлежащий к индоиранской ветви индоевропейской семьи языков, со сложной синтетической грамматикой; относится к флективным языкам. Большая часть текстов махаянского буддизма написана на так называемом «буддийском гибридном санскрите», сформировавшемся после кодификации классического санскрита индийским грамматиком Панини (предположительно V в. н. э.). Тохарские языки представляют собой группу мертвых языков индоевропейской семьи: в рукописях VI–VIII вв., обнаруженных в начале XX в. на территории оазисов Таримского бассейна, представлены два языка: «тохарский А» (восточно-тохарский), использовавшийся в Турфанском оазисе, и «тохарский Б» (западно-тохарский), распространенный в оазисе Куча. «Тохарский А», считающийся более древним и являвшийся, предположительно, ко времени записи текстов уже мертвым языком, использовался для фиксации сакральных текстов, в то время как «тохарский Б» был разговорным. Кроме того, существует предположение о существовании еще одного языка «тохарский С», бытовавшего в оазисе Лоулань. Согдийский является языком восточноиранской

группы иранских языков, на котором говорили в Согдиане (территория современных Узбекистана и Таджикистана) до начала распространения ислама в X в. н. э., а также в многочисленных согдийских колониях вдоль Шелкового пути. Он принадлежит к языкам смешанного типа, совмещающая признаки синтетических и агглютинативных языков. Стоит упомянуть, что в основе уйгурского и монгольского письма лежит именно согдийский алфавит. Хотанский язык (или хотаносакский), бытовавший в Хотанском оазисе, также принадлежит к индоиранской ветви индоевропейской языковой семьи. Памятники хотанской буддийской литературы датируются IV–XI вв. Китайский и тибетский языки, входящие в сино-тибетскую языковую семью, являются изолирующими, однако морфология тибетского языка описывается как агглютинирующая. Наконец, древнеуйгурский язык, наиболее близкий из указанных языков к монгольскому, принадлежит к тюркским языкам алтайской языковой семьи.

Проблема адаптации санскритских заимствований к фонетической системе уйгурского и монгольского языков рассматривалась японским ученым М. Шогайто в статье «Об уйгурских элементах в монгольских буддийских текстах» [Shogaito 1991: 27–49]. Исследователь пишет о так называемых «уйгуро-тохарских правилах», т. е. типах изменения санскритских слов в монгольском языке согласно унаследованной уйгурами, а затем и монголами тохарской лингвистической традиции.

Таблица № 1. Типы изменений санскритских слов согласно «уйгуро-тохарским правилам»

№	Санскрит	Тохарский	Уйгурский	Монгольский
1	-a (одушевл.)	-e / -ā	-i	-i
2	-a (неодушевл.)	— (нулевое окончание)	— (нулевое окончание)	— (нулевое окончание)
3	-i / -ī	-i / -e	-i	-i
4	-u / -ū	-u	-u	-u
5	-in	-i / -ī	-i	-i
6	-jit	-ji / -ci	-či	-či

Автор статьи не уточняет, о каком именно тохарском идет речь (тохарском А или тохарском Б). Ниже мы хотим привести несколько примеров санскритских заимствований из рассматриваемого текста с

параллелями из тохарского Б³ [A dictionary of Tocharian B], согдийского, уйгурского и монгольского:

³ Доступа к словарю «тохарского А» у нас, к сожалению, нет.

Таблица № 2. Санскритские заимствования из монгольского текста «Бхадрачарьи» с параллелями из тохарского, согдийского и уйгурского языков

Санскрит	Тохарский В	Согдийский	Уйгурский	Монгольский
<i>bodhisattva</i>	<i>bodhisātve</i>	<i>pwtystβ</i>	<i>bodistv</i>	<i>bodhi satuva</i>
<i>dhyāna</i>	<i>dhyām</i>	—	<i>dijan</i>	<i>diyan</i>
<i>koṭi</i>	<i>koṭ / kor</i>	<i>kwrtv</i>	<i>kolti</i>	<i>kōlti</i>
<i>kumbhāṇḍa</i>	<i>kumbhāmṇḍe</i>	—	<i>kumbanti</i>	<i>kumbandi</i> + оконч.
<i>pāramitā</i>	<i>pāramit</i>	<i>p'r'm'yt</i>	<i>paramit / baramit</i>	мн. ч. -s <i>baramid</i>
<i>paramāṇu</i>	—	—	—	<i>barman</i>
<i>puṇya</i>	—	<i>pwny'n</i>	<i>bujan</i>	<i>buyan</i>
<i>śikṣapada</i>	<i>śikṣapāt</i>	<i>škš'pt / čyš'pδ</i>	<i>Č(a)ṣap(y)t</i>	<i>šayšabad</i>
<i>Sumeru</i>	<i>Sumer</i>	<i>Sm'yr</i>	<i>Sumir / Sumur</i>	<i>Sümir</i>

Примеры из текста «Бхадрачарьи» иллюстрируют только первые два типа изменений:

1) санскр. *a* (одушевл.) → тох. *-e / -ā* → уйг., монг. *-i*:

kumbhāṇḍa → *kumbhāmṇḍe* → *kumbanti* → *kumbandi* + оконч. мн. ч. *-s*.

2) санскр. *a* (неодушевл.) → тох., уйг., монг. — (нулевое окончание):

pāramitā → *pāramit* → *paramit* → *baramid*;

śikṣapada → *śikṣapāt* → *čixšapat* → *šayšabad*.

Б. Я. Владимирцов вслед за А. фон Сталь-Гольштейном и С. Коновым причисляет санскритские заимствования, в которых произошел переход *a* → *i*, не к тохарским, а к хотанским заимствованиям, называя их хотанско-уйгурскими формами [Владимирцов 2005: 112], причем указывает, что в монгольский эти слова могли попасть не только из уйгурского, но и через посредство тибетского [Владимирцов 2005: 113]. Также примеры из рассматриваемого текста опровергают типы №№ 3 и 4:

3) санскр. *-i / -ī* → тох. *--i / -e* → уйг., монг. *-i*:

но: *koṭi* → *koṭ / kor* → *kolti* → *kōlti*;

4) санскр. *-u / -ū* → тох., уйг., монг. *-u*:

но: *Sumeru* → *Sumer* → *Sumir / Sumur* → *Sümir*;

paramāṇu → неизвестно → неизвестно → *barman*.

В примере типа № 3 в тохарской форме произошло выпадение конечного *-i*, хотя, согласно выводам М. Шогайто, в данном случае он должен был сохраниться. Примеры типа № 4, согласно которому санскритский *-u* сохраняется, показывают, что выпадение звука произошло еще в тохарской форме.

Мы привели в таблице параллели из согдийского языка, чтобы наглядно показать, что уйгурские и монгольские заимствования по фонетическому звучанию ближе скорее согдийским формам, нежели тохарским. Об этом писал Б. Я. Владимирцов: «Монголы позаимствовали также от согдийцев через посредство уйгуров согдийскую систему транскрипции иноязычных слов, в частности санскритских и пракритских; система эта с очень небольшими изменениями долго имела силу в монгольской письменности и применяется и до сих пор» [Владимирцов 2005: 114].

Таким образом, используя терминологию М. Шогайто, Б. Я. Владимирцов писал о «согдийско-уйгурских правилах»: «Уйгуры и монголы согласно своей системе приспособления семитического согдийского алфавита, который, собственно говоря, не обозначает гласных, согдийское *yod* (*y*) стали читать всегда как *i*, согд. *waw* (*w*) как *o* и *u*, согд. *āleph* (') как *a* и *e*; затем не надо забывать, что согд. *β* и уйг., монг. *v*, согд. *p* и уйг., монг. *p*, *b*, согд. *δ* и уйг., монг. *d* — одни и те же буквы» [Владимирцов 2005: 115]. Кроме того, в доклассическом монгольском языке часто встречаются кальки из уйгурского (уйг., монг. *bodistv*), отражающие особенности согдийского консонантного письма. Б. Я. Владимирцов пишет о том, что вместе с системой транскрипции уйгуры и монголы позаимствовали у согдийцев и принципы чтения заимствованных слов. Впоследствии, возможно, по причине утраты данной традиции, монгольские писцы стали вставлять гласные звуки, образуясь с особенностями фонетической системы монгольского языка. Например, согд. *pwtystβ* → уйг., среднемонг. *bodistv* → классич. монг. *bodhi satuva*: между соглас-

ными *s, t, v* вставлены гласные. Г. Д. Санжеев пишет о невозможности в монгольском языке ситуации трехконсонантности, которая устраняется, как и в нашем случае, при помощи вставного гласного *-u / -ü* [Санжеев 1953: 49]. Что касается сочетания согласных *-s* и *-t*, Г. Д. Санжеев, деля согласные классического монгольского языка на превокальные (*x, t, ч, дж, j* и *к*) и непревокальные (*н, нг, б, г, б, д, л, м, р, с, ш*), пишет о том, что превокальные согласные никогда не встречаются перед каким-либо согласным, а, следовательно, и в конце слога, а непревокальные могут находиться либо в начале слога, либо в конце последнего [Санжеев 1953: 49]. Б. Я. Владимирцов указывает, что

1. Эпентеза (вставка звуков)

Санскрит	Уйгурский	Монгольский
<i>bodhisattva</i>	<i>bodistv</i>	<i>bodhi satuva</i>
<i>kalpa</i>	<i>kalp</i>	<i>yalab</i>
<i>vyakṛta</i>	<i>vyakrit</i>	<i>vivanggirid (vivangkirid)</i>

Эпентеза — фонетическое явление, выражаемое в добавлении гласных или согласных. Первый пример разобран выше. Во втором примере (*kalpa* → *kalp* → *yalab*) выпадение санскритского конечного *-a* произошло в уйгурском, конечный *-lp* в монгольском трансформировался в *-lb*, поскольку в доклассическом монгольском графема *p* не встречается в финальной позиции. Сочетание *-lb* в классическом монгольском возможно, в основном в середине слова (см. *elbeg*), однако вместе с тем ни в одном из монгольских языков согласный не может стоять в середине слога [Санжеев 1953: 44], что обусловило появление промежуточного гласного *a* между согласными. В третьем

монгольский язык не терпит напластования нескольких согласных [Владимирцов 2005: 568], во избежание чего между ними вставляются гласные. З. К. Касьяненко также пишет о том, что перед или после семи вокализованных согласных *б, в, г, л, м, н, р* всегда находится гласный [Касьяненко 2002: 8]. Таким образом, поскольку превокальный *-t* не может предшествовать согласному, между ним и звуком *-s* вставляется гласный *-a*.

Подобные особенности фонетической системы классического монгольского языка выступают причиной некоторых фонетических процессов, которым подвергаются заимствования. М. Шогайто описал следующие [Shogaito 1991: 39–42]:

примере (*vyakṛta* → *vyakrit* → *vivanggirid / vivangkirid*) в уйгурской форме также отмечается выпадение конечного *-a*; затем, скорее всего, по причине сходства графем *u* и *v* монгольские переписчики стали транслитерировать второй слог как *va*. Монгольская графема *k / g* передает и заднеязычный глухой [к] и заднеязычный звонкий смычный [г]: возможно, что монгольские переписчики, следуя принципу регрессивной ассимиляции, т. е. уподобляя графему *k / g* последующим согласным *r* и *d*, читали ее как звонкий [г]. Между гласным *a* и согласным *g* вставлен носовой согласный *ng*: см. монг. *anggi*, в котором гласный *a* назализируется в позиции перед сочетанием *-gi*.

2. Ассимиляция гласных (уподобление одного звука другому)

2.1. Регрессивная (последующий гласный влияет на первый)

Уйгурский	Монгольский
<i>kolti</i>	<i>költi</i>
<i>Sumir / Sumur</i>	<i>Sümir / Sümer</i>

2.2. Прогрессивная (первый гласный влияет на последующий)

Уйгурский	Монгольский
<i>ärtini</i>	<i>erdeni</i>

Ассимиляция — один из наиболее распространенных типов изменения звука в речи. В монгольском тексте «Бхадрачарьи» встречаются примеры двух видов ассимиляции: регрессивной и прогрессивной. Так, в примере регрессивной ассимиляции (уйг. *kolti* — монг. *költi*) палатальный *i* влияет на

предшествующий гласный *o* в уйгурском варианте слова, и последний превращается в палатальный *ö*. В примере прогрессивной ассимиляции (уйг. *ärtini* — монг. *erdeni*) гласный первого слога *ä* (монг. *e*) влияет на второй гласный, который уподобляется ему (*erdeni*).

3. Увуляризация согласных

Санскрит	Уйгурский	Монгольский
<i>kalpa</i>	<i>kalp</i>	<i>yalab</i>
<i>kšana</i>	неизвестно	<i>gšan</i>
<i>pratyekabuddha</i>	<i>pratikabut / piratakabut</i>	<i>bratiγabud</i>

Увуляризация — это вторичная артикуляция согласных или гласных, в процессе которой задняя часть языка приближается к нёбному язычку и верхней части глотки с первичной артикуляцией звука в другом месте. М. Шогайто называет увуляризацией переход санскр., уйг. *k* в монг. *g* / *γ*. Рассмотрим пример *kalpa* → *kalp* → *yalab*: в классическом монгольском графема *k* / *g*, как указано выше, обозначала две фонемы мягкого ряда — глухой [к], который развился во многих монгольских диалектах в глухой проточный [х] или аффрикату [кх], и звонкий [г]. Поскольку это слово твердого ряда, графема *k* / *g* заменена графемой *q* / *γ*. В монгольском языке обычно заднеязычному *k* в словах твердого ряда соответствует пе-

реднеязычный *q*, однако в данном примере, возможно, для передачи уйгурского смычного звука *k* был использован монгольский *γ*, который также является смычным согласным, в отличие от *q*.

Также М. Шогайто описал следующие возможные трансформации заимствованных слов: уйг. *i* → монг. *e* (уйг. *bičīn* — монг. *bečīn*), санскр., уйг. *v* → монг. *o* (уйг. *včīr* — монг. *očīr*); санскр., уйг. *v* → монг. *b* (уйг. *vasubandu* — монг. *basubandu*); санскр., уйг. *v* → монг. *u* (уйг. *taxadivi* — монг. *maha-a diu-a*); санскр., уйг. *y* → монг. *v* (уйг. *Motgalayani* — монг. *Modgalvani*) и др. В тексте «Бхадрачарьи» обнаруживаются примеры двух трансформаций:

i → *e*:

Уйгурский	Монгольский
<i>bīlgā</i>	<i>belge</i>
<i>yīlvi</i>	<i>yelbi</i>

y → *v*:

Уйгурский	Монгольский
<i>vyākrit</i>	<i>vivanggirid</i>

Относительно трансформации санскр., уйг. *v* → монг. *u* в позиции в середине слова стоит отметить, что для большинства переводных буддийских текстов на монгольском языке действительно более характерна форма *bodisadu-a*, однако в рассматриваемом

мом тексте встречается форма *bodhi satuva*.

В числе других изменений заимствованных санскритских слов в монгольском, не указанных в статье М. Шогайто, мы можем назвать следующие на примере рассматриваемого текста:

1. Синкопа, апокопа (выпадение звука)

Санскрит	Уйгурский	Монгольский
<i>paramāṇi</i>	неизвестно	<i>barman</i>
<i>pāramitā</i>	<i>paramit</i>	<i>baramid</i>
<i>kšana</i>	неизвестно	<i>gšan</i>
<i>nirvāṇa</i>	<i>nirvan</i>	<i>nirvan</i>
<i>śikṣapada</i>	<i>čixšapat</i>	<i>šayšabad</i>
<i>kalpa</i>	<i>kalp</i>	<i>yalab</i>
<i>pratyekabuddha</i>	<i>pratikabut / piratakabut</i>	<i>bratiγabud</i>

Синкопа — фонетическое явление, заключающееся в выпадении, как правило, безударного звука или группы звуков. Она представлена в первом примере: санскр. *paramāṇi* — монг. *barman*: поскольку сочетание *-rm* в середине слова в монгольском допустимо (см. *ermeg*), гласный *a* между согласными *r* и *m* выпадает.

Остальные примеры иллюстрируют апокопу, т. е. выпадение конечного звука. Как видно из таблицы № 2 с параллелями из согдийского и тохарского языков, выпадение конечного звука, как правило, происходило в согдийском языке, а монголы через посредство уйгуров перенимали уже усеченные формы санскритских слов.

2. *Переход $p \rightarrow b, t \rightarrow d$*

Санскрит	Уйгурский	Монгольский
<i>pāramitā</i>	<i>paramit</i>	<i>baramid</i>
<i>paramāṇu</i>	неизвестно	<i>barman</i>
<i>kalpa</i>	<i>kalp</i>	<i>yalab</i>
<i>śikṣapada</i>	<i>čixšapat</i>	<i>šayšabad</i>

В грамматиках монгольского языка исследователи не разотмечали случаи перехода графемы *p*, введенной в классический монгольский в составе транскрипционного алфавита Аюши-гуши, в *b* в иноязычных словах [Санжеев 1953: 86; Владимирцов 2005: 808]. Интересно отметить, что в древнеуйгурском, как пишет М. Эрдал в «Грамматике древнетюркского языка», наоборот, отсутствует фонема *b*: она встречается лишь в позиции в середине слова (в поздних тек-

стах) и никогда — в начале (вместо нее используются фонемы *v* и *p*) [Erdal 2004: 62].

Относительно перехода $t \rightarrow d$, Б. Я. Владимирцов пишет, что в монгольском письменном на конце всегда имелся *d*, глухой же вариант *t* не встречался вовсе, о чем говорит вся система консонантизма монгольского письменного, не знавшая глухих смычных на конце слов [Владимирцов 2005: 803].

3. *Метатеза (перестановка звуков)*

Санскрит	Уйгурский	Монгольский
<i>piṇya</i>	<i>bujan</i>	<i>buyan</i>
<i>dhyāna</i>	<i>dyan</i>	<i>diyan</i>

Метатеза — взаимная перестановка звуков или слогов на почве ассимиляции или диссимиляции. Как видно из вышеприве-

денных примеров, в обоих случаях метатеза произошла на уйгурской почве, монголы лишь заимствовали измененные слова.

4. *Трансформация санскритских придыхательных согласных в непридыхательные*

Санскрит	Уйгурский	Монгольский
<i>pratyekabuddha</i>	<i>pratikabut</i>	<i>bratiγabud</i>
<i>kumbhāṇḍa</i>	<i>kumbanti</i>	<i>kumbandi</i>
<i>Sukhavati</i>	неизвестно	<i>Sugavadi</i>

Непридыхательные согласные в уйгурских и монгольских формах санскритских заимствований, вероятно, можно объяснить отсутствием соответствующих знаков в уйгуро-монгольской графике в период заимствования данных слов из уйгурского (XIII–XIV вв.). При составлении монгольского перевода «Бхадрачарьи», вошедшего в ксилографический Ганджур, вероятно, в XVII вв. переводчики оставили некоторые санскритские заимствования в том виде, в каком они были переняты из уйгурского. Однако стоит отметить, что в некоторых словах используется транскрипционный

знак *галика* для обозначения санскритского *h* в составе придыхательных согласных (см. *bodhi qutuγ*, *bodhi satuva*, *bodhičid*), что демонстрирует нам самостоятельные попытки монгольских переводчиков восстановить санскритские слова согласно правилам перевода, зафиксированным в словаре «Источник мудрецов».

Далее рассмотрим заимствования из тибетского и китайского языков. В тексте отмечено только одно заимствование из тибетского, попавшее в монгольский при посредстве уйгурского языка:

Тибетский	Уйгурский	Монгольский
<i>jig rten</i>	<i>yérтин + суффикс čü⁴⁰</i>	<i>yirtinčü</i>

Этот термин, который можно отнести к ранним заимствованиям, встречается в древнетюркских памятниках [Porre 1955: 39], а также в ранних памятниках уйгуро-

монгольского письма: рукописных образцах турфанской коллекции, комментарии Чойджи Одсера к «Бодхичарья-аватару» и др. [Tumurtogoo 2006: 630].

Китайские заимствования в тексте ограничиваются пятью словами:

Китайский	Уйгурский	Монгольский
佛 (<i>fo</i>)	<i>burxan</i> (<i>fo</i> + уважит. оконч. - <i>qan</i> / - <i>khan</i> в алтайск. языках) ⁴³	<i>burqan</i>
阿彌陀 (<i>Ē mí tuó Fó</i>)	<i>Abita</i>	<i>Abida</i>
蓮花 (<i>lián huā</i>)	<i>linxu-a</i>	<i>lingqu-a</i>
道士 (<i>dao ren</i>)	<i>Toyin</i>	<i>toyin</i>
龍 (<i>lóng</i>)	<i>lu / luu</i>	<i>Luus</i> (уйг. <i>luu</i> + оконч. мн. ч. - <i>s</i>)

Поскольку, как уже установлено учеными, данные заимствования из китайского и тибетского языков произошли на уйгурской почве, мы можем рассмотреть лишь те изменения, которым подверглись уйгурские формы в монгольском языке. В монг. *Abida* (от уйг. *Abita*) мы имеем случай перехода *t* → *d*, описанного выше. В монг. *lingqu-a* (от уйг. *linxu-a*) согласный *-n* заменен носовым *-ng*; кроме того, в этом слове встречается восходящий дифтонг *-ua*, нехарактерный для классического монгольского языка и, по утверждению Б. Я. Владимирцова, появившийся под влиянием заимствований из китайского и маньчжурского языков [Владимирцов 2005: 708]. В монг. *luus* мы имеем случай использования формы множественного числа в значении единственного (см. *šimnus*, *kumbandis*, *nisvanis*). Формы *burqan* и *toyin* идентичны уйгурским.

Итак, сделаем некоторые выводы после рассмотрения фонетических изменений заимствованных слов в монгольском языке на примере монгольского перевода «Бхадрачарьи». При ассимиляции иноязычных слов в письменном монгольском языке возникают следующие фонетические явления: эпентеза, синкопа (апокопа), прогрессивная и регрессивная ассимиляция, метатеза, увуляризация согласных и трансформации некоторых звуков. Причины данных фонетических явлений, описанных на материале письменного монгольского языка Б. Я. Владимирцовым [Владимирцов 2005: 708], кроются в строе монгольского языка: в большинстве случаев причиной эпентезы или метатезы является невозможность трехконсонантности или сочетания определенных согласных в слове, в силу чего между согласными вставляются дополнительные гласные или происходит перестановка слогов. Также причиной эпентезы и во многих случаях — трансформации глухих согласных *p*, *t* в *b*, *d* является особенность монгольского языка, в силу которой определенные согласные не встречаются в конце слова, ввиду чего

к согласному присоединяется конечный гласный, или конечный глухой согласный озвончается. В одном слове могут встретиться два или несколько явлений: в слове *yalab* отмечены эпентеза (вставка звука *a*) и увуляризация; в слове *baramid* — апокопа и переход *p* → *b*.

Стоит отметить, что некоторые санскритизмы в рассматриваемом тексте представляют собой восстановленные монгольскими переводчиками формы, в которых используются знаки *галика*, однако в нескольких случаях переводчики предпочли оставить уйгурские формы санскритских слов, характерные для текстов более раннего периода. Немногочисленные заимствования из китайского и тибетского языков, обнаруженные в тексте «Бхадрачарьи», также попали в монгольский через уйгурское посредство.

Источники

Qutuγtu sayin yabudal-un irüger-ün qaγan // Nomuyadqaqu-yin sitügen. Šata-piṭaka series. Indo-Asian literatures. Vol. 208. New Delhi, 1979. P. 499–508.

Литература

- Владимирцов Б. Я. Работы по монгольскому языкознанию. М.: Вост. лит., 2005. 952 с.
- Кара Д. Книги монгольских кочевников (семь веков монгольской письменности). М.: Наука, 1972. 229 с.
- Касьяненко З. К. Современный монгольский язык: уч. пос. М.: Муравей; Вост. лит., 2002. 159 с.
- Каталог Петербургского рукописного «Ганджура» / сост., введ., транслит. и указат. З. К. Касьяненко. М.: Наука, 1993. 382 с.
- Кычанов Е. И., Мельниченко Б. И. История Тибета с древнейших времен до наших дней. М.: Вост. лит., 2005. 351 с.
- Лингвистический энциклопедический словарь [электронный ресурс] // URL: <http://taremark.narod.ru/les/197c.html> (дата обращения: 14.08.2017).
- Музраева Д. Н. Буддийские письменные источники на тибетском и ойратском языках в коллекциях Калмыкии. Элиста: ЗАОр «НПП „Джангар“», 2012. 224 с.

- Музраева Д. Н. Тибето-монгольская повествовательная литература XVII–XVIII вв. (Переводные письменные памятники на монгольском и ойратском языках). Элиста: ЗАОР «НПП „Джангар“», 2013. 150 с.
- Популярный словарь по буддизму и близким к нему учениям / сост. Голуб Л. Ю., Другова О. Ю., Голуб П. Ю. [электронный ресурс] // URL: <https://coollib.com/b/100767/read> (дата обращения: 14.08.2017).
- Перих Ю. Н. Тибетские заимствованные слова в монгольском языке [электронный ресурс] // URL: <http://altaica.ru/Articles/roerich.htm> (дата обращения: 15.08.2017).
- Сазыкин А. Г. Каталог монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения РАН. Т. 2. М.: Изд. фирма «Вост. лит.-ра РАН», 2001. 416 с.
- Санжеев Г. Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. М.: Изд-во АН СССР, 1953. 240 с.
- Цыбиков Г. Ц. Избранные труды. В 2-х т. Т. 2: О центральном Тибете, Монголии и Бурятии. Новосибирск: Наука, 1981. 240 с.
- A dictionary of Tocharian B by Douglas Q. Adams. Leiden Studies in Indo-European 10. XXXIV. Rodopi: Amsterdam–Atlanta, 1999. 830 p. [электронный ресурс] // URL: <https://www.win.tue.nl/~aeb/natlang/ie/tochB.html> (дата обращения: 15.08.2017).
- Asmussen J. P. The Khotanese Bhadracaryādeśanā (Text, translation, and glossary, together with the Buddhist Sanskrit original). Copenhagen: Bianco Lunos Bogtrykkeri A–S, 1961. 97 p.
- Brief Catalogue of Oirat manuscripts, kept by Institute of Language and Literature. Vol. III by G. Gerelmaa. Ulaanbaatar: Soyombo printing, 2005. 270 p.
- Erdal M. A Grammar of Old Turkic. Leiden: Brill, 2004. 575 p.
- Osto D. E. A new translation of the Sanskrit *Bhadracarī* with introduction and notes // New Zealand Journal of Asian Studies 12, 2 (December 2010). P. 1–21.
- Osto D. E. A study and translation of the Samantabhadracaryāpranīdhānam (prose) of the Gaṇḍavyūhasūtra. A thesis submitted ... for the degree of Master of Arts. University of Washington, 1999. 118 p.
- Poppe N. The Turkic loan-words in Middle Mongolian // Central Asiatic Journal. Vol. 1. No. 1 (1955). P. 36–42.
- Rona-Tas A. Some notes on the terminology of Mongolian writing // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. T. 18. Fasc. 1/2 (1965), pp. 119–147.
- Shogaito M. On Uighur elements in Buddhist Mongolian texts // The Memoirs of the Toyo Bunko, 1991. № 49. P. 27–49.
- Surendrabodhi — [электронный ресурс] // URL: <http://rywiki.tsadra.org/index.php/Surendrabodhi> (дата обращения: 15.08.2017).
- Tumurtogoo D. Mongolian monuments in Uighur–Mongolian script (XIII–XVI centuries). Introduction, transcription and bibliography. Taipei, Taiwan, 2006. 722 p.
- Uspensky V. L. Catalogue of the Mongolian manuscripts and Xylographs in the Petersburg State University Library / compiled by V. L. Uspensky. Tokyo: Institute for the Study of Languages and Cultures of Asia and Africa, 2001. 529 p.
- Yeshe De — [электронный ресурс] // URL: <http://treasuryoflives.org/biographies/view/Nanam-Yeshe-De/10904> (дата обращения: 15.08.2017).

Sources

- Qutuγtu sayin yabudal-un irüger-ün qayan* [The Noble King of Prayers of Excellent Conduct]. *Nomuyadqaqu-yin sitügen* [The Basis of Discipline]. Šata-piṭaka series, Indo-Asian literatures, vol. 208, New Delhi, 1979, pp. 499–508 (In Mong.).

References

- Vladimirtsov B. Ya. *Raboty po mongol'skomuazykoznaniiyu* [Works on Mongolian linguistics]. Moscow, Vost. Lit. Publ., 2005, 952 p. (In Russ.).
- Kara D. *Knigi mongol'skikh kochevnikov (sem' vekov mongol'skoy pis'mennosti)* [Books of Mongolian nomads: seven centuries of Mongolian script]. Moscow, Nauka Publ., 1972, 229 p. (In Russ.).
- Kasyanenko Z. K. *Sovremennyy mongol'skiy yazyk: uch. pos.* [Modern Mongolian]. Moscow, Muravey Publ.; Vost. Lit. Publ., 2002, 159 p. (In Russ.).
- Katalog Peterburgskogo rukopisnogo «Gandzhura» / sost., vved., translit. i ukazat. Z. K. Kas'yanenko* [A catalogue of the St. Petersburg manuscript of the Kangyur. Comp., translit. and comment. by Z. Kasyanenko]. Moscow, Nauka Publ., 1993, 382 p. (In Russ.).
- Kychanov E. I., Melnichenko B. I. *Istoriya Tibeta s drevneyshikh vremen do nashikh dney* [History of Tibet from the earliest times to the present days]. Moscow, Vost. Lit. Publ., 2005, 351 p. (In Russ.).
- Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic encyclopedic dictionary]. Available at: <http://tapemark.narod.ru/les/197c.html> (accessed: 14 August 2017) (In Russ.).
- Muzraeva D. N. *Buddiyskie pis'mennye istochniki na tibetskom i oyratskom yazykakh v kollektivnykh Kalmykii* [Tibetan- and Oirat-language Buddhist texts in the collections of Kalmykia]. Elista, Dzhangar Publ., 2012, 224 p. (In Russ., Kalm. and Tib.).
- Muzraeva D. N. *Tibeto-mongol'skaya povestvovatel'naya literatura XVII–XVIII vv. (Perevodnye pis'mennye pamyatniki na*

- mongol'skom i oyratskom yazykakh*) [Tibetan-Mongolian narrative literature: the 17th-18th cc.]. Elista, Dzhangar Publ., 2013, 150 p. (In Russ., Tib. and Mong.).
- Populyarnyy slovar' po buddizmu i blizkim k nemu ucheniyam / sost. Golub L. Yu., Drugova O. Yu., Golub P. Yu.* [A popular dictionary of Buddhism and related teachings. Comp. by L. Golub et al.]. Available at: <https://coollib.com/b/100767/read> (accessed: 14 August 2017) (In Russ.).
- Roerich Yu. N. *Tibetskie zaimstvovannye slova v mongol'skom yazyke* [Tibetan loan words in the Mongolian language]. Available at: <http://altaica.ru/Articles/roerich.htm> (accessed: 15 August 2017) (In Russ.).
- Sazykin A. G. *Katalog mongol'skikh rukopisey i ksilografov Instituta vostokovedeniya RAN. T. 2* [A catalogue of Mongolian manuscripts and woodblock prints (Institute of Oriental Studies of the RAS)] Moscow, Vost. Lit. Publ., 2001, 416 p. (In Russ.).
- Sanzheev G. D. *Sravnitel'naya grammatika mongol'skikh yazykov* [A comparative grammar of Mongolic languages]. Moscow, USSR Acad. of Sc. Press, 1953, 240 p. (In Russ.).
- Tsybikov G. Ts. *Izbrannye trudy. V 2-kh t. T. 2: O tsentral'nom Tibete, Mongolii i Buryatii* [Selected works. In 2 vol. Vol. 2. About Central Tibet, Mongolia and Buryatia]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1981, 240 p. (In Russ.).
- A dictionary of Tocharian B by Douglas Q. Adams. Leiden Studies in Indo-European 10. XXXIV. Rodopi: Amsterdam–Atlanta, 1999. 830 p. Available at: <https://www.win.tue.nl/~aeb/natlang/ie/tochB.html> (accessed: 15 August 2017) (In Eng.).
- Asmussen J. P. The Khotanese *Bhadracaryādeśanā* (Text, translation, and glossary, together with the Buddhist Sanskrit original). Copenhagen, Bianco Lunos Bogtrykkeri A–S, 1961, 97 p. (In Eng.).
- Brief Catalogue of Oirat manuscripts, kept by Institute of Language and Literature. Vol. III by G. Gerelmaa. Ulaanbaatar, Soyombo Printing, 2005, 270 p. (In Eng. and Mong.).
- Erdal M. A Grammar of Old Turkic. Leiden, Brill, 2004, 575 p. (In Eng.).
- Osto D. E. A new translation of the Sanskrit *Bhadracarī* with introduction and notes. New Zealand Journal of Asian Studies 12, 2 (December 2010), pp. 1–21 (In Eng.).
- Osto D. E. A study and translation of the *Samantabhadracaryāpranidhānam* (prose) of the Gaṇḍavyūhasūtra. A thesis submitted ... for the degree of Master of Arts. University of Washington, 1999, 118 p. (In Eng.).
- Poppe N. The Turkic loan-words in Middle Mongolian. Central Asiatic Journal, vol. 1, No. 1 (1955), pp. 36–42 (In Eng.).
- Rona-Tas A. Some notes on the terminology of Mongolian writing. Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae, vol. 18, fasc. 1/2 (1965), pp. 119–147 (In Eng.).
- Shogaito M. On Uighur elements in Buddhist Mongolian texts. The Memoirs of the Toyo Bunko, 1991, No. 49, pp. 27–49 (In Eng.).
- Surendrabodhi*. Available at: <http://rywiki.tsadra.org/index.php/Surendrabodhi> (accessed: 15 August 2017). (In Eng.).
- Tumurtogoo D. Mongolian monuments in Uighur-Mongolian script (XIII–XVI centuries). Introduction, transcription and bibliography. Taipei, Taiwan, 2006, 722 p. (In Eng.).
- Uspensky V. L. Catalogue of the Mongolian manuscripts and Xylographs in the Petersburg State University Library. Compiled by V. L. Uspensky. Tokyo: Institute for the Study of Languages and Cultures of Asia and Africa, 2001, 529 p. (In Eng.).
- Yeshe De*. Available at: <http://treasuryoflives.org/biographies/view/Nanam-Yeshe-De/10904> (accessed: 15 August 2017) (In Eng.).

УДК 811.512.33

Некоторые аспекты графо-фонетической интерференции в монгольских переводных текстах (на материале монгольского перевода сочинения «Арья-бхадрачарья-пранидхана-раджа»)

Саглар Викторовна Мирзаева¹

¹ младший научный сотрудник, отдел монгольской филологии, Калмыцкий научный центр Российской академии наук (Элиста, Российская Федерация). E-mail: kundgabo@list.ru

Аннотация. В статье анализируется монгольский перевод сочинения «Арья-бхадрачарья-пранидхана-раджа», одного из популярных буддийских текстов девиционального жанра. На примере заимствований из санскрита, уйгурского, тибетского и китайского языков автором рассматриваются некоторые случаи графо-фонетической интерференции или способов ассимилирования заимствованных слов в монгольском языке.

Ключевые слова: переводная буддийская литература, Тибет, Монголия, «Арья-бхадрачарья-пранидхана-раджа», графо-фонетическая интерференция

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 34, Is. 6, pp. 178–185, 2017
DOI 10.22162/2075-7794-2017-34-6-178-185
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 811.512.37

The Sutra of the Wise and the Fool: Another Look at the Plots (Evidence from the Oirat Manuscript Translation of The Sea of Parables by Thog-med bka'-bcu)

Delyash N. Muzraeva¹

¹ Ph.D. in Philology (Cand. of Philological Sc.), Leading Research Associate, Head of Department of Mongolian Philology, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russian Federation). E-mail: deliash@mail.ru

Abstract. The article examines an Oirat translation of *The Sea of Parables* (Oir. *Oülgurin dalai*) by Thog-med bka'-bcu (O.M. Dordzhiev). The literary text is a most interesting source of plots from the Tibetan *Sutra of the Wise and the Fool* representing realia of ancient India. The written source was compiled in the early 1960s under the conditions of total state-imposed atheization and distortions of cultural and related confessional histories. It is unique for being one of the last known Oirat Buddhist translations performed by the Volga Kalmyks in the last third of the 20th century. This and similar compositions once included in the canonical *Kangyur* aimed to preserve, disseminate widely, and transmit the Buddhist teachings and Buddhist worldview to the contemporary Buddhist community comprising the laity, novices, and those interested in Buddhism.

The literary text is virtually an anthology of diverse, separate legends, tales, fables, and stories, with both just one plot or containing two and even more chapters that, thus, comprise a respective number of separate stories (plots). At the same time, some plotlines are concise enough, without any details. The Buddha himself acts as the narrator of the successively connected stories where the characters come to see the Buddha, watch him, and share their impressions resulting from what they witnessed. Thus, on the one hand, the stories are shown as real life events, and, on the other hand, they depict phenomena where the founder of the religion manifests himself as a supernatural being.

The paper deals with stories where characters describe the Buddha and their encounters with him (Chapter 41 *About Householder Jami Shinjir*, Chapter 39 *About a Householder Named Yugbajan*, Chapter 35 *About King Migjid*, etc.).

It is especially noteworthy that the *Sutra* contains stories depicting episodes from lives of characters that resemble the story of Buddha's life before he attained Enlightenment, i.e. when he was known as Prince Siddhārtha Gautama. This is especially topical in the context that – according to Tibetologist B. Kuznetsov – the Buddhist tradition had largely questioned the first stage of Buddha's life namely. Stories of the kind are those described in Chapter 33 *About Prince Gedun*, Chapter 30 *About Jimbi Chingbi Who Sailed Away* (a Brahmin's son).

Plots and motifs of separate chapters of the *Sutra* display the interest of the Kalmyks towards the traditional Buddhist plots which can be traced up till nowadays. The translation of the *Sutra of the Wise and the Fool* by Thog-med bka'-bcu together with other survived old Buddhist translated texts once preserved by Kalmyk monks (Tib. *dge-long*) in the form of manuscripts testify of the

uninterrupted literary tradition of the Kalmyk Buddhism up to the 21st century, and a significant interest towards Buddhist works among present-day Kalmyks.

Keywords: Buddhism, canonical literature, *The Sutra of the Wise and the Fool*, plots, Oirat

Письменное наследие калмыцких буддийских священнослужителей еще недостаточно освещено в востоковедной литературе. Памятники на тибетском, монгольском и ойратском языках, в том числе из состава их личных библиотек, ныне хранятся в разных книгохранилищах востоковедных центров России и зарубежья, а также в многочисленных частных собраниях. Поэтому особую актуальность приобретают сегодня такие направления работы, как описание этих коллекций, их каталогизация, исследование, перевод и издание образцов памятников буддийской литературы, которые сосредоточены в этих коллекциях. Эти письменные памятники остаются для современных буддологов и исследователей буддийской литературы ценнейшим источником изучения буддийской составляющей калмыцкой культуры, в особенности на поздних этапах бытования традиции.

В коллекции письменных источников КалмНЦ РАН представлен целый ряд собраний известных калмыцких гелюнгов, в том числе личная библиотека хорошо известного в Калмыкии буддийского священнослужителя Тугмюд-гавджи (О. М. Дорджиева) (1887–1980), поступившая в дар КНИИИФЭ (в настоящее время — КалмНЦ РАН) уже после кончины священнослужителя. Эти материалы составляют Фонд 15 (Фонд О. М. Дорджиева), наиболее обширную коллекцию буддийских книг. В другой коллекции редких рукописей, составляющих Фонд–8, сосредоточены письменные памятники, включая фотокопии и современные издания, поступившие от других священнослужителей, их родственников, а также от ученых, общественных деятелей и представителей административных органов Калмыкии. Примечательно, что в этом фонде имеются письменные источники, подаренные КалмНЦ РАН О. М. Дорджиевым ранее, начиная с 1960-х гг. Среди них следует упомянуть ксилографическое издание «Сутры о мудрости и глупости» на тибетском языке [Dzan. 2], а также рукопись ойратского перевода тибетской сутры, выполненного Тугмюд-гавджи в 1960-е гг. [OD]. Еще один ксилограф на тибетском языке [Dzan. 1] имеется в Фонде 15.

Описание тематики и состава книг из собрания КалмНЦ РАН, включая и коллекцию Тугмюд-гавджи, было отражено в ряде публикаций [Чуматов 1983; Орлова 2002; Музраева 2001, 2003, 2006]. История сложения коллекции гелюнга, страницы его жизни освещены в публикациях ученых, писателей, воспоминаниях родственников и людей, хорошо знавших его [Убушаев 2008; Балакаев 2008; Музраева 2012; Дорджиева 2014: 87–88].

Несомненным раритетом коллекции восточных книг, хранящихся в Научном архиве КалмНЦ РАН, является ойратский перевод тибетской «Сутры о мудрости и глупости», выполненный Тугмюд-гавджи. Этот письменный источник уникален тем, что представляет собой один из последних известных нам переводов буддийского сочинения на ойратский язык из числа тех, которые предпринимались калмыками Поволжья в середине и последней трети XX в. Сложно сказать, как сложилась бы судьба этого труда Тугмюд-гавджи в конце 1960-х гг. и в следующие несколько десятилетий, когда официальной политикой государства была установка на атеизацию страны и искажение культурной истории народов в конфессиональной сфере. Процесс возрождения буддийской традиции у калмыков и других народов России, начавшийся в конце 1980-х – начале 1990-х гг., способствовал активному распространению буддийского учения среди верующих, в том числе благодаря изданию литературы, связанной с буддизмом [История буддизма ... 2011: 68–105].

Обращение к столь известному памятнику буддийской литературы заслуживает внимания исследователей с различных позиций. Нас в этом памятнике привлекает то, что он является образцом перевода канонического сочинения из состава Ганджура, в котором в популярной форме излагаются основополагающие моменты буддийского учения. Основное предназначение этого и подобных произведений — сохранение, популяризация и трансляция буддийского вероучения, буддийского мировидения в современную среду верующих, послушников и интересующихся буддизмом.

«Море притч» в переводе калмыцкого гелюнга Тугмюд-гавджи представляет собой интереснейший источник изучения сюжетов тибетской «Сутры о мудрости и глупости», воспроизводящей древнеиндийские реалии. Предварительный анализ содержания этого сочинения позволяет говорить о нем как о «своего рода антологии разрозненных, отдельных легенд, преданий, притч сказок и историй, состоящих как из одного единственного сюжета, так и из более пространных глав-историй, включающих в себя две и более отдельных историй (сюжетов, сцен). При этом отдельные сюжетные линии представлены довольно кратко, без детализации» [Музраева 2016: 42]. Главным рассказчиком этих историй, объединенных в одно композиционное целое, выступает сам Будда. Не случайно известный тибетолог Б. И. Кузнецов, задавшись целью показать, что нового могут добавить тибетские источники к биографии основателя буддизма, называет «Сутру о мудрости и глупости» одним из таких источников. Как отмечает тибетолог, «предполагалось, что Будда рассказывает о своих прошлых переживаниях, то есть что когда-то, сотни или тысячи лет назад, он был таким-то лицом, с которым произошла удивительная история» [Кузнецов 2002: 26]. Истории, в которых персонажи сами приходят на встречу с Буддой, наблюдают за ним и пересказывают свои впечатления от того, что они наблюдали, с одной стороны, представляются описаниями вполне реальных событий, с другой — в них описываются явления, в которых основатель учения предстает лицом сверхъестественным.

Интересно отметить, как сами персонажи историй рассказывают о Будде. Так, царь Салджал (Прасенаджит), главный персонаж «Главы 41-й о домохозяине Джаме Шинджире» [OD IV: л. 2486–2516], на вопрос домохозяина Данджилы (Данцилы): «Кто такой Будда?» — отвечает так: «Неужели ты не слышал? В городе Серджен сын царя Ариун Идээтэй (Шуддходаны), опечалившись оттого, что [увидел] старость, болезни и смерти, удалился наилучшим образом (т. е. стал монахом). Благодаря тому, что стремился к просветлению, воистину стал явным Буддой. Преисполненный тридцатью двумя признаками, а также разнообразными примерами, [он] совершает чудесные превращения. Его заслугам и знаниям, даже если будешь искать примеры, воистину не

найдешь» [OD IV: л. 250a] (Здесь и далее перевод на русский язык наш. — Д. М.). Проникшись этими словами царя, домохозяин отправляется туда, где находится Будда: «Когда стал наблюдать за сиятельным Буддой, увидел, что он намного превосходит всех царей, обрадовался, склонив голову, поздоровался и сел» [OD IV: л. 250b]. Благодаря наставлениям Будды, Данджил пробудил благочестивые мысли и решил вступить в монашество. Когда Будда высказал тому свое одобрение и как только произнес: «Явился наилучшим образом», — так сразу волосы и усы сами собой исчезли, и тот домохозяин стал гелюнгом, а по прошествии времени смог достичь наивысшего уровня духовного развития — состояния архата.

Не менее чудесным образом заканчивается история брахмана из «Главы 39-й о домохозяине по имени Югбаджан» [OD IV: л. 2386–243a]. В ней повествуется о том, как бедный брахман оказался под гнетом домашних и хозяйственных проблем, о которых постоянно думал и пытался найти ответ на главный свой вопрос: «Как будет лучше поступить?». Именно в такой из моментов брахман увидел прямо перед собой Будду, восседавшего под деревом в покое и расслабившего все свои конечности. Того брахмана посетили такие мысли: «Гёдом (Гаутама) взрастил великое спокойствие, у него нет скверной жены, [которая бы] бранилась, не досаждают скверные дочери с зятьями, когда наступает время пахоты, нет надобности покупать вола, воистину не [испытывает] страданий» [OD IV: л. 239a]. Когда Будда мысленно понял, о чем думает брахман, и словами подтвердил, что у него нет никаких пороков, а потому нет нужды браниться со скверной женой, не донимают дочери с зятьями, не приходится страдать, если потеряется взятый займа вол и прочее. На предложение Будды, не желает ли он вступить в монашество, брахман, предварительно спросив разрешения у Будды, стал гелюнгом. Благодаря наставлениям Будды он очистился от всей загрязненности мирского существования и стал архатом. Столь сильным и значимым был для брахмана пример Будды.

Еще одно свидетельство того, как проповедовал Будда, представлено в «Главе 35-й о царе Мигджиде» [OD IV: л. 2066–213a]. В ней излагаются события, происходившие в городе Шравасте, куда явился Будда и давал наставления. Горожане, спешившие услы-

шать проповедь Будды, рассказали слепому брахману об этом событии, и тот, будучи знатоком в распознавании разных голосов, предположил, что Будда должен обладать голосом божества Эсуа (Брахмы). «И тогда они повели слепого брахмана, шли-шли и, когда пришли к тому месту, услышав, каким благозвучным голосом проповедует Будда, слепой брахман возрадовался, пробудил благоговение, оба его глаза сами собой прозрели. Увидев Будду золотого цвета, украшенного тридцатью двумя признаками, очень ясного, подобно сиянию солнца, склонил голову к стопам Будды, когда пробудил величайшую радость, Будда преподавал Учение» [OD IV: л. 207a]. В итоге брахман не просто прозрел, стал обладателем физического зрения, но и глазом мудрости. Таким образом, прозревший брахман смог воочию увидеть тридцать два главных телесных признака Будды, в числе которых: золотистый цвет кожи, длинные и тонкие пальцы рук, широкие плечи, знаки колеса (чакры) на ладонях и подошвах и др. Конечно, повествование в процитированных главах не ограничивается только приведенными сюжетами, в них присутствуют и другие эпизоды из прошлых жизней Будды, в которых кроется причина нынешних рассказываемых событий.

Особо следует отметить, что в Сутре имеются также такие истории, в которых отдельные эпизоды из жизни персонажей напоминают житие Будды до момента просветления, в бытность его принцем Гаутамой (Сиддхартхой). Как отмечал Б. И. Кузнецов, заключительный этап биографии этого персонажа, достаточно освещенный в буддийской традиции, не вызывает сомнений у исследователей, вопросы возникали относительно первой половины биографии Будды [Кузнецов 2002: 18]. Традиционная биография основателя буддизма хорошо известна, поэтому мы обратимся к тем сюжетам Сутры, которые в определенной степени повторяют биографию Гаутамы (Сиддхартхи). Речь о двух главах: 30-й и 33-й.

Наиболее близким к биографии Будды представляется начало истории царевича Гедуна из «Главы 33-й о царевиче Гедуне» [OD III: л. 188a–201a]. Из нее мы узнаем, что в семье царя Ринчен Гоча (тиб. *rin cen (=chen) go cha* 'драгоценный панцирь (латы)', ойр. *rengbečö yoča*) представлена история рождения царевича, наделенного признаками, присущими Будде: тело его

было золотого цвета, волосы были иссиня-черными. Специально для него царь возвел по отдельности летний, осенний, зимний и весенний дворцы. Царевич, когда вырос, стал сведущ в шастрах. Однажды царевич сказал родителям, что хотел бы совершить прогулку за пределами дворца, царь и царица «распорядились расчистить дорогу, развесили знаки победы и ленты, посыпали цветы, приготовили курительные палочки и все необходимое для возжигания благовоний, посадили Гедуна верхом на слона, украшенного семью видами драгоценностей, зазвенели колокольчики, забили барабаны, создавая благозвучие, свита в количестве ста тысяч окружила [его], и [так] отправились за пределы города» [OD III: л. 189б]. Жители той страны, наблюдавшие процессию, сравнивали его с величием Эсуа тенгрия (Брахмы). Во время этой прогулки Гедун повстречал нищих, просивших подаяния, расспросил их, узнал, почему те страдают. Затем царевич увидел, как мясники убивают животных, после — земледельцев, возделывающих пашню, а затем встретил охотников и рыбаков. Расспросив их, царевич узнал, что все они выполняют подобную работу из рода в род. Вернувшись во дворец, царевич просит отца выдать из казны всем нуждающимся столько, сколько захотят, и царь-отец исполняет желание сына. Поскольку он не мог пользоваться добротой родителей бесконечно, Гедун отправляется в море добыть драгоценностей и, испытав многочисленные козни со стороны сводного брата, возвращается с драгоценностью чиндамани, дарующей все, что могут пожелать люди.

Сходный сюжет о рождении долгожданного сына содержится и в «Главе 30-й о Джимби Чингби, отправившемся в море» [OD III: л. 164б–180б]. Хотя здесь речь идет не о царской семье, а о брахманской, принадлежавшей высшему из четырех сословий древнеиндийского общества. Отец главного действующего лица этой истории прославился своей мудростью и знаниями, благодаря которым был наставником царя и был очень почитаем, наравне с царем. «Поскольку у него не было сына, он пребывал в постоянной печали и был погружен в свои мысли» [OD III: л. 166б]. Он молился всем божествам, и по прошествии двенадцати лет у его старшей жены родился мальчик, наделенный чудесными признаками: «он был золотого [цвета], с иссиня-черными во-

лосами, был прекрасен внешностью» [OD III: л. 167a]. Его нарекли Джимби Чингби (тиб. *sbyin pa chen po* 'Великое пожертвование'). Примечательно, что мальчика содержали попеременно в летней, зимней, а также осенней и весенней резиденциях. Он обладал добрым характером, был умен, не было ничего, чего бы он не знал, разбирался в священных текстах. Однажды он попросил у родителей разрешения совершить прогулку за пределы дворца. Родители для этого совершили многочисленные приготовления: «повелели расчистить дороги, водрузить знаки победы, засадить цветами, окропить благовонной водой и прочее» [OD III: л. 167a]. В тексте мы находим и описание выезда сына брахмана, который, «сев верхом на большого слона, украшенного семью видами драгоценностей, отправился за пределы города в окружении стотысячной свиты, сопровождаемый звоном колокольчиков, стуком барабанов, звучащей мелодией» [OD III: л. 167a–167b]. Наблюдавшие за процессией горожане невольно стали сравнивать юношу с божеством Эсруа тенгрием (Брахмой). Во время этой прогулки главный персонаж истории Джимби Чингби повстречал нищих, просивших подаяния, расспросил их, почему они так страдают. Те рассказали. Продвигаясь дальше, увидел, как мясники убивают животных, сдирают с них шкуры и режут на куски. Расспросил и их. После этого увидел земледельцев, вспахивавших землю под посеvy, узнал от них, чем они живут. Так же он повстречался с охотниками и рыбаками за их занятиями. В итоге, вернувшись с прогулки, сын брахмана просит у отца разрешения раздать из его сокровищницы всем бедным милостыню и все, что пожелают. Когда сокровищница иссякла, Джимби Чингби отправился в море, добыл драгоценность чиндамани, исполняющую желания, благодаря действию которой все люди Дзамбутиба перестали испытывать нужду и встали на путь десяти добродетелей.

Затронутые в данной статье истории, в которых в той или иной степени упоминается Будда, описываются эпизоды его жизни, в которых присутствуют моменты, очень сближающие историю жизни главных персонажей (царевич Гедун, сын брахмана Джимби Чингби) с биографией создателя учения, свидетельствуют о том, что формировался подобный сборник в условиях одной и той же культурной среды, в одну и

ту же эпоху. В этом плане данное собрание историй может расцениваться как историческое свидетельство и жизни самого создателя вероучения, и в целом жизни общества в Индии в древние времена.

Труд калмыцкого гелюнга является ценным свидетельством сохранения и преемственности буддийского вероучения от старшего поколения последующим. Ему удалось в своем переводе донести до своих современников и последующих поколений калмыков живое слово Будды, ярко и живо отобразить древнеиндийские реалии, дух времени, в котором жил Будда Шакьямуни и его окружение. В своей работе автор-переводчик руководствовался многовековыми традициями монгольских и ойратских переводов канонических сочинений с тибетского языка и на практике сумел воплотить их на столь обширном материале, не отступая от него ни в одном фрагменте текста.

Перевод рукописи Тугмюд-гавджи на русский язык, осуществленный нами практически спустя полвека со времени его создания, надеемся, найдет своих читателей и будет востребован в среде буддистов и буддологов. На наш взгляд, переводчику удалось передать в своем переводе не просто формальную сторону — соответствующее количество глав-историй, объединенных в разделы, роли главных персонажей, основные мысли (идеи) и прочее, но и смог добиться такой же силы и глубины эмоционального воздействия на читателя, какая была присуща тибетскому оригиналу. Но не только на это хотелось бы обратить внимание — в сочинении калмыцкого гелюнга мы не нашли каких-то сокрытых, неясных мест, которые присущи достаточно лаконичному тибетскому тексту. Несмотря на то, что переводчик стремился строго следовать дословному принципу перевода, делает он это так, что текст в той части, которая загружена терминологией и реалиями буддийского учения, становится понятной, узнаваемой для современного читателя, аудитории, во многом утратившей опыт знаний древнеиндийской цивилизации, достижений культуры Индии, транслируемых текстами.

Отдельные главы «Сутры о мудрости и глупости» в переводе Тугмюд-гавджи, как и ее текст в полном виде, представляют нам сюжеты и мотивы классических буддийских сочинений, персонажами которых являются божества буддийского пантеона, прежде всего Будда, и известные фигуры

буддийской религиозной истории. Перевод Тугмюд-гавджи и его история за последние полвека служат свидетельством актуальности содержания сутры для современных калмыков, хранящих традиции религии предков. Сохранение внимания к древней сутре, при утрате громадного большинства иных буддийских сочинений в XX веке, наряду с появлением оригинальных сочинений калмыцких гелюнгов в начале XX века и составлением новых рукописных сборников указывает на сохранение и перспективу поддержания письменной традиции у калмыков в XXI веке. Это, в свою очередь, ставит новые задачи и открывает новые горизонты в исследовании письменной традиции религиозных сочинений у калмыков.

Источники

- Dzan. 1 — *'Dzangs blun zhes-bya-ba theg-pa chen-po'i mdo* («Сутра о мудрости и глупости»). Ксилограф на тибетском языке. — Научный архив КалмНЦ РАН. ФД-15 (Фонд О. М. Дорджиева). Опись 1. Ед. хр. 20. 293 л.
- Dzan. 2 — *'Dzangs blun zhes-bya-ba theg-pa chen-po'i mdo* («Сутра о мудрости и глупости»). Ксилограф на тибетском языке. — Научный архив КалмНЦ РАН. Ф-8 (Фонд редких рукописей). Опись 1. Ед. хр. 1. 172 л.
- OD — *Oülgürin dalai* («Море притч»). Рукопись перевода Тугмюд-гавджи на ойратском «ясном письме» («тодо бичиг»). — Научный архив КалмНЦ РАН. Ф-8 (Фонд редких рукописей). Оп. I. Ед. хр. 2. Тетради 1–4. 289 л.

Литература

- Балакаев А. Г. Түгмд һавж. Бичэчин тодлвр // Буддийская традиция в Калмыкии в XX веке: памяти О. М. Дорджиева (Тугмюд-гавджи). 1887–1980. Элиста: КИГИ РАН, 2008. С. 137–145.
- Дорджиева Г. Ш. Репрессированное буддийское духовенство Калмыкии. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2014. 192 с.
- История буддизма в СССР и Российской Федерации в 1985–1999 гг. Элиста: Мин-во образования, культуры и науки РК, 2011. 392 с.
- Кузнецов Б. И. Ранний буддизм и философия индуизма по тибетским источникам. СПб.: Изд. группа «Евразия», 2002. 224 с.
- Музраева Д. Н. Гимны-славословия из тибетской коллекции КИГИ РАН // Российское монголоведение. Бюллетень 5. М.: ИВ РАН, 2001. С. 266–278.
- Музраева Д. Н. О молитвенных текстах *дхарани* (по материалам тибетской коллекции КИГИ

РАН) // Монголоведение № 2. Элиста: АПП «Джангар», 2003. С. 46–68.

- Музраева Д. Н. О коллекции буддийской литературы гавджи Тогмед-Очира (Тугмюда Гавджи) (1887–1980) // IX Межд. конгресс монголоведов (Улан-Батор, 8–12 августа 2006 г.). Доклады российских ученых. М.: ООО Товарищество научных изданий КМК, 2006. С. 293–297.
- Музраева Д. Н. Опыт археографического описания и текстологического анализа рукописного перевода Тугмюд-гавджи (на материале VI главы *Oülgürin dalai* «Моря притч») // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. № 3. 2012. С. 167–185.
- Музраева Д. Н. Опыт сюжетного анализа буддийского сочинения «Море притч» (на материале рукописи перевода Тугмюд-гавджи) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. №12 (66). Ч. 3. С. 42–45.
- Орлова К. В. Описание монгольских рукописей и ксилографов, хранящихся в фондах Калмыкии // Бюллетень Общества востоковедов. Вып. 5. М.: ИВ РАН, КИГИ РАН, 2002. 85 с.
- Убушаев Н. Н. О Тугмюд-гавджи // Буддийская традиция в Калмыкии в XX веке: памяти О. М. Дорджиева (Тугмюд-гавджи). 1887–1980. Элиста: КИГИ РАН, 2008. С. 163–166.
- Чуматов В. О. Старописьменные памятники КНИИ ИФЭ // Монголоведческие исследования. Элиста, 1983. С. 116–131.

Sources

- 'Dzangs blun zhes-bya-ba theg-pa chen-po'i mdo* [The Sutra of the Wise and the Fool. A Tibetan-language woodblock print]. *Nauchnyy arkhiv KalmNTs RAN* [Scientific Archive of the Kalmyk Scient. Center of the RAS]. ФД-15 (Fund of O.M. Dordzhiev). Op. 1. Item 20, 293 p. (In Tib.).
- 'Dzangs blun zhes-bya-ba theg-pa chen-po'i mdo* [The Sutra of the Wise and the Fool. A Tibetan-language woodblock print]. *Nauchnyy arkhiv KalmNTs RAN* [Scientific Archive of the Kalmyk Scient. Center of the RAS]. Ф-8 (Fund of Rare Manuscripts). Op. 1. Item 1. 172 p. (In Tib.).
- Oülgürin dalai* («*Ülgürin dala*»). *Rukopis' perevoda Tugmyud-gavdzhi na todo bichig* [An Oirat Clear Script manuscript translation by Tügmüd Gavji (Tib. *Thog-med bka'-bcu*)]. *Nauchnyy arkhiv KalmNTs RAN* [Scientific Archive of the Kalmyk Scient. Center of the RAS]. Ф-8 (Fund of Rare Manuscripts). Op. I. Item 2. Writing-books 1–4. 289 p. (In Kalm.).

References

- Balakaev A. G. *Tügmü davji. Bichächin todlvr* [Memoirs of the writer]. *Buddiyskaya traditsiya v Kalmykii v XX veke: pamyati O. M. Dordzhieva (Tugmyud-gavdzhi). 1887–1980* [The Buddhist tradition in Kalmykia in the 20th century: commemorating O.M. Dordzhiev (Tügmüd Gavji). 1887–1980]. Elista, Kalmyk Institute for Humanities (RAS) Press, 2008, pp. 137–145 (In Russ.).
- Dordzhieva G. Sh. *Repressirovannoe buddiyskoe dukhovenstvo Kalmykii* [The repressed Buddhist clergy of Kalmykia]. Elista, Kalm. State Univ. Press, 2014, 192 p. (In Russ.).
- Istoriya buddizma v SSSR i Rossiyskoy Federatsii v 1985–1999 gg.* [A history of Buddhism in the USSR and Russian federation: 1985–1999]. Elista, Ministry of Education, Culture and Science (Republic of Kalmykia) Press, 2011, 392 p. (In Russ.).
- Kuznetsov B. I. *Ranniy buddizm i filosofiya induizma po tibetskim istochnikam* [Early Buddhism and the philosophy of Hinduism: evidence from Tibetan-language sources]. St. Petersburg, Evraziya Publ., 2002, 224 p. (In Russ.).
- Muzraeva D. N. *Gimny-slavosloviya iz tibetskoy kolleksii KIGI RAN* [Blessing hymns from the Tibetan collection of the Kalmyk Institute for the Humanities of the RAS]. *Rossiyskoe mongolovedenie* (Russia's Mongol Studies), bulletin 5, Moscow, Institute of Oriental Studies (RAS) Press, 2001, pp. 266–278 (In Russ.).
- Muzraeva D. N. *O molitvennykh tekstakh dharani (po materialam tibetskoy kolleksii KIGI RAN)* [About dharani prayer texts (evidence from the Tibetan collection ...)]. *Mongolovedenie* (Mongol Studies), No. 2, Elista, Dzhangar Publ., 2003, pp. 46–68 (In Russ.).
- Muzraeva D. N. *O kolleksii buddiyskoy literatury gavdzhi Togmed-Ochira (Tugmyuda Gavdzhi) (1887–1980)* [About the Buddhist literary collection comp. by Thog-med bka'-bcu (1887–1980)]. *IX Mezhd. kongress mongolovedov (Ulan-Bator, 8–12 avgusta 2006 g.). Doklady rossiyskikh uchenykh* [9th Internat. congress of Mongolists (Ulaanbaatar, 8–12 August 2006). Reports of Russian scholars]. Moscow, KMK Academic Publishing Association Ltd., 2006, pp. 293–297 (In Russ.).
- Muzraeva D. N. *Opyt arkheograficheskogo opisaniya i tekstologicheskogo analiza rukopisnogo perevoda Tugmyud-gavdzhi (na materiale VI glavy Ölögürün dalai «Morya pritch»)* [Experience of archeographical description and textological analysis of the handwritten translation of Thog-med bka'-bcu (on the material of the 6th Chapter of *Ölögürün dalai „The Sea of Parables“*)]. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN* (Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS), No. 3, 2012, pp. 167–185 (In Russ.).
- Muzraeva D. N. *Opyt syuzhetnogo analiza buddiyskogo sochineniya «More pritch» (na materiale rukopisi perevoda Tugmyud-gavdzhi)* [Narrative analysis experience of the Buddhist writing 'The Sea of Parables' (by the material of the manuscript of Tugmyud-Gavdzhi's translation)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice]. Tambov, Gramota Publ., 2016, No. 12 (66), part 3, pp. 42–45 (In Russ.).
- Orlova K. V. *Opisanie mongol'skikh rukopisey i ksilografov, khraryashchikhsya v fondakh Kalmykii* [An overview of Mongolian manuscripts and woodblock prints stored in (state-owned) collections of Kalmykia]. *Byulleten' Obshchestva vostokovedov* (Bulletin of the Oriental Society), iss. 5, Moscow, Institute of Oriental Studies (RAS), Kalmyk Inst. for Humanities (RAS) Press, 2002, 85p. (In Russ.).
- Ubushaev N. N. *O Tugmyud-gavdzhi* [Tügmüd Gavji]. *Buddiyskaya traditsiya v Kalmykii v XX veke: pamyati O. M. Dordzhieva (Tugmyud-gavdzhi). 1887–1980* [The Buddhist tradition in Kalmykia in the 20th century: commemorating O.M. Dordzhiev (Tügmüd Gavji). 1887–1980]. Elista, Kalmyk Inst. for Humanities (RAS) Press, 2008, pp. 163–166 (In Russ.).
- Chumatov V. O. *Staropis'mennye pamyatniki KNII IFE* [Texts in classical scripts stored at the Kalmyk Research Institute of History, Philology and Economics]. *Mongolovednye issledovaniya* [Mongol Studies], Elista, 1983, pp. 116–131 (In Russ.).

УДК 811.512.37

**Еще раз о сюжетах «Сутры о мудрости и глупости»
(на материале ойратской рукописи «Море притч» в переводе Тугмюд-гавджи)**Деляш Николаевна Музраева¹

¹ кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий отделом монгольской филологии, Калмыцкий научный центр РАН (Элиста, Российская Федерация). E-mail: deliash@mail.ru

Аннотация. В статье автор рассматривает «Море притч» (ойр. *Oülgurin dalai*) в переводе калмыцкого гелюнга Тугмюд-гавджи (О. М. Дорджиева). Рукопись представляет собой интереснейший источник изучения сюжетов тибетской «Сутры о мудрости и глупости», воспроизводящей древнеиндийские реалии. Основное предназначение этого и подобных произведений, вошедших в состав канонического свода Ганджур, заключается в сохранении, популяризации и трансляции буддийского вероучения, буддийского мировидения в современную среду верующих, послушников и интересующихся буддизмом. Это сочинение является своего рода антологией разрозненных, отдельных легенд, преданий, притч сказок и историй, состоящих как из одного единственного сюжета, так и из более пространных глав-историй. Главным рассказчиком этих историй, объединенных в одно композиционное целое, выступает сам Будда.

Особо следует отметить, что в Сутре имеются такие истории, в которых отдельные эпизоды из жизни персонажей напоминают историю жизни Будды до момента просветления, в бытность его принцем Гаутамой (Сиддхартхой).

Перевод «Сутры о мудрости и глупости», выполненный Тугмюд-гавджи, вместе с другими старинными буддийскими переводными сочинениями, сохранившимися в рукописных коллекциях калмыцких гелюнгов, указывает на непрерывность литературной традиции калмыцкого буддизма в XXI в. и внимание к буддийским сочинениям у современных калмыков.

Ключевые слова: буддизм, каноническая литература, «Сутра о мудрости и глупости», сюжеты, ойратский перевод, «Море притч», Тугмюд-гавджи

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 34, Is. 6, pp. 186–193, 2017
DOI 10.22162/2075-7794-2017-34-6-186-193
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 94(517)+(470.47)

Populations of Mongolia and the Republic of Kalmykia (Russia): Changes in the Living Standards between 2000 and 2015

Vladimir V. Graivoronsky ¹

¹ Ph.D. in History (Doct. of Historical Sc.), Chief Research Associate, Institute of Oriental Studies of the RAS (Moscow, Russian Federation). E-mail: graiv2000@mail.ru

Abstract. The article provides a comparative analysis of the main changes in the living standards of akin Mongolic populations of Mongolia and the Republic of Kalmykia — an independent state and a federal subject of Russia respectively — between 2000 and 2015. The paper shows the dynamics of such quality of life indicators as international and domestic ratings of the countries, including those assigned by RIA Rating company on a number of indices dealing with the society standard of living (quality of life, social prosperity, demographic situation, level of economic development), per capita income, minimum subsistence level, poverty rate, food consumption.

The mentioned period witnessed significant changes in the living standards of Mongolia and Kalmykia's populations. The per capita income and minimum subsistence level rates increased, the number and share of citizens with substandard income decreased, which was accompanied by positive changes in per capita food consumption, etc. However, it is still urgent to take additional measures for the further raising of living standards and quality of life in Mongolia and Kalmykia — politically, economically, socially, educationally, medically, ecologically, culturally and psychologically.

Keywords: Mongolia, Russia, Kalmykia, living standards, international and Russian ratings, per capita income, minimum subsistence level, poverty rate, individual food consumption

Тема уровня жизни или благосостояния населения постоянно вызывает повышенный интерес, поскольку она непосредственно затрагивает жизненно важные вопросы существования каждого человека независимо от его национальной и религиозной принадлежности, политических взглядов, социального статуса, политического устройства общества и т.д. Эти вопросы особенно актуальны и злободневны для многих развивающихся стран, какими в настоящее время

являются Россия и Монголия. Уровень жизни населения Калмыкии непосредственно зависит от уровня социально-экономического развития республики, исторически сложившихся различий между различными народами и странами, между отдельными регионами внутри России и Монголии, от общего уровня социально-экономического развития и уровня жизни населения Российской Федерации. Естественно, современные калмыки, проживающие в Калмыкии, про-

являют закономерный интерес к тому, как живут их этнические соплеменники, монголы в современной Монголии, которая является признанной родиной, колыбелью всех монгольских народов, монгольского этноса, так называемого «монгольского мира».

В статье предпринята попытка на основе опубликованных официальных статистических данных Росстата РФ, его территориального органа в Республике Калмыкия и Национального статистического управления Монголии (НСУМ), результатов собственных наблюдений, а также исследований нескольких российских и международных институтов провести сравнительный анализ изменений в уровне жизни населения Монголии и Калмыкии, которые произошли за последние 15 лет (2000–2015 гг.).

С теплым чувством я вспоминаю, как в 2009 г. выступал в Элисте на международной конференции, посвященной 400-летию добровольного вхождения калмыков в состав Российского государства, с докладом на тему об изменениях в развитии человеческого потенциала («Human Development Index») в Монголии и Калмыкии в 1990–2008 гг.

Уровень жизни представляет собой определенную степень удовлетворения материальных, финансовых и духовных потребностей населения страны или его отдельных социальных групп (трудоспособное население, пенсионеры, дети, инвалиды, многодетные семьи и др.) той массой товаров и услуг, которые используются в данный конкретный период времени. Как правило, базовыми показателями принято считать объем реальных доходов на одного человека (или так называемые «среднедушевые доходы населения») и их соотношение с потребительской корзиной товаров и услуг. Для определения качества жизни также используются такие нематериальные показатели, как состояние здоровья населения, экологические условия, психологический комфорт и т.д.

Перечень основных индикаторов, или показателей уровня жизни, определен и утвержден ООН в следующем виде:

- 1) рождаемость, смертность и продолжительность жизни;
- 2) санитарно-гигиеническая обстановка;
- 3) количество потребляемого продовольствия;
- 4) жилищные условия;

- 5) качество образования и культуры;
- 6) уровень занятости, условия труда;
- 7) баланс доходов и расходов;
- 8) цены для потребителей;
- 9) состояние транспортной инфраструктуры;
- 10) рекреационная система;
- 11) уровень социального обеспечения;
- 12) права и свободы людей [Уровень жизни].

Естественно, в рамках одной статьи практически невозможно охватить и сравнить уровни жизни в Монголии и Калмыкии по всем этим показателям. Поэтому в данном случае ограничимся рассмотрением тех изменений, которые произошли в таких показателях Монголии и Калмыкии — регионального российского субъекта, как рейтинги стран по уровню жизни, среднедушевые денежные доходы населения, прожиточный минимум, уровень бедности, потребление продуктов питания в России, Калмыкии и Монголии.

В данном случае Монголия выступает в качестве объекта исследования как самостоятельное, отдельное, суверенное государство, а Калмыкия — в качестве регионального субъекта Российской Федерации. Кроме этого, следует учитывать различия в методиках сбора, обработки и представления статистических данных в России и Монголии. Так, при определении денежных доходов и расходов населения Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации (Росстат России) использует, как правило, показатели в расчете на душу населения, а Национальный статистический комитет Монголии — в расчете на одно домовое, или семейное, хозяйство, что, естественно, затрудняет сравнительный анализ. В докладе представлены усредненные данные, которые отражают только основные тренды изменений и не могут претендовать на всесторонний анализ полной, нередко противоречивой картины роста и снижения уровня жизни в зависимости от совокупности внешних и внутренних факторов.

На основе выше приведенных показателей в мире существует большое количество различных рейтингов стран по индексам «уровня жизни», «качества жизни», «процветания» (Legatum prosperity index), «счастья» (Happiness index) и др., разрабатываемых различными международными организациями (ВБ, МВФ, ПРООН и др.),

университетами, исследовательскими центрами, фондами и др.

Так, одним из удачных считается рейтинг стран по качеству жизни (Legatum Prosperity Index), составленный британским Институтом Legatum Prosperity. При подсчете данных институт ориентируется не только на общегосударственные показатели, но и на качество жизни самого населения, учитывает уровни зарплат, образовательную систему, соотношение цен в государстве, реальное материальное положение среднестатистического гражданина, состояние управления, безопасности, бизнес-среды, личных свобод граждан.

Согласно рейтингу стран по индексу качества жизни населения, составленному этим Институтом в 2015 г., первые пять мест из 142 стран, охваченных исследованием, заняли Норвегия, Швейцария, Канада, Швеция и Новая Зеландия, далее США оказались на 11-м, Китай — на 51-м, Монголия — на 57-м и Россия — на 61-м месте [Институт Земли 2017]. Иными словами, по расчетам составителей этого рейтинга получается, что по индексу качества жизни современная Россия уступает Китаю и Монголии. Более того, в адаптированном рейтинге этого же Института за 2016 г. Монголия указана на 76-м, Китай — на 90-м и Россия — на 95-м месте, т.е. в течение одного года все три страны оказались отодвинутыми назад на 20–30 позиций [The Legatum...]. На наш взгляд, результаты рейтинга Legatum Prosperity Index вызывают большие сомнения и возражения, однако эта тема требует отдельного, специального исследования.

Между тем, согласно другому мировому рейтингу стран по индексу счастья (World Happiness Index), составленному американским исследовательским центром «Институт Земли» при Колумбийском университете (который возглавляет известный экономист Джеффри Сакс) в 2015 г. и охватывающему 155 стран, на первых двух местах были указаны Норвегия и Дания, далее США — на 14-м месте, Россия — на 49-м, Китай — на 79-м, Монголия — на 100-м месте [Институт земли... 2017]. Иными словами, в настоящее время отсутствует единая

общепризнанная методология определения понятий «уровень жизни», «качество жизни», «благополучие», «процветание» и, соответственно, методика ранжирования стран.

Начиная с 2012 г., Российское информационное агентство «РИА Рейтинг» самостоятельно составляет различные рейтинги стран по различным индексам, в том числе рейтинг регионов России по качеству жизни. По данным «РИА Рейтинг», в 2015 г. среднедушевой ВВП России по паритету покупательной способности (ППС) составлял 25,6 тыс. долл. США, Монголии — 4,2 тыс. долл., или в 6 раз меньше, чем в целом по России и в 2 раза меньше, чем в Калмыкии. В 2015 г. объем валового регионального продукта (ВРП) Калмыкии на душу населения составил 8,6 тыс. долл., или в 2 раза превысил аналогичный показатель Монголии.

Агентство «РИА Рейтинг» с 2012 г. начало рассчитывать отдельный, специальный Индекс качества жизни регионов России (ИКЖРР). Это комбинированный показатель, который измеряет достижения субъектов РФ с точки зрения их способности обеспечить своим жителям благоприятные условия жизни [Регионы России]. Рейтинги составляются на основе статистического анализа 61 показателя, которые объединены в 10 групп, отражающих ключевые аспекты качества жизни населения регионов. В том числе:

1. Уровень доходов населения.
2. Жилищные условия.
3. Обеспеченность объектами социальной инфраструктуры.
4. Экологические и климатические условия.
5. Безопасность проживания.
6. Демографическая ситуация.
7. Здоровье населения и уровень образования.
8. Освоенность территории и развитие транспортной инфраструктуры.
9. Уровень экономического развития.
10. Уровень развития малого бизнеса.

Таблица 1. Выборка из рейтинга субъектов РФ по качеству жизни в 2014 г.
[Рейтинг качества...]

Рейтинг	Регион	Индекс
1	Москва	74.56
2	Санкт-Петербург	72.15
3	Московская область	60.31
...		
64	Алтайский край	37.95
69	Иркутская область	35.09
73	Забайкальский край	32.56
75	Республика Бурятия	35.05
82	Республика Калмыкия	25.41
83	Республика Тыва	18.49

Данные таблицы 1 показывают, что в 2014 г. Калмыкия по индексу качества жизни занимала предпоследнее место среди 83-х регионов России. На последнем месте была Республика Тыва. Калмыкия никогда раньше не занимала высокие места по уровню социально-экономического развития, что было во многом обусловлено исторически сложившимися большими различиями в развитии различных регионов России, а

также другими внешними и внутренними факторами. Между тем, официальные статистические данные показывают, что в 2000–2015 гг. в социально-экономическом развитии и повышении уровня жизни населения республики произошли большие изменения. В частности, это можно видеть при сравнении статистических данных о среднедушевых денежных доходах населения России, Калмыкии и Монголии.

Таблица 2. Среднедушевые денежные доходы населения России, Калмыкии и Монголии в 2000–2015 гг. (в месяц, в национальной валюте, в текущих ценах)

	2000	2005	2010	2015	2015/2000, %
Россия, руб.	2 281	8 112	18 958	30 474	1 336
Калмыкия	979	2 392	7 774	14 216	1 452
Монголия, тугр.	108 000	172 000	448 000	1 047 000	965

Расчеты по источникам: [Россия в цифрах ... 2008: 115; Российский статистический ежегодник 2016; Регионы России ... 2016: 244; Монгол улсын статистикийн эмхтгэл (далее МУСЭ) ... 2009: 304; МУСЭ 2015: 67]

Данные таблицы показывают, что в 2000–2015 г. среднедушевые денежные доходы населения в текущих ценах увеличились: в России — более чем в 13 раз, в том числе в Калмыкии — более чем в 15 раз и в Монголии — почти в 10 раз. Иначе говоря, темпы роста среднедушевых денежных доходов населения как в России, так и в Монголии, были достаточно высокими (в среднем 10–14 % в год). При этом темпы роста денежных доходов в Калмыкии были выше, чем в среднем по России. В то же время обращает на себя внимание, что величина среднедушевых доходов в Калмыкии, как правило, была и остается более чем в 2 раза меньше, чем средняя по России. Как выглядят эти показатели по сравнению с Монголией?

Однако абсолютных показателей, выраженных в национальной валюте и в текущих ценах, недостаточно для сравнения уровня среднедушевых доходов. Их необходимо перевести в общепринятый эквивалент, в данном случае в доллары США, с учетом соответствующих курсов национальных валют. По нашим расчетам, в 2015 г. при официальном курсе монгольского тугрика к доллару США (\$1: 1970,7 тугр.), среднедушевые денежные доходы в месяц в Монголии составляли 299,1 тыс. тугр, или 151,8 долл., в России 30 474 руб., или 418 долл., в том числе в Калмыкии — 14 216 руб., или 195 долл. Таким образом, в 2015 г. среднедушевые денежные доходы в месяц в России (в долл. США) были в 2,7 раза выше, в т.ч. в Калмыкии — на 28 %, выше по сравнению с Монголией.

Еще одним важным показателем уровня жизни населения любой страны является уровень бедности, или удельный вес населения, имеющего денежные доходы меньше прожиточного минимума. Для Монголии и России в целом, включая и Калмыкию, про-

блема бедности продолжает оставаться одной из актуальных и острых.

Рассмотрим, как изменялись показатели прожиточного минимума и уровня бедности в России, Калмыкии и Монголии в изучаемый период.

Таблица 3. *Прожиточный минимум и уровень бедности в России, Калмыкии и Монголии в 2000–2015 гг. (в национальной валюте, в текущих ценах, %)*

	Россия						Монголия		
	Все субъекты			в т. ч. Калмыкия					
	2000	2010	2015	2000	2010	2015	2002–2003	2010	2014
Среднедушевой прожиточный минимум, в нац. валюте (Россия – руб., Монголия – тыс. тугр.)	1 210	5 688	9 701	2 340	4 311 (2 009)	–	19,8 тыс.	94,5 тыс.	152 тыс.
Численность населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума, (Россия – млн. чел., Калмыкия, Монголия – тыс. чел.)	42,3 млн	17,7 млн	19,5 млн	204,5 тыс.	102,9 тыс. (2009)	93,7 тыс.	903,9 тыс.	1068 тыс.	647 тыс.
Уровень бедности, %	29,0	12,5	13,3	66,4	36,3 (2009)	33,6	36,1	38,8	21,6

Источники: [МУСЭ 2007: 277; Россия в цифрах 2013: 127–130; Российский статистический ежегодник 2016; Монгол улс дахь ядуурлын дүр төрх ... 2013: 10–11; МУСЭ 2015: 70–71]

Из таблицы видно, что в 2000–2015 гг. номинальный прожиточный минимум был увеличен в России в 6,6 раз, в Монголии — в 7,7 раза. При этом абсолютная численность и удельный вес населения с доходами ниже прожиточного минимума уменьшилась в России с 29,0 % в 2000 г. до 13,3 % в 2015 г., или более чем в 2 раза, в том числе в Калмыкии с 66,4 % до 33,6 %, или тоже почти в 2 раза. В настоящее время по уровню бедности Калмыкия занимает одно из последних мест среди других субъектов РФ. В Монголии в 2003–2010 гг. удельный вес бедного населения

колебался в пределах 35–36 %, в 2010 г. абсолютная численность этой группы населения выросла до 1 068 тыс. чел., или до 38,8 %, однако в последующие годы существенно снизилась до 21,6 % в 2015 г. Это было большое достижение. Однако в 2016 г. в связи с ухудшением общего социально-экономического положения страны и снижением уровня жизни большинства населения уровень бедности вновь начал расти.

Одним из основных показателей уровня жизни населения является потребление продуктов питания на душу населения.

Таблица 4. Среднедушевое потребление продуктов питания в России, Калмыкии и Монголии в 2005–2015 гг. (кг/чел., в год)

Страны, регионы	Россия				Монголия	
	(в целом)		в т. ч. Калмыкия			
Продукты	2005	2014	2005	2015	2005	2015
Мясо и мясо-продукты	64,3	69	54,5	114	120	102
Молоко и молочные продукты	230,7	244	170	240	130,8	165,6
Хлебные продукты	112,7	118	133	120	108	126
Картофель	78,5	118	87,9	46	21,6	33,6
Овощи	90,1	111	82,8	107	12	24,0

Источники: [МУСЭ 2002: 225; Социальное положение и уровень жизни населения России ... 2006: 260–262; Российский статистический ежегодник 2016; Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации 2016: 241–246; Калмыкия в цифрах ... 2010: 39; МУСЭ 2016: 70]

Данные таблицы 4 показывают, что в рассматриваемый период в потреблении основных видов продуктов питания на душу населения в России, в том числе в Калмыкии, как и в Монголии, происходили преимущественно позитивные изменения. Так, в России увеличилось среднедушевое потребление мяса и мясопродуктов, в том числе в Калмыкии — более чем в 2 раза, молока и молочных продуктов — более чем на 40 %, овощей — почти на 30 %. В Монголии среднедушевое потребление мяса и мясопродуктов снизилось почти на 18 %, но оно по-прежнему остается на достаточно высоком уровне — более 100 кг/чел в год. Возросло потребление молока и молочных продуктов на 26 %, картофеля — более чем на 50 %, овощей — в 2 раза.

Резюмируя вышесказанное, можно сделать следующие выводы:

1. В настоящее время отсутствуют единые, общепринятые критерии и методика определения уровня и качества жизни, поэтому различные международные и национальные институты и агентства разрабатывают и используют различные методики и критерии ранжирования стран и регионов. Необходимо создать и совершенствовать собственную национальную методику составления рейтингов регионов России по уровню и качеству жизни.

2. В 2000–2015 гг. в уровне жизни населения Монголии и России, в том числе в Калмыкии, произошли существенные изме-

нения. Выросли среднедушевые денежные доходы, был повышен прожиточный минимум, сократились численность и удельный вес населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума, произошли позитивные сдвиги в потреблении продуктов питания на душу населения и др.

3. Несмотря на определенные положительные сдвиги в повышении благосостояния населения и сокращения бедности, проблема дальнейшего повышения уровня и качества жизни населения в России, в том числе в Калмыкии, а также в Монголии в политическом, экономическом, социальном, образовательном, медицинском, экологическом, культурном и психологическом измерениях продолжает оставаться актуальной и требует принятия дополнительных мер для ее решения.

Литература

Институт Земли: рейтинг стран мира по уровню счастья населения в 2017 году [электронный ресурс] // URL: <http://gtmarket.ru/news/2017/03/20/7316> (дата обращения: 23.04.2017).

Калмыкия в цифрах. Краткий статистический сборник 2010. Элиста: Тер. орган Федеральной службы гос. статистики по РК, 2010. 156 с.

Монгол улсын статистикийн эмхтгэл 2001 [Статистический ежегодник Монголии]. Улаанбаатар, 2002. 256 с.

- Монгол улсын статистикийн эмхтгэл 2006. Улаанбаатар, 2007. 337 с.
- Монгол улсын статистикийн эмхтгэл 2008. Улаанбаатар, 2009. 434 с.
- Монгол улсын статистикийн эмхтгэл 2015. Улаанбаатар, 2015. 263 с.
- Монгол улс дахь ядуурлын дүр төрх 2012 (Облик бедности в Монголии–2012). Улаанбаатар, 2013. 460 с.
- Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации 2016. М.: Росстат, 2016. 671 с.
- Регионы России. РИА Рейтинг [электронный ресурс] // URL: <http://www.riarating.ru> (дата обращения: 23.03.2017).
- Рейтинг качества жизни регионов России. Информация об обследовании и его результатов [электронный ресурс] // URL: <http://gtmarket.ru/research/quality-of-life-russian-regions-ranking/info> (дата обращения: 20.04.2017).
- Российский статистический ежегодник 2016. М.: Росстат, 2016 [электронный ресурс] // URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 01.03.2017).
- Россия в цифрах 2008. Краткий стат. сб.. М.: Росстат, 2008. 507 с.
- Россия в цифрах 2013. Краткий стат. сб. М.: Росстат, 2013. 573 с.
- Социальное положение и уровень жизни населения России, 2006: стат. сб. М.: Росстат, 2006. 433 с.
- Уровень жизни — http://finansiko.ru/uroven_zhizni_naseleniya_rossii_stran_mira_2014 (дата обращения: 19.04.2017).
- The Legatum Prosperity Index 2017 [электронный ресурс] // URL: www.prosperity.com/ (дата обращения: 23.04.2017).
- Mongol ulsyn statistikiyn emkhtgel 2006* [Mongolia's Statistical Yearbook 2006]. Ulaanbaatar, 2007, 337 p. (In Mong.).
- Mongol ulsyn statistikiyn emkhtgel 2008* [Mongolia's Statistical Yearbook 2008]. Ulaanbaatar, 2009. 434 s.
- Mongol ulsyn statistikiyn emkhtgel 2015* [Mongolia's Statistical Yearbook 2015]. Ulaanbaatar, 2015, 263 p. (In Mong.).
- Mongol uls dakh'yaduurlyn dur torkh 2012* [Poverty in Mongolia 2012]. Ulaanbaatar, 2013, 460 p. (In Mong.).
- Regiony Rossii. Osnovnye kharakteristiki sub'ektov Rossiyskoy Federatsii 2016* [Regions of Russia. The main characteristics of Russia's federal subjects]. Moscow, Federal Statistics Service Press, 2016, 671 p. (In Russ.).
- Regiony Rossii. RIA Reyting* [Regions of Russia. RIA Rating Company]. Available at: <http://www.riarating.ru> (accessed: 23 March 2017) (In Russ.).
- Reyting kachestva zhizni regionov Rossii. Informatsiya ob obsledovanii i ego rezul'tatov* [Regions of Russia: living standards. A review of the survey]. Available at: <http://gtmarket.ru/research/quality-of-life-russian-regions-ranking/info> (accessed: 20 April .2017) (In Russ.).
- Rossiyskiy statisticheskiy ezhegodnik 2016* [Russia's Statistical Yearbook 2016]. Moscow, Federal Statistics Service Press, 2016. Available at: <http://www.gks.ru> (accessed: 01 March 2017) (In Russ.).
- Rossiya v tsifrakh 2008. Kratkiy stat. sb.* [Russia in Figures 2008. A brief statistical digest]. Moscow, Federal Statistics Service Press, 2008, 507 p. (In Russ.).
- Rossiya v tsifrakh 2013. Kratkiy stat. sb.* [Russia in Figures 2013. A brief statistical digest]. Moscow, Federal Statistics Service Press, 2013, 573 p. (In Russ.).
- Sotsial'noe polozhenie i uroven' zhizni naseleniya Rossii, 2006: stat. sb.* [Social conditions and living standards in Russia: 2006. A statistical digest]. Moscow, Federal Statistics Service Press, 2006, 433 p. (In Russ.).
- Uroven' zhizni* [Living standards]. Available at: http://finansiko.ru/uroven_zhizni_naseleniya_rossii_stran_mira_2014 (accessed: 19 April 2017) (In Russ.).
- The Legatum Prosperity Index 2017. Available at: www.prosperity.com/ (accessed: 23 April 2017) (In Eng.).

References

- Institut Zemli: reyting stran mira po urovnyu schast'ya naseleniya v 2017 godu* [The Earth Institute: The World Happiness Report 2017]. Available at: <http://gtmarket.ru/news/2017/03/20/7316> (accessed: 23 April 2017) (In Russ.).
- Kalmykiya v tsifrakh. Kratkiy statisticheskiy sbornik 2010* [Kalmykia in Figures. A brief statistical digest]. Elista, Kalmykia Office of Federal Statistics Service Press, 2010, 156 p. (In Russ.).
- Mongol ulsyn statistikiyn emkhtgel 2001* [Mongolia's Statistical Yearbook 2001]. Ulaanbaatar, 2002, 256 p. (In Mong.).

УДК 94(517)+(470.47)

Изменения в уровне жизни населения Монголии и Республики Калмыкия (Россия) в 2000–2015 гг.

Владимир Викторович Грайворонский ¹

¹ доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт востоковедения РАН (Москва, Российская Федерация). E-mail: graiv2000@mail.ru

Аннотация. В статье проведен сравнительно-сопоставительный анализ основных изменений в уровне жизни населения в 2000–2015 гг. родственных монголоязычных народов, проживающих в Монголии — самостоятельном суверенном государстве и Республике Калмыкия — региональном субъекте Российской Федерации. Показана динамика таких основных показателей уровня жизни населения, как место изучаемых стран в международных, национальных рейтингах и агентства «РИА Рейтинг» по индексам уровня жизни (качества жизни, «процветания», демографической ситуации, уровню экономического развития), среднему денежному доходу, прожиточному минимуму, уровню бедности, потреблению продуктов питания.

В 2000–2015 гг. в уровне жизни населения Монголии и Калмыкии произошли существенные изменения. Выросли средние денежные доходы, повышен прожиточный минимум, сократились численность и удельный вес населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума, произошли позитивные сдвиги в потреблении продуктов питания на душу населения и др. В то же время продолжает оставаться актуальной и требует принятия дополнительных мер проблема дальнейшего повышения уровня и качества жизни населения Монголии и Калмыкии в политическом, экономическом, социальном, образовательном, медицинском, экологическом, культурном и психологическом измерениях.

Ключевые слова: Монголия, Россия, Калмыкия, уровень жизни населения, международные и российские рейтинги, средние денежные доходы, прожиточный минимум, уровень бедности, потребление продуктов питания

REVIEW

Copyright © 2017 by the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 34, Is. 6, pp. 194–195, 2017
DOI 10.22162/2075-7794-2017-34-6-194-195
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

Дани Савелли¹. Рец. на: *Дорджиева Г. Ш. Буддизм в Калмыкии в вероисповедной политике государства (середина XIX – начало XX вв.)* Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2012. 203 с.²

1. Галина Дорджиева — автор двух книг, посвященных религиям в Калмыкии: «Буддизм и христианство в Калмыкии» [Дорджиева 1995] и «Буддийская церковь в Калмыкии в конце XIX – первой половине XX вв.» [Дорджиева 2001]. В своей третьей публикации она подробно описывает исто-

¹ Ph. D. in Philology, Université Toulouse – Jean Jaurès (Toulouse, France). Университет Тулузы — Жан Жорес. (Тулуза, Франция). E-mail: dany.savelli@wanadoo.fr

² Рецензия опубликована на английском языке во французском журнале «Монгольские и сибирские, тибетские и центральноазиатские исследования»: **Dani Savelli**. «*Doržieva Galina Š., Buddizm Kalmykii v veroispovednogo politike gosudarstva (seredina XVII – načalo XX vv.) [Kalmyk Buddhism in the confessional politics of the government (mid-17th century to early 20th century)]*». *Études mongoles et sibériennes, centrasiatiques et tibétaines* [Online], 48 | 2017, Online since 05 December 2017, connection on 07 December 2017. URL: <http://emscat.revues.org/2941>. Перевод рецензии на русский язык публикуется с разрешения автора — Дани Савелли и по согласованию с директором редакционной коллегии журнала «*Études mongoles et sibériennes, centrasiatiques et tibétaines*». Перевод М. Г. Анюшевой (Степановой).

рию буддизма в Нижнем Поволжье, куда в начале XVII века прибыли ойратские группы и основали Калмыцкое ханство, которое было включено³ в Российскую империю «добровольно» (согласно укоренившейся формулировке, упомянутой несколько раз в книге).

2. Вводная глава дает возможность подробно рассмотреть многочисленные и разнообразные источники, которые позволяют автору составить историю религии калмыков. Это правовые кодексы, опубликованные в XIX веке, описания миссионеров (среди них известного синолога и архимандрита Иакинфа, более известного под его прежним именем Н. Я. Бичурин), российских государственных служащих (в частности, князя Э. Э. Ухтомского, который призвал Николая II обратить внимание России на Дальний Восток и проявить более терпимое отношение к буддистам империи), а также путешественников и членов научно-исследовательских экспедиций (среди них документы знаменитых П. С. Палласа и И. Г. Георги в XVIII в. и востоковеда А. М. Позднеева во второй половине XIX века и в начале XX века). Наряду с этими документами, составленными русскими и немцами, следует учесть публикации представителей калмыцкой интеллигенции, начиная с конца XIX в., которые охотно идентифицировали буддизм с народной культурой и идеализировали его роль в социаль-

³ В этом месте в тексте рецензии упоминается 1771 г., что, вероятно, связано с технической ошибкой.

ной и духовной жизни своих соотечественников. Г. Дорджиева также публикует ценное описание различных архивов, наиболее важными из которых являются документы из Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург), рукописного отдела Российской государственной библиотеки (Москва) и Государственного архива Республики Калмыкия (Элиста).

3. Целью этого обзора не является кратко обобщить работу Г. Дорджиевой, которая представляет собой полезный вклад в понимание богатой истории буддизма в России. Я остановлюсь на некоторых существенных моментах, на которых делает акцент автор. Анализ правил (Положений) от 1825, 1834 и 1847 гг., которые указывали на статус, предоставленный Санкт-Петербургом калмыцкому буддийскому институту, показывает, что целью правительства были контроль и ограничение контактов с Лхасой, уменьшение числа лам и монастырей (калм. хурул), особенно путем преодоления традиции присоединения юных мальчиков к монастырям и, наконец, централизации буддийских учреждений Калмыкии путем назначения религиозного главы, называемого Ламой (с заглавной буквы), на избрание которого влияла царская администрация.

4. Для Санкт-Петербурга важно было подчинить калмыцкое духовенство, чтобы сделать его эффективным оружием своей политики в местности, являющейся важной стратегической областью благодаря своей близости с Кавказом. Г. Дорджиева отмечает это, подчеркивая молчаливое согласие российских властей и калмыцких высших классов, и в первую очередь она обращает внимание на вопрос о крепостных (калм. шабинеры), принадлежащих монастырям и представляющих не менее пятой части калмыцкого населения. Институт шабинеров, который в Бурятии полностью отсутствовал, несомненно, из-за позднего распространения буддизма в этой области, сохра-

нился даже после его официальной отмены в 1834 г.

5. В книге также обсуждается вопрос о лояльности калмыцких лам императорской семье (некоторые монастыри были названы в честь царей). Увеличение числа монахов и монастырей, особенно после обнародования Закона от апреля 1905 года, свидетельствует о провале царской политики — более поздняя советская политика была по сравнению с ней гораздо более эффективной и положила конец религиозному воспитанию мальчиков и уничтожила класс лам, уже в царский период рассматриваемых как класс паразитов-тунеядцев. Что же касается смысла этой лояльности буддийского духовенства, хотелось бы лучше понять причины такой интригующей публикации, как «Предсказания Будды о доме Романовых и краткий очерк о моих путешествиях в Тибет в 1904 и 1905 годах» (Ульянов, 1913). Её автор, лама Дамбо Ульянов (1844–1913), который оставался важным и известным религиозным авторитетом даже в период сталинских репрессий, отождествляет Москву с Шамбалой, а Романовых — с царями этой легендарной страны. К сожалению, биографические данные, опубликованные Г. Дорджиевой, не дают никакого объяснения этому загадочному тексту, часто цитируемому в работах, посвященных русско-тибетским отношениям или русской эзотерике.

6. Эта классическая история буддизма в Калмыкии содержит многочисленные и точные данные благодаря тщательным архивным исследованиям, проведенным автором. Работа не оставляет в стороне проблему калмыков, которые присоединились к казачьим войскам и которые часто оставались буддистами, несмотря на их обязательное обращение в христианство. Книга включает полезный глоссарий, указатель и библиографию, а также черно-белые иллюстрации.

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 34, Is. 6, pp. 196–198, 2017
DOI 10.22162/2075-7794-2017-34-6-196-198
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

Трофимова С. М.¹. Рец. на: *Цонева Л.* Имена и люди. Ключевые имена в медиадискурсе. Велико-Тырново, 2017. 196 с.

Представленная монография является одним из исследований Лиляны Цоневой, известного болгарского лингвиста, ученого, посвятившего свою научную деятельность изучению медиалингвистики. Если выбор объекта исследования в данной монографии связан в первую очередь с актуальностью изучения сложного феномена собственного имени как источника богатой культурной, этнокультурной, эстетической информации о номинанте — носителе имени, то предметом исследования ею выбраны особенности функционирования собственных имен в современном российском медиадискурсе.

В центре внимания болгарского исследователя Лиляны Цоневой находятся слова, определяемые как ключевые слова времени, отображающие общественно значимые понятия, и благодаря своей актуальной семантике они становятся сигналами времени, источником информации о жизни общества. Среди ключевых слов важное место занимают ключевые имена — имена политических субъектов. В своей монографии автор дополняет и по-новому переосмысливает некоторые аспекты особенности функционирования имен русских, болгарских и зарубежных политиков в российских и болгарских СМИ, которые уже были предметом ее исследования [Цонева 2007; 2009; 2010; 2011; 2013; 2015]. Исследование базируется на авторской картотеке, содержа-

щей примеры употребления собственных имен в текстах, опубликованных в начале XXI в. Привлечение материала из новейших текстов 2016–2017 гг., ранее не подвергавшихся анализу в работах Л. Цоневой, позволяет увидеть устойчивые и новые особенности употребления ключевых имен, отражающие различные факторы — не только актуальную общественно-политическую и экономическую ситуацию, расстановку политических сил в определенный период, изменения в восприятии политических субъектов и т. д., но и новые особенности игрового отражения актуального содержания в современных СМИ, в том числе особенности обыгрывания ключевых имен. Такой подход и уникальный материал позволили автору монографии во многом прийти к совершенно неожиданным результатам и выработать новые оригинальные точки зрения по самым актуальным проблемам развития медиадискурса, особенно ключевых имен в языковой игре как наименее изученных в медиалингвистике. Так, например, прецедентные тексты с ключевыми именами в языковой игре привлекли внимание Л. Цоневой, поставившей задачу лучше понять и оценить эффект игрового включения. Как считает автор, необходимы интеллектуальные усилия со стороны адресата, который должен не только восстановить исходный текст, но и сравнить его с новым, а также привлечь фоновые знания о различных событиях и ситуациях.

Жанр этой монографии был определен самим автором, поэтому каждая глава представляет собой отдельный очерк. Тем не менее, все главы объединяет единый подход к рассматриваемым явлениям в языке, который был выработан и обоснован Т. Г. До-

¹ доктор филологических наук, профессор, Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова (Элиста, Российская Федерация). E-mail: trofimovasm@mail.ru

бросклонской в ее работе «Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ» [Добросклонская 2008]. Анализ ключевых имен включает в основном анализ их языковых признаков, проявляющихся в медиатексте — их частотность, текстогенность, производность, онимичность, участие в языковой игре, поскольку все они позволяют, как замечает Л. Цонева, лучше понять особенности функционирования имени как важной составляющей образа политика.

Монография включает три очерка: «Ключевые имена в медиадискурсе», «Языковые признаки ключевых имен», «Ключевые имена в языковой игре».

В первой главе большое внимание уделяется разнообразным способам номинации политических и других важных субъектов в российских СМИ, таким как инициальные аббревиатуры, прозвища, перифразы. Кроме того, настоящая глава посвящена изучению и способам оценочных номинаций лица в современном политическом медиадискурсе, где описываются как официальные, так и неофициальные номинации российских политиков в контекстах их употреблений в публикациях СМИ, которые отягощены дополнительным оценочным значением. В статье применяется дискурс-анализ значимых номинативных единиц. Это означает, что оценочные номинации политиков, которые употребляются в текстах политического дискурса, Л. Цонева рассматривает в контексте конкретной политической ситуации, где эти тексты создаются с учётом факторов адресата / адресанта и номинанта / номинатора.

В то же время, разумеется, нужно отметить и признаки специфические, характерные именно для ключевых имен. Такие признаки ключевых имен и прежде всего имен политических субъектов в современном медиадискурсе уже рассматривались Л. Цоневой. Важно обратить внимание на то, что к ключевым именам в разное время относятся разные единицы. Это связано с тем, что имена людей могут быть актуальными для общества в рамках определенного, иногда достаточно короткого периода (например, в ситуации выборов, ситуации экономического кризиса и т. д.). Это, разумеется, в большей степени актуально для имен политиков, поскольку многие из них играют важную роль на политической сцене в рамках определенного, иногда небольшого отрезка времени. В связи с этим приходится

обратить внимание и на тот факт, что сама «жизнь» политиков в памяти людей нередко бывает очень короткой.

В главе «Языковые признаки ключевых имен» рассматриваются языковые признаки ключевых имен, проявляющиеся в современных российских СМИ, значимость которых обуславливается тем, что они могут быть, по замечанию Шмелевой, «определённым тестом» для отнесения данного слова к ключевым словам, а с другой стороны, как показывают наблюдения Л. Цоневой, сама принадлежность к ключевым словам, само «попадание» в круг ключевых слов обусловлено некоторыми важными особенностями функционирования этих единиц.

Особый интерес, на наш взгляд, представляет глава о ключевых именах в языковой игре. Бесспорной можно считать значимость игры в качестве уникального феномена культуры, имеющего исключительно широкие практические приложения во всех сферах человеческой деятельности — в играх детских, военных, политических, психологических, гендерных, экономических, торговых, языковых и т. д. Сам «феномен игры», как подчеркивает Н. Д. Арутюнова, является объектом всех наук, входящих в поле антропологии [Арутюнова 2006: 5]. Наряду с дискурсивным ракурсом в своем исследовании Л. Цонева подчеркивает и его антропоцентрический вектор. И не случайно в параграф третьей главы попадают антропонимы как единицы языка, активно вовлекающиеся в языковую игру в различных типах дискурса, в том числе в медиадискурсе. Активное обыгрывание имен людей и прежде всего ключевых слов, по справедливому замечанию Л. Цоневой, можно считать важной характеристикой современного медиатекста.

И вместо заключения автор монографии приводит высказывание В. Н. Топорова [1989: 129], которое мы всецело поддерживаем: «Во всех сферах духовной жизни человека — религиозной, провиденциально-профетической, спекулятивно-философской, художественно-эстетической, социально-общественной — роль имени не только велика, но по-особому отмечена, и то, что поддается учету и пересказу, образует лишь поверхностный слой той тайны, которая связана с именем. Но даже прикосновение к этому слою намекает и на глубину этой тайны, и на ту силу, которая от нее неотделима».

Считаем, что данная монография содержит новое решение одной из важных теоретических проблем медиалингвистики, закладывает основы изучения сложного феномена собственного имени как источника информации о носителе имени и как уникальной системы, по мнению В. И. Супруна [2000: 92], с особыми системообразующими механизмами, а также закономерностями развития и функционирования. Работа имеет большое научное и практическое значение. Результаты данного исследования могут быть использованы в практике преподавания теории дискурса.

Литература

- Арутюнова Н. Д. Виды игровых действий // Логический анализ языка. Концептуальные поля игры. М.: Индрик, 2006. С. 5–16.
- Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ. М.: Академический проект: Альма Матер, 2008. 203 с.
- Супрун В. И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал. Волгоград: Перемена, 2000. 172 с.
- Топоров В. Н. Имя как фактор культуры (на злобу дня) // Исторические названия — памятники культуры: Тез. докл. Всесоюз. науч. конф. М.: Наука, 1989. С. 125–129.
- Цонева Л. Ключевые имена времени в публицистическом стиле // *Stylistyka XVI. Styl i czas*. Opole, 2007. С. 423–443.
- Цонева Л. Каламбури със собствени имена в българската публицистика // Състояние и проблеми на българската ономастика. Велико Търново: Университетско издателство «Св. св. Кирил и Методий», 2009. Т. 9. С. 490–510.
- Цонева Л. Имената на българските политици като обект на езикова игра // Състояние и проблеми на българската ономастика. Велико Търново: Университетско издателство «Св. св. Кирил и Методий», 2010. Т. 11. С. 308–326.
- Цонева Л. Имена российских политиков в болгарском политическом дискурсе // Политическая лингвистика. Екатеринбург, 2011. № 35. С. 58–66.
- Цонева Л. Отражение смерти Б. Березовского в медиадискурсе // Язык. Текст. Дискурс. Научный альманах. Вып. 11. Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2013. С. 256–264.
- Цонева Л. Слово года „крымнаш“ в русском медиадискурсе // *Studia russico-slovaca universitatis catholica Rosen-bergensis*. Ruzomberok, 2015. С. 30–39.
- Контсептуал'nye polya igry [A logical analysis of language. Conceptual fields of game]. Moscow, Indrik Publ., 2006, pp. 5–16 (In Russ.).
- Dobrosklonskaya T. G. *Medialingvistika: sistemnyy podkhod k izucheniyu yazyka SMI* [Medialinguistics: a system approach to studies of media language]. Moscow, Alma Mater Publ., 2008, 203 p. (In Russ.).
- Suprun V. I. *Onomasticheskoe pole russkogo yazyka i ego khudozhestvenno-esteticheskiy potentsial* [Russian onomastics: its artistic and aesthetical potentials]. Volgograd, Peremena Publ., 2000, 172 p. (In Russ.).
- Toporov V. N. *Imya kak faktor kul'tury (na zlobu dnya)* [Name as a factor of culture]. *Istoricheskie nazvaniya — pamyatniki kul'tury: Tez. dokl. Vsesoyuzn. nauch. konf.* [Historical Names — Monuments of Culture. Conference abstracts]. Moscow, Nauka Publ., 1989, pp. 125–129 (In Russ.).
- Tsoneva L. *Klyuchevye imena vremeni v publitsisticheskom stile* [Key names in journalistic style]. *Stylistyka XVI. Styl i czas* (Stylistics XVI. Style and Moment), Opole, 2007, pp. 423–443 (In Russ.).
- Tsoneva L. *Kalamburi s"s sobstveni imena v b"lgarskata publitsistika* [Names in Bulgarian journalism: play on words]. *S"stoyanie i problemi na b"lgarskata onomastika* (The current state and issues of Bulgarian onomastics). Veliko Tarnovo, St. Cyril and Methodius University Press, 2009, vol. 9, pp. 490–510 (In Bulg.).
- Tsoneva L. *Imenata na b"lgarskite polititsi kato obekt na ezikova igra* [Names of Bulgarian politicians as an object of play on words]. *S"stoyanie i problemi na b"lgarskata onomastika* (The current state and issues of Bulgarian onomastics). Veliko Tarnovo, St. Cyril and Methodius University Press, 2010, vol. 11, pp. 308–326 (In Bulg.).
- Tsoneva L. *Imena rossiysskikh politikov v bolgarskom politicheskom diskurse* [Names of Russian politicians in Bulgarian political discourse]. *Politicheskaya lingvistika* (Political Linguistics), Ekaterinburg, 2011, No. 35, pp. 58–66 (In Russ.).
- Tsoneva L. *Otrazhenie smerti B. Berezovskogo v mediadiskurse* [B. Berezovsky's death in media discourse]. *Yazyk. Tekst. Diskurs. Nauchnyy al'manakh* (Language. Text. Discourse. A scholarly almanac), iss. 11, Stavropol, North-Caucasus Federal University Press, 2013, pp. 256–264 (In Russ.).
- Tsoneva L. *Slovo goda „krymnash“ v russkom mediadiskurse* [‘Krymnash’: the word of the year in Russian media discourse]. *Studia russiko-slovaca universitatis catholica Rosenbergensis* (Catholic University of Resenberg: Russian-Slovak Studies). Ružomberok, 2015, pp. 30–39 (In Russ.).

References

Arutyunova N. D. *Vidy igrovyykh deystviy* [Types of game activities]. *Logicheskiy analiz yazyka*.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Всеобщая история	<i>Ариунбайгал Б.</i> “Туулин улсын судар” дахь монголын хааны зарлигийн бичгүүдийн орчуулга, судалгаа (1270–1280 он) (Указы и грамоты монгольских ханов в “Истории династии Корё”: перевод и исследование)	2
	<i>Железняков А. С.</i> Монгольская цивилизация на весах истории	37
Отечественная история	<i>Очиров У. Б., Заярный С. А.</i> 110-я ОККД на защите донских переправ и их роль в спасении части войск Южного фронта летом 1942 г.	43
Этнология	<i>Тюхтенева С. П.</i> О скотоводческой магии у современных алтайцев	62
	<i>Батоева Д. Б.</i> Миграции монголоязычных племен Забайкалья на территорию Маньчжурии.	71

ЛИНГВИСТИКА, ФОЛЬКЛОР, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Лингвистика	<i>Крылов С. А.</i> Сочетаемость монгольских синтетических словоформ: количественный аспект	79
	<i>Мазарчук А. В.</i> Общемонгольская лексика раздела «Головные уборы и украшения» в халхаском, бурятском, калмыцком языках	94
	<i>Мушаев В. Н., Абдуллаев С. Н.</i> Аспекты многозначности в тюрко-монгольских языках	103
	<i>Бадагаров Ж. Б.</i> О типах словесного ударения в монгольских языках	111
Фольклористика	<i>Чао Геджин.</i> Этические принципы ЮНЕСКО по охране нематериального культурного наследия: интерпретация и обзор комментариев.	117
	<i>Таяа Д.</i> Об изучении упадка устной традиции «Джангара»	131
	<i>Дамринжав Бальджин.</i> К истории записи и публикации сказок ойратов Синьцзяна	138
	<i>Манджиева Б. Б.</i> Калмыцкие богатырские сказки в репертуаре Санджи Бутаева	150
Литературоведение	<i>Хошуд Цэнгэл.</i> Интерпретация недавно обнаруженной уйгурско-монгольской надписи на скале Аршан	160
	<i>Мирзаева С. В.</i> Некоторые аспекты графо-фонетической интерференции в монгольских переводных текстах (на материале монгольского перевода сочинения «Арья-бхадрачатья-пранидхана-раджа»)	167
	<i>Музраева Д. Н.</i> Еще раз о сюжетах «сутры о мудрости и глупости» (на материале ойратской рукописи «Море притч» в переводе Тугмюд-гавджи)	178

СОЦИОЛОГИЯ

<i>Грайворонский В. В.</i> Изменения в уровне жизни населения Монголии и Республики Калмыкия (Россия) в 2000–2015 гг.	186
---	-----

РЕЦЕНЗИИ

<i>Дани Савелли.</i> Рец. на: <i>Доржиева Г. Ш. Буддизм в Калмыкии в вероисповедной политике государства (середина XIX – начало XX вв.)</i>	194
<i>Трофимова С. М.</i> Рец. на: <i>Цонева Л. Имена и люди. Ключевые имена в медиадискурсе</i>	196

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ВЕСТНИК
Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН
2017. № 6 (34)

Сдано в набор 09.11.2017. Подписано в печать 23.11.2017.
Формат бумаги 60x84¹/₈. Усл. печ. л. 23,25.
Тираж 300 экз. Заказ 32-17.

Учредитель и издатель:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр
Российской академии наук»

Отпечатано в КалмНЦ РАН
(Республика Калмыкия, 358000, г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, 8).

ВЕСТНИК КАЛМЫЦКОГО ИНСТИТУТА ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ РАН

Издается с 1963 г.
ISSN 2410-7670 (online)
ISSN 2075-7794 (print)

Журнал зарегистрирован 1 июля 2009 г. в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Рег. номер ПИ № ФС77-49346

2017. № 6 (34)
Выходит 6 раз в год

Главный редактор:
канд. филол. наук *В. В. Куканова*

Заместитель главного редактора:
д-р ист. наук *У. Б. Очиров*

Редакционный совет:
акад. РАН *Г. Г. Матишов* (председатель — Россия, г. Ростов-на-Дону),
чл.-кор. РАН *С. А. Арутюнов* (Россия, г. Москва), д-р ист. наук *М. М. Балзер* (США),
акад. *Л. Болд* (Монголия), д-р ист. наук *Н. Ф. Бугай* (Россия, г. Москва), д-р юрид. наук *Д. М. Демичев* (Беларусь),
д-р экон. наук *О. В. Инишаков* (Россия, г. Волгоград), д-р филол. наук *М. И. Магомедов* (Россия, г. Махачкала),
д-р ист. наук *К. Н. Максимов* (Россия, г. Элиста), д-р ист. наук *И. Ф. Попова* (Россия, г. Санкт-Петербург),
д-р ист. наук *На. Сухэбаатар* (Монголия), д-р филол. наук *Чао Геджин* (Китай),
д-р ист. наук *Д. Шорковиц* (Германия), акад. РАО, д-р пед. наук *П. М. Эрдниева* (Россия, г. Элиста)

Редакционная коллегия:
чл.-кор. РАН *Х. А. Амирханов* (г. Махачкала), чл.-кор. РАН *Б. В. Базаров* (г. Улан-Удэ),
канд. юрид. наук *Л. В. Батиев* (г. Ростов-на-Дону), д-р ист. наук *Н. Л. Жуковская* (г. Москва),
д-р филол. наук *Г. Ц. Пюрбеев* (г. Москва), д-р ист. наук *В. В. Трепавлов* (г. Москва),
д-р соц. наук *Г. С. Денисова* (г. Ростов-на-Дону), д-р соц. наук *Н. В. Дулина* (г. Волгоград)

д-р ист. наук *Е. Н. Бадмаева*, д-р ист. наук *Э. П. Бакаева*,
д-р филол. наук *Т. Г. Басангова*, канд. филол. наук *Е. В. Бембеев*,
д-р филос. наук *Б. А. Бичеев*, д-р экон. наук *Э. И. Мантаева*,
канд. филол. наук *Д. Н. Музраева*, д-р соц. наук *А. Н. Овишинов*,
канд. филол. наук *Э. У. Омакаева*, канд. пед. наук *Б. К. Салаев* (г. Элиста),
С. В. Мирзаева (отв. секретарь)

Адрес редакции и издателя:
Республика Калмыкия, 358000, г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, 8.
Тел.: (84722) 3-55-06, (84722) 3-55-39; факс: (84722) 2-37-84.
E-mail: vestnik.kigiran@gmail.com
Home page: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

